

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Приокские зори

ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1

2012

ПРИОКСКИЕ ЗОРЬ

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ
РАЗА В ГОД

ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ
В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
2012 — 1(26)

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Движение без цели — путь в никуда..... 3

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Митрополит Тульский и Белевский Алексей (Кутепов). Доверять Богу больше, чем самому себе..... 11

Десять вопросов главному редактору..... 15

Валерий Маслов. Любая нация берет духовные силы из собственной культуры..... 21

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ПРОЗА

Сергей Крестьянкин. Дура..... 27

Ирина Кедрова. Мудрость боярыни Натальи..... 31

Александр Вайнерман. *The Beatles*..... 35

Алексей Яшин. Зеркало на холсте..... 39

Рудольф Артамонов. «Автора». Урок. Благотворительность..... 57

Яков Шафран. Андрей Каретников. Рассказы..... 63

Виктор Щеглов. Сны Альмоша..... 69

Геннадий Маркин. Анальгин..... 83

Федор Ошевнев. В неподходящее время в неподходящем месте..... 85

В МИРЕ ПОЭЗИИ: НА РАЗНЫЕ ГОЛОСА

Игорь Лукьянов. *Personalia*..... 93

Валерий Кулешов. Зов: поэма..... 99

Наталья Квасникова. Неудачная прогулка Пушкина: поэма..... 106

Владимир Сапожников. Аллея..... 112

Татьяна Ермакова. Утки..... 114

Владимир Резцов. Ворчание старого редактора..... 116

Олег Севрюков. Когда душа обнажена..... 117

Ирина Хомякова. Я не прошу тебя присниться..... 120

Сергей Лебедев. Неизвестный солдат: триптих..... 121

Валентина Никитина. Берedit душу взгляд ясноокой..... 125

Виктор Пахомов. Из тульских хроник..... 127

Александр Хадарцев. Артист..... 131

Олег Пантюхин. Замечает февраль все дороги..... 135

НОВЫЕ ИМЕНА В «ПРИОКСКИХ ЗОРЯХ»

Юрий Корнеев. Записки с Корфу..... 136

Олег Троицкий. Вьюга..... 139

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТУЛА МОЛОДАЯ	
Юлия Макеева. Жизнь — это просто боль.....	143
Эдуард Мартышев. Павелиха и Потапыч.....	145
РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ	
Ефим Гаммер. Дом Петра Первого: повесть.....	149
Сергей Гора. Майский вечер.....	172
СОВРЕМЕННЫЕ ПИСАТЕЛИ СИБИРИ	
Сергей Прохоров. Из флотской тетради.....	175
Сергей Лыткин. Ворожея.....	180
Лидия Рождественская. Нет мне ответа.....	185
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЮБИЛЕИ	
«И жить с людьми стремится сердце снова!..» (К 200-летию со дня рождения Евдокии Ростопчиной).....	191
Виктория Ткач. Слово о В. В. Вересаеве.....	199
ПУБЛИЦИСТИКА: ОЧЕРКИ	
Рагим Мусаев. Одноклассники. 1941.....	205
Игорь Нехамес. Вековые капиталы, или секреты семейства Ротшильдов.....	214
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ:	
Людмила Авдеева. Угрюмое имя — Достоевский или загадка одного письма.....	236
Борис Кобринский. Разговор с Достоевским.....	242
Владимир Захаров. «Нас, что ни говори, еще очень мало» (Неизвестное письмо Достоевского).....	246
Алексей Третьяков. Вторичная идея как метод художественного познания.	
Роль бессознательного — «Легенда о Великом инквизиторе» Ф. М. Достоевского.....	252
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ.....	261

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на CD-диске и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусматриваются. По электронной почте материалы не принимаются.

Вниманию читателей: журнал распространяется бесплатно по библиотечной сети.
Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 920; e-mail и телефон главного редактора: priok.zori@mail.ru; (4872)35-06-73

Главный редактор Алексей ЯШИН (Тула), член Правления Академии российской литературы
Первый зам. главного редактора Виктор ПАХОМОВ (Тула)

Редколлегия:

Людмила АВДЕЕВА (Москва)
Вячеслав БОТЬ (Тула)
Тамара БУЛЕВИЧ (Красноярск) — зам. главного редактора по сибирским регионам
Ефим ГАММЕР (Иерусалим, Израиль)
Валерий ГАНИЧЕВ (Москва), председатель Правления Союза писателей России
Сергей ГОРА (Линкольн, США)
Виктор ГРЕКОВ (Белев)
Ирина КЕДРОВА (Москва) — зав. отделом критики
Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
Геннадий МАРКИН (Щекино) — отв. секретарь
Владимир МИРНЕВ (Москва), президент Академии российской литературы
Игорь НЕХАМЕС (Москва)
Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
Наталья ПАРЫГИНА (Тула)
Владимир РЕЗЦОВ (Тула) — зав. отделом поэзии
Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
Валентин СОРОКИН (Москва) — проректор Литинститута им. А. М. Горького по ВЛК
Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
Леонид ХАНБЕКОВ (Москва), вице-президент Академии российской литературы

Зав. редакцией Яков ШАФРАН (Тула)
Секретарь редакции Марина БАЛАНЮК (Тула)
Технический редактор Олеся ЯНГОЛ (Тула)

Информационная поддержка:

— Литературное агентство «Московский Парнас»
— журнал «Подъем» (Воронеж)
— «Литературная газета»
— газета «Российский писатель»
— газета «Щекинский вестник»
— газета «Слобода» (Тула)
— газета «Тулская правда»
— газета «День литературы» (Москва)

Журнал издается попечительством Тульского государственного университета (ректор М. В. Грязев) при организационной поддержке Академии российской литературы и Тульской писательской организации Союза писателей России.

Учредитель: ООО Издательство «Неография».
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ 71-00079 от 05.03.2009
Управления ФС по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций по Тульской области

Полный текст журнала публикуется в электронном виде на сайте Интернета: www.medtsu.tula.ru (в PDF формате)

© «Приокские зори», 2012

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ДВИЖЕНИЕ БЕЗ ЦЕЛИ — ПУТЬ В НИКУДА

В настоящей колонке главного редактора мы обращаемся в определенном смысле к анализу и оценке «Манифеста нового русского критического реализма» («ПЗ», № 1, 2011)^{*} и материалам всероссийской и международной дискуссии по «Манифесту» («ПЗ», № 4, 2011). Как говорится, дело того стоит. Тем более, что и в течение наступившего года журнал продолжает публикацию всех вновь поступающих отзывов, замечаний, рекомендаций и предложений. А как *summa summarum*, планируется опубликование окончательного текста «Манифеста» — с учетом материалов дискуссии.

Опережающе отвечаем на естественно возникающий вопрос: почему мы уделяем такое внимание названному документу? Не срабатывает ли здесь человечески объяснимый принцип: раз это наше, то за него и держимся?

Нет, причина здесь сугубо объективная. И не «наша вина», что мы первые и достаточно настойчиво поставили злободневный вопрос о превалирующем творческом методе в современной русской литературе.

...Не устаем повторять в данном контексте: русской не по национальности автора и описываемой им среды проявления характеров, но по следованию традиций великой русской литературы XIX — начала XX вв. и лучших же сторон советской литературы века минувшего.

Здесь же поясним: русская литература однозначно предполагает, что ее языком художественного воплощения является русский же литературный язык. Но наряду с таковой существует сугубо русскоязычная литература — зарубежная и/или вышедшая из-под пера авторов-россиян, не принадлежащих к титульной национальности. Является ли русскоязычная литература составной частью русской литературы?

На этот сакраментальный вопрос хорошо в свое время ответили своим творчеством малороссиянин Николай Васильевич Гоголь, потомок эфиопа Ганнибала Александр Сергеевич Пушкин, Лермонтов и Бальмонт, чьи предки были выходцами

^{*} Текст проекта «Манифеста» также был опубликован в 2011 году в красноярском журнале «Истоки», альманахе «НЛО» (г. Новомосковск), в ряде других литературных периодических изданий.

из Шотландии, поляк Осип Сенковский и многие, многие другие. Что уж тут говорить об интернациональной русской советской литературе, когда, говоря словами Поэта, «...и ныне дикий тунгус, и друг степей калмык» в лице своих писателей стали составной частью русской литературы. К ним и само определение «русскоязычный» как-то неприменимо...

Вернемся к основной теме, но — опять же с некоторой, но многое поясняющей преамбулой.

Даже в наше вольнолюбивое, невзнузданное время почти каждый самодостаточный человек имеет определенную профессию: от первой и второй древнейших до проектирования и обслуживания высоких технологий (Извиняемся за вольность «штиля», но такова сегодняшняя реальность.) И всякий профессионал в чужой монастырь со своими мнениями и поучениями не лезет.

И только в трех отраслях человеческой деятельности всякий, имеющий хотя бы неполное среднее образование, полагает себя всеобъемлющим знатоком. Это практическая медицина, педагогика и экономика. Но поскольку, исключая практическую же бухгалтерию и счетоводство, экономика, как нечто абсолютно автономное, есть абсурдное понятие, а отраслю науки и практического приложения становится только в тесном переплетении с политикой, то речь идет именно о политэкономии. Вот в ней-то каждый «с семилеткой» и полагает себя знатоком.

И даже такой знаток интуитивно понимает: всякое политэкономическое движение имеет определенную для него цель. И поэтому все внушаемые ему «от СМИ» рассуждения, что рыночная экономика «сама себя вывезет», а государство всего лишь «ночной сторож» такой спасительной рыночной экономики,— представляются вовсе не знающему азов «макроэкономики», но здраво мыслящему «от сохи» обывателю промыванием мозгов.

...Понятно, что наши выдающиеся экономисты (можно в кавычках, а можно и без них), наставляющие эти самые СМИ, все прекрасно знают. Знают, что сама по себе чисто рыночная экономика — бред сумасшедшего, что в традиционных капитранах рынок лишь выравнивает колебания не предельно жесткой плановой экономики, что была характерна для СССР, которой потому рынок вовсе и не требовался.

Все они, выдающиеся, прекрасно знают, но — выполняют социальный заказ за хорошую плату... А теперь к нашей теме.

Литература, литературный процесс в особенности, не относятся к области всезнания. Но все одно, даже сугубо практичный в жизни человек, полагающий вполне искренне чтение книг баловством, дескать, «нам это ни к чему» (из «Тихого Дона»), не отрицает наличие у литературы своей цели.

Итак, литературный процесс — движение, имеющее свою

цель. Антитезой здесь является утверждение: движение — все, цель — ничто. Обычно в социально-политической сфере это утверждение приписывают Троцкому, но на самом деле эта формула задолго до него использовалась в классической немецкой философии. Но она же действительно являлась (и сейчас является!) девизом троцкизма, активно действующего и поныне. Сам же Лев Давидович, как опытный оратор, переиначивал ее на народный язык: «главное ввязаться в драку, а там видно будет» или «ни мира, ни войны, а армию распустить». И так далее.

...Но, отвергая движение без цели, как путь в никуда, мы должны определить механизм такого движения с целеполаганием. Проще говоря, должны иметь теорию, теоретическое обоснование такого движения. Опять же пример из политэкономии. Полную, всеобъемлющую теорию политэкономию капитализма создал Карл Маркс. Она и сейчас руководит мировым капитализмом-империализмом.

Но политэкономия социализма Маркс не успел, или не мог, не наблюдая практики этой формации, создать.— Только дал ее абрис, которого СССР хватало только на первых порах построения социально ориентированного государства. Уже в первые послевоенные годы стало ясно: отсутствие тщательно разработанной концепции политэкономию социализма стало определенным тормозом. Даже не определенным, а очень существенным. Потому лейтмотивом знаменитой дискуссии начала 50-х годов по проекту учебника политэкономию социализма стали слова Сталина: «Без теории нам никак нельзя».

Увы, по известным причинам эта задача осталась нерешенной. Нет сомнения в том, что отсутствие политэкономии социализма, как руководящей теории, вкупе с явно «подброшенной» в начале 70-х годов концепцией хозрасчета, внесло существенный вклад в проигрыш нашей страной Третьей мировой («холодной») войны, что было «последним и решительным боем» традиционной капиталистической формации перед ее заменой формацией глобализма. Дальше нам пока знать не дано.

...Так и в части литературного процесса, но заранее оговоримся: не замахиваясь на мировой ареал, ограничиваемся отечественной литературой.

В тексте проекта «Манифеста», достаточно подробно разъясняется предтеча формирования в конце XVIII — первой половине XIX вв. теории и — главное — практики русского критического реализма. В части оформления его теории, концептуальных положений, в первую очередь следует называть имена Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева (при всей его категоричности суждений) и многих других классиков русской публицистики и критики.

Но здание теории критического реализма строилось не

только «со стороны» демократов-шестидесятников XIX века. Значительный вклад здесь внес Аполлон Григорьев. Обычно в отечественном литературоведении созданную Аполлоном Александровичем теорию «органической критики» именуют эклектической, противопоставляя ее взглядам на теорию искусства революционных писателей-демократов. Однако же именно славянофил Григорьев во главу угла поставил реализм и дал четкое философское обоснование как концепции критического реализма, так и литературной критики — необходимого звена между теорией и практикой литературного творчества.

Таким образом, созданная на протяжении названного выше времени теория русского критического реализма во многом содействовала созданию феномена русской литературы XIX века. И в целом эта концепция исправно «работала» до окончания первой четверти XX века.

Однако уже в начале этой четверти отдельные положения теории критического реализма становятся если не артефактом, то тормозом для дальнейшего движения русского литературного процесса. Это проявилось двояко. С одной стороны, стала малоразмерной гоголевская «шинель» для таких писателей, как Горький, Леонид Андреев, Михаил Арцыбашев, Дмитрий Мережковский, Маяковский. Отрекся от всего им созданного Лев Толстой. Новое видение мира вещей, чувств и отношений явно сквозило в стихах блестящей плеяды поэтов «Серебряного века»...

С другой стороны, это прямой, часто неразумный, сиюминутный, но — все же протест против канонов критического реализма, выразившийся во взрыве различных «измов» в революционное межсезонье 1905—1917 годов.

Казалось, дни классического русского критического реализма на исходе. Поддержка пришла с совершенно неожиданной стороны — от быстро формирующейся советской русской литературы. Преодолев «чистку» комиссией Луначарского—Крупской и пролеткультовскую бесовщину, советская литература продлила почти до окончания XX века творческую деятельность традиционного русского критического реализма, лишь несколько переориентировав оси противостояния «добро — зло». Как и говорится в «Манифесте», соцреализм продолжил традиции XIX века в своих лучших образцах.

Было ли это продление искусственным, то есть театрализованным переодеванием между актами исторической пьесы из фрака писателя-дворянина и сюртука ревдемократа в телогрейку рабочего сталинских пятилеток, в шинель Гражданской и Отечественной войн, в непритязательную обыденную одежду физиков-лириков и писателей-шестидесятников (уже XX-го века)?

Нет, конечно. Ибо соцреализм по сравнению с традиционным критическим реализмом XIX — начала XX вв. получил не

только приставку-корень «соц», но и — впервые — четкую цель. В отличие от туманного «второго сна Веры Павловны», эта цель — участие литературы в построении социально ориентированного государства — стала сильнейшей апологией всего движения литературного процесса... и апологией обновленного русского критического реализма.

При этом, если в художественном содержании русской советской литературы 20 — начала 50-х гг. еще что-то намекало на применимость известного девиза «цель оправдывает средства» (Игнатий Лойола, первый генерал Ордена иезуитов), то в литературном процессе 60—80-х гг. самополагание цели уже обходилось без «кнута и пряника».

Как и во многих многофакторных, стохастических процессах, в литературном также вопрос о статусе поставленной цели при движении к ней ставится не как неперенное ее достижение, а как бесконечное приближение. В точных науках это называется аттрактором. Более того, ставить вопрос о неперенном достижении цели — это равнозначно доведению до абсолютного совершенства некоторой идеи. А из философии Гегеля хорошо помним, что всякая идея, доведенная до совершенства, есть абсурд.

...Это мы все к тому говорим, чтобы избежать возможных возражений: дескать, цель в методе соцреализма была сомнительной, явно недостижимой, да к тому же с разрушением (не развалом!) СССР и вовсе превратилась в ничто — в зеро, абсолютный нуль. И так далее, в том же духе.

Что здесь можно сказать? — А повторить написанное выше: нам не дано знать все последующие ходы всемирной истории. Даже самые «крутые лбы», большеголовые по-западному, еще тридцать-сорок лет (а это для всемирной истории лишь краткий миг!) тому назад не могли предположить достоверно, что эта самая история выкинет такой фортель: социализм, как опередивший ход истории, упразднит, изживший себя капитализм утопит в мировых спекулятивных кризисах, а на их основах через жесткий глобализм начнет строить мировое, скорее всего социально ориентированное, государство.

...Как раз адекватная цель у соцреализма имелаась, и это целеполагание делало движение русского советского литературного процесса осмысленным, а значит творчески насыщенным и прогрессивным.

А вот нам довелось справлять тризну по классическому русскому — и советскому — критическому реализму. Впервые за более чем 200-летнюю историю русской классической литературы она вроде как осталась без видимой цели, даже без туманных снов Веры Павловны... Само появление «Манифеста» — это осознание весьма тревожного факта, а именно

* Иногда эти слова приписывают флорентийскому Николо Макиавелли, автору «Государя». Но это не соответствует истине.

того, что в последнюю четверть века движение русского литературного процесса если не застопорилось, то во всяком случае заплуталось. Какое же может быть целеполагание без цели? — Так и видится борода на ухмыляющемся лице Льва Давидовича...

Самое существенное, а может и знаковое, многозначительное — это полное отсутствие за этот же период даже робких попыток сформулировать новые цели движения русской литературы. Исключая выдвинутый в начале девяностых годов в восторге лихого первоначального накопления девиз полной и безоговорочной коммерциализации литературы. Но это для утешения дебилов, с одной стороны, и для допайки запиаренных сочинителей, с другой.

...Вот смотрит невзыскательный читатель из тех, кто еще не отдал себя полностью торговле бананами, на пестроцветье магазинных книжных полок и невольно представляется ему такая махновщина. Редкими переизданиями осторожно идут живые классики — шестидесятники. Слева от них, размахивая красными флагами, нервической молодой рысью движутся новые писатели — комсомольцы. Справа же, как им и положено, белогвардейским маршем движутся одетые в потешные мундиры городских казаков писатели-монархисты. Фанаты забегают то вперед, то взад. Внушительная группа литераторов, от греха подальше переключившихся на древнюю историю, полукаре замыкают общее шествие. Но всех их время от времени лихо обгоняют на «мерсах» удачливые пиарщики и глянцевого поденщики. На руководящих и гостевых трибунах этого суматошного Гуляй-поля их сретают священнослужители всех канонических религий и даже шаманы с Чукотки и восяси из-под Ижевска, оценивающе смотрят политтехнологи СМИ и партайвожди всех оттенков и цветов радуги на их стягах. Много и другого народу, не выпячиваясь, толпится на приветственных трибунах.

Абсурдно? — Но ведь движение без цели — это путь в никуда, что и есть абсурд по определению. Итог такого движения без цели, или с мельтешением мерцающих целей-фонариков,— уподобление библейским гадаринским свиньям...

Собственно говоря, «Манифест» в основном и посвящен, исключая его обширную историко-литературную преамбулу, пробному нащупыванию той цели, которая только и может придать новый импульс литературному процессу в рамках нового русского критического реализма. А тот факт, что современная отечественная словесность и русская литература в среднесрочной перспективе опять же по определению может сохранить свою самобытность и востребованность только в рамках метода критического реализма, настолько самоочевидны (см. «Манифест»), что не требует сколь-либо подробного

* Языческий жрец, то есть тот же шаман, у удмуртов.

растолковывания... или разжевывания для «особо одаренных».

Признаемся: в проекте «Манифеста» в разделе, касающемся определения цели движения современной русской литературы, само определение цели оказалось затенено терминологией, имеющей общесистемный эволюционный смысл: ноосфера, биосфера, человек ноосферный и пр. А из материалов дискуссии по проекту «Манифеста» — см. ссылку выше — выяснилось: последняя четверть века, учитывая полный развал науки и образования в России, в числе многих прочих свела к нулю и такой отечественный приоритет, как феномен века минувшего — великое учение В. И. Вернадского об изменении биогеохимической оболочки Земли и переходу биосферы в качество ноосферы, то есть сферы (оболочки) разума. А на Западе и вовсе прохладно относились к этой теории: ведь это не практика, не доллары-фунты-евро! Вот так наша планета и перешла на рубеже веков и тысячелетий в новое, ноосферное качество уже на практике, но при почти полном забвении теории.* Поэтому дадим ниже расширенное определение цели движения современного русского литературного процесса в рамках метода критического реализма, используя каноническую терминологию.

Целью (далее опускаем родительную поясняющую часть; см. окончание предыдущего абзаца) является продолжение и дальнейшее развитие, в определенном смысле совершенствование, традиций русского, в том числе советского, критического реализма в реальных условиях социальной, политической, экономической и морально-этической специфики глобализма, как принципиально новой общественно-экономической формации, активно и динамично приходящей на смену прежнему двухполярному миру — сочетанию исторически исчерпавшему себя капитализму и опередившему свое время (метод пробных ходов общесистемной эволюции) социализму с «демпфирующим» третьим миром.

Названная цель реализуется решением комплекса взаимосвязанных задач. Более или менее адекватная формулировка этих задач возможна лишь на среднесрочный период — ориентировочно до середины сороковых годов нашего века. Учитывая реально наблюдаемое экспоненциальное ускорение исторического времени, период этот может быть снижен до срока конца тридцатых годов века. Для следующего временного периода требуется корректировка как цели, так и реализующих ее задач. Задачи на ближний среднесрочный период имеют как

** Теория В. И. Вернадского изложена в многих изданиях его работ; см., например, книгу: Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера.— М.: Айрис-пресс, 2004.— 576 с. (Серия «Библиотека истории и культуры»). С учетом современного уровня знания концептуальная теория ноосферы изложена в 9-томной монографии А. А. Яшина «Живая материя и феноменология ноосферы» (М.: Изд-во ЛКИ/URSS, 2007—2011). См. информацию на сайте изд-ва: <http://URSS.ru>.

общемировую, так и национальную, российскую специфики.

Для отечественной литературы — с учетом обеих специфик — эти задачи можно сформулировать следующими.

«Сатана там правит бал, люди гибнут за металл». Пусть, уважаемый читатель, эти слова прозвучат в вашей музыкальной памяти в арии Мефистофеля из «Фауста» Шарля Гуно. Это, как говорят современные музыковеды, гимн грядущему апокалипсису.

Отсюда и первая задача, даже — сверхзадача современного русского писателя-реалиста: протест против безудержной жадности накопительства и потребительства современного человека. Заметим, что это суть биологический атавизм для современного человека, но атавизм, вознесенный на «горный престол» духа и живота европейским протестантизмом Лютера, но более всего Кальвина. Настолько высоко вознесенным, что за всю новую и новейшую историю, включая нашу современность, реалистическая литература Запада, особенно США, даже в лучших своих образцах воспринимала это как должное. По сути же — антихристианское; вспомните притчу о верблюде и игольном ушке...

Русской литературе здесь почти что повезло. Во-первых, в русском каноническом православии не было никогда протестантизма. Раскол Никона — именно он де-юре был «раскольниковом», а не протопоп Аввакум с боярыней Морозовой — был всего лишь сузубой государственно-политической акцией, равно как и нежизнеспособные движения обновленцев и живоглазцев 20-х годов прошлого века на заре Советской власти. Это очень серьезный момент, ибо не были за всю тысячелетнюю историю страны нарушены каноны христианства — религии духа и презрения к мамоне.

Во-вторых, едва начавшаяся в России капитализация была резко остановлена Великой Октябрьской социалистической революцией — не «переворотом», как сейчас внушают слабоумные наши СМИ... То есть и с этой стороны на литературный процесс, как и в XIX, так и особенно в XX веках, не имелось давления частнособственнической морали и этики.

Наконец, наблюдаемое нами в России 1990—2000-х гг. взрывообразное возрождение и нагнетание этого биологического атавизма суть процесс искусственный, начатый и всемерно поощряемый госвластью. Но порожденное им, процессом, еще невиданное в мире классовое, имущественное (о духе и интеллекте здесь и речи идти не может) расслоение дает реалистическому литературному процессу огромные возможности для решения поставленной выше задачи. Учитывая, что сейчас основная «читательская нагрузка» оказалась на головах среднестарших поколений, которые суть наиболее образованы, являются средоточием интеллекта страны, сохраняя лучшие национальные черты и интуитивно будучи приверженцами этики и морали социально ориентированного характера.

Проще говоря: наследниками духа своих ближних и дальних пращуров.

*...Сатана тоже правит свой бал в части обездуховленности современного человека. Поэтому вторая по важности задача — противодействие этому опустошительному процессу, который в новейшей социологии называется расчеловечением. Словно эволюция *homo sapiens* пошла вспять.— Как на той известной карикатуре, где обезьяна постепенно распрямляется, превращаясь в человека, а далее уже человек, постепенно нагибаясь, вновь обретает черты нашего славного палеопредка... Здесь мы отсылаем нашего читателя к соответствующему разделу проекта «Манифеста», хотя наиболее зримые черты такого расчеловеченья у всех перед глазами; ушами тоже.*

...Не станем детализировать эти две главнейшие задачи и вытекающие из них. Это тема дальнейшего, более конкретного рассмотрения — в том числе и по преимуществу на страницах нашего журнала. Заметим только, что плодотворное движение современного русского литературного процесса к означенной цели есть занятие архитрудное, со многими препятствиями, долговременное. Но — это ведь составная часть движения самой истории. И как бы она ни ускорялась в соответствии с действенностью общественных законов эволюции человека, но все, как говорится, время покажет. Двигаться же без цели — прямоком шагать в никуда.

...Планируя продолжение начатой темы, в следующем номере «Приокских зорь», возможно в «Колонке главного редактора», обсудим злободневный вопрос о соотношении «бумажной» и «компьютерной» литературы.

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

**Митрополит Тульский и Белевский
Алексий (Кутепов)**
(г. Тула)

**ДОВЕРЯТЬ БОГУ БОЛЬШЕ,
ЧЕМ САМОМУ СЕБЕ**

Родился 10 мая 1953 г. в Москве в семье рабочего. В 1970 г. окончил среднюю школу и поступил на химический факультет Государственного института. В 1972 г. поступил в Московскую Духовную семинарию, которую окончил в 1975 г. В том же году рукоположен во дьякона и позже — во пресвитера. Назначен настоятелем Знаменского кафедрального собора в Иркутске. 7 сентября 1975 г. епископом Иркутским и Читинским СЕРАПИОНОМ (позже — митрополит Тульский и Белевский) пострижен в монашество с наречением имени Алексия в честь святителя Московского Алексия. На следующий день возведен в сан игумена, чуть позже — в сан архимандрита.

В 1979 г. окончил Московскую Духовную академию и удостоен степени кандидата богословия за труд «Святоотеческое учение о Божией Матери».

В мае 1980 г. назначен настоятелем Успенского кафедрального собора во Владимире. Указом Святейшего Патриарха ПИМЕНА от 27 марта 1984 г. назначен наместником Свято-Троице-Сергиевой Лавры. 30 ноября 1988 г. состоялось наречение его епископом Зарайским, викарием Московской епархии. 1 января 1989 г. возведен в сан архиепископа. В 1990 г. назначен архиепископом Алма-Атинским и Казахстанским.

6 октября 2002 г. назначен архиепископом Тульским и Белевским. В 2010 г. возведен в сан митрополита.

— Владыка, почему, на Ваш взгляд, именно в России поэт и писатель всегда больше, чем поэт?

— Да, вопрос, конечно, очень серьезный. Я бы ответил так. Потому что Россия имеет особый народный слух, способный слышать голос Божий. Поиск совестливый, нравственный, поиск человеческого духа для народов России — это не что-то приглушенное, это всегда очень обостренный нерв. Это всегда очень живой поиск, который вовлекает в процесс все стороны человеческого духа, раскрывающиеся в этом поиске. Наше проявление этого внутреннего отклика на Божий голос может в какой-то степени быть неадекватным из-за толщи пыли, оседаемой на нас от внешних впечатлений, но не чувствовать этот глас Божий никак невозможно. Из летописи своего Отечества мы знаем, что именно из-за этой толщи внешнего, тленного в разное историческое время народ не способен услышать голос Божий напрямую. Голос жизни

Церкви — он, как громкий колокол, может оглушить... А опосредствованный голос, такой, как, скажем, голос писателя, воспринимается проще. Подлинный писатель творит всегда энергиями Святого Духа, он пишет то, что ему открывается. Он даже, может быть, до конца и сам порой в своем творческом процессе не может понять всей глубины того, что он созидает своим словом. Но читатели воспринимают его мысли и за ними слышат те мысли, которые автору, вероятно, и в голову не приходили. Но Богу угодно бывает, чтобы писатель зажег свою свечу, а читатель, восприняв ее горение, зажигает уже собственную. Происходит как бы некая адаптация самой Божественной силы через внутренний опыт человека, который понимает, что пишет не своими только силами и свидетельствует об этом читателям. Божия воля, Божие слово становятся как-то более доступны, воспринимаются как опыт человека, который в своей жизни и в своем творчестве высшую волю испытал и знает, что она блага. Я бы сказал, именно поэтому в России литературное творчество всегда не просто проявление творческого начала в человеке, а оно — именно свидетельство, несущее на себе нетварный, Божественный замысел.

— Скажите, пожалуйста, Владыка, почему, на Ваш взгляд, человек, который с удовольствием и легко читает Пушкина и Достоевского, с таким трудом порой читает творения Василия Великого или Иоанна Златоуста?

— Видите, все зависит от того, в каком состоянии находится наш дух — если он непосредственно ищет, и водим благодатию Господнею, он тогда пребывает в естественном состоянии. Тогда он просвещает и все остальные стороны человеческой жизни, нашего естества — и душевные, и телесные. Если он не просвещается Божественной благодатью, если она отступает в силу того, что внутренне человек не хочет ее знать, сознательно от нее отказывается, то такой дух не крепок, он обязательно начинает попадать под власть, под зависимость остальных сторон человеческой жизни. Есть человек духовный, есть человек душевный, есть человек плотской. А есть человек, в котором чуть-чуть того, чуть-чуть сего, чуть-чуть вот этого. Творения святых — чтение для тех, кто ищет духовного, а не душевного, тем более не плотского. Чтобы научиться их читать, требуется повседневная зарядка, постоянные упражнения. Ведь о теле мы заботимся, делаем его крепче, занимаясь физкультурой и следя за тем, какую пищу поглощаем. Так же и в чтении: чтобы укрепить внутреннюю культуру чтения, чтобы укрепить дух, нужны духовные упражнения — молитва, в первую очередь, и чтение произведений, которые питают дух.

— Скажите, пожалуйста, как отличить произведение духовное от произведения, которое пишет о духовном, с частым упоминанием Имени Божия, привлечением образов лампад, свечей...

— Я думаю, что здесь мы с вами встаем на чисто логический, интеллектуальный подход. А как раз он тут и не нужен, он тут и невозможен. Это все познается изнутри, это познается тем, что в нас вложено Богом, и что сегодня мы называем интуицией. Это процесс особенный, и у каждого своя мера развития интуиции, восприятия. И здесь нужен, как мы уже говорили, опыт — «с кем поведешься, от того и наберешься». «С преподобным преподобен будешь, со избранным избран будешь, а со строптивым развратишься». Чтение формирует наш внутренний мир — а это может быть и чтение святых отцов, и классической литературы, и какого-то нашего сегодняшнего ширпотребного разврата. Чтение или ранит, или, наоборот, оздоравливает нашу интуицию и, потом уже, по принципу «свой свояка видит издалика», каждый тянется к той или другой книге. Как отличить подлинно духовное от того, что «о духовном»... Духовное познается духовным. Если эта сторона человеческого существа развита и воспитана, читатель без труда определит духовное это чтение или нет. Порой писатель даже имя Бога не поминает в своем стихотворении, но нам понятно, что это подлинно духовное произведение. Чтобы научиться отличать одно от другого,

нужно с благодарностью воспринять и пользоваться свободой, которая дана нам Богом. Мы же ведь несем в себе образ Божий. Хотя у нас и не абсолютная свобода, как у Бога, но каждый из нас самостоятелен в том смысле, что начало наших действий положено внутри нашего духа. Господь показывает, раскрывает, приглашает, но выбираем и действуем мы сами.

— Как Вы полагаете, какая литература — и русская, и зарубежная — может сформировать хороший литературный вкус?

— Мир литературного творчества — это огромный океан. И, конечно, если поставить перед собой задачу поглотить его весь, то абсурдность этой цели будет очевидна сразу же. Перейдем на уровень наших телесных потребностей: надо каждый день потреблять жидкость — и не по одному стакану воды, правда? Вот поставлю перед собой задачу: покуда живу — «лет из семьдесят, еще в силах — восемьдесят», как сказано в Священном Писании — за это время так, по стаканчику, я целый океан и выпью. Не получится! И литературный океан принять в себя невозможно. Кроме того, как в мировом океане есть участки страшного загрязнения воды, так и в океане книжном есть огромные объемы искаженной мысли и чувства. Нужно сразу ориентировать себя на духовно и душевно качественную литературу. Вряд ли возможно логическое развитие цепочки: сначала — какие-то песенки, потом — какие-то при сказки, потом — сказка, потом — какой-то там рассказик, потом — какой-то развлекательный романчик, потом уже серьезный роман, потом — философская книга или психологическая. Если уж начинаем с песен, то это должны быть содержательные и в текстовом, и в музыкальном отношении произведения. Слушание таких песен тогда побудят читать не «рассказик», а хороший добротный рассказ — с психологически развитым сюжетом (не обязательно внешне развитым, но обязательно — внутренне развитым) и точным, богатым языком. И так далее. Многократно мы повторяем сегодня слова «труд» и «опытное познание». Вырабатывать вкус к хорошей литературе — подлинный труд.

Надо как-то уметь выбирать, и думается, то, что было выработано за два предшествующих столетия в российском литературном мире, за 19 и 20 века, это то, на что следует ориентироваться. В терминах педагогики, у писателей этих веков был правильный методический подход, не говоря уже о содержательной стороне их произведений.

— Можете ли Вы назвать книги, которые в свое время Вас поразили, произвели переворот в Вашей душе?

— В свое время — «Овод» Войнич. Сильное впечатление на меня, мальчика, эта книга произвела, я читал ее совершенно запоем.

В романтической юности я не прошел мимо Жорж Санд. Но убедился: ее книги очень развивают чувственные, душевные силы, фантазии. Это очень опасно.

Очень хорошо воспринял Ивана Сергеевича Тургенева с его «Дворянским гнездом». Еще лучше — Гончарова Ивана Александровича: все высказывается у него более сдержанно, но очень серьезно прописываются грани между плотским, душевным и духовным, как это в нас в каждом проявляется. В одном из его произведений главный герой фантазирует много, а мимо живого человека, как мимо букашки, может пройти. Это зарисовка и наших дней тоже.

А что касается Достоевского — для восприятия его творчества нужна какая-то платформа, выстраданные моменты своей жизни, для этого надо созреть. Труден он со своей глубиной, не всякому хочется в нее погружаться. Когда писатель становится понятным изнутри, тогда уже можно за ним идти...

— Владыка, скажите, пожалуйста, сколько времени у Вас в день уходит на чтение?

— Сейчас — катастрофически мало. Но есть возможность слушать. Сегодня великопленные возможности дает аудиокнига, с прекрасным исполнением.

— Чем, на Ваш взгляд, православный писатель отличается от неправославного?

— Прежде всего, конечно,— пониманием смысла жизни. Ведь чем отличается один человек от другого? Именно внутренним ответом на вопросы бытия, пониманием смысла жизни. В зависимости от этого все остальное в нем и выстраивается. Православный человек живет тем, чтобы богатеть в Бога. Чтобы дать возможность просветиться свету в каждом человеке, чтобы, видя ваши добрые дела, не вас прославляли, а Отца вашего Небесного.

Если человек ревностно составляет полное собрание своих сочинений, чтобы занять определенное место в каком-то списке писательских заслуг, то этот человек живет только собой, себя прославляет... Православный писатель не так живет. Он стремится, к тому, чтобы, видя его добрые дела, читая его книги, прославляли Отца вашего Небесного. Если это стремление есть — то труд писателя осолоен совершенно правильной солью, которая позволит его произведениям иметь и яркий вкус, и сохраниться на долгие годы...

— Владыка, и последний вопрос — сейчас читатель дочитывает интервью с Вами и ждет, что Вы ему скажете: срочно, немедленно открой вот такую-то книгу и прочитай ее. Какую именно книгу?

— Что хорошо было бы открыть, и не только открыть, а никогда не расставаться с этой книгой? Прежде всего, это беседа преподобного Серафима с Мотовиловым. И «Старец Силуан» отца Сафрония Сахарова.

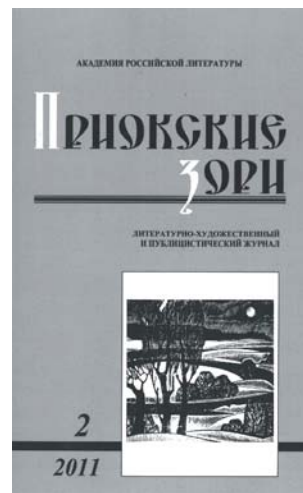
Сейчас столько всего, что даже в одной только духовной литературе можно утонуть. Потому что она не писалась по какому-то плану, спущенному откуда-то «сверху». Всякая книга — это всегда ответ на какой-то конкретный, реальный факт жизни. За каждой книгой — человек с его проблемами, конкретная жизненная ситуация, будь то жизнь семейного человека, монашествующего, в общежитии живущего, или отшельника. Это все — абсолютно разные уровни жизни, разная глубина, и здесь, конечно, тоже можно утонуть, и нужна правильная методика. А вот в беседе преподобного Серафима с Мотовиловым никогда не утонешь, это настолько мудрое, нежное и совершенно жизнеутверждающее чтение. Вот читайте сколько хотите — и никогда не устанете.

Совершенно идеальный, я считаю, подарок Бога для людей российских, и вообще — для людей всех — это, конечно, «Капитанская дочка» А. С. Пушкина. Вот я сейчас вспомнил — это были слезы такой радости, такой кислород вечности, когда я это читал, и хорошо, что это изучалось в школе — тогда нам это обязательно надо было прочитать, Это просто Божественное откровение. В этой повести все освящено доверием Богу больше, чем самому себе. Пушкин пишет о том, что в повседневной жизни, как в мясорубке, провертываются все человеческие судьбы. Но если есть доверие Богу больше, чем самому себе, то такие чудеса совершаются!

Беседовала Марина Михалева

ДЕСЯТЬ ВОПРОСОВ ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ

Корреспондент тульского радио Виктор Щеглов взял интервью у главного редактора нашего журнала.

В. Щ. Сегодня в нашей традиционной (утренней?) рубрике мы встречаемся с человеком, хорошо известном в научных, университетских и литературных кругах, но имя которого практически не на слуху у так именуемой «широкой общественности». Сам наш сегодняшний гость объясняет это просто: «Я человек не публичный, а труженик тихого кабинета, биофизической лаборатории, куда «посторонним вход строго запрещен», и вечернего домашнего письменного стола». Согласитесь, в наше время всеобщего пиара такая жизненная позиция и позволяет нам, средствам массовой информации, порой открывать для широкой публики наличие среди нас в высшей степени неординарных людей...

Итак, сегодня мы беседуем у микрофона с Алексеем Афанасьевичем Яшиным, воспитанником, как он любит говорить, Краснознаменного Северного флота. Хотя бы из своих шестидесяти лет больше половины он живет в Туле.

Его бытие, или статус кво, как визитная карточка с текстовкой на обеих сторонах. Смотрим на одну сторону и испытываем легкую оторопь. Есть от чего: ученый-биофизик с мировой известностью, создатель и руководитель известной далеко за пределами России Научной школы с интригующим названием «Биофизика полей и излучений и биоинформатика», в рамках работы которой им подготовлено 10 докторов и 20 кандидатов технических, физико-математических, биологических и медицинских наук. Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный радист России, доктор технических наук и доктор биологических наук — в таком сочетании ученых степеней Алексей Афанасьевич единственный в мире... Имеет два ученых звания профессора, академик десятка российских, иностранных и международных академий, Почетный член Международного биографического центра в английском Кембридже. Награжден академическими медалями имени Альфреда Нобеля, Вернадского, Вавилова, Павлова, Боткина, Сеченова... Какие имена! И какие труды и открытия профессора и академика Яшина стоят за ними? Недаром научная биография моего собеседника опубликована в двух десятках солидных энциклопедий России, США, Англии, Испании, Швейцарии и других стран.

...Впрочем, научная деятельность Алексея Афанасьевича — это тема возможной отдельной, даже не одной, беседы с ним на нашем радио. Ближе к теме сегодняшней беседы — вторая сторона условной «визитной карточки» нашего гостя. Она не менее впечатляюща: член Союза писателей СССР и России, вице-президент и член Правления Академии российской литературы, лауреат всероссийских и международных ли-

тературных премий имени Толстого, Чехова, Грибоедова, Маяковского, Александра Фадеева, Валентина Пикуля, «Московского Парнаса». Академик Петровской академии наук и искусств. Награжден рядом литературных медалей и высшим писательским орденом «Владимир Маяковский». И — главный редактор, основатель всероссийского «толстого» литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори» — тема нашей сегодняшней беседы. Начнем с вводных вопросов.

Алексей Афанасьевич, Вы активно служите двум музам: науки и литературы. Соответствует ли это Вашим базовым образованиям и Вашим предыдущим и нынешнему месту работы?

А. Я. Вы, Виктор Васильевич, прекрасно помните, что в советское время человек получал столько высших образований — разумеется, бесплатно, — сколько ему требовалось. Не столько для самоутверждения, сколько для реализации сложившейся у него установки основного занятия в жизни. А таковым занятием являлся труд. И чем этот труд планировался более творческим, тем большие базовые познания человеку требовались.

После окончания средней школы в мурманском Заполярье и переезда семьи в Тулу я учился в Тульском политехническом институте, ныне ТулГУ, который и окончил по радиоинженерной специальности. Спустя три года, работая инженером-исследователем, решил повысить свою математическую квалификацию, поступил на заочное отделение математико-механического факультета Ленинградского университета. Затем посетила литературная муза — снова заочная учеба и окончание в 1981 году Литературного института им. А. М. Горького Союза писателей СССР. Учился на отделении художественной прозы в семинаре патриарха советской литературы Бориса Михайловича Зубавина. Кстати, первого главного редактора «Нашего современника».

Вот такой оказалась моя базово-образовательная установка. Ни одно из этих образований не оказалось ненужным. Совсем наоборот. Литературный институт дал «путевку в жизнь» как писателю-прозаику. А радиотехника и математика — это две ипостаси моей научной жизни по сию пору.

Двадцать лет, до начала 90-х годов трудился по радиотехнической и радиофизической специализации в конструкторских бюро оборонного профиля. Затем почти полтора десятка лет являлся первым заместителем — заместителем по науке Государственного НИИ новых медицинских технологий. После его ликвидации — причина стандартная: отсутствие любого финансирования — профессор, зам. зав. кафедрой теоретической медицины Медицинского института Тульского госуниверситета.

Ничего удивительного в переходе от оборонной техники к медицине нет: в первом случае занимался радиофизикой, во втором — биофизикой. Там — железо, здесь — живые организмы. Но у радиофизики и биофизики научная основа одна и та же: радиотехника, физика и математика.

В. Щ. Как Вам удастся сочетать науку и литературу, не мешает ли одно другому?

А. Я. Есть такое понятие в биологии и нормальной физиологии: амбидекстр. Это человек, у которого игрой природы в одинаковой степени и достаточно хорошо развиты оба полушария головного мозга: левое, «отвечающее» за логику мышления, то есть за научный потенциал, и правое, что «отвечает» за всевозможные художественные творчества. У подавляющей же массы людей от природы имеется асимметрия в развитии полушарий. Но и амбидекстры не такая уж редкость в среде личностей, но преимущественно творческих личностей.

Здесь же ответ на вопрос: «Не мешает ли здесь одно другому?» — Нет, не только не мешает, но одно другое подпитывает. Как это ни странно на первый взгляд.

В. Щ. Теперь многое разъяснилось. А теперь перейдем собственно к журналу «Приокские зори» — уникальному явлению: ведь в истории Тулы и Тульского края,

считая и предыдущие два века русской литературы, это первый полноформатный, «толстый», как принято говорить в писательских кругах, строго регулярно выходящий литературно-художественный и публицистический журнал. Правда, в начале 90-х годов уже прошлого года непродолжительное время издавался журнал «Ясная Поляна» так называемого «комсомольского формата»... Как, когда и почему возникла мысль издавать в Туле «Приокские зори»? И почему журнал получил такое название?

А. Я. Начну со второго вопроса. На него легче ответить. Мы, в Тульской области, живем именно «при Оке», ибо граница области на западе и на севере проходит именно по Оке. Также «при Оке» и все соседние области — ареал интересов журнала. Отсюда и название журнала. Зори же — принятый символ вечного возрождения русской литературы. Кстати, имевший место быть на рубеже 50—60-х годов с центром в Туле совнархоз также назывался Приокским...

А мысль, то есть идея создания журнала? — Еще античные философы определяли идею как нечто, имеющее предопределение сбыться. Значит и Туле нужен был журнал. Мысль же сформулировалась во время прогулки по парку с Николаем Николаевичем Минаковым, человеком хорошо известным в городе, главным редактором «Тульского литератора», нашей минилитературки. Он — воистину литературный просветитель Тулы. И вы, работники радио, должны хорошо его помнить по прежним временам, когда Николай Николаевич заведовал в обкоме КПСС сектором печати, радио и телевидения. Добрая его слава идет еще с тех времен.

В. Щ. Каков статус журнала, какова программная цель его издания?

А. Я. Журнал начался в 2005-м году как областной. Скоро его статус вырос до межрегионального, а потом до всероссийского. С прошлого года, с введением постоянной рубрики «Русское литературное Зарубежье», мы вплотную приблизились к международному статусу.

Программная цель издания: высокопрофессиональный, но не элитный, литературный журнал, продолжающий лучшие традиции русской и советской литературной периодики, прежде всего «Современника» А. С. Пушкина, возрожденного Н. А. Некрасовым того же «Современника», но главное — некрасовских «Отечественных записок». «Приокские зори» — журнал, открытый для всех писателей и литераторов, независимо от наличия или отсутствия «литературных имен». Главное мерило для публикаций — наличие способностей и таланта. Это журнал русской литературы, патриотический (но не квасной!), интернациональный в прежнем, советском понимании этого определения.

Так сказать, инфраструктура журнала включает в себя продолжающуюся серию авторских книг: «Библиотека журнала «Приокские зори». А с этого года выходит и серия «Приложение к журналу «Приокские зори». В этих сериях уже изданы полсотни книг авторов из Тулы и из других регионов России.

В. Щ. Да? Всероссийский и даже отчасти международный литературный журнал издается в Туле? Извиняюсь за, так сказать, технический вопрос. Но время сейчас сугубо меркантильное. Даже самые благие, добрые дела упираются в деньги, деньги и еще раз деньги. Я так понимаю, что столь грандиозное дело, как издание «толстого» литературного журнала объемом 300 страниц, вряд ли возможно без финансовой и иной материальной помощи областных и городских государственных органов, учреждений, общественных организаций, меценатов, или как сейчас чаще говорят, спонсоров?

А. Я. Вашими устами, Виктор Васильевич, да мед бы пить! Никто нам ничего не дает да и похоже давать и далее не собирается. Такой вот момент: наш автор из Израиля Ефим Аронович Гаммер, как и Вы, ведущий на русскоязычном радио «Голос Израиля» в Иерусалиме, кстати, транслируемого на весь мир, недавно провел передачу, посвященную «Приокским зорям». В заключении ее совершенно серьезно сказал,

что «Приокские зори» достойны включения в книгу рекордов Гиннеса, как единственный в России «толстый» литературный журнал, не имеющий никакой материальной, организационной и моральной поддержки от госструктур города!

У меня в кабинете лежит толстенная папка с многолетней перепиской с администрацией области, департаментом культуры и облдумой. Везде удивительно однообразный ответ: денег нет и не будет!

Сейчас у нас новая обладминистрация, а у меня имеется еще пустая папка для новой переписки... Приходится вот просить. Хотя по своему военно-морскому воспитанию придерживаюсь девиза: «Никого не бойся, ни у кого не проси, верь только командиру». Но что не сделаешь для общепольного дела?

Меценатов сейчас в природе нет, да и были они в России только в XIX веке: купцы-старообрядцы. Из них и вышли Третьяковы, Мамонтовы, Морозовы. Сейчас — эпоха людоедской алчности.

У общественных организаций денег нет, Тульское отделение Союза писателей России хоть что-то получало при Севрюгине и Стародубцеве. Дальше — все отрезало.

Единственный, кто нас выручает — это Тульский государственный университет — попечитель нашего журнала, — его руководство и, особенно, ректор Михаил Васильевич Грязев, которые хорошо понимают назначение журнала и важность его издания. Низкий им поклон! Кстати, «Приокские зори» — единственный в России, а может и в мире, «толстый» литературный журнал, который издается университетом. Кстати, журнал имеет госрегистрацию.

Но ТулГУ печатает тираж с готового оригинал-макета. Вся же остальная, самая сложная, работа — на плечах главного редактора и его верных сподвижников из числа членов редколлегии: ответственного секретаря Геннадия Маркина, зав. отделом поэзии Владимира Резцова, секретаря редакции Марины Баланюк, технического редактора Якова Шафрана. Все, разумеется, на общественных началах. Но есть работы, например, верстка журнала, за которые надо платить. Плачу из своего кармана. Кстати, зарплата провинциального профессора — за вычетом налогов — составляет 15 тысяч рублей. Дворник-гастарбайтер из Узбекистана Алишер в моем дворе получает больше...

...Как раньше пели на деревенских посиделках: «Интересно девки пляшут».

В. Ш. Нд-а-а! Печально и удивительно. Может, наша новая администрация области, да и городская тоже новая, обратится лицом к «Приокским зорям», которые являются всероссийской, так сказать, визитной карточкой Тулы литературной, Тулы культурной. А вы, Алексей Афанасьевич, уже опытный главный редактор, как себе представляете реальную организацию помощи администрации, прежде всего областной, в продолжении издания журнала на более высоком уровне организации этого процесса?

А. Я. Приведу пример старейшего советского, ныне российского журнала «Подъем» из Воронежа. Этот журнал хорошо знаю, недавно напечатал в нем свой роман и повесть. Этот журнал имеет статус «Государственное учреждение культуры (ГУК) журнал «Подъем», подчиняющийся департаменту культуры Воронежской области. Издается 12 номеров в год, имеется целый этаж здания, полный штат редакции.

И это при всем при том, что тираж «Подъема» всего лишь в 2 раза больше тиража «Приокских зорь», а экономика Воронежа, ранее, как и Тулы, ориентированная на военно-промышленный комплекс, также переживает далеко не лучшие времена...

В. Ш. Понятно. Каков состав редколлегии журнала? Кто в нем печатается? Есть ли постоянные рубрики журнала?

А. Я. Состав редколлегии журнала отвечает его всероссийскому статусу. В нее входят наиболее известные писатели Тулы и области: Виктор Пахомов, Наталия Диомидовна Парыгина, Вячеслав Боть, Виктор Греков. В редколлегию входят — и

вовсе не формально — председатель правления Союза писателей России Валерий Ганичев, проректор Литинститута по Высшим литературным курсам Валентин Сорокин, президент и вице-президент Академии российской литературы Владимир Мирнев и Леонид Ханбеков.

Входят известные писатели и поэты из Красноярска, Коломны, Москвы. Представлены города Тульской области: Новомосковск, Щекино, Плавск. Тульский госуниверситет представлен членами Союза писателей России, профессорами Владимиром Сапожниковым, Александром Хадарцевым, Вашим покорным слугой, а также уже упоминавшимися выше Владимиром Резцовым и Яковом Шафраном.

В каждом номере мы публикуем порядка 30 авторов: хорошо известных в стране и талантливых, но еще не вошедших в большую литературу. У нас печатаются такие известные писатели как киносценарист Тимур Зульфикаров, народный артист СССР Лев Дуров, упомянутые выше Валерий Ганичев, Валентин Сорокин, Владимир Мирнев, Леонид Ханбеков. И многие, многие другие.

Журнал, в отличие от сборника и альманаха, суть коллективное литературное произведение. Поэтому в нем наличествуют постоянные рубрики прозы, поэзии, публицистики, литературоведения, хроники литературной жизни. Есть рубрики Литературного института, современных сибирских и зарубежных писателей. Большим вниманием читателей пользуется рубрика «Православие в наших душах».

В. Ш. Ваш журнал не только литературно-художественный, но и публицистический. Понятно, что и публицистика более ориентирована на литературу, нежели на политику, экономику, социологию и так далее. Я правильно это понимаю?

А. Я. Совершенно верно. С публицистическими материалами, относящимися к литературе, выступают и многие авторитетные, известные люди. Например, очень известный в мире депутат Европарламента Джульетто Кьеза, лидеры думских фракций Геннадий Зюганов и Владимир Жириновский, бывший тульский губернатор Вячеслав Дудка. Фракции ЕР и СР в Госдуме пока не откликаются на наше предложение выступить на страницах журнала. Оно понятно — там люди архизанятые.

В. Ш. Алексей Афанасьевич! Как Вы с горечью сказали, что тульские власти, да и общественные организации — каждые по своим причинам — относятся к «Приокским зорям» по принципу: выходит журнал как-то сам собой, ну и путь выходит. Нам от этого ни жарко, ни холодно. Значит, людям, то есть редколлегии и редакции, это нравится. Значит люди они увлеченные. А раз увлеченные, то и получают от этого удовольствие, что есть для них высшая награда. А как относятся к журналу за пределами Тулы, так сказать, в столицах и университетских центрах?

А. Я. Замечательно относятся. Мои московские коллеги-профессора отмечают: «Приокские зори» в столице знают и люди, далекие от литературы. И вообще московские литераторы и активные читатели не раз мне говорили: из «толстых» журналов в Москве читают, по-преимуществу, «Наш современник», «Московский Парнас» и... «Приокские зори».

Вот власти и, так сказать, общественность Тулы никак не прореагировала на 5-летие издания журнала, а Союз писателей России отметил: недавно группе активных членов редколлегии (их имена я назвал выше) были вручены престижные медали Союза писателей, а Ваш покорный слуга был удостоен высшей писательской награды — ордена «Владимир Маяковский».

Опять же недавно получил известие, что Союз писателей имеет намерение наградить журнал как юридическое лицо орденом «Гавриил Державин», а Некрасовский комитет Союза писателей — Некрасовской медалью. Так что вполне возможно, скоро «Приокские зори» будут выходить с абрисами ордена и медали на обложке. Кстати, мы будем единственным журналом, который за последнюю четверть века получит награды...

В. Щ. Заключительный вопрос: чем сейчас занят Яшин-ученый и Яшин-писатель?

А. Я. Яшин-ученый завершает 9-томную серию монографий «Живая материя и феноменология ноосферы» (8 книг уже изданы в Москве) — дальнейшее развитие — с позиций современного знания эволюционной теории, идущей от Ламарка и Дарвина, а главное — теории В. И. Вернадского о ноосфере, в которую наша планета уже активно вступает.

А Яшин-писатель недавно издал роман-размышление «Катехизис идеалиста», роман о И. В. Сталине. В московском издательстве. Книга вызвала в Москве, Туле и вообще в стране широкий читательский резонанс.

Скоро дам в печать новый роман «Сны и явь полковника Хмурова». Тема — современная высшая школа, состояние и тенденции которой весьма многих тревожат.

Верстается роман «Предчувствие» и пишется роман «Квадратная пустота». Их содержание — пока фигура умолчания.

Последние 3—4 года я печатаю свои книги в московском издательстве. Как правило, все они отмечаются всероссийскими и международными литературными премиями.

В. Щ. Спасибо за содержательную беседу. Думаю, мы еще не раз встретимся у микрофона тульского радио, поговорим о ваших идеях в науке, Ваших книгах.

Валерий Маслов
(г. Тула)

ЛЮБАЯ НАЦИЯ БЕРЕТ ДУХОВНЫЕ СИЛЫ ИЗ СОБСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

В текущем 2011 году в издательстве «Левша» вышла очередная книга известного писателя Валерия Маслова под названием «Тульские люди». Валерий Маслов — член Союза писателей СССР и России, член Союза журналистов СССР и России, заслуженный работник культуры Российской Федерации, директор Фонда поддержки творческой интеллигенции, директор Тульского Дома творчества, председатель правления Тульского Дома творчества, директор Тульского отделения «Литературный фонд России», председатель Межрегионального Союза писателей, член Исполкома Международного сообщества писательских Союзов. Кавалер медали ордена «За заслуги перед Отечеством», медалей «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 годов», «Ветеран труда», «200 лет МВД России». Лауреат литературных премий Тульского комсомола и Союза писателей РСФСР, имени Льва Толстого и имени Ярослава Смелякова. О творческом пути писателя, о его работе в органах власти на переломном этапе нашего государства, о состоянии современной литературы мы и беседуем с Валерием Масловым.

— Валерий Яковлевич, разрешите Вас поздравить с выходом в свет Вашей очередной, если я не ошибаюсь, тридцать пятой по счету книги под названием «Тульские люди». В книге Вы рассказываете о туляках прославивших город в разные времена. Скажите, пожалуйста, почему писатель Маслов в этой книге перед читателем предстает не как мастер художественного слова, а как журналист, публицист и исследователь тульского края?

— Меня всегда интересовали и интересуют различные аспекты литературного труда. Свою литературную деятельность я начинал с деревенской прозы. Моя первая книга под названием «Случай в Обояни» вышла в Москве в издательстве «Современник». В этой книге были представлены читателю деревенские рассказы «Возвращение», «Объяснение в любви» и другие. Они в основном все автобиографичные и в основу их легли реальные события, произошедшие со мной в то время, когда я работал в совхозе «Красный богатырь» Новомосковского района бригадиром и агрономом. Затем, когда я работал в областной газете «Коммунар» и в органах власти в облисполкоме и в администрации области, я накопил интересный и богатейший материал, который и лег затем в основу таких детективных романов как «Мафия бессмертна», «Мафия в законе», «Мафия по-русски», «Бардак» и другие. Они были изданы здесь в Туле, в Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, в других российских, а также зарубежных городах. Эти романы стали бестселлерами, занимали верхние строчки в различных книгоиздательствах. В 2001 году по рейтингу газеты «Книжное обозрение» я занял третье место в России по тиражам и наименованиям изданных книг. Затем меня увлек исторический жанр, и я написал роман «Ближняя дача». В этом романе я рассказал в сравнении о двух руководителях нашей страны — о Ста-

лине и о Ельцине, где Ельцин у меня выведен под другим именем, иносказательно. После написания этого романа я начал заниматься публицистической работой, краеведением. Мне захотелось рассказать о творческих людях, о тех знаменитостях, которые жили и прославили тульский край. Так у меня вышла книга «Тульские люди». Книга вышла тиражом в тысячу экземпляров и, по-моему, — это не плохой тираж. Книга оказалась настолько востребованной, что я написал вторую книгу под таким же названием, а затем и третью, о которой вы меня спросили. Ну и очередное мое увлечение — это притчи. Жанр новелл, короткого рассказа. Я написал притчи «Чудо», «Голос с небес» и еще несколько. Вот такой спектр моей литературной работы.

— В ваших романах: «Мафия в законе», «Мафия бессмертна», «Мафия по-русски», «Бардак» в образах героев при желании можно увидеть «знакомые все лица». Скажите, пожалуйста, не боялись ли Вы испортить взаимоотношение с теми лицами, или еще, хуже, мести с их стороны?

— Во-первых, если бояться, то тогда и не нужно писать, не надо брать за перо. Во-вторых, я подстраховался и в этих книгах везде написал: все лица, показанные в романе, вымышлены и всякое совпадение с реальностью — случайность. А что касается вашего вопроса, то да, конечно, некоторыми людьми были высказаны в мой адрес нелюбезные слова, но я считаю, что это нормально, если начать на это все оглядываться, то ничего не напишешь. Я, описывая реальную историю конца девяностых годов, морально был готов ко всяким неожиданностям. Штурм Белого дома, участие в этих событиях и нашей Тульской воздушно-десантной дивизии, я и описал в своих романах, описал реальные случаи из жизни. Например, работая в администрации области помощником губернатора Севрюгина, я невольно стал участником такого занимательного случая. Севрюгин, после звонка Ельцина, пригласил в свой кабинет, где в это время находился и я, тогдашнего командующего десантной дивизией Савилова с тем, чтобы дивизия совершила марш-бросок в Москву к Белому дому. Дело было ночью, и командир был в нерешительности, видимо он хотел дожидаться утра, чтобы посоветоваться с командованием войск. Тогда я подошел к нему и говорю: «Евгений, вот ты вошел сюда полковником, а выйдешь — генералом». Этот реальный случай я и отразил в одном из своих романов. При этом Ельцин у меня выведен под настоящим именем и в книге я не совсем лицемерно показал его как личность, потому, что расстрел парламента — это не самое хорошее, что у нас в стране происходило.

— А все-таки, описывая острые жизненные сюжеты, не наступал ли такой момент, когда хотелось уйти в сторону, остановиться, хотя бы для того, чтобы выждать во времени или просто осмотреться?

— Острота сюжетов — это напряжение, сопротивление среды, которое настоящего писателя должно только вдохновлять. Нет, такой момент не наступал. Если решил писать, то нужно писать. Ну, а потом не нужно забывать о том, что я писал все-таки не документальное произведение, а художественное, в котором мне хотелось показать людям нашу действительность.

— Кстати о действительности. Известный драматург, к сожалению, ныне от нас ушедший, Михаил Рощин Ваши романы назвал серьезным художественным исследованием современности.

— С Михаилом Рощиным мы были в очень хороших взаимоотношениях. Часто встречались в писательском поселке Переделкино, куда я постоянно езжу, беседовали с ним о жизни, о литературе. Как оказалось, нас волновали одни и те же жизненные проблемы. Михаил Михайлович был очень порядочным человеком. Еще в советское время у него серьезно заболело сердце, и он поехал в Америку, где знаменитый кардиохирург Дебейки сделал ему операцию — коронарное шунтирование. У нас в стране тогда такие операции не делали. Кстати, это была первая операция на сердце,

сделанная в Америке человеку из Советского Союза. Спустя двадцать лет Дебейки приехал в Россию делать такую же операцию на сердце президенту Ельцину. Михаил Рошин встретился с ним и спросил: «Скажите, что в моем положении можно?», и Дебейки ответил следующее: «Михаил Михайлович, вам можно все». И только после этого он мог позволить себе без опаски немного выпить спиртного.

— Ваши произведения переведены на сербский язык, они изданы в Израиле и Грузии, в Черногории прошла презентация сразу трех Ваших романов: «Ближняя дача», «Звонок с того света» и «Любовь не имеет названия».

— Только что, незадолго до нашей с вами встречи, известный меценат, профессор, человек, который переводит русскую литературу на сербский язык Владо Ашанин, по электронной почте, написал мне, что мой рассказ «Провинциалка» опубликован в черногорском журнале «Литературные записки». С Сербией и Черногорией у меня связано большое литературное знакомство. В этих странах изданы на латинице и кириллице три мои книги, и когда я ездил на презентацию этих книг, встречали меня так, как, наверное, должны были встречать царя. Президента, конечно, не было, но посол в России от Черногории и Сербии на встрече был. Присутствовал министр культуры, были приглашены представители электронных и печатных СМИ. Я выступал по сербскому и черногорскому телевидению с большим интервью, также интервью было напечатано и в газетах. Много ездил по стране. В городе Плевля посетил одну из школ, где был вывешен огромный плакат с надписью на русском языке: «Добро пожаловать писатель Валерий Маслов». Признаться, мне было очень приятно. Вообще я пораился такому хорошему отношению там к русской литературе и к России. Вечером градоначальник устроил банкет на двести человек, собралась вся общественность города. Была подготовлена концертная программа с национальными танцами и песнями, на стол подавались закуски из национальных блюд, соки и вина. Честно скажу — я был растроган таким приемом.

— То есть, можно сделать такой вывод, что у них отношение к нашей русской литературе лучше, чем в нашей стране?

— Я считаю — лучше. Но в последнее время под влиянием Запада, отношение к русской литературе меняется и там. Это объясняется тем, что Сербия стремится в Евросоюз, и вынуждена принимать те условия, которые навязывает Запад. По этой причине только одна из моих книг издана на кириллице, а две другие уже на латинице. К сожалению, в Сербии и Черногории в настоящее время в школах на изучение русского языка выделяется времени меньше, чем раньше. Этот предмет из обязательного превратился в факультативный. Но, тем не менее, отношение к нам сохранилось хорошее, литературы много и интерес к ней велик. Я в этом убедился лично, в подтверждении своих слов, расскажу, произошедший с нами случай. Следуя по улицам столицы, наш водитель нарушил правила дорожного движения, и нас остановил полицейский. Увидев в машине меня, он произнес на русском языке: «О, я вас видел по телевизору — вы русский писатель!», после чего попросил у меня автограф, вернул водителю документы и отпустил с миром.

— Вы писатель с мировым именем, а как все начиналось? Когда Вы ощутили в себе тягу к сочинительству?

— Я никогда не переоценивал себя, не переоценивал свои возможности. Я очень долго не считал себя писателем и писал, совмещая писательство со своей основной работой, а творчество было всего-навсего — хобби. А тягу к сочинительству я почувствовал, учась в четвертом классе, когда меня за хорошую успеваемость направили в Москву, в Кремль на Новогоднюю елку. Тогда это было очень почетно, считалось большим поощрением, и когда я вернулся в свою школу в городе Донском, меня попросили о поездке написать заметку в городскую газету. Я написал, а когда она вышла, я понял, что написал полную ерунду: как мы ехали, что ели, о чем говорили. А

журналистка, которая со мной общалась, написала самое главное из того, что я ей рассказал. И тогда я понял, как надо писать. А потом я прочитал у Паустовского такое напутствие, что если ты хочешь стать писателем, то все то, о чем пишешь, нужно представлять в цвете. И когда на листочках акцентируешь внимание, начинаешь видеть много из того, что не видят другие. И если сможешь все это описать, становишься на голову выше тех, кто это читает, и ему интересно это читать, потому, что ты заметил то, что не заметил он.

— Интересное высказывание Паустовского. А какую цель в первую очередь должен преследовать писатель, когда за письменным столом остается один на один с чистым листом бумаги?

— Он всегда должен оставаться писателем и предаваться только творчеству и литературе. Что тебе подсказывает сердце, о чем говорят чувства, о том и нужно писать.

— А какие чувства Вы испытывали, получая членский билет Союза писателей СССР из рук мэтра отечественной литературы Сергея Владимировича Михалкова?

— Когда мне посчастливилось встретиться с Сергеем Владимировичем Михалковым, получить из его рук писательский билет с его подписью, я был, конечно, очень счастлив. Мне затем посчастливилось с Михалковым встретиться еще несколько раз. Я был на пятом съезде международного сообщества писательских союзов, — это бывший Союз писателей СССР, который бессменно возглавлял Сергей Михалков. Михалков выступил на съезде, а ему тогда было уже девяносто шесть лет, с напутственной речью, очень резко говорил о состоянии отечественной литературы, и как оказалось, — это было его последнее публичное выступление, можно так сказать — прощальное. Через три месяца его не стало. Мне очень повезло, что я оказался знаком с легендой отечественной литературы, что получил из его рук писательский билет, что услышал из его уст напутственные слова. У меня сохранилась памятная фотография, где я запечатлен вместе с Сергеем Владимировичем.

— Что же Вам сказал Сергей Михалков?

— Он сказал, что очень хорошо, что наша писательская организация прирастает писателями из провинции, и не просто провинции, а с родины Льва Толстого. Вы всегда должны об этом помнить и держать марку. Конечно, вы не будете Львом Толстым, но стремиться к этому надо. Сергей Владимирович всегда был иронически шутлив.

— Сегодня многие циники и даже мерзавцы тоже взяли за перо, из-под которого выходит чернуха или порнуха. Мало того им присуждаются различные литературные награды, о них пишут в газетах, приглашают их для выступлений на радио и телевидение. Какие, на Ваш взгляд нужно создать условия, чтобы чернуха исчезла, а на прилавках и книжных выставках появилась настоящая, качественная литература?

— Любая нация берет духовные силы из собственной культуры, из искусства, из отечественной литературы. К сожалению, сегодня литература, искусство и культура в нашей стране витают на каком-то одном из последних мест. Сегодня о литературе вспоминают только в самые критические моменты, когда это кому-то нужно. Когда под Ельциным зашаталось кресло, то он поехал в Сибирь к Астафьеву. Он понял, что для него настал такой момент, когда необходима писательская поддержка. А когда все хорошо о литературе забывают. Я думаю, что настоящая литература никуда не ушла и не уйдет. Книга никуда не уйдет, и писатели будут. Но пока у нас по всем каналам телевидения выступают такие как Быков, которые клеймят Советский Союз и советскую литературу, и соцреализм, и все то, что было у нас хорошее, конечно, литература не будет на высоком уровне. Тем не менее, писатели были, есть и будут, и книга, не в аудиоформате, а настоящая книга в печатном виде — вечна. Когда у меня выходят книги в аудиоформате в Москве, в издательстве «Говорящая книга», в частности роман «Звонок с того света», в издательстве «Логос» — роман «Москва времен Чикаго», это в общем-то интересно. Интересно и хорошо для современных читате-

лей, особенно для читателей молодых, которые сегодня больше читают через Интернет, слушают диски в машинах, потому, что это для них это более доступно. Но, тем не менее, повторяюсь: печатная книга — вечна.

— Валерий Яковлевич, в Вашем романе «Схватка» прокурор говорит Ускову такие слова: «Разрушать мы научились и неплохо, создаем, правда, значительно хуже». Вы восстановили некогда разрушенный знаменитый Дом Каминского, который после восстановления стали называть Домом Маслова. Расскажите, как возникла идея восстановления замечательного особняка на улице Каминского?

— В девяносто пятом году я ушел с работы из администрации области и в моей жизни наступил переломный момент. Я решил посвятить себя полностью литературному творчеству. Еще работая в администрации области, я старался всегда помочь нашей писательской организации, добился у губернатора области Севрюгина выплаты стипендий членам нашей писательской организации, которая к тому времени не имела своего помещения. Даже негде было провести собрание. И у меня возникла мысль о том, что необходимо найти место, помещение, где могла бы разместиться писательская организация, творческая интеллигенция. Тогда я вспомнил, что еще в бытность первого секретаря обкома партии Юнака, здание на улице Каминского, являвшееся памятником культуры и архитектуры, было передано Тульскому отделению Союза писателей СССР и Тульскому отделению Литфонда. Дважды выделялись деньги на ремонт здания, что-то делалось, но ничего не доводилось до конца, и дом двадцать лет стоял в разрушенном состоянии. В нем обитали бомжи, был пожар. Вот тогда я и решил взяться за это дело. Не буду себя хвалить, но энергии и напора мне хватало, связи тоже были, и я за полгода сделал невозможное. Составил проектную документацию, а это невероятно трудная работа по согласованию с множеством организаций, повторяюсь, что это здание являлось и является историческим и архитектурным памятником, культурным наследием, и вы можете себе представить, с какими трудностями мне пришлось столкнуться. Особенно упорствовал по передаче здания тогдашний руководитель Управления культуры Москалев. Он просто встал поперек, чтобы не отдавать нам этот дом. А вот сейчас он приходит в Союз писателей, видит, что здесь все хорошо, и, может быть, его мучает совесть за те свои действия. Я нашел средства, и к зданию были подведены электричество, водопровод, канализация. Работал здесь день и ночь. Был и прорабом, и рабочим, и сторожем. В конце, концов, в сентябре тысяча девятьсот девяносто пятого года, был торжественно открыт Дом творчества.

— Кроме «Схватки» книжной, в Вашей жизни была схватка и реальная. Схватка с городскими властями, пытавшимися отобрать у тульской интеллигенции Дом творчества. Расскажите об этом эпизоде Вашей жизни!

— Дом творчества находится в самом центре города, имеет красивые архитектурные особенности, богат своим историческим наследием, и поэтому потуги для того, чтобы забрать этот лакомый кусочек, были. Наиболее яростно в этом вопросе повел себя бывший глава города Могильников. Он дважды втихомолку за моей спиной пытался различными способами и средствами отобрать Дом творчества, но, к счастью, этого ему сделать не удалось. Дом мы отстояли, и сегодня в нем размещены Тульское отделение Союза писателей России, Литфонд, Фонд поддержки творческой интеллигенции, Литературный музей, работает литературное объединение «Пегас». Проводятся различные творческие мероприятия, проходят презентации книг. Двери Дома творчества всегда открыты для любого литератора.

— Известно, что в Туле уже имеется Тульский областной историко-архитектурный и литературный музей, также литературный музей имеется в музее-усадьбе «Ясная Поляна», а вот, наверное, не всем тулякам известно о существовании в Доме творчества еще одного литературного музея. Расскажите о нем подробнее?

— О создании литературного музея я мечтал давно. Мне хотелось в одном месте собрать все книги тульских писателей, оставить какую-то память для потомков. Я стал собирать книги, журналы, личные вещи писателей, в музее имеется портрет писателя Ивана Федоровича Панькина, автора книги «Легенды о мастере Тычке». Таким образом и появился этот литературный музей. Сейчас в нем находятся более пятисот книг только тульских авторов. Есть и с дарственными надписями и без таковых. Такого собрания нет ни в одной библиотеке города. Я считаю это замечательно и правильно.

— В одной из многочисленных о Вас публикациях прочел о том, что Вы не любите говорить о своих творческих планах. И все-таки, Валерий Яковлевич, поделитесь секретом, над чем сейчас работаете?

— Буду продолжать писать притчи и новеллы. Мне этот жанр очень нравится, а дальше время покажет.

— Валерий Яковлевич, что бы Вы пожелали поклонникам своего таланта, всем читателям?

— Когда у меня спрашивают, что нужно, чтобы стать писателем, то я говорю: на первом месте — труд. Надо трудиться очень упорно и настойчиво. Литературный труд очень не легкий. Это работа мозга, сердца, души. Она требует большой отдачи, и уже на втором месте — это талант. Вот когда есть и то и другое, тогда будет и результат. Так, что всем читателям и почитателям, а также и тем, кто хочет стать писателем, я желаю трудолюбия, настойчивости и желания, тогда обязательно все получится.

— Хочется пожелать Вам еще не один год радовать своих читателей новыми творческими победами не только на отечественном уровне, но и на международном. Спасибо, что нашли время для беседы.

— Спасибо Вам.

Беседовал Геннадий Маркин

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ПРОЗА

Сергей Крестьянкин *
(г. Тула)

ДУРА

Галина Николаевна Прошкина находилась в хорошем расположении духа. На то были свои и довольно веские причины. Во-первых, она сегодня получила, наконец-то, долгожданную зарплату, которую задерживали уже более двух месяцев. Во-вторых, автобус к остановке подъехал почти сразу, и не пришлось простаивать в его ожидании. И, в-третьих, она довольно успешно втиснулась внутрь этого автобуса.

Работала Галина Николаевна на заводе, который располагался на краю города. Работала уже давно, И все бы ничего, да пришли 90-е годы и Советский Союз начал разваливаться. Предприятия закрывались, люди сокращались. Государство рушилось на глазах, экономика трещала по швам.

Чиновникам стало плевать на людей.

Все были предоставлены сами себе.

Выживали, кто как мог.

На их заводе тоже прошли, хоть незначительные, сокращения. Но в целом предприятие держалось и продукцию выпускало. Правда еще год назад Галина Николаевна деньги получала два раза в месяц: аванс и зарплату, то в последнее время зарплату задерживали на полтора-два месяца. Но все-таки давали и работой обеспечивали.

Многие ее подруги и знакомые поувольнялись со своих насиженных мест и пустились в свободное плавание. Стали предпринимателями и занялись челночным бизнесом. Ездили за границу и привозили оттуда одежду и обувь. Продавали на рынках и ехали опять, как челноки: туда-сюда. И так постоянно.

Галину Николаевну звали заняться тем же, но она пока так и не решилась. Да и куда ей. Муж у нее погиб в Афганистане. Она одна воспитывала дочку пяти лет. Родители были далеко. Помочь ей было некому. А в бизнесе еще неизвестно: займешь деньги, вложишь в товар, а он не пойдет и прогоришь.

На заводе тоже стало сложно работать, но какие-то деньги она все-таки имела.

«Как хорошо, что сегодня дали зарплату полностью за прошлый месяц. А это — целых восемь тысяч рублей. Когда изголодаешься, сама почти не ешь — все дочери, то это кажется огромной суммой. Три тысячи надо будет сразу отдать — долги в пер-

* Наш постоянный автор.

вую очередь. А на оставшиеся пять тысяч они с Машкой как-нибудь протянут этот месяц, а там глядишь, и еще зарплату отдадут. Прорвемся. Надо будет Машке купить чего-нибудь вкусенького: конфет или пирожных».

Автобус в очередной раз подпрыгнул на неровной дороге, качнулся при торможении и остановился.

Галину Николаевну кто-то толкнул в бок. Она повернулась и увидела мелькнувшую руку.

Молодой человек в клетчатой рубашке и коричневом пиджаке резко развернулся и быстро направился к выходу.

Как-то стало не хорошо от какого-то предчувствия. Прошкина опустила взгляд на сумку, висевшую у нее на плече сбоку, и похолодела. Сумка была раскрыта. Еще не веря своим глазам, она засунула туда руку и начала рыться во всех уголках.

Кошелек не было.

Галина Николаевна посмотрела на молодого человека, но тот уже вышел на остановке и не торопливо направился к домам.

— Стойте, мне надо выйти! — закричала Прошкина и стала усиленно расталкивать пассажиров, пробираясь к выходу.

Выскочив из автобуса, она увидела коричневый пиджак и помчалась за ним.

— Молодой человек, — запыхавшись, проговорила Галина Николаевна, догнав парня в пиджаке. — Вы мои деньги в автобусе взяли. Отдайте их, пожалуйста.

— Какие деньги? Женщина, отстаньте! — полуобернувшись, посмотрев по сторонам, произнес юноша, не прекращая движения.

— Ну, как же. Черный кожаный кошелек, правда, старый. А в нем — восемь тысяч рублей. Это все, что у меня есть.

— Нету у меня вашего кошелька и денег ваших нет. И не надо за мной идти.

— Как же так? — опешила Прошкина. — Может, не у вас, вы кому-то отдали. Я на заводе работаю. Два с половиной месяца нам задерживали зарплату, а сегодня неожиданно дали за предыдущий месяц. Думала, верну долги и дочке принесу что-нибудь вкусенькое. Мы последнее время питались одной картошкой и хлебом. А сейчас и картошка закончилась. Я одна воспитываю пятилетнего ребенка. Муж погиб в Афганистане четыре года назад.

Галина Николаевна вздохнула.

Она семенила за двадцатилетним юношей по аллее между домами и проклинала себя за то, что приходилось унижаться перед вором. Но ничего не могла с собой поделать.

— Чтобы как-то выжить, я занимала деньги у кого могла. Теперь уже — не у кого, да и неудобно. Без денег мне домой нельзя. Лучше — в петлю. Или на Большую дорогу, как раньше говорили, грабить еще более слабых. Отобрать у какой-нибудь старушки кошелек с мелочью... Но, ведь, также нельзя. Это неправильно. Мы же не звери, а люди. И нас отличает от зверей наличие разума, души, доброты. Если вы не отдадите деньги, дома мне появляться нет смысла.

Прошкина стала замедлять шаги, наверное, почувствовав всю бесплодность своих попыток, но по инерции еще шла за удаляющимся парнем и продолжала громко объяснять. Со стороны, казалось, что она разговаривает сама с собой.

— Нет, без денег мне домой никак нельзя. Я приду, а Машка спросит: «Мама, а что мы сегодня будем есть?» Нет, она не спросит, какие конфеты или пирожные мы будем есть. Она спросит: «Мама, а мы сегодня будем кушать?» Глядя ребенку в глаза, я не найдусь, что ответить.

Молодой человек в пиджаке завернул за угол дома.

Галина Николаевна, уставшая и обессиленная, плюхнулась на траву возле дома и заплакала. Она закрыла лицо руками и заревела от безысходности. Плач сотрясал все

ее тело. Она периодически всхлипывала. Слезы стекали по щекам и подбородку и капали на платье, но Галина Николаевна ничего этого не замечала. Не было никаких сил подняться.

Кто-то тронул ее за плечо.

Она подняла голову.

Перед ней стоял парень в клетчатой рубашке и коричневом пиджаке.

— Знаете, что. Я сейчас принесу ваши деньги. Подождите меня вон на той лавочке, на аллее. Только деньги верну не все, а часть. Я, ведь, не один...— здесь он немного замаялся, но все-таки добавил: «Работал».

Прошкина перестала плакать. Вытерла кулаками и ладонями слезы.

Забрезжила надежда.

Юноша протянул ей руку. Помог подняться. Довел до лавочки и ушел. Напоследок сказал, что вернется минут через двадцать.

Женщина сидела на лавке, откинувшись на спинку. Руки безвольно лежали на коленях. Слезы уже высохли и лицо даже слегка просветлело. Она думала, что не все потеряно. «Деньги ей сейчас, хоть часть, но отдадут. А остальное, будем считать, что она уронила в реку и вода унесла их. Ну, растяпа! Что сказать? Сама виновата. Да, что там дура она самая настоящая. Вот кто. Надо было деньги не в кошелек класть, а куда-нибудь отдельно. Да, хотя бы в бюстгальтер, как в кино показывают — целее были бы. Ну, что поделаешь, дура она и есть дура. Но даже из этой части денег выкрою немного и обязательно куплю Машке конфет. Как-нибудь продержимся».

Так она думала, коротая время.

Но двадцать минут прошли, а юноша все не появлялся. И мысли у нее начали меняться в диаметрально противоположную сторону.

Ее, в конце концов, осенило. Дура, я самая настоящая дура. Чего я жду? Ведь он же меня просто обманул, чтобы я от него отстала. Двадцать минут прошло. Никто не пришел и не придет. Он надо мной просто посмеялся. Деньги украл, да еще и посмеялся над теткой — душой доверчивой.

Кому я поверила. Это же — вор!

Робин Гуд грабил только богатых, а эти — всех подряд — кто слабее и немогшей.

Ох, как же тошно от всего этого!

Прошкина сгорбилась. Закрыла лицо левой рукой, а правой уперлась в лавку. Плечи задергались, послышались всхлипы. Она вновь не смогла удержать слез.

«Дура я, дура, что не уберегла зарплату. Дура, что работаю на этом дурацком заводе. Дура, что не ушла в коммерцию с подругами, когда меня звали. Дура, что тащиась за обворовавшим меня парнем и умоляла вернуть деньги, рассказывая о своей жизни. И, наконец, дура, что поверила вору».

Галина Николаевна не рыдала, не ревела, а сидела на лавочке и тихо плакала.

Кто-то коснулся ее руки.

Женщина подняла голову.

Рядом на лавочке сидел молодой человек в коричневом пиджаке и клетчатой рубашке.

Она даже не заметила, когда тот появился.

— Думала, что не приду? — спросил он.

Но Галина Николаевна ничего не смогла ответить от застрявшего комка в горле.

— Ладно, ладно. Не отвечай. По лицу вижу, что — думала. На, держи, как и обещал — здесь половина, — с этими словами юноша протянул ей пачку сторублевых купюр.

Прошкина, не веря своим глазам, как заипнотизированная, медленно протянула руку, взяла деньги и стала автоматически их пересчитывать. Но на пятой или шестой

купюре она прервала свое занятие, опустила руки на колени и повернула голову к парню:

— Спасибо, вам. Большое спасибо!

— Тетка, ну ты вообще — дура! — удивился юноша. — Тебя обворовали, а ты благодаришь.

— Наверное — дура. А может быть жизнь такая, — философски произнесла Прошкина и добавила:

— А вы не совсем плохой человек. У вас осталось в душе что-то хорошее, человеческое.

— Да что во мне хорошего? Я — вор. И мой тебе совет: никогда не клади крупные купюры в кошелек. Особенно — зарплату. Лучше, если нет карманов, в трусы положи, хоть до дому донесешь. А это правда, что ты работаешь на заводе? Одна воспитываешь дочь? Что вам нечего есть? А муж погиб в Афгане?

— Правда, — тихо произнесла женщина.

— И, что, правда в петлю полезла бы? — допытывался молодой человек.

Прошкина задумалась. Потом ответила:

— В петлю, наверное, нет. Дочку жалко. Пропадет одна. А родственников у нас в этом городе нет.

— Денег у меня все равно больше нет, — с этими словами юноша расстегнул ремешок и, сняв часы, протянул Галине Николаевне:

— Бери. Не волнуйся, не ворованные. Это мне отец подарил на 14-летие. Он семь лет назад тоже погиб в Афгане. Пособие маленькое, а мать болеет. Вот я и ворую. Плохо, но что делать? Сама говоришь — жизнь такая. Бери часы — золотые. Старенькие, но тысячи за четыре сможешь сторговать. Будет тебе компенсация зарплаты.

— А знаешь, что, — встрепенулась Прошкина, — ты заходи к нам с дочкой. Буду тебя подкармливать.

— Нет, тетка, ты правда — дура! Может, ты действительно ненормальная? Я таких чуждых еще не встречал.

Молодой человек в коричневом пиджаке и клетчатой рубашке положил свои часы на лавку, резко поднялся и стал быстро удаляться.

Ирина Кедрова
(г. Москва)

МУДРОСТЬ БОЯРЫНИ НАТАЛЬИ

Прозаик и драматург. Член Союза писателей России, Академии российской литературы, Творческого клуба «Московский Парнас».

В богатых хоромах живет боярыня Наталья Собакина — сильная и уверенная в себе женщина. Дом ее славится достатком. Всем заправляет она, даже сыновья взрослые к ней прислушиваются, без материнского разрешения шагу не ступят. Впрочем, так кажется на первый взгляд. На самом деле то, что им нужно, они совершают, не советуясь с матушкой.

Лет двадцать назад вошла Наталья в этот дом робкой девчонкой, выданной родителями замуж за богатого и старого боярина Ивана Петровича. Грозен муж, чуть что — плетью жену учил. Да только боярыня Наталья быстро приспособилась. Как-то сила ей все время подсказывала, что надо делать. Как-то вышла она к мужниным гостям, чтобы, как принято, подать вина с закусками, и увидела боярина Семена Васильевича. Не чета ее муж молодому боярину. Муж — толстый, сопящий, с бородавкой на плотном лице. А Семен Васильевич — мужчина видный: стройно сложен, нарядно одет, золотистый чуб развевается, когда он головою потряхивает, глаза синовой отливают. Да и она тогда ему под стать была: высокая, темноволосая, кареглазая. Веселость в ней муж не убил, как ни старался.

Что бывает, когда встречаются два рожденных друг для друга человека? У них ничего не было, потому что во сне ей привиделся красавец, предавший ее, кричавший всем на площади, что она опоила его зельем любовным. Наталья снам верила. Вообще, она странно бабою была: часто предвидела, что с ней произойдет. Иногда с мужем говорит, а сама думает: «Это со мною уже было». И точно знает, что не могло быть, а словно проживала когда-то такое.

Когда совсем невестомой стала мужнина требовательность, хитрющая бабка Перелиха ей подсказала верное средство: отравить мужа и всем его хозяйством завладеть. Даже зелье для злого дела приготовила. И опять Наталья во сне увидела, как потащили ее на суд праведный, закопали в землю живьем, только голову обриту оставили. Каждый мимо ходит и в нее плюется. Были, правда, люди добрые, которые деньги рядом кидали, чтобы после смерти в гроб мужнину убийцу положить. Проснулась тогда Наталья в холодном поту, все тело у нее болело, а из головы прядь волос выпала. Страшно стало, и вылила она то зелье далеко за домом.

Спасением Натальиным были сыновья и дочери. Старший сын Иван верховодил стрельцами, служил в Москве под началом самого Шакловитого. Там дела творились странные. Два царя объявились — Иван да Петр. Только по малолетству царей управляла государственными делами их старшая сестра — царевна Софья. Сын иногда весточку подавал: служит царевне исправно, довольна правительница стрелецким начальником.

Младших — Петра и Андрея — Наталья отослала в Преображенское, где собрался для малолетнего царя отряд потешных. Негоже боярским сынам участвовать в таком деле. Если бы Иван Петрович был жив, не допустил бы. А Наталья рассудила иначе.

Овдовев, она провела ревизию домашнему хозяйству и жизни своей. После смерти мужа становилась боярыня свободной и всеми уважаемой. Замуж больше не собиралась. Зачем терять Богом данную свободу? А сынов желала делом занять: без отцовской строгости она с ними не совладает. Вот и отправила: пусть поучатся иноземной воинской науке. Царь Петр хоть и мал, да вырастет, и ее мальчики рядом с царем будут.

Ну, а дочери — Анастасия и Наталья — росли с матерью. Их оберегать следовало от дурного глаза. Потому следила за ними строго, хотя любила их, лапушек своих, — быстроглазую старшую и востроносенькую младшенькую.

Годы летели быстро и приносили в дом боярыни Собакиной приятные вести о сыновьях, а также милые радости от дочек. Хорошо она молилась, да и подарки богатые в церковь посылала. Только Господь подготовил испытание.

Однажды приехал домой старший сын Иван. Рассказал то, что, по Натальиному разумению, и быть не должно. Стрельцы в Москве вместе со своим начальником Шакловитым, пес его задери, задумали недоброе — убить царя Петра. Да кто-то сообщил государю о готовящемся злодействе. Заговор раскрыли. Шакловитого и его помощников, стрелецких полковников, казнили, стрельцов жестоко наказали: кому языки отрезали, кого в Сибирь сослали. Чудом спасся сын. Сбежал домой, чтобы пересидеть расправы, а душой остался там — в Москве. Надо, говорит, за стрельцов заступаться, царь Петр хочет завести на Руси немецкий порядок и немецкие войска создать.

— Русь надо спасти. Уничтожим царя и преобразенцев, и веру свою православную спасем, матушка.

— Что ты мелешь, Иван? Как можно государя убить? — Наталья испуганно озиралась, боясь, что кто-то подслушает разговор. — А братья твои, не забыл ли, что они — преобразенцы и есть? Как на братьев руку подымешь?

— О чем ты говоришь, матушка? Царь Петр иноземцев поддерживает, к ним прислушивается. А братьев надо забрать из преобразенцев. Не бывать русскому народу под неметчиной!

Много спорили. Видела мать, что сын крепко уперся в своем мнении. И принять этого мнения не могла.

— Говорю тебе, Иван, меня слушай! Оставь мысли поганые. Отсидись дома, пока в Москве неспокойно. А против царя Петра идти не смей. Такое тебе материнское слово.

— Матушка, да разве я один? С нами князя Голицыны, Милославские, да все бояре с нами.

— Не верю я, чтобы они хотели цареубийцами стать. Это все равно, что против Господа дело замыслить.

— Так ведь Петр против Бога выступил! О чем я тебе толкую?

Непонятное творилось в Москве. Молилась Наталья неистово, просила у Господа, чтобы наставил ее на истинное решение. Вскоре приехал домой и Петруша: возмужал, приобрел силу и стать воинскую. Впрямь, красавец. Дворовые девки так и обмирают.

— Матушка! Мы с Андрюшей, — радостно сообщает ей сын, — весь мир изменим. Царь Петр гаркнет грозно: «Слушай! Мушкет заряжай! Прикладывайся! Стреляй!», и мы исправно приказ выполняем. И так хорошо, быстро и слаженно у нас получается. Царь так и говорит: «Вы — солдаты умелые, стрельцам с вами не справиться».

Спорят два брата до хрипоты. Нет между ними братского союза. И не слушают они материнских наказов. Одно их только объединило — оба в Москву уехали. Волнуется Наталья, ждет вестей из Москвы. Да и не только из Москвы: младшие сыновья отправились на строительство кораблей на озеро Переяславское, потом в морское путешествие по Белому морю, а потом в поход на Азов, где властвовали басурманы-турки.

Давно в Москве женился и обзавелся детьми Иван. Боярыня Наталья ездила к нему, чтобы благословить молодую семью на счастливую жизнь. Жена Ивана, Прасковья, напомнила ей собственную молодость.

Выдала она замуж Анастасию. Хорошо выдала, без лишних слез и упреков. Зять — человек нестарый, женой довольный, особенно после того, как Анастасия разродилась наследником. Младшая Наталья тоже входит в невестин возраст, только мать не спешит отдавать любимую дочку в мужнино рабство.

Болело материнское сердце лишь о Петре и Андрее. Пора им дом свой заводить, а они все в походах. В какую-то Голландию позвал царь Петр для обучения наукам разным. Непонятно это Наталье. Чему можно там научиться? Да и зачем учиться, когда дети ее не последнего роду-племени? Однако, поразмыслив, решила: видно, время такое, что требуются новые взгляды и новые знания. Сама она немолода, да детям мешать не станет.

И вдруг, в сонное благополучие ее быта пришло из Москвы страшное известие. Там случился новый бунт. Недовольны стрельцы вводимыми царем порядками, не согласны с тем, что царь больше доверяет новым полкам, не желают никаких перемен жизни. Разве одни стрельцы так думают? Многие шепчутся о царе-изменнике, который отказался от веры отцов.

Снова царевна Софья подняла стрельцов против брата. Видно, не успокоится бывшая правительница никогда! Хочется ей властвовать, и использует она для этого любые пути. Могла ли Наталья предположить, что жизнь царевны Софьи, как и любой другой русской царевны, ограничена лишь молитвами? Не суждено дочери царя выйти замуж и стать счастливой матерью. На всем белом свете нет царевнам равных, а родниться с нижеродными им не дозволено. Не за изменение ли своего положения боролась царская дочь? Не желала ли она быть такой же свободной, как боярыня Наталья?

Мчалась боярыня Собакина в Москву, чтобы встретиться с сыном и спасти его от неминуемой казни. Встретилась с Прасковьей, и та рассказала, что Иван давно отошел от стрельцов, хоть и переживал страшно, когда тех отправили на Азов, а потом к польской границе, желая, видно, удалить их из стольного града. Когда же силой те решили вернуться назад, Иван, вспомнив стрелецкую службу, вернулся к ним. Войска боярина Шеина разбили стрельцов, и всех плененных бросили в тюрьмы. Сидит теперь Иван в заточении, ждет царева решения, а царь Петр жестоко пытается бунтовщиков в Преображенском.

К счастью, думала Наталья, у царя Петра верно служат два ее сына. Не может он отказать их матери в просьбе. Стала боярыня добиваться царской милости. Боялась, что опоздает. По Москве шли казни. И в Преображенском казнили несчастных. Ехала боярыня в Преображенское в надежде пробиться до царя.

Встретил тот боярыню в простом деревянном доме. Низко она поклонилась. С высоты смотрели на нее хмурые Петровы очи:

— О ком просишь, боярыня?

— О старшем сыне, Государь. Он верен тебе, случай его увлек. Два сына моих тебе верно служат. Помилуй, царь-батюшка, Ивана Собакина. Именем Господа Бога прошу!

— Встань, боярыня. Негоже женщине, родившей славных сынов Отечества, нич-

ком лежать. Помню я Петра и Андрея Собакиных. Жду их возвращения из дальних земель. Великое дело мы замыслили: силу Отечеству придать, чтоб стояла Россия равной среди великих держав! А стрельцы хотят назад повернуть, бунт учинили. Сестрицу мою, что не видит величия дел наших, слушают. Нет, боярыня Наталья Федоровна, не ради себя, ради Отечества нашего не могу я простить изменников.

Рассерженный государь, прячущий в грозных словах свои сомнения, встал и вышел из комнаты. Через несколько дней Иван Собакин вместе с другими зачинщиками был повешен в Новодевичьем монастыре перед окнами кельи монахини Сусанны, в миру бывшей царевной Софьей.

Новая жизнь перемалывала судьбы людей. Впереди были долгие войны и великие походы, создание мощного русского флота и непобедимой армии, строительство величественного города и первых заводов. Сыновья Натальи познают радость побед и тяжкую участь забвения. Дочери станут осваивать дарованное царем освобождение от мужского насилия и поражать мужчин изящными манерами, совершенно недопустимыми во времена молодости их матушки. Только все это будет за гранью жизни Натальи. По возвращении из Московской поездки она простудилась и быстро сгорела. Видно, в старой жизни жить не могла, а к новой не была готова.

Александр Вайнерман
(г. Москва)

THE BEATLES

Александр Михайлович Вайнерман родился в Москве в 1949 году. Главный специалист Аналитического Центра Москомархитектуры, кандидат экономических наук, автор более 50 научных работ.

Поэт и прозаик, член Союза Писателей России, член творческого клуба «Московский Парнас», награжден орденом Г. Державина. Автор поэтической книги «Окно в мир», неоднократно печатался в Альманахе «Московский Парнас», Антологии современной поэзии «Рождены для вдохновения», Антологии современной поэзии «Созвучье слов живых», в сборниках стихов и малой прозы.

Видавшая виды зеленая двухместная спортивная байдарка с длинноволосыми парнями на борту прошла очередной поворот Жиздры. Эта небольшая, вялотекущая на юг по Калужской области речка впадает в Оку в районе городка Перемышль, а начало берет в болотах. Берега чаще высокие, лесистые и малонаселенные, иногда река преодолевает каменистые перекаты. По легенде, название реки возникло после того, как на утренней заре с одной стороны речки кричали:

— Жив? — а с другой стороны отвечали:

— Здрав! — Звуки «в» пропадали в утреннем тумане, так и получилась Жиздра.

Известными достопримечательностями на этой реке являются Оптина Пустынь и старинный городок Козельск. Отрезанная от мира рекой Жиздрой и расположенная в сосновом бору Оптина Пустынь — превосходное место для отшельнической созерцательной жизни. Оптинские старцы отличались высшим из всех даров — даром рассудительности, исцелений и чудотворений. Служение это пророческое — как в апостольские времена творили пророки, так и теперь старцы утешали страждущих, возвещали по воле Божией будущее. Город Козельск впервые упоминается в летописи в двенадцатом веке. А уже в тринадцатом веке он был взят татарами и мужественно сопротивлялся в течение семи недель. Все жители были перебиты. По преданию двухлетний князь Василий утонул в крови. «Злым городом» прозвали Козельск татары.

Вечерело, лодка проходила участок с пологими и болотистыми берегами, мало пригодными для стоянки и ночлега. Местность освещалась скуными лучами заходящего в кудрявые, кучевые облака майского солнца. Как это обычно бывает на закате в погожий день, облака окрасились всеми цветами радуги, образовав сказочные очертания гор, церквей, минаретов, повозок с верблюдами, задравшего хобот слона, диких зверей и птиц, людей в старинных доспехах с длинными копьями и мечами. Отражения деревьев, кустов, высокой травы и облаков создавали на воде причудливые образы старинных зданий и замков, опутанных тенями, как оренбургскими кружевами.

Вода напоминала разлитое на асфальте оливковое масло и была зеленовато-черного цвета с рыжими подпалинами от падающих солнечных лучей. Местами вода

вскипала и бугрилась от выходящих на поверхность ключей и выпрыгивающей навстречу уходящему светилу рыбы. Узкое и извилистое русло изобиловало заводями, иногда по всей ширине реки расползались зеленые продолговатые листья, из которых выглядывали восхитительные белые кувшинки.

Ласточки смотрелись на фоне пламенеющего закатного неба маленькими черными точками, а еще различимые в сумерках комары из отдельных особей превращались в темные, сетчатые, все заполняющие жужжащие пространства, закрывающие горизонт. Кроме звона кровососущих, тишину нарушали лишь скрип уключин, да затихающие трели кузнечиков. Теплый, мягкий ветерок обдувал раскрасневшиеся лица путешественников. Все в природе предвещало теплый и погожий день. Байдарочники искали хотя бы небольшую, сухую возвышенность на берегу подальше от населенных пунктов. Причаливать и ставить палатку в незнакомом месте всегда предпочтительно до наступления окончательной темноты.

Наконец, за очередным поворотом реки, Алексей и Николай (так звали путешественников) увидели высокий берег, заросший смешанным молодым лесом и кустами. В быстро сгущающихся сумерках признаков людей и домов не было видно. Ребята причалили, затащили лодку наверх и поставили палатку, не забыв подстелить на пол еловый лапник.

Алексей — длинноногий, со стянутыми резинкой темными выющимися волосами, в высоких охотничьих сапогах, шел в свой первый в жизни байдарочный поход. Николай — высокий очкарик в брезентовой робе, двадцати с небольшим лет, был опытным речным волком. Он несколько раз в году ходил в походы по рекам любых категорий сложности, имея удостоверение инструктора по туризму.

Работая в одной организации, ребята играли в созданном Николаем вокально-инструментальном ансамбле. Леша окончил строительный институт, а Коля учился на четвертом курсе института электроники, при этом оба имели за спиной музыкальную школу по классу гитары. Леша играл на ритм- и бас-гитаре, сочинял тексты песен, а Коля сочинял музыку, играл на соло гитаре, фортепиано, ударных и тоже писал тексты песен. Две завернутые в несколько слоев целлофана акустических гитары на борту маленькой лодки доставляли определенные трудности во время сплава. Но ради удовольствия ночью, на природе, под звездным небом и с великолепной природной акустикой поиграть в две гитары друзья были готовы на любые лишения.

Описываемые события происходили в середине семидесятых годов прошлого века. С едой тогда существовали определенные проблемы. Но наши путешественники заранее подготовились к походу, имея в своем арсенале тушенку, крупы и супы в пакетиках. Из алкоголя был спирт в металлической фляжке, но исключительно в лечебных целях. Картошку ребята копали в колхозно-совхозных полях, которые нечасто, но встречались им на пути. Яйца, хлеб и молоко покупали в сельских магазинчиках.

Приученный к дисциплине частых походов, Коля собрал сухой, опавший валежник, не трогая живых деревьев, маленький костер разгорелся, в котелке начала призывно булькать вода.

Вдруг Коля насторожился и сказал Леше:

— Ты ничего не слышишь?

— Вроде бы нет, хотя погоди, кажется, где-то лают собаки,— ответил Леша. Потом послышался звонкий петушиный крик. Палатка стояла почти на самой вершине небольшой горки, под деревьями, костер горел рядом.

Обогнув палатку и костер, байдарочники вышли на другой край холма и обнаружили за излучиной, буквально в двухстах метрах на той стороне реки деревню и перекинутый на их сторону небольшой деревянный пешеходный мостик. В это время послышался рев мотоциклетных моторов, к временному жилищу наших героев подъехали четыре или пять мотоциклов, два из которых были с колясками. Молодые, чис-

лом не менее шести, крепко сбитые и уже хорошо подданные деревенские ребята, окружили палатку и костер.

— Кто же это вам разрешил в нашем лесу рубить деревья и разжигать костер? — спросил, перемежая свои слова отборным матом, самый накачанный из приехавших сельчан. На нем была тельняшка, кирзовые сапоги «гармошкой» и серая, модная в те времена, кепка.

— Так мы не рубили, это все валежник. Да и костерчик совсем маленький, окопан со всех сторон, — ответил Николай.

— Так, — сказал человек в тельняшке. — Даю вам десять минут на сборы, и чтобы вашего духа здесь не было.

С этими словами он подошел к разгоревшемуся костерку, ударом ноги отбросил котелок далеко в сторону и помочился на огонь, призвав своих товарищей сделать то же самое.

— А продукты и водку, если есть, сложить вот здесь, — показал он на мотоциклетную коляску.

Неожиданно его взгляд упал на заботливо укутанные в целлофан, еще не распакованные гитары.

— А это что? Для растопки костра? Кто из вас умеет играть?

— Да мы, в общем-то, оба гитаристы, — отвечал немного подавленным голосом Коля.

— А что можете сбацать? — спросил накачанный.

— Ну, Визбора, Галича, Окуджаву, Высоцкого, «Машину времени», частушки, — отвечали туристы-водники.

— Ну да, так я и поверил. И спеть тоже?

— А то, конечно, на два голоса и в две гитары.

— Расчехляй и запевай, — скомандовал бывший моряк.

Деревенские расселись на мотоциклы, траву, поваленное деревце, закурили и приготовились слушать. Надо отметить, что у Коли был красивый, высокий, хорошо поставленный голос, а Леша за время многочисленных репетиций и выступлений научился четко петь вторым голосом. Пели они и акапелла.

Первые несколько песен — ранний Окуджава, пара блатных песен Высоцкого, частушки прошли в полной тишине, прерываемой лишь звуком сплевываемой слюны и изредка одобрителем причмокиванием.

— Ну, это все фуфло, — сказал главарь деревенских.

— Так и мы под гармошку с балалайкой можем.

— А вот что-нибудь не по нашему, типа Битлов, слабо?

И Коля с Лешей, сначала без сопровождения гитары, акапелло, потом проигрыш соло, потом в две гитары и два голоса спели «*Michelle*», «*Yesterday*» и «*Girl*» великой ливерпульской четверки.

Деревенские заметно оживились, начали прихлопывать в ладоши и отбивать ногами в такт музыке. И кто бы мог предположить даже в самом страшном, несбыточном сне, что в этой глухой калужской деревушке уже знали и любили эту группу. Малообразованные деревенские ребята, небритые, в телогрейках и сапогах, все дни недели проводившие в поле на тракторах и комбайнах в битве за урожай, в свободные минуты отдыха за бутылкой самогона и самокруткой, оказывается, слушали на первых отечественных катушечных магнитофонах ужасного качества пятые-шестые копии песен знаменитых английских музыкантов.

— Так, стоп ребята, маленький перерывчик, — сказал деревенский вождь.

Он быстро пошептался о чем-то с товарищами, после чего два мотоцикла с колясками быстро уехали. Оставшиеся деревенские парни попросили у туристов топор, срубили стоящие вокруг палатки большие деревья, сложив из них пионерский

костер в несколько метров высотой. В это время опять послышался рев мотоциклетных моторов, и из колясок на свет божий появились два ящика с какой-то ярко зеленой жидкостью.

— Продащицу Зинку с постели подняли, в магазин отвезли, но ничего из спиртного, кроме этого зеленого напитка не было,— извиняясь, сказал вернувшийся из поездки в деревню паренек.

— Зато сала достали, соленых огурцов, квашеной капусты, лука с чесноком и картошку из подвала прихватили. А эта дрянь зеленая — вроде сорок градусов. Так что погуляем.

Кроме выпивки и закуски, с ребятами увязались из деревни две молоденькие барышни, прослышав про заезжих музыкантов. И просто пьянка под музыку грозила превратиться в мероприятие.

Николай взял бутылку, повертел ее в руках и сказал:

— Я сначала подумал, что это тройной одеколон в такой оригинальной, поллитровой упаковке, специально для нужд советской деревни. А это настоящий, самый знаменитый, старинный французский ликер Шартрез, цвет у него натурально зеленый, без красителей, на многих травах. Из него же коктейли надо делать, либо пить на десерт.

— Ну да,— сказал Вася, бывший моряк и главный человек среди деревенских,— Вы уж не обижайтесь, пацаны, мы от всей души старались, месячный запас всего спиртного выгребли из магазина. Другого ничего не было.

Пионерский костер разгорелся так, что его было видно за многие сотни метров вокруг, а песни ансамбля «*The Beatles*» до утра звучали над притихшей ночной Жиздрой.

Вот так «ливерпульские» спасли «московских» от «деревенских».

Алексей Яшин
(г. Тула)

ЗЕРКАЛО НА ХОЛСТЕ*

◆ Сысой не заметил, как задремал в «думной комнате». Обычно сам перед собой оправдывался: мол, вечер уже, да и дурацкая эта задумка — с якобы тайной комнатой без окон сама к дреме в конце трудового дня так и тянет... Хитрил даже перед самим собой Сысой: как исполнился ему сороковник, так организм-то не обманешь! Впрочем, сегодня прилег по необходимости: не выносил, когда в его присутствии в кабинете уборщица или работяги по необходимости находятся. Вот и удалялся на это время.

Комаринно пропищал зуммер:

— Артем Андреевич,— как бы над самым ухом раздался голос Люды,— рабочие ушли. Я, если вы не против, тоже домой пойду.

— Хорошо, Люда, до завтра.

Спустил ноги с широченного кожаного дивана, зевнул, помотал головой, подошел к двери, нажал кнопку: дверь мягко, беззвучно отъехала и также замкнулась за вышедшим в кабинет хозяином. Со стороны кабинета дверь ничем не выделялась на фоне стены. Опять усмехнулся, как всегда, выходя: игра в «зарницу»!

Глаза сразу отметили причину сегодняшней суеты с рабочими: на противоположной стороне, к которой он сидел за столом спиной, обок правого плеча на высоте обычного роста, то есть его роста, висела незамысловатая картина — черный квадрат на светлом фоне — и все. Даже обрамление холста, даром что из какого-то диковинного бразильского бревна выпиленное, не остановило бы и четверть взгляда вора-домушника по антиквариату.

Впрочем, он вполне здесь доверял своей старинной, хотя и тридцатисемилетней еще, секретарше: единственному человеку во всем мире, в отношении которого он позволил себе барскую роскошь — доверие в делах житейско-бытовых, к каковому он относил все, что касалось организации его рабочего кабинета. А в кабинете в последние годы и проходили его жизнь и быт... Потому, чтобы не нарушать эту гармонию заботы, в отношении Люды он с самого ее появления в его деловой жизни строго придерживался бюрократической мудрости: не бл... где живешь, не живи, где бл... А под жизнью он давно уже понимал свое присутствие здесь, в центре управления его большим хозяйством. «Легальный бизнес — это обналиченный общак»,— замысловатая эта фраза часто вертелась в голове.

Еще с одним, так сказать, недостатком верной секретарши он мирился: мощно красивая, в свое время выгнавшая «левака»-мужа, а теперь любяще, но строго воспитывавшая пятнадцатилетнюю дочку-школьницу, Люда с самого начала ее службы у Сысои отказалась исполнять обязанности деловой сводни: «Вы, Артем Андреевич, пожалуйста, не *идентифицируйте* божий дар с яичницей! Я без намеков всяких, просто по пословице говорю. Секретарское дело тонкое, а если из секрета-

* Глава из романа «Квадратная пустота», над которым автор сейчас работает.

ря делать многостаночницу-стахановку, то... Сами поминаете: где убудет, там не прибудет особенно...».

Сысой тогда сдержал вспышку гнева и уже с видимым интересом дослушал толковое разъяснение рекомендованной ему приличными людьми Люды. Тогда еще Людочки.

Согласившись с доводами в целом, он все же полубопытствовал: откуда у бывшего музейного специалиста-искусствоведа такое тонкое знание жизни и образность делового языка? — «Но я ведь, Артем Андреевич, в реальном мире живу, да и опыт работы с людьми имею. Может поэтому и рекомендовали меня вам».

◆ С полгода назад Сысой был по делам в крупной московской фирме из числа тех, про которые левая пресса злорадствует завистливо: дескать, успешно продают родину даже не в розницу, но только крупным оптом. Беседуя в кабинете с исполнительным директором, по давней, так и неизжитой привычке рискованного дельца «лихих девяностых» инстинктивно поводя глазами вправо-влево, почему-то остановился на картине в золоченой раме, совершенно непонятной: какие-то яркие линии изогнутые, карикатурные женские головы, почему-то искусно выписанные сапоги-ботфорты...

Хозяин кабинета, тож с наблюдательностью этих самых лихих годов, тотчас отметил интерес гостя из провинции:

— Любопытствуете, Артем Андреевич? Кисти самого Никифороса Листригонова полотно,— горделиво пояснил он явно чужими словами,— сейчас в солидных офисах мода на этот самый... новый российский модернизм. Вот наш хозяин и закупил сразу несколько картин Никифороса оптом за полтора лимо... полтора миллиона долларов и велел по кабинетам директоров развесить.

По возвращении в Бортянский как-то вечером, разгрузившись с делами, выпил стопку коньяка, вышел в приемную к уже засобиравшейся на школьное родительское собрание Люде, заинтересовав ее нынешней страстью крупных столичных фирмачей к картинному модернизму. Люда, почти по-семейному подкрашивая свои губки, кратко, но толково объяснила:

— С западников, особенно с американских банкиров обезьянничают.

— Тем более, что там появился стойкий интерес коллекционеров к русскому модернизму: от Филонова и Серебряковой двадцатых годов до нынешних, известных на Западе: того же Никифороса Листригонова. Кстати, «в девичестве» его звали Семен Магазинер. Есть у меня в Москве давняя знакомая, что при богеме вращается, так она некоторое время его подружкой числилась. Так что сведения достоверные...

— Ну-у, единственное, что осталось у нас от совка, так это название вспомогательной, рублевой валюты и интернационализм. Был Магазинер — стал Листригонов. Но вроде сейчас как раз наоборот делают: из Давыда в Давида...

— Это я к слову. По мне хоть Хайле Силасием* себя называет. Так я, Артем Андреевич, dokonчу. Наше обезьянничество есть смесь квасного патриотизма, желания похвастаться перед иностранными спекулянтами, наезжающими в Москву, а также показать, что сейчас не девяностые го...

— Все-все, Люда, я понял.— Сысой просто ценил время секретарши, опаздывающей на школьное мероприятие, но никак не обижался на ее слова: опять же почти по-семейному, тэт-а-тэт они разговаривали, как супруги на кухне, нормальным, всем понятным языком.

— А может и мне этого... как его, Филимонова в кабинете повесить?

— Не укупите, Артем Андреевич. Большую сумму из актива придется выводить. Хотя это и хорошая аккумуляция капитала. Но дело в другом даже: в нашей глухомани это никто даже оценить не сможет. Так что не рекомендую связываться с русским модерном двадцатых годов.

* Хайле Силасие Первый — долголетьный и последний император Эфиопии, большой друг Никиты Сергеевича и Леонида Ильича.— Прим. авт.

— Нд-а-а, хрен возьмешь с тарелки деньги у попа,— Сысой облизнул нижнюю губу — пересохла в ожидании второй стопки коньяка, а фигура запретной Людочки намекала и на греховное на сегодняшний уик-энд,— все же не такая у нас глухомань; это вот с комбината америкосы заглядывают ко мне... Может что подешевле этому Никифору заказать? Ладно-ладно, иди. Потом договорим. Дети они посерьезнее всяких чучел на стене.

...Вернувшись к себе, Сысой принял еще сопку и позвонил дежурной своей пас-сии Нельке из офисников:

— Поедем за город. Сейчас с Егором подкатим. Жди.

◆ В понедельник вечером Люда, захватившая из дома альбом — компьютеру не доверяла в таких делах, цвета и фактуру искажает,— в два счета уговорила хозяина заказать Никифоросу не авторскую картину («опять же в провинции не поймут!»), а копию «Черного квадрата» Малевича.

Сложная гамма чувств и гримас отразилась на багровом от сауны и коньяка в двухдневный уик-энд с Нелькой-динамой лице Сысой при виде иллюстрации в альбоме. «Либо Людка дура все же в неслужебных делах, либо меня за такового держит»,— подумал он, но, сдерживая легкое раздражение, выслушал обстоятельный доклад секретарши-искусствоведа... И согласился. Да и заключительный довод оказался стоящим: за перелопачивание на специально состаренном холсте с красками Никифорос свыше двадцати штук баксов не потребует.

...Когда при нем распаковывали картину, привезенную специально отряженным в столицу Егором, Люда особе внимание обратила на лихую подпись Листригонова на обороте холста: «с подлинным верно» — дата и лихой росчерк. Явно взошедшая звезда российского модернизма при подписывании разминался виски перед ужином.

К картине была приложена эстетная папка из тонкой натуральной кожи, в которую подшиты несколько официальных бумаг с подписями же и печатями, подтверждающими экспертизу подлинности копии.

Пока Люда на правах ответственной заказчицы — через ту самую экс-подругу Листригонова — просматривала документы в папке и сверяла подпись модерниста на бумаге и обороте холста, хвалила качество искусственного старения картины, Сысой, поочередно посматривая то на «Квадрат», то на потолок, что-то вычислял цепким умом оценщика. Закончив мысленные упражнения, обратился по-деловому к секретарше:

— Слышь, Люда, а как эти вот штуки старят?

— Доподлинно не знаю, как-то не интересовалась в свое время, но один халтурщик-реставратор — в мою музейную бытность — рассказывал, правда, под сильным градусом. Берут аквариум по размеру картины, кладут на его дно побольше искусственного льда из уголекислоты, устанавливают в нем лицевой стороной вверх поддержку или копию, кому что надо, сверху аквариум закрывают стеклом по размеру, герметизируют замазкой. Затем в течение трех-четырех дней, то есть суток, держат все это под мощной ультрафиолетовой лампой...

— А что мазила в эти сутки делает? Водовку хлещет?

— Зачем водовку, как вы остроумно заметили. Это же не музейный наш халтурщик. Те люди деловые. У них, наверное, и аквариумы на четыре копии, прислоненные к стенкам из стекла, что ультрафиолет пропускает. А пока процесс идет, бригада следующие заготовки мажет. Что это вас заинтересовало?

— Вот теперь мне расцеховка ясна. Итак, с учетом высокооплачиваемого трудодня Никифора этого, себестоимость этой штуки не более двух штук баксов.

— Перекреститесь, Артем Андреевич! Никифорос очередь имеет на заказы на два года вперед. У него как у Дюма — пера поденщики на копиях работают. Он же только подпись свою ставит!

— Да-а? Тогда штука с центами. Молодец! Две тысячи процентов прибыли...

Наш человек! Зови кого из подсобников, вот сюда пусть шпандорят. Закончат — звякни перед уходом домой.

Сысой только при Люде нажимал на ничем не отмеченное место на стене, открывая дверь в свою тайную комнату.

◆ Сысой привыкал к новой вещи в кабинете в самый любимый свой час: из полуотворенной уходящей Людой двери по-теплому втекал из затененной — горела только слабосильная лампочка низкого настенного дежурного бра — приемной отголосок аромата тонких французских духов и еще чего-то... хотел сказать: домашнего, но поправился: гостинного.

«Купила баба поросся», — бормотал он, недоверчиво, искоса поглядывая на Никифорово творение, делая задумчивые восьмерки вдоль стены с картиной.

В голову сразу пришла мысль: а как он обычно, усаживаясь за совещательный стол с малознакомыми или вовсе неизвестными партнерами, либо в президиум на собраниях акционеров, либо всяких предвыборных спектаклей, оценивал людей? — Правильно, чуть сузив прищур глаз, поочередно, слева направо, ряд за рядом, если в президиуме, осматривал все новые лица, останавливаясь на каждом не более пяти-восьми секунд — привычка еще с лихих рейдерских времен. Та-ак, подряд три шелупони безмозглые сидят, каждому слову любого красноба верят. Ого? Какая телка зачем-то сюда затесалась. Ей бы в постели баксы зарабатывать, пока груди торчком, а она туда же, в политику... Этот — старый отставник — пердун, но до мелких денег охочий. А вот с этим на всякий случай надо поосторожнее, черт знает, что у него на уме... И так далее.

Еще проще за совещательным столом. Здесь нет случайных персонажей, все как оловянные солдатики отлиты по ограниченному числу форм-матриц: из заматеревших братков девяностых, этот и вовсе коронован был, бывший крышевик из «силовиков», коллега-рейдер, депутат-лоббист со своей долей от общака, адвокатский и банковский. Вот и вся номенклатура. Рожи же и вовсе одним чеканом штампованные: компотная смесь алчности, хитрости с осторожностью и всех других пороков до самых мерзопакостных.

...Да и сам я такой же продукт...

Вот и сейчас Сысой, закруглив очередную восьмерку вдоль стены, чуть отошел к совещательному столу и, выбрав нужный угол обзора, полуразвернул один из стульев, присел: правильно точку выбрал!

Чтобы лишний раз не мотаться, встал, сходил на кухню тайной комнаты-квартирки, принес початую бутылку французского коньяка, хрустальную стопку с фигурной огранкой (всяких рюмок не признавал) и серебряную плошку с черной икрой — компенсация за совковые пельмени и винегрет с килькой пряного посола. Вот что качественное было, не отнимешь, так это самая рядовая советская водка, не говоря уже о «старке» и «посольской»...

Все это поставил на край совещательного стола одесную и уже прочно утвердился на ранее выдвинутом и развернутом стуле.

«Вот тебе и греческий зал», — усмехнулся сам себе.

◆ Представив, что перед ним одна из неизвестных морд на совещании или показушном собрании, Сысой сощурил глаза и уставился на неказистый рисунок картины. Однако обычного пристального сосредоточения не получалось. «То ли ты такая некрасивая, или я выпил еще мало», — пробормотал Сысой, в четверть оборота к столу налил стопку, выпил, не отводя взгляда от «Квадрата», закусил десертной ложкой икры.

Теплый комок прокатился до желудка, тело расслабилось, прищур глаз сам собой сошел. Видно и в темечко «француз» ударил слегка, ибо показалось Сысою, что со стены смотрит на него одним глазом не кто иной, как их бывший городской голова, прославившийся покупкой «для нужд коммунального хозяйства Бортянского» табуна

туркменских рысаков. Видно, тот действительно имел отчасти цыганскую кровь. Когда на что-либо таращился, обычно на пачку даваемых ему зеленых, то его иссиня-черные густые брови изламывались под прямым углом, обрамляя темные же глаза, выглядели на бронзоватом от кипрского загара лице таким черным квадратом...

Сысой досадливо отогнал облик вороватого градоначальника, но здесь совершенно некстати посетила мысль: а может, как Никифор, и сам этот Малявин, или как там его — все одно от слова «малевать» — тоже на конвейер ставил свои «квадраты»? А чтобы рентабельность застахановить, так и рисунок картины самый немудреный выбрал. Почему, например, не «Черный круг»? — А потому — круг-то надо уметь «на глазок» рисовать, либо большой циркуль под рукой иметь. А циркуль-то купить — деньги тратить!

После второй стопки Сысой понесло на высокие материи, задумался он о ремесле художника.

В сельской школе-маломерке, то есть в тех начальных классах, где значатся уроки рисования, штат учителей оказался хронически недоукомплектованным. Поэтому за научение детишек высокому искусству композиции и раскрашивания взялся было спьяну и на спор физрук, но далее рисования игральные карты дело у него не пошло. Потом и вовсе запил, крепко поругавшись из-за «леваков» с женой и тещей, за что был из школы изгнан: даже в деревне всему есть предел... Потому уроки рисования, говоря современным языком, перевели в категорию виртуальных, а оценки для табеля ставили средними от общей успеваемости.

Вторая встреча с живописью произошла через полгода после появления в его деловой уже жизни Люды. Хотя и помнил он о договоре с ней: только работа, никакого интима и даже намек на него, Сысой как-то не выдержал: много коньяка с виски выпил. Опять же строгая по части деловой любви секретарша Сысой, как натура художественная, вовсе не скрывала выигрышных сторон своей фигуры, а в одежде ее всегда присутствовала рискованная грань между конторской строгостью и той выдержанной сексапильностью, от вида которых у серьезных мужиков-леваков носы синели.

Словом, начал было Сысой, облапив в опустевшем офисе Люду, заваливать ее на диван, но... получил ее коленкой такой удар между ног, что яйца закатились в лобковые отверстия. И еще предупреждение «последнее китайское» получил: «Это, Артем Андреевич, в первый и последний раз. Если же вас так возбуждают мои колени, то перейду на брючные пары. Главное, не мешайте коньяк с виски: виноград и ячмень — продукты плохо совместимые!»

С этим Люда ушла из кабинета и вовсе из конторы (Сысой не любил слова «офис»), благо трудодень давно уже закончился. Но чтобы окончательно вправить мозги Сысою, умудрилась нарочито так резко развернуться в дверях, что ее легкое, фигурно плиссированное шелковое платье «от кутюр» веером взмахнулось, на секунду показав даже на миг забывшему о вдавненных гениталиях Сысою свои изумительные бедра, почти на всю высоту обтянутые только-только вошедшими в женский обиход чулками с кружевной липучкой-окантовкой.

Пронзительно-ноющая боль вновь заставила Сысою, обхватив ладонями низ живота, согнуться так, что лоб с выступившей холодной испариной уперся в греховный диван. А в мыслях одно: «Соберись, дурак, с силами, позвони в охрану — задержать, стерву, пока не вышла с территории... Потом? — Потом пусть эти мордатые бездельники всей бандой до утра ее пользуют... Затем... затем влить в горло флакон водки, отвезти и голую выбросить в помойку около ее дома!»

Здесь он вспомнил, как поступал в детские годы после ожесточенных драк улица-на-улицу с добиванием лежащих носком ботинка между ног. Собственно, такую западлятину мог делать только пэтэушник Ржавый, успевший побывать в колонии. Так и Сысой-школьник пару раз под его раздачу попадал.

«Вот и пригодилась наука кобелю»,— уже успокаиваясь, подумал Сысой. С трудом разогнулся, переложил руки за спину, выпятился животом вперед и козлом запрыгал по той части кабинета, где не имелось коврового покрытия.

К моменту, когда в двери возник изумленный старший охранник, обеспокоенный слоновым топотом, Сысой уже выколотил свои «предметы» в положенное им место. Липкий, звериный страх прошел вместе с ознобом, а к боли от меткого удара острой ногой туфлей не привыкать матерому бойцу.

— Чего уставился? Кто звал?

— Да я-я...

— Квасник Илья! Не видишь — физкультурой занимаюсь. Вес сбрасываю. Скажи Егору: пусть машину заводит, за город поедет. Да вызвони кого из наших проб... Впрочем, не надо.

Оживший Сысой подошел к своему заглавному в кабинете столу, на котором стояли две полупустые бутылки: с виски и коньяком. Первую он с размаху запустил в растворенную дверь. Как и положено в таких случаях, бутылка с «Джонни Уокером» угодила точно в массивную бронзовую дверную ручку и вдребезги разлетелась. Коньяк же он из горла весь выдул, а тару без шума опустил в мусорную корзину.

◆ Наутро, войдя в приемную, он сухо, но решительно извинился перед Людой, одетой в брючный костюм. «Бог простит»,— также сухо, но деловито ответила она, вставая из-за стола с компьютером.

То ли двусмысленно, а скорее инстинктивно, она бросила короткий взгляд чуть ниже поясного ремня шефа. Уловив его, Сысой, наверное, впервые за последние двадцать лет покраснел: не со злости, но от давно забытого смущения. И еще ему почудилось (о, черт!) в коротком взгляде Люды что-то похожее на то выражение глаз, которое появляется у семейной женщины, с плохо скрываемым сочувствием смотрящей на ушибленное место своего супруга...

Крякнув, Сысой прошел в кабинет, закрыв за собой дверь, и позвонил кадровичке: узнать день рождения Люды, который он еще не успел запомнить. Узнав же, что до даты такового не более двух недель, опять же сам, не включая секретарский телефон, вызвал юриста.

— Слушай, Борис свет Карлович, ты ведь в Москву едешь — сам знаешь зачем?

— Так точно, Артем Андреевич, через час откатываю. Будут дополнительные поручения?

— Да-а, пожалуй. Заедешь в лучший магазин, где альбомы по этому, как его... искусству, живописи то есть, продают. Возьми что-нибудь поприличнее, в наборе, но в деловом оформлении, без этой дурацкой позолоты и пудовых переплетов. И не смотри, Карлыч, на меня так. Я еще до Кашенки не созрел. Подарок вежливости. Ступай.

...Две недели без малого в тайной комнате на столе находилась солидная стопа художественных альбомов «Лучшие музеи мира» в роскошно-выдержанном английском издании, в стилизованных холстинковых переплетах с правдоподобной имитацией картин маслом на обложках.

И, словно подвигая Сысою на знакомство с мировой живописью, обстоятельства его деловой жизни сложились так, что обе эти недели выпали на дела с крупным тендером: областная администрация в Тулуповске получила от центра крупный куш на коммуналку и дорожное строительство. Настолько неожиданно солидный, что областное чиновничество не смогло в короткий срок его переварить, то есть разокрасть. А раскидать деньги по области требовалось — по отчетности перед центром — архи-быстро. Так и Бортянску перепала немалая сумма.

Под нее, с вычетом, конечно, чиновничьей контрибуции, и был объявлен тендер. Сысой, естественно, его и захапал, но для этого пришлось десять с лишком дней трезвым с утра до вечера постоянно ездить в Тулуповск с бакшишами нужным людям, за-

сидеть в опереточных комиссиях, нести чушь о благе города и района на радио и телевидении и так далее. До полного омерзения и отупения. Главное — расслабиться, выпить как следует вечером нельзя: чтобы утром ни запашка, ни тяжести языка.

Видя этот знак небес, а без полутора бутылок Сысои на баб не тянет, он и приноковился в «тендерные» дни, оставшись один, не считая, конечно, охрану на нижнем этаже, рассматривать подарочные альбомы, по-домашнему расположившись в «тайной» комнате — при раздвинутой в кабинет двери. Сысой вообще не терпел замкнутого пространства, что умная Люда называла клаустрофобией, хотя на подводной лодке не служил. Тем более в космос не летал. А бог и звериное чутье миловали и от тюремных камер. Та же умница Люда как-то разъяснила к поводу («Люда! Сколько раз просил, когда в приемной нет ни одной морды, дверь в кабинет на две ладони оставлять приоткрытой!»): это у вас, Артем Андреевич, от деревенского происхождения, от неизбывного крестьянского устремления к необузданной вольности, символ которой — распахнутые на весь мир двери и ворота...

...Итак, поставив на стол графинчик с отмеренной дозой коньяка — чуть побольше четвертинки, заварной чайник и кой-чего по мелочи из закуски, сам расположившись в кресле, Сысой неторопливо перелистывал взятый наугад альбом.

То что альбом в текстовой части на английском, Сысой не смущало: названия картин его не интересовали, а имена авторов разбирались — школьный и институтский немецкий не совсем забылся, а по-английски он наитием научился разбирать буквы и фамилии по деловым бумагам с зарубежными фирмами. Чтобы знать, за что расписывается в договорах. Здесь он не доверял особо своей штатной переводчице. Даже в постели.

К тому же, как он давно и по другому поводу заметил: у западников фамилии пишутся на их родных языках, благо алфавит латинский у них один. Он даже как-то поинтересовался у Люды.

— А это, Артем Андреевич, от высокой и долгой западной культуры. Кстати, и в нормальном русском языке сохраняется фонетика оригинальных иностранных имен, просто мы на наш алфавит все переводим. Ввели бы, упаси бог, в двадцатых годах наши модернисты латинский алфавит, так и мы бы французские имена писали по-французски, английские — по-английски и так далее. Только восточные — в латинской транскрипции.

Затем Люда заулыбалась:

— Пожалуй, единственным в мире языком, точнее направляемым государством языком, где все иностранные имена «переводят» на свой, является хохлацкая мова. Даже здесь нынешние киевские гетманы показали свою железобетонную самостоятельность с незалежностью...

— Это в каком смысле?

— А здесь далеко за примерами ходить не надо. Я, как это ни странно для девицества, учась в школе, до восьмого класса почтовые марки коллекционировала. Потом подарила два полных кляссера однокласснику — своей первой платонической любви... Словом, сейчас, регистрируя входящую офис..., пардон, конторскую почту, с интересом рассматриваю марки на конвертах, а наиболее интересные вырезаю и в заветную папочку складываю. Пробовала для усидчивости и интеллекта дочь заинтересовать, но куда там с нынешней молодежью...

— Ты к делу давай ближе. Все же каждая моя минута ста баксов стоит. Как минимум.

Люда открыла дверцу своего стола, достала пластиковую папку с кнопкой, открыла ее, в чем-то порылась и протянула шефу вырезку из конверта с маркой:

— Смотрите. Это украинская марка.

— Ну и что? Репин на ней.

— А вы подпись прочитайте под Репиным.
— Ну-ка... Что за чертовщина: *Илья Юхвимович Рэпин*, а?
— Вот так-то, Артем Андреевич!
— Ни встать, ни упасть.

◆ Несколько вечеров общения с высоким искусством мировой живописи — под освежающий малый графинчик настоящего «наполеона» — подвинули Сысой к определенным соображениям, касающимся сущности и роли этого самого искусства.

Как человек сугубо деловой, Сысой в первую очередь оценивал произведение живописи как товар. В чем, в чем, но в оценке товара Сысой свору собак съел. Получалось так, что цена картины складывалась в определенных пропорциях из имени художника, древности картины, числа сохранившихся полотен данного художника, музея-экспозитора. Определенную роль, хотя и не определяющую, играли размеры картины, ее сюжет и степень сохранности. К таким же второстепенным факторам цены относилась и преходящая мода на автора и его прижизненная скандальность.

Но это все для европейской классики и русской живописи от Боровиковского до Репина включительно.

Для живописи двадцатого века на первый, стоимостной план выходили как раз скандалы и пиар. — В историческом и кулуарном планах. Но на первое место здесь уверенно вышла товарная продукция всяких модернистов. Вплоть до идиотических «квадратов», «шаров» и «кубов». «Чем чуднее, тем моднее, как у нас в деревне говорили», — пробормотал Сысой. И еще одну деталь в стоимостном рейтинге модернистов отметил Сысой: политическая конъюнктура. Особенно в отношении русского модерна начального советского периода.

Закончив с товарно-денежной оценкой, Сысой перешел к собственно мастерству живописцев. Здесь он поделил всех тружеников кисти и палитры на три группы: умеющие рисовать, не умеющие и умеющие, но по тем или иным причинам придурающиеся, что рисовать они не умеют. То есть сугубые реалисты, даже если они библию иллюстрируют, махровые модернисты и конъюнктурщики-пиарщики.

Но попадались, правда, редко и выходившие за пределы такой классификации. Например, Сальвадор Дали. Почти каждая его картина — наполовину нормально, красиво написана, а на вторую половину — модернистская чушь.

Рассматривая альбомы с итальянской и испанской живописью не столь давних времен, пришел к выводу, что придурались не умеющими рисовать Модильяни и Пикассо. Хотя бы первый являлся клиническим психом, а второй — сугубым делягой. Про их характеры Сысой где-то слышал, явно случайно, но цепкая крестьянская память — мало ли что в хозяйстве пригодится — зацепилась.

...Так в течение нескольких вечеров Сысой определился в части живописи также с эстетикой, злободневностью, исторической правдой и ценностью, полезностью для нормального человека или полной бесполезностью и так далее.

В последний вечер накануне дня рождения Люды Сысой еще раз перелистал наиболее понравившиеся ему альбомы — о музеях Третьяковки и испанского Прадо, увеличил дозу до бутылки «Камю», благо спектакль с тендером завершился в его пользу, и сам для себя сформулировал некое *summa summarum*. Чтобы больше к высоким живописным материям не обращаться. Без них дел хватает!

Живопись, безусловно, один из древнейших видов бизнеса. Возможно, дикари рисовали на скалах пещер свои опусы за допайки жареной мамонятины. С цивилизацией этот бизнес все больше и больше ложится под политику, в том числе под церковную. Но со времен легализации масонства (разумеется, это перевод лексики Сысой на понятийный язык...), то есть с эпохи Возрождения, более доходным становится бизнес «от противного», то есть художник начинает демонстративно противостоять этой политике и церкви. Когда это материально выгоднее, конечно.

Когда к началу второй половины девятнадцатого века, с потерей церковью на Западе своих позиций и демлицемерием* политики, бизнес живописцев на искусственном якобы противостоянии — за, а я вот против, и наоборот — начал хиреть, наиболее ловкие из мастеров кисти дружно плюнули на все: политику, церковь, реализм, — и ударились в модернизм. Первыми здесь запели французские импрессионисты. Как и положено французам, они здесь собезьянничали с британских художников восемнадцатого века...

Очень скоро модернизм положил полностью на обе лопатки реализм и в наше время господствует. Понятно, что уже под сотню лет все это чистая коммерция.

С позиции, так сказать, потребителя картины — достаточно удачное помещение капитала, выводимого из активного оборота. Но — не для современной России, где, как говорят знающие люди, в Шереметьеве имеется загон с самым большим в мире парком частных самолетов, из которых многие стоят под парами с круглосуточно дежурящими экипажами. Ибо вся коммерция в стране имеет криминальные корни, а пресловутая легализация суть джентльменский договор с властью: вору, но шекедь** власти отдавай.

...И если вся жизнь состоятельного человека у нас идет в ожидании спешного бегства за бугор, то все авуары надо и хранить в забугорных банках, а не вкладывать в картины старых голландцев с их сисястыми толстыми бабами или в пролеткультовскую модернистскую мазню, что нынешние искусствоведы высокопарно именуют русским авангардом двадцатых годов...

А зачем вообще человеку, человечеству нужна живопись? Но ведь нужна же, если история ее непрерывно длится от мамонтовых пещерных дикарей до нынешних своих и забугорных мазил-прохиндеев... Но до таких философских высот допивший бутылку «Камю» Сысой взлететь уже не был в состоянии. Позвонив Егору («Заводи экипаж!»), Сысой затворил тайную комнату и вышел из кабинета, весело напевая в одну восьмую голоса: «Пара-парадам, пора по бабам!»

◆ Не отводя взгляда от картины на стене, Сысой тренированно, отогнув за спину правую руку, налил стопку коньяка, поднес ее к губам и в один глоток выпил.

«А ведь не так прост этот квадрат на холсте», — неожиданно для самого себя подумал Сысой, постепенно теряя прежний, самонастройный скепсис. Понятно, что имел он в виду не серийного халтурщика-копировщика, а оригинального автора полотна.

Опять вспомнил давешнюю присказку, обращенную к «квадрату»: то ли ты мне нравишься, то ли я мало выпил. Акцент в присказке он ставил уже иной.

Уже не цыган-градоначальник глядел на него со стены одним глазом, а некто Все-видящий из черной пустоты космоса оценивающе смотрел через квадратную дыру, что соединяет наш и внешний миры, на слегка захмелевшего Сысю. А тот все тер и тер свои глаза, даже чертыхнулся: «И что ты, падла рукоблудная, на меня уставился?»

Даже появилось искушение по-купчески, разгуляйски метнуть в квадрат посудину с недопитым коньяком. Но сдержался: потраченных денег жалко, а потом на бьющийся звук, усиленный кубатурой кабинета со стенами, покрытыми звончатой евроремонтной дрянью, тотчас прибежит дежурный охранник. Им жлобам застоялым только бы поржать у себя в дежурке над хозяином...

«Ладно, живи... то есть виси пока, — пробормотал Сысой, — еще успею эту чертову дыру вместе со стенкой пробить. Чай, в запасниках у братвы с веселых времен еще достаточно тротиловых шашек осталось!»

* Вся сущность демократии западного образца выражена в словах «железного канцлера» Бисмарка: «Говорите, что хотите, только слушайтесь». — Прим. авт.

** Имеется в виду не денежная единица государства Израиль, а ветхозаветная этимология этого слова. Это аналог древнерусской десятины: каждый правоверный иудей, где бы он в мире ни находился, обязан отдавать от доходов свой шекель-десятину на восстановление храма в Иерусалиме, то есть на нужды Израиля. — Прим. авт.

Настроение Сыся начал портиться, как будто из черной дыры в уют вечернего, обезлюженного кабинета закапало противно морозящим, попеременно с липким снегом, раннеябрьским дождем. И впридачу к нему из той же дыры дохнуло холодом космоса, могильным, с температурой абсолютного нуля. Это Сысой еще со школьных уроков физики помнил: ноль градусов по Кельвину или минус двести семьдесят три по Цельсию...

...Цельсию цельсиево, а Кельвину-лорду — кельвиново, но чтобы погасить озноб — в тепло натопленном кабинете — Сысой принял еще стопку.

Что же так растревожило душу Сыся, преуспевающего *олигархера* областного уровня? — Сысой, ненавидя иностранщину всей своей крестьянской душой нечерноземного русака, нарочито коверкал все эти новые слова... если, конечно, не выступал по радио-телевидению или не находился на официальных приемах с губернскими чинами. Он даже владел несколькими десятками километров нефтяных и газовых труб в распределительной сети области. «Нефть — смазка государственного механизма современной России», — любил Сысой повторять чьи-то чужие слова в мало-официальной обстановке.

Действительно, чего это ему тревожиться при таком раскладе дел в стране? — Прихватывай, спекулируй, а то и просто воруй по понятиям, сколько тебе угодно. Только шекель кому надо плати и по допустимому минимуму — налоги в госказну.

Одно непреложное правило: не соваться в политику, тем паче в высокую, государственного уровня. Понятно, что неограниченная власть денег порой делает людей глупыми и неосторожными. За всякое такое вмешательство госвласть наказывает жестко и навсегда, без права «исправленному верить».

Вот тому же Ходарковскому, вроде бы и умному, как многие евреи в бизнесе, человеку эти его миллиарды дармовых баксов* вскружили голову. И от привычной уже безнаказанности совершил он тягчайшее преступление — попытку государственного переворота: начал ездить по губернаторам и улусным ханам-султанам, склоняя их законодательно перевести Россию из качества президентской республики в парламентскую...

Учитывая современную дегуманность, его не повесили как декабристов, но из узилища он уже не выйдет: «оттянет» один срок — сразу дадут новый. Другим уроком и остережение. Глупый, наивный олигархер, почему-то решивший, что завоеванную еще *Е.Б.Н.* на расстрельной крови власть кто-то отдаст какому-то чиновничьему или демократическому большинству в Федеральном собрании!

И Лужков — другой пример такого рода, правда, без отсидки. И даже деньги нахапанные оставили. Даже к супружнице его бизнесоватой с уголовкой не велено (пока?) приставать.

А еще до этих двух их соплеменник — миллиардер, медиа-магнат Вова Гусинский попробовал было вкнуть на власть — хорошо, есть Израиль, откуда, как некогда с казачьего Дона, своих не выдают...**

* Как и многие лауреаты журнала «Форбс», Ходарковский по некой тайной разнарядке был в конце 80-х годов помещен в питомник будущих миллиардеров, каковыми являлись спешно созданные в крупных городах «Дома науки и техники», через которые и началась отмывка денег и их отъем от госказны. — Прим. авт.

** До чего тесен вроде как огромный мир! Автор хорошо знал в свое, в советское время как Вову Гусинского, так и другого — по эстраднему бизнесу — кумира нашего времени: Мишу Шуфутинского. Первого он знал через своего коллегу по работе в одном тульском оборонном Конструкторском бюро, по совместительству главного фарцовщика города Леву Т. Гусинский после окончания института, кажется, театрального, был послан в Тулу помрежем местного драмтеатра, но свое призвание скоро нашел в организации всяких советско-партийных массовок и празднеств. Итак, днем автор по общественно-комсомольской разнарядке смотрел на уличные шествия-спектакли, дирижируемые Гусинским, а вечером шел с приятелями в ресторан «Дружба» (зарплата инженера тогда это позволяла), более известном под названием «Седьмой корпус политеха» (первые шесть — учебные). А там в кабацком оркестре Миша Шуфутинский поет. Был он приписан к Тульской филармонии, а когда собрался уехать на ПМЖ в Штаты, то, чтобы не подводить своего соплеменника, директора филармонии Иосифа М., за год до отъезда ушел работать в кабак. Дашь Мише «на парнас» трояк — и он твою любимую песенку споет. — Прим. авт.

Вот Сысой даже в мыслях своих к продажной девке-политике ближе чем на миллион световых лет не приближается. Даже не из понятной опаски, а от скуки и от-вращения.

◆ То есть с этой стороны порядок у Сысои абсолютный. Как у Кельвина его абсолютный температурный нуль. Но отчего этот озноб и неуютность в душе и вообще во всем организме при взгляде на незамысловатое творение тож соплеменника Ходарковского, Гусинского и Шуфутинского? Вроде даже и бывшего столичного мэра...

Все же не ради баловства художник этот квадрат изобразил. И, наверное, не в предвкушении его будущей стоимости. Ведь представители ветхозаветного народа в наиболее известных своих представителях очень умны, но — своеобразным умом, который можно определить как абстрактно-практический (понятно, еще раз оговоримся, что это «перевод» лексики Сысои на гражданский язык). Оставляя в стороне уже сотню лет запиаренного Эйнштейна и других, многих нобелистов — дело запутанное, во многом политико-идеологическое, Сысой определял этот сложно-составной ум как умение выразить в делах, поступках, в предпринимательстве, в искусстве и так далее некую идею, то есть абстракцию, наднациональную, надгосударственную, которая тем не менее в своей действенности является сугубо практической.

...Здесь Сысой почувствовал себя собакой, которая в общении с человеком-хозяином все прекрасно понимает, но не имеет возможности выразить свое отношение-понимание человеческими словами. Не хватало все знающему и инстинктивно понимающему Сысою дара ловко и гладко все это излагать в словесной форме.

Натурально сплюнув от досады на персидский, то есть современный иранский, ковер ручной работы, зафилософствовавший Сысой, явно по какой-то подсознательной аналогии, вспомнил своего деда Тимофея. Дед собирался дожить до взросления внука, но наследие войны — протез на левой ноге, многочисленные ранения и контузии, только-только позволили ему увидеть Артемку-первоклассника.

По деревенскому обычаю хромающий и слегка подпрыгивающий на деревяшке Тимофей воспитывал всю малышню в большой избе с пристройкой и летним домиком, где проживало три поколения. Все работоспособные в колхозных делах, кто в школе или на учебе в соседних городах, а Тимофей, истопив печь, приготовив едова на день, задав корм дворовой скотине, все учит и учит правде жизни подрастающее поколение. Вроде и мудреному учит, но такими понятными словами! С пяти лет Артемка запомнил слова такой же немудреной — по словам — любимой песенки деда:

*Ребята шли гурьбою
Проселочной дорогой,
Алешка шел последним
И больше всех пылил.*

*Нечаянно-нарочно,
Того не зная точно,
На пуговку ногою
Алешка наступил.*

*Поднял он эту пуговку
И вдруг на ней увидел:
Чужие, не по-русски
Написаны слова.*

*Ребята всей гурьбою —
К начальнику заставы:
Бегут, быстрее, быстрее,
Бегут, скорей, скорей!*

*«Докладывайте точно»,—
Сказал начальник срочно
И карту зеленую
Перед ними раскрыл.*

*Вблизи какой деревни,
Вблизи какой заставы
На пуговку Алешка
Ногою наступил?*

*Четыре дня скакали
Бойцы по всем дорогам,
Четыре дня искали,
Забыв еду и сон.*

*Чужого незнакомца
В деревне повстречали,
Сурово осмотрели
Его со всех сторон.*

*А пуговики-то нету
У левого кармана.
И сшиты не по-русски
Короткие штаны.*

*А в глубине кармана
Патроны, два нагана
И карта укреплений
Советской стороны.*

Предпоследний куплет Сысой за давностью лет запомнил: вроде как бдительного Алешку наградили медалью «За охрану государственной границы». Заканчивалось же после очень хорошо:

*.....
В Алешкиной коллекции
Та пуговка хранится;
За маленькую пуговку
Ему большой почет!*

Дед Тимофей, заставив Артемку повторить за ним песенку об Алешкиной пуговичке, озорно подмигнул ему, закуривая «беломорину»: «И ты, Артемка, идучи по жизни-дороге, всегда обращай внимание — на что наступаешь. Пусть и заваль какая под пятку попадет, но подумай: может, и она тебе пригодится, да еще как пригодится!»

...Сам Тимофей принял боевое крещение еще в юности, за двадцать лет почти до войны — по комсомольской мобилизации скакал на коне в чоновском* отряде.

Растрогавшись воспоминанием о деде, любившем опосля трудов дневных праведных хлопнуть перед ужином стопку-другую первача, самолично и любовно выгнанной им самим самогоновки, Сысой потянулся было опять к коньяку, не спуская левый глаз с картины, но почудилось, что магический квадрат явственно округлился, став выпуклым зрачком, и приказал бессловесно: погоди, Сысой, не напрягайся, еще не все ты во мне узрел!

Сысой, не верящий ни в бога, ни в черта, никому не подчинявшийся даже ради приличия, здесь послушался. Еще раз, напоследок, мелькнул в его памяти образ деда

* ЧОН — часть особо назначения для борьбы с внутренней контрреволюцией в 20-х годах.— Прим. авт.

Тимофея. Усмехнулся: вот были в стране некогда чоновцы, а теперь все заполонили сотни тысяч, если не миллионы, чоповцев^{*} -охранников, отъявленных бездельников и дармоедов. Их бы, гладких, хорошо откормленных, только и знающих, что днем маяться от ничегodelания в конторах и торговых точках, вечером жрать водку с пивом, а ночью трахать, сбрасывая свои килокалории, таких же бездельниц-баб, офисных креветок... так вот их бы за станки, в армию, в инженера-конструкторы, да мало ли куда еще можно с пользой для страны, главное — для самих себя!

Увы, туда их уже не пошлешь: станки давно китайцам на металлолом продали, малочисленная армия в опереточных мундирчиках мается от безделья тож по казармам. Инженеры, тем более конструкторы, на фиг никому не нужны. Тема, как говорят братки, давно закрыта.

◆ На сей раз — все-таки дернул Сысой, несмотря на запрет всевидящего ока на стене, еще стопку — квадрат округлился в пустой и глупый женский глаз. Даже ресницы привиделись: то ли искусственные, а скорее всего щедро унавоженные каким-нибудь «мэбилен оф Нью-Йорк три в одном». Или «семь в двух», как у них, у баб в телерекламе принято завлекать.

А коль вспомнил про братков перед этим перевоплощением квадрата, то на память пришел тот досадный эпизод в его единственную поездку в Америку. По делам, конечно, когда пробовал войти в число акционеров оккупированного америкосами Бортянского химкомбината. Правда, ничего из этого не вышло: комбинат был оккупирован железобетонно. Да еще это досадное происшествие в Нью-Йорке.

...Со времен братковской молодости Сысой неуклонно придерживался базового понятия: никого не бойся, ни у кого не проси, никому не верь. А вот тогда испугался в ситуации, расскажи кому здесь, в России, — засмеют в поросычем восторге.

Вечно же так. Нужно Сысою доехать на обычном городском автобусе в филиал главной конторы владельцев химкомбината за океаном на пересечении каких-то нумерованных стрит и авеню. Сверялся с записью на бумажке, как деревенский переросток, впервые попавший в райцентр.

Гостиничный лакей при портье, говоривший по-русски, разъяснил ему: вот за углом отеля остановка, садитесь в автобус такой-то номер, а сойдете на седьмой по счету остановке. Ориентир: единственный в этой части города шестизэтажный дом из красного кирпича постройки начала прошлого века: один из офисов фонда Карнеги.

Отсчитал Сысой шесть остановок и двинулся к передней, выходной двери — все по-америкосским правилам, ни до кого не дотрагиваясь, не наступая на ноги наглых негритосов, развалившихся на сиденьях, а свои ножища в кроссовках сорок последнего размера выставивших до середины прохода. Как понял Сысой по их мордам и надписям на одинаковых майках, ехали игроки районной бейсбольной команды.

У двери, держась правой поручни, готовилась на выход бабенка неопределенного возраста, явно по комплекции не проститутка. Сысой пристроился слева. Вот и краснокирпичный старинчатый дом: на выход!

Но веселый и темпераментный водила-латинос так лихо притормозил, да еще с фигурным вывертом автобуса к остановочной площадке, что пухлая бабенка угрожающе надвинулась на Сысою. Не задумываясь, по инстинкту уже почти забытых за давностью лет поездок в общественном транспорте, тот мягко подхватил соседку под локоток и даже сдержанно улыбнулся, ожидая от толстушки ихнего «эксыюз ми сэр».

Но та вдруг задергалась всеми своими отвислостями, завертелась этакой чертихой-ведьмой на сковородке и прокуренным, почти мужским голосом что есть мочи заорала, выкрикивая про полицию и какую-то «сексен эмерджи»^{**}.

^{*} ЧОП — частное охранное предприятие.— Прим. авт.

^{**} Sexual emergency (англ).— в смысле «сексуальное опасное домогательство».— Прим. авт.

И вот здесь-то Сысой впервые за последние двадцать-тридцать лет своей жизни не на шутку испугался, мигом вспомнив, где он находится, о чем его еще в России перед отъездом поучали опытные заграниздоки. Понял: промедли он — и не миновать американской отсидки. Водила же захохотал и открыл дверь-гармошку. Сысой, не взвизывая света, выпрыгнул, минуя ступеньки, на асфальт, обогнул хилую очередь на посадку и постыдно побежал за угол здания фонда Карнеги, затем свернул в какой-то проулок, потом еще в один, выскочил на оживленную авеню, где, смешавшись с толпой, перешел от иноходи на обычный шаг. Сердце колотилось третий всего раз в жизни; первый — когда в день своего шестнадцатилетия стал мужчиной с такой же еще неопытной девицей, второй — когда на бандитской стрелке положили его дружка, целились и в него, но пуля-дура в «девятку» над ухом прошла...

Шагая с постепенно успокаивающимся сердцем, Сысой кусал от досады губы: совок он и есть совок! Ведь не раз говорили ему партнеры по бизнесу: в Штатах ближе чем на метр к ихним бабам не приближайся! А если перед тобой или рядом какая-нибудь сука закричит, делая вид, что подвернула на каблук ногу, то отвернись и скоренько мимо проходи: подстава под денежный шантаж!

Сто процентов, что и эта... которая в автобусе, случись на остановке полицей, обобрала бы его до нитки, пришлось бы из России и оффшоров все движимое и недвижимое ей отдать.

...К вечеру стало ясно: акционером ему не стать. Совсем разозлился и полуночным самолетом отбыл восвояси.

Все правильно ему говорит квадрат на стене: не только в Америке, но и у нас сейчас бабы есть полная пустота, как резиновые куклы из секс-шопа: голова на чувства пуста, а что между ног — по таксе. Но, в отличие от резиновых тренажеров из шопа, они очень и очень коварны и опасны. Это вам не наивные комсомолки и влюбчивые студенточки прежних времен.

Пустота, даже в прежней женской опоре жизни пустота. Черный квадрат бездушный. Дыхание ледяного космоса даже в биологическую первооснову человеческой жизни вторглось.

◆ Единожды в жизни Сысой был в комнате смеха с кривыми зеркалами. В студенческие годы. Летом, вернее в начале лета, в июне, в городском парке раскинули свои шатры бродячие цыгане-аттракционщики из Чехии... нет, тогда еще Чехословакии. Сдав последний экзамен весенней сессии, пошел Сысой с однокашниками в парк. Нахлебались тамошнего пива с принесенной водкой и хохмы ради заглянули в шатер с зеркалами. Все хохотали спьяну, но Сысой хмурился. Отчего? А от того, что кривые зеркала били не в бровь, а в глаз, стократно усиливая, прямо-таки выпячивая все недостатки лица и фигуры, даже самые мельчайшие, о которых он и не подозревал. Больше он в подобные зверинцы не захаживал.

Но судьба-злодейка коварна, хитроумно утвердив на стене кабинета Сысою нечто почище аттракционного кривого зеркала. Если кривое зеркало дает, хотя и искаженное, но все же изображение живого человека, то черный квадрат отображает лишь душу его. Причем душу опустошенную. На человека же с душой трепетной, волнующей, энергичной, любящей, созидательной это зеркало на холсте никак не реагирует. Да человек с такой душой долго не задерживается перед такими зеркалами. Отдав минуту вежливости прославленной картине, от тотчас забывает о ней и устремляется к полотнам, демонстрирующим реальную живую жизнь.

Понимает даже захмелевшим от «камю» мозгом Сысой: ничего хорошего в нем квадрат-зеркало не покажет. Таково его свойство. Но зачем травить душу? Почему самолично сейчас же не сорвать эту пакость со стены, растоптать, переломать раму и весь хлам выбросить через дверной проем во владения Люды? А уборщица спозаранку все уберет.

Здесь Сысой почему-то вспомнил обычный въезд в Москву жарким летом. Мучительное движение машины по забитой Варшавке: два метра тихо матерящийся Егор проедет, пять минут стоит, снова два метра, снова пять минут...

Скучно сидеть в наглухо закрытом «мерине» с пронзительно дующим замогильным холодом кондиционером. Откроет с досады Сысой затонированное окно, а в него ловкий парень, снующий около приличных машин, зашвыривает журнальчик службы секс-услуг: проститутки всех возрастов и рас в рабочих позах, перечень услуг и телефон для заказа телок. Среди этого паноптикума обязательно с десяток предложений садомазохистских услуг.

Вот таким садо-мазо и является сейчас для Сысои черное зеркало на холсте. А для чего ему понадобился этот душевный садомазохизм? Именно ему, человеку даже без намеков на какие-либо пресловутые комплексы? Не мог этого Сысой себе сам объяснить. Не потому что ученых или иных содержательных слов не хватало, а просто: не мог и баста!

Все в Сысое четко, железобетонно определено: совесть, или ее отсутствие правильнее; крепкий крестьянский ум безо всяких эквивалентов в мечтательность и меланхолию; стальная практическая хватка; сугубо потребительское отношение ко всему и вся — от перемены погоды на дворе до женщин и семьи. Никогда он и собой, своими делами не любовался, все воспринимал как плату за нелегкий его труд. Само собой, братковский принцип — никому не верь, ни у кого не проси, никого не бойся — настолько пропитал его кровь, мозг, все органы тела, что, будь он биологом-аналитиком, мог бы сказать: в каждой клетке его организма, включая ногти и волосы, поселились гены братковского принципа.

...Здесь Сысой расхохотался. Облегченно расхохотался: никакой это не садо-мазо! Это примитивный самоконтроль, с которым любой человек смотрится в зеркало, отправляясь на работу, к знакомой бабе в койку, на бандитскую разборку, на прием к очень высокому, в манхэттенский небоскреб, к чиновнику. Смотрит и прикидывает: да, вроде все в порядке, галстук на шее, «макар» за поясом, презерватив в кармане...

Так и я нашел себе зеркало на холсте. В отличие от обычных, ныне китайской фабрикации, зеркал, это — двусмысленное, с подтекстом, а это уже интересно.

◆ Да-да, регулярный, порой даже постоянный, самоконтроль необходим для деятельной натуры. Чтобы не зарываться, не расслабляться, словом, много всяких «не». Так чего же на зеркало пенять, коль рожа крива?

Еще раз облегченно всхрипнув и выпив коньяка, Сысой посмотрел на картину почти что дружелюбно. Кто сказал, что криворожему запахло в зеркало смотреться? Да-да, что-то он смутно помнил из школьных уроков литературы, как Чернышевский, духовный предшественник красных комиссаров, сочинил диссертацию, в которой всю ученую публику огорошил: дескать, самая отвратительная, бородавчатая жаба есть совершенство природы в своей среде...*

Сысой, конечно, не самая выдающаяся жаба в человеческом толковище, есть жабы-человеки и попуырчатей намного, но и не из последних. Так почему он должен смотреться не в черный квадрат, а в чуждые для него зеркала совковых моралистов и гнилой, безлошадной интеллигенции? Если разбираться, то ближе всего ему обычная крестьянская мораль: через труды не всегда праведные, накопи на лошадь да пару коров, подведи прежде соломенную избу под железную крышу, стань крепким хозяином-кулаком, фермером по-нынешнему, построй маслобойню, обведи вокруг пальца городской банк и купи пару тракторов под списание кредита в очередную холерическую акцию госвласти «по защите отечественного сельхозпроизводителя». И стремись к вожаемой цели: стань почти что помещиком в своем селе.

* Сейчас это одно из базовых положений (не о жабе, понятно, речь) этики неопозитивизма-философии современного буржуазного общества (Рассел, Витгенштейн, Дж. Мур и др.). — Прим. авт.

Черная ли душа Сысося отражается в черном квадрате зеркала на холсте? — Не чернее, чем у других. Почти всех других, исключая юродивых правдолюбов, совковых последышей, серых трудяг, непонятно за какую идею горбятящихся за неполные десять штук «деревянных» в месяц.

Кто им мешал обогатиться двадцать лет назад, когда сверху провозгласили: бери сколько сможешь переварить, сколько сможешь отобрать и унести в свои закрома! Другое дело, если оказался к этому дню «икс» свехосторожным, просто трусливым, слабосильным для братковских поединков волчьих девяностых, брезгливым для выковыривания золотых из навоза. А ведь время было: не поленись подставить лопату-шахтерку, в которую почти что с неба зеленым роем посыпятся бумажки с портретами американских президентов; чуть попозже — кремового оттенка еври.

Так что им, хлюпикам и просто безмозглым, неча на свое совковое зеркало пенять... Не у него, Сысося, рожа-то оказалась кривая, а у них, слабовольных и слабосильных. Ведь в человеческой истории, если хочешь выжить, тем более жить без особой оглядки, непременно надо играть по правилам своего времени, а не повторять уныло: раньше и вода была мокрее... Вот на таких и возят эту мокрую воду прежних времен.

◆ Люда, она же Людмила Евгеньевна, самая умная из ныне и до того знакомых Сысою женщин. В чем-то даже умнее почти вдвое ее старшей тетки Нины Тимофеевны, недавно учудившей такое, что Сысой упорно изгонял из своей головы.

Люда настолько, даже не по-женски, умна, что порой Сысося это тревожит ревностью: а не умнее ли она меня?

Очень, очень редко, причем мимолетно, за другими конторскими делами, обмениваются они серьезными словами. Из этих слов тоже не дурак Сысой постепенно, по фрагментам узнал, что думает о нем Люда. Именно не как о начальнике, боссе, а о самодостаточном, пусть и по-своему, человеке. Это, синтезированное им, мнение Люды состояло из двух полярных тезисов, как бы ловким оборотом сказала секретарша. Первый тезис: Сысой из тех крепких передним и задним (речь, понятно, не о физиологии...) умом мужиков, без которых в любые времена Россия превратилась бы в какую-нибудь селедочно-безликую Норвегию и иже с ней. В таких, как Сысой, из поколения в поколение все еще передается основательная, общинно-крестьянская первооснова России. И не зря западников более всего занимает загадочная русская душа. И таковой она будет до тех пор, пока не иссякнут у нас характеры навроде Сысося: как положительные, так и негативные.

Этот тезис для Сысося, как кот, разлегшегося на кресле после плотного ужина по шерстке погладить. Только гладящая рука должна быть мягкой, расслабляющей и теплой. Мур-р-р!

Тезис второй: Сысой — взрослое дитя своего, волчьего времени кардинальных перемен. Причем перемен не естественных, к которым человек ненавязчиво привыкает, как к своему взрослению, например, но сугубо искусственных. Навязанных извне, со стороны вечно ненавидящего нас Запада. Да и Востока тоже.

А раз Сысой есть квинтэссенция такого времени, то есть он одинокий волк, дорвавшийся вне стаи-коллектива до овечьего стада без пастуха. Зарезал одну овечку — нет бы закинуть ее за спину, отнести в лес, нажраться до отвала и проспаться трое суток... Так нет, обезумев от жадности и безнаказанности, начал резать овцу за овцой. Загубил все стадо, даже не удосужившись подумать: а зачем ему эти тонны скоропортящегося мяса? С другими волками поделиться? — Хрен вам, все мое! Пусть протухнет, но никому близко подойти не позволю!

Несмотря на нелюбимую тему содержания второго тезиса — разумеется, Люда про волков ни полслова не говорила — Сысой ничего опровергнуть не мог. Также ничего не стоили, даже единого деревянного рубля, детские самооправдания: все так

делают, не я капитализм в дичайшей его форме в Россию привез, если не я захапаю, то меня самого захапают и так далее вплоть до махновского девиза: кто говорит, что государство — это мы? Государство — это нас!

Как ни странно, но та же Люда несколько успокоила его, как-то ненавязчиво подсунув Сысою книжку профессора из Тулуповского университета, бывшего полковника Хмурова. Дескать, Артем Андреевич, завтра летите по делам фирмы на Тайвань, путь туда и обратно долгий. Так вы под умеренный коньяк (она выразилась, конечно, иносказательно) почитайте эту занимательную книжку. Правда, за нее профессора Хмурова в классики лженауки «записали»; но это как раз означает, что написано с толком.

Сысой, думавший в этот момент совершенно о другом, приземленном, чисто машинально положил аккуратно изданный томик в раскрытый на столе дипломат, куда Люда помогала укладывать папки и скоросшиватели с командировочными бумагами.

...Уже в самолете Сысой с огорчением вспомнил: забыл затариться на полет коньяком, а сам самолет оказался тайваньской авиакомпанией. Сысой же не доверял пойлу, что подают на азиатских линиях. Поэтому даже обрадовался, обнаружив в дипломате книжку.

Написанная рубленым военно-артиллерийским слогом, посвященная биологическим атавизмам современного человека, она так увлекла поотвыкшего от серьезного чтения Сысою, что ко времени приземления в аэропорту Тайбэя трехсотстраничный том уже уложился в цепкую память аэропутешественника. А главное, он почувствовал себя как рецидивист по прочтении судьей оправдательного приговора. Ибо автор книги убедительно и безапелляционно доказал: частнособственничество и безудержная тяга к накопительству есть биологический атавизм, в котором человек не виноват: против законов эволюции не попрешь! Степень же проявления этого атавизма опять же зависит не от конкретного человека, но определяется социальной, государственной средой. То есть каков поп, таков и приход. И я не я, и свинья не моя.

◆ «Камю» обмелел и уже казал донце, подобно коралловым рифам в отлив теплого полинезийского моря на стыке Тихого и Индийского океанов. Веки Сысою отяжелели, клонило в сон. И черный квадрат тоже устал от своих мимикрий-подмигиваний хозяину кабинета.

Приподнятое было настроение Сысою сменилось — в обратной пропорции к числу выпитого — столь презираемой им меланхолией. Нет, избави, бог, подумать, что Сысой в чем-то каялся! И сейчас он глубоко презирал весь мельтешащий под ногами людской мир. Не более высокого мнения он был и о своих, так сказать, коллегах из преуспевающих классов, и, тем более, о всех «кто над ними».

Нет, его меланхолия опять-таки навеяна созерцанием черного квадрата на стене. Пусто и неуютно все же жить Сысою. Деньги — цель и движение Сысою по миру и времени — это, конечно, страхует от любой зависимости от сильных и слабых мира сего. Но ведь они — очень даже непрочный фундамент. Ибо если деньги изначально стали целью, то это есть тупик. Цель никак не может быть перманентной, постоянно отодвигаемой: миллион рублей — миллион долларов — миллиард... и так далее. Это не цель, а всего лишь движение накопительства без цели.

Целью может стать лишь ориентир: нечто, во что будут вложены деньги. Как картинная галерея у Третьякова, революция у его собрата-купца Морозова, частная опера у Мамонтова. Есть по-своему оправдательная цель у американских банкирских семей: поддержание финансовой власти в Штатах и во всем мире.

А у сугубого индивидуалиста Сысою такой оправдательной цели нет и не предвидится. Ибо ни во что благое он деньги вкладывать не собирается. Свои миллиарды, к сожалению, пока рублей, и в четыре горла не прожрешь, не пропьешь, как ни старайся. Даже на сверхалчных баб и весомой толики не потратишь, хотя бы двадцать че-

тыре часа в сутки не вставай с кровати-сексодрома и жри виагру ведрами для поддержания суточной эрекции...

Семья-наследница? — Смешно и говорить. Глупейшей жене и денег-то его не сосчитать, если, не дай, бог, взорвут машину с Сысоем коллеги по большому бизнесу. Оставить капитал двум своим дочерям, которых он отправил якобы учиться в Англию, чтобы здесь не скурвились,— еще нелепее.

Сына нет, да и если бы был? — Вырос если бы не мот, то серая посредственность: всякий талант, в том числе талант накопительства любой ценой, передается только через поколение.

...Куда ни кинь — всюду клин. Тьфу!

...Сысой допил «камю», аккуратно поставил посуду в мусорную корзину. Туда же сбросил с тарелки нетронутую закуску. Затворил дверь в тайную комнату. Подошел к картине, пару минут на нее смотрел. «Я не пьян, но ты мне нравишься», — умиротворенно произнес. Погасил свет в кабинете, захлопнул дверь, прошел через затемненную приемную, спустился на первый этаж.

Садясь в машину, на немой вопрос Егора ответил:

— Домой.

«Стареет барин,— беззлобно подумал Егор, выводя «мерин» за ворота офисной усадьбы,— да и как не постареть с такой-то совестью?» — Тут же про себя поправил — с отсутствием совести.

Рудольф Артамонов*
(г. Москва)

«АВРОРА»

Не помню его имени. Запомнился по выражению, которое, видимо, употреблял для обозначения хорошо сделанной работы: «Аврора!» А работа, которую он сделал для нас, была печка.

При постройке дачи было решено, что обязательно должна быть печка. Лета бывают разные. В иной год в самой их середине, откуда не возьмись, подкатит холод градусов в четырнадцать-пятнадцать. Неуютно становится в дачном доме.

Кто присоветовал его, как печника, тоже не вспомнить уже. Дачный поселок только начинал строиться, и спрос на всякие работы был большой. Приходили из деревни, предлагали огород вскопать, забор поставить. Еще какую-нибудь работу сделать.

Он предстал перед нами, невысокий, но жилистый, видно, что сильный. Лет сорока.

— Сколько, хозяин?

— Двести.

— Двести пятьдесят!

— Давай.

Ударили по рукам.

Эта сумма его явно вдохновила.

— Завтра начну, — сказал он и вмиг исчез.

Деревня от дачи была недалеко, с полкилометра. Это была деревня, как деревня. Черные избы. Палисадник с подсолнухами. За избой огород картофельный. Стог сена возле сарая. В магазине только крупы, пряники. И хлеб — черный буханками, белый — батонами. Под низким беленым потолком желтая липучка, усеянная черными мухами. За молоком очередь. Это в деревне! Старухи ворчали — понаехали дачники, молока не достается. На что жили, сказать трудно. Понятно, почему наш Аврора так воодушевился, столкнувшись о двухстах пятидесяти рублях.

Он пришел утром следующего дня и взялся за работу.

Мы приезжали на дачу до отпуска наездами, в выходные. Приближаясь к дому, все смотрели, готова ли печка. Труба над крышей не появлялась долго. Зато в каждый наш приезд приходил Аврора. Просил выпить. Когда это нам надоело, стали отказывать: мол, не привезли. Тогда он просил чаю.

— Разве это чай. Дай-ка сюда, — говорил он.

Высыпал в кружку полученную пачку почти до половины, давал настояться и выпивал, почти залпом. После этого приходил в благодушное настроение.

— Квартиру мне дали от совхоза. Дом у меня старый был. Детей пятеро у меня. Почти все погодки. Жена хоть и слабенькая, а молодцов нарожала.

Видели мы эти квартиры. Одноэтажные коттеджи, поделенные смежной стеной пополам, на две семьи. С обеих сторон палисадники на каждую семью, а на задах — огород, стог сена, сарай.

* Наш постоянный автор, лауреат премии «Левша» им. Н. С. Лескова за 2011-й год.

— Корову держишь?
— А тебе зачем?
— Молоко бы у тебя брали.
— Не-е. Не держу. У соседа моего берите. У него две. Теперь разрешили коров держать. Хоть две, хоть три.
— А чего ты без коровы?
— Ну, ее к лешему. Покос далеко дали. Не находишься. Корма дорогие. Да и сама болеет, слабая. Сердце у нее.

Строил печку он долго. Мы уже были в отпуске. Приходил с младшим сыном и собакой. Тузик был чистокровной дворнягой, лохматый и грязный. Мальчишка, лет пяти, беленький, синеглазый и худенький. Они сидели с Тузиком смирно в саду и ждали, когда Аврора освободится от работы.

Впечатление, что Аврора, хоть и невелик ростом, но жилист и силен, подтвердилось. Под основание печки у нас было заготовлено четыре бетонных блока, которые используются обычно под фундамент дома. Как Аврора затащил их под дом, понять было невозможно. Вряд ли кто-нибудь ему помогал. Не захотел бы он делиться деньгами. Значит, сам затащил. Сноровистый был. Как-то привелось видеть, как с разбега по пологой крыше терраски он вмиг взбежал на крутую крышу дома наладить печную трубу. Года через три возникла мне надобность подняться на крышу. Попробовал, как Аврора, с разбегу добежать до верха. Не получилось.

Печка, наконец, была готова.

Видимо, это была первая печка в его жизни. Он, не скрывая удовольствия, любовался ею. Гладил беленые шершавые стены.

— Смотри, хозяин. Не печка, Аврора! Стрелять можно. До самой смерти меня вспоминать будешь.

Через год, на следующее лето, проходя мимо нашего дома, забежал полюбоваться своим творением. Посмотрел на печку любовно.

— Аврора!

И побежал дальше.

Не дать, не взять, художник, любующийся делом рук своих.

По совету Авроры стали брать молоко у его соседа. Тот держал двух коров. Приходили за молоком к вечерней дойке. Парное, с пеной по краям банки, теплое было молоко.

Как-то пришли, пока ждали, когда подоят, слышим женский крик и матерную брань с соседнего палисадника.

— Аврора Аньку учит. Как напьется, буянит,— сказала хозяйка, заметив наше вопросительное переглядывание между собой.

— Часто?

— Да почти каждый вечер.

Значит, и в деревне нашего печника звали Авророй.

— При детях?

— А что дети. И пьет при детях и бьет при детях. Они привыкли. У нас почти каждая вторая семья такая. Кто не пьет в деревне?!

Встречали мы Аврору и в деревне, когда ходили в магазин.

Как-то стою в очереди, входит Аврора. Как всегда, навеселе.

— Петрович, это почему ты первый, а я последний?!

— Долго спишь.

— Ах, твою мать, ты почему знаешь, сколько я сплю? — весело, с задором воскликнул он.

Если был пьяный, всегда спрашивал:

— Как там моя печка? Фурыкает? Приду посмотреть.

И приходил, если был подвыпивший.

Трезвый стеснялся подходить и заговаривать.

Прошло несколько лет. Заведующий стареньким, с мухами, магазином Вася, молодой крупный парень, завел собственный, частный магазин. Красного кирпича, с арочным входом. С почти городским набором продуктов: колбасы разных сортов, кисломолочные продукты, сыры, кока-кола... В общем, стерлась «грань между городом и деревней». За молоком ходить уже не было надобности. Оно был в магазине в пачках.

Аврора долго не появлялся.

И вот как-то зашел. Прежнего Аврору было не узнать. Ни задора, ни бесшабашности. Понурий, молчаливый.

— Как жизнь? Пришел на печку посмотреть? — спрашиваем.

— У меня жена померла недавно.

— От чего? Болела чем-то?

— От сердца. У нее сердце было слабое.

На глазах Авроры были слезы.

Язык не повернулся сказать, что померла, наверное, от твоей пьянки.

Печку смотреть не стал. Постоял молча и молча, не попрощавшись, ушел.

Как-то понадобилось починить забор на даче. Попросили дачного сторожа, жителя той же деревни, позвать Аврору. Дать ему поработать.

— Помер Аврора. Прошлый год.

— От чего?

— Известно, от чего. От водки.

— А с кем же дети? Пятеро у него было.

— Тетка родная взяла. Сестра его.

Так через нашу дачную жизнь прошел Аврора. Печка напоминает о нем. Работает исправно. Может, еще кто вспоминает его.

УРОК

*Памяти друга — врача и журналиста
Алексея Поликарпова*

Всякий студент-медик, не лишенный воображения, к пятому курсу вдруг обнаруживает в себе сходство с Антоном Павловичем Чеховым и берется за перо.

Не избежал этой участи и я.

По вечерам, когда учебный корпус пустел, и коридоры становились гулкими и тихими, мы собирались в редакции институтской многотиражки. Включали настольную лампу с зеленым абажуром. Гасили верхний свет. Из полумрака комнаты выходил один из нас, садился за стол, раскрывал свою заветную тетрадь и начинал дрожащим от волнения голосом читать свои рассказы или стихи.

В усеченном конусе света белели страницы рукописи и не находящие покоя руки начинающего писателя. После чтения начинался «разбор полетов». Это было самое страшное. Пощады не знали. Стол, за которым читали, назывался у нас «Лобное место».

Самые уверенные в своем писательском таланте приглашали на литературные сборища своих подруг. Через некоторое время, когда мое дарование, казалось мне, окрепло, я тоже пригласил однокурсницу Лиду Лисицыну, смешливую пышноволосую девушку, которую я называл Ликой.

Присутствие прекрасных дам резко обостряло ситуацию. Отчаяние, порой, не знало границ. Но зато когда выносили оправдательный приговор и признавали наличие таланта, хотя слово это никогда не произносили, и девушки не сдерживались и дарили нас аплодисментами, счастье было полным, как у Нобелевских лауреатов.

Иногда, не дожидаясь очередного сидения вокруг лампы с зеленым абажуром, собирались в сквере Мандельштама, что рядом с институтом. Читали друг другу до глу-

боких сумерек, пускали по кругу бутылку перцовки за два двадцать, и лучшей наградой за наши литературные подвиги было нам сияние восторженных глаз наших подруг.

Совсем вскружило нам головы открывшееся на Комсомольском проспекте кафе «Романтик». То было время хрущевской оттепели, счастливо совпавшее со студенческим периодом жизни. Мы только по западным романам знали, что можно, сидя в кафе, писать романы. Так делал, например, Хемингуэй — кумир юности нашего поколения. Нет, конечно, никто из нас не собирался сидя в кафе писать роман. «Романтик» был объектом общепита. Но раз в месяц кафе было наше. Дозволялось за весь вечер заказать лишь чашечку кофе или бутылку боржоми, и, взойдя на возвышение, на котором сидел джаз-банд, и обратя свое пылающее от волнения лицо к залу, читать, читать...

Это было «гвоздем программы». Насколько мы чувствовали себя в сей обстановке талантами, чья слава уже занималась, — трудно передать словами.

В перерывах между чтением танцевали. Именно в этот момент мы получали от своих подруг самое искреннее и взволнованное и казавшееся нам объективным свидетельство о наличии несомненного дарования и провидение великого будущего на литературном поприще.

Но вскоре на блистающем горизонте появилась тень. Этой омрачающей тенью был мой однокурсник Боря Быков. Он же «бык», он же «шея». Ибо шея его была толста и кругла, как пьедестал. На этот пьедестал была водружена крепкая квадратная голова. Папа у него был то ли генерал, то советработник. Думаю так потому, что в отличие от нас, длинноволосых, он стригся под верноподданнический полубокс. Так либо иначе, но был он самоуверен, напорист и напроць лишен сантиментов.

Он обозначил свою по-боксерски скроенную фигуру рядом с пышноволосой Ликой как раз в пору расцвета моего литературного таланта. Неотвязно и напористо следуя за ней, он приходил на наши чтения в редакцию и в кафе «Романтик». Наши рассказы и стихи его не интересовали. На его литературное ухо тяжело наступил медведь. Его посещениям мы были обязаны Лике.

Сначала я не заметил между ними обоюдной симпатии. Затем она начала проступать все более отчетливо. Меня охватила паника. Надо было что-то делать. «Но что!?» — мучительно думал я. Силы были неравны. За ним — папа, генерал или советработник, сытая еда и рано проступившая грубая мужицкая сила. Я же — совсем из другого социального круга и, как подобает начинающему писателю, был бледен и скуден телом.

Было у меня одно несомненное преимущество перед Борей-шеей. Мое перо. И я решил им воспользоваться.

Я забросил учебные дела, неделю не выходил из дома и написал рассказ. В нем моими героями были нежная умная девушка с пышными волосами по имени Лика и неотступно преследовавший ее парень — быкообразный тупица с круглой и толстой шеей. Притязания его, само собой разумеется, оказываются тщетными. Девушка предпочитает юношу, пишущего ей талантливые стихи.

Рассказ мне нравился. В нем нашли отражение борьба света и тьмы, грубой физической силы и нежного возвышенного чувства.

Я возлагал большие надежды на свое произведение. Оно должен был вернуть мне Лику. Я отнес рассказ ей и стал ждать. Когда прошло два дня, решил, что рассказ прочитан, возымел действие, и сердце пышноволосой Лики снова стало моим. Я шел к ней, и мечты и надежды мои простирались далеко. Мною владело предчувствие награды.

Разочарование было жестоким, и была жестокая физическая боль. Воплощением этого был Боря-«бык», он же «шея». Он встретил меня в подъезде, и я сразу догадался, что меня ждет.

Короткий хук левой обрушился на мою челюсть. Голова моя мотнулась и больно

ударилась о жестяной почтовый ящик. Это было только начало. Боря бил меня долго. В голову, по корпусу, ниже пояса. Самое обидное в этой позорной экзекуции было то, что он постоянно приговаривал — «писатель говенный», «я тебе дам бык», «я тебе дам шея».

На том и кончилась наша с Ликой — Лидой Лисицыной — любовь. Предательства я не простил.

Но вместе с любовью исчез и мой талант. Видимо, Боря так сильно врезал мне по черепу, что из него вылетела всякая способность складывать слова в литературные фразы. Так я не стал писателем. Стал врачом.

В чем урок? Студентам-медикам, не лишенным воображения, не следует делать героями своих произведений реальных и знакомых людей, а литературное творчество — орудием мести.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

Роберт Петрович, вдохновленный примером деятелей культуры, активно включившихся в благотворительность, решил не отставать. Но был застенчив, сказать коллегам по работе давайте, мол, соберем деньги и отошлем детскому дому, стеснялся. Кто он такой, чтобы приниматься за такое дело. Другое дело популярный человек, народный или даже заслуженный артист. Все знают, по телевизору часто показывают. Кто не хочет, и тот откликнется. А он? Молодой ординатор. Слово-то какое — ординатор, ординарный то есть — обыкновенный, заурядный!

Но вложить свою лепту хотелось. Пусть небольшую. Совсем малую, но свою, чтобы на душе стало легче. А то живешь только для себя, для своей семьи, а вокруг столько нуждающихся. Кто-то недоедает. Кто-то бедно одетый. Плохо обутый.

Последняя фраза — плохо обутый — дала ему как бы толчок. Вдруг сразу осенила мысль, тут же позвавшая к действию.

— Аля,— сказал он жене,— давай разберем обувь. Уже зима, летнюю можно отправить на антресоль... По-моему, много лишней. Ребята выросли. Что-то стало мало.

— Делай, как знаешь,— отозвалась Аля, занятая на кухне.

И молодой ординатор принялся за дело. Обычно не любил заниматься хозяйственными делами. Ведро с мусором вынести, больше ничего. А тут исполонился энтузиазма.

Сначала отобрал летнюю обувь — туфельки, кеды, тапочки. Что, по его мнению, были уже малы Светланке, полетело в рюкзак.

— Знаешь, зимние сапоги тоже уже малы Петьке. Выбрасываем.

И сапоги тоже оказались в рюкзаке.

Через полчаса вдохновенной работы набралось изрядное количество разнообразной обуви — летней и зимней.

— Не перестарайся, детям что-нибудь оставь,— сказала жена.— Куда денешь? — спросила она.

— Секрет,— отшутился муж.

А деть он собирался в деревне. Недалеко от их дачи были Петровки. На электричке от города час езды.

В выходной день отправился с рюкзаком за плечами на дачу.

Был морозный ясный день, и настроение было хорошее, приподнятое. Шел на благотворительное дело. В душе звучала музыка сороковой симфонии Моцарта, которую он любил. Та-та-та-тарира, пела душа.

В холодной даче включил электроплитку, скипятил чаю, подкрепился бутербродами, взятыми из дома и, продолжая пребывать в самом приподнятом настроении, отправился в деревню, что была в полутора километрах от дачи.

Шлось легко по наезженной машинами колее. Поскрипывал утрамбованный снежок. Воздух был чист и морозен. Дышалось полной грудью.

Через полчаса, пройдя пол-деревни, Роберт Петрович подошел к зданию деревенской управы. Поднялся на крыльцо. Дверь была заперта. Постучал. Тишина. Еще постучал. Минут пять стучал. Наконец дверь открылась, вышел пожилой небритый мужчина с непокрытой головой, в телогрейке и валенках.

— Чего тебе? — сказал он. Его тон и недовольный вид говорили о том, что побеспокоили не вовремя или оторвали от сна.

— Я вот тут,— начал Роберт Петрович, снимая рюкзак с плеч,— принес обувь для детей. Примите, пожалуйста.

— На кой она мне?

— Это бесплатно. Это благотворительность,— торопливо добавил доктор.

— Нет сейчас никого. Не приму.

И дверь перед ним закрылась.

Что делать?

Должно быть, есть другой вход в этот административный дом.

За углом он обнаружил еще одну дверь, на которой не было вывески, извещавшей о принадлежности дома к местной власти.

Стал стучать. Через минуту дверь открылась, на пороге стоял все тот же мужчина.

— Нечего стучать! Сказал — не приму,— прозвучало как приговор.

— Куда же мне теперь с обувью? — растерянно спросил Роберт Петрович.

— Я почему знаю... Стой, церковь здесь с версту отсюда. Может, там примут.

Сторож, а это по всему видно был сторож заведения, показал, куда надо идти и закрыл дверь.

Роберт Петрович пошел. Натсоеение было испорчено. Снег под ногами не поскрипывал, а жалобно визжал. Попадались заледенелые «лошадиные яблоки». Через полчаса он входил за ограду небольшой каменной церкви с синим крашеным куполом и невысокой колокольной. Постучал в дом, расположенный рядом с храмом и стал ждать.

Дверь вскоре открылась, и на пороге появилась женщина неопределенного возраста, в черном одеянии и вся какая-то как бы искореженная, согбенная, опиравшаяся на палку.

— Вам что надобно?

— Видите ли, я привез обувь для деревенских детей,— сказал ординатор,— бесплатно,— поспешил добавить. Может, возьмете и раздадите, кому нужно.

— Спаси Господь, милый человек, не могу,— сказала женщина в черном, видимо монашка.

— Позовите батюшку,— сказал доктор строго. Повторный отказ рассердил его.

— Не могу,— был ответ.

— Почему?! — воскликнул доктор.

— Выпимши он. Отдыхает.

Видя недоумение на лице пришельца, монашка добавила: «Венчал он сегодня. А потом на свадьбе посидел. Теперь отдыхает».

— А без батюшки не можете принять? — не теряя надежды избавиться от обуви, спросил доктор.

— Не могу. Надо благословение от батюшки получить. А так, не могу. Будить не стану.

Расстроенный и усталый ехал молодой ординатор домой. В электричке было холодно. Голодный, он под конец пути замерз.

Придя домой до прихода жены с работы, забросил рюкзак с обувью на антресоль, повалился на кровать и уснул.

Яков Шафран
Андрей Каретников
(г. Тула)

ДВЕ СУДЬБЫ

Сосед мой в деревне, Николай, был дальнотойщиком. Попал он как-то на Симферопольском шоссе в аварию. Да так, что места живого не было — все, что можно, переломал. С тех пор, как делать стало нечего, а на инвалидную пенсию не прожить, Николай купил домик в деревне Большая Стрекаловка, переехал сюда с женой и завел небольшое хозяйство. Чистый воздух, свежие продукты, спокойствие, красота кругом и до города на легковушке, если что, недалеко. Что еще нужно людям на старости лет?

А места тут хороши — слов нет! Один огромный, на четыре гектара, яблоневый сад чего стоит! Как зацветет, на всю округу запах стоит — благодать! Спросил я как-то Николая, откуда такой сад в этих местах и давно ли? Оказалось, он — старый, еще барский. Жил тут в древнем родовом имении мелкопоместный дворянин Иван Дмитриевич Стрекалов. Старожилы в деревне говорили, то ли деревню называли по фамилии помещика, то ли сама фамилия происходила от ее названия. Да и кто сейчас разберет? А еще бытует мнение, что Стрекаловка называется так оттого, что крапивы много растет окрест, а это — признак хорошей земли. Она и вправду очень плодородная. И сад хорошо плодоносящий — тому подтверждение. Вот только беда, никто теперь им не занимается, потому бесхозный он и дичать уже стал.

Как-то разговорились мы с Николаем, сидя в старой беседке у входа в сад, и он поведал мне историю этого самого сада и его владельца. Раньше, давным-давно был тут рядом большой деревянный барский дом. Жили в нем Иван Дмитриевич с супругой и двое их сыновей-подростков. И были у барина две привязанности и одна страсть. Привязанности заключались в семье и яблоневом саде. Садам он занимался сам, пропадая в нем почти весь день, отдав все остальное хозяйство на усмотрение управляющего. Устав же, спешил домой, где ждала радость его, Марфа Петровна, крупная, полная женщина с улыбающимся добрым лицом. Поставь с ней рядом маленького щуплого Стрекалова, любой скажет — не пара. Но любовь у них была — не разлей вода.

Страстью же нашего помещика, не поверите, была торговля, торговля яблоками. Собирал он с ухоженного сада огромный урожай яблок разных сортов. Мужики упаковывали фрукты в ящики, прокладывая слоями соломки, и везли обозом под присмотром Ивана Дмитриевича в Санкт-Петербург. А оттуда он, отпустив мужиков домой, и, наняв местных ямщиков — карелов или поморов, с грузом отправлялся напрямик в Мурманск или Архангельск. Там Иван Дмитриевич успешно торговал, но не все яблоки продавал — часть обменивал на копченную и вяленую рыбу.

Завершив дела на севере, Стрекалов вез рыбу в Москву и Санкт-Петербург, где как раз по окончании Рождественского поста и весь февраль месяц продавал ее. А в марте, по окончании всех торговых операций, возвращался к любимой женушке своей, к сыновьям и яблоневому саду.

Так много лет длилась размеренная счастливая жизнь помещика Ивана Дмитриевича Стрекалова. Даже несмотря на войну, он по-прежнему успешно торговал...

И вот однажды случилась беда. Грянул февраль семнадцатого. Зашатались все основы привычной жизни, сместились понятия. Большое беспокойство пришло и в дом Стрекаловых. Жизнь хоть и брала свое — приближалась весна, а с нею и привычные заботы и работы в саду, однако мысль Ивана Дмитриевича была уже не только об урожае. И когда он повез в очередной раз ящики с яблоками на север, с ним была и приличная сумма денег. Предчувствие не подвело помещика. Не прошло и нескольких дней после приезда в Мурманск, как он услышал, что в Петрограде произошла революция.

«Что делать? — думал Иван Дмитриевич. — Вернуться? Не сейчас, так позже сожгут имение. Не сейчас убьют его с семьей, так погода... Семья, семья!.. Нужно их вывозить! Но прежде нужно устроиться там, не ехать же с деньгами через всю vzdыбленную страну с риском потерять не только их, но и жизнь».

С первым же пароходом Стрекалов отправился в Канаду. Там на западе Канады, под Ванкувером, он купил небольшой домик с участком земли. Мысли о семье не давали покоя, образы жены и сыновей все время были перед глазами. И он, не выдержав, вернулся инкогнито с чужим паспортом в Россию. Переодевшись в рабочую блузу и кирзовые сапоги, Стрекалов с большим трудом через всю страну, охваченную гражданской войной, добрался до имения. И, захватив жену (сыновья, так и не успевшие жениться, были на фронте, причем один у красных, а второй у Деникина), с отступающими частями белых с болью в сердце ушел за кордон... Сыновья же их, как потом выяснилось, погибли. Так и прожили Стрекаловы в Канаде вдвоем всю оставшуюся жизнь.

— Вот такая история, произошла в сей местности, — сказал Николай.

— А откуда ты узнал, как они прожили жизнь? — спросил я.

— Так приезжали они в 56-м, когда фестиваль был. Им разрешили на родину захватить на один день. Мне тогда семь лет было, я мало что помню. Запечатлелось только, как вся деревня сбежалась. А рассказали все позже родители. Говорили, что плакали Стрекаловы. Да, что делать, поплакали и уехали...

— А я, Николай, знаю историю про другого садовода. Ведь я с Орловщины, а там у нас сады-ы!.. Так вот, дедушка с бабушкой рассказывали...

Я уселся за столом беседки поудобнее и, поскольку Николай не возражал, начал свой рассказ. Был в селе Родимцево, откуда мы родом, молодой барин, Павел Арсеньев. Тоже очень любил сад и выучился на ученого-садовода, да не пришлось заняться тогда любимым делом. В семнадцатом году ему как раз двадцать четыре стукнуло, и, когда началась гражданская война, пошел он в Красную Армию. Дали Павлу по учености его сразу небольшую командную должность. После войны вернулся он в село. Отца уже не было в живых — умер от тифа. Мать же с родственниками уехала, а куда — никто не знал. Имение Арсеньевых стало сельским клубом. Он поселился в свободном крестьянском доме, а через год женился на девушке-крестьянке, светловолосой и голубоглазой красавице Насте. Немного передохнув, Павел с ведома властей стал заниматься своим любимым садом. Пропадал там днями и ночами. Мужики не возражали, любили своего бывшего барина и героя гражданской войны и в чем могли, помогали ему. А урожай он делил так — часть оставлял в хозяйстве и продавал на базаре, с чего в городе и приобреталось все необходимое; часть отдавал сельсовету, а часть раздавал мужикам. Все были довольны, и сад стал красавцем, расцвел необыкновенно...

А когда случилась коллективизация, не желая расставаться с садом, Арсеньев вступил в колхоз. Так и проработал он всю жизнь садоводом, бригадиром садоводческой бригады и пестовал каждое деревце, каждый саженец, каждое яблоко.

В тридцать восьмом Павла забрали на черном воронке в область. Но сельчане всем селом поехали в город с письмом в его защиту. И, подержав немного, его из органов отпустили.

Когда грянула война, Павел пошел на фронт и воевал вплоть до ранения в плечо. Но, слава Богу, рука осталась цела, и, демобилизовавшись, он продолжил работать в колхозном саду.

В начале шестидесятых хотели вырубить сад, а землю ту затопить, поставив на реке плотину. Пруд хотели сделать, чтобы рыбу разводить — продуктов тогда в стране не хватало. Но не дал Павел Иванович, горой встал, людей поднял, до обкома дошли и там добились своего — пруд порешили сделать в другом месте, а сад вековой оставили на радость всему селу. Ведь любовь и вера горы свернуть могут.

Дожил Павел Иванович в своем Родимцево до глубокой старости...

— Вот такие два садовода и какие разные судьбы! — завершил я свой рассказ. — Один вырастил сад на новом и спокойном месте, а другой остался со своим садом, несмотря ни на что. Вот и говорится: «Где родился, там и сгодился!»

— Да, деревьям-то, наверное, все равно, кто за ними ухаживать будет, лишь бы ухаживали. А вот сердцу не прикажешь: люби — не люби. Потому и счастлив тот, кто живет в согласии со своим сердцем.

ДЕТСТВО

(глава из нового романа «Круг замкнулся»)

Разве может быть, читатель, человек без места, где он живет, или место без людей, его населяющих? Опровергая узкую пословицу, которая имеет отношение к месту должностному, карьерному, скажем, что место жительства со всей его историей жизнетворений — от самых малых до величайших по духу и результатам — накладывает свои характерные черты на человека, красит его. И человек богатством своей души, мыслями и делами созидает душу того края, где он живет, работает, творит — красит свое место...

С высоты шестнадцатого этажа родной город был, как на ладони. Андрей Курилов, мужчина лет сорока, крупный, широкоплечий, с густыми темно каштановыми волосами, с приятелем, Игорем Переверзевым, высоким, худощавым и светловолосым мужчиной тех же лет, стояли на площадке плоской крыши у турникета и любовались городскими пейзажами. Заходящее солнце своими лучами придавало им совершенно особые тона и полутона и наполняло неким необъяснимым содержанием, свойственным только закатной поре.

Курилов, руководитель небольшой, только организующейся фирмы, любил общаться со своими друзьями. Вот и сегодня, встретив Игоря на улице, он предложил ему по старой памяти подняться на крышу высотки, в которой тот жил, и пообщаться. Андрей прожил в Т. почти всю жизнь и любил ее, зеленую, со старинными храмами и улицами с деревянными и каменными домами, помнящими многих знаменитостей и интересные события, любил ее новые улицы и проспекты с современными многоэтажными домами.

Вот там, вдали виднеется и его родная улица, где он мальчишкой со сверстниками гонял на велосипеде, играл в «русских и немцев» и во все живые натуральные подвижные игры, которые теперешнему поколению детей заменили виртуальные обманы.

Набегавшись, он возвращался к себе — в крепкий еще одноэтажный деревянный дом — и с упоением принимался за книги. А читать он любил. Первыми из прочитанных были «Робинзон Крузо», «Том Сойер», «Гекельберри Финн», произведения Фенимора Купера, книги Волкова — «Волшебник изумрудного города» и «Урфин Джюс и его деревянные солдаты». Андрей не просто читал, он впитывал черты ха-

ракторов, которые ему нравились, все эти необыкновенные ситуации, где требовались находчивость, воля к преодолению и другие качества победителя.

Недалеко от их дома было кафе, где мать работала буфетчицей. А рядом, в здании бывшего храма Сергия Радонежского располагался в то время склад. И сторож дядя Василий, всегда пьяный, частенько заходивший в кафе «добавить», приносил Андрюхе почитать старинные книги с «ъ», валявшиеся вместе со всяким ненужным хламом в пыльных углах этого склада. Книги эти обладали необыкновенной притягательностью, благодаря и необычному внешнему виду, и старому шрифту, и пожелтевшим страницам, и даже запаху бумажной ветхости, усиливающему впечатление их старинности. Некоторые из них Андрей относил в букинистический магазин, а остальные оставлял у себя. Среди них было много сборников поэзии. Может быть, от этого пошла тяга Андрея к поэзии и стихотворчеству...

— Хороший вечер! — сказал Игорь.

— Да. А виды какие тут у тебя! — согласился Курилов, гася сигарету в баночке из-под консервов, стоящую на бетонном полу у парапета. — Жаль только, редко могу у тебя бывать.

— Приходи чаще! Ты же знаешь, я всегда рад тебя видеть...

— Где времени свободного столько взять? — улыбнулся Андрей.

Они немного помолчали.

— Вот смотри туда... — Курилов показал Игорю вдаль. — Видишь храм с большим золотым куполом? Так... А правее за улицей и железной дорогой виднеется среди деревьев белым пятнышком здание. Это — школа, в которой я учился...

И вспомнились ему школьные годы... И самый интересный период — с восьмого по десятый класс. Был у них тогда учитель химии, Степан Григорьевич. Он частенько устраивал практические занятия на природе. Собирались в саду у лодочной станции — у «сковородки», как ее называли. Степан Григорьевич кормил ребят блинами, приготовленными на костре, и устраивал для них опыты по своему предмету. Все было настолько интересно и увлекательно, что усваивалось на всю жизнь. После они катались на лодках и возвращались домой и сытые, и отдохнувшие, и полные знаний.

А учитель физкультуры Павел Петрович, герой-краснодонец, с большим, наколотым на груди двуглавым орлом, иногда после школьных занятий уводил желающих в двадцатикilометровый поход в Долматовку. Там был яблоневый сад. В феврале и марте они шли туда на лыжах и после отдыха обрезали деревья. Когда же сходил снег, и земля подсыхала, совершали пешие походы, чтобы ухаживать за садом и делать необходимые сезонные работы. Потом они разводили костер, готовили на нем еду, пели песни и оставались на ночевку в палатках. Став взрослыми, ребята были благодарны учителю, за то, что он не только заложил в душу любовь к физкультуре, но и научил любить землю, ухаживать за ней...

— На могилку матери надо бы съездить... — произнес Андрей.

— Давай вместе, мне тоже своих нужно провести, — подхватил Игорь.

— В воскресенье и съездим!..

— В воскресенье я собираюсь в Коломну, давно обещал провести родных...

— Слушай, так у меня там партнеры есть!

— Вот давай вместе и съездим!

— Смотри, что мы можем сделать. С утра в воскресенье — на кладбище, а потом — в Коломну. Часа в три, в четыре будем там. Как ты?

— Заметано! Утром в воскресенье заеду за тобой...

Мама, мама... Она умерла, когда ему было четырнадцать лет. «Скорую» ждали два с половиной часа. Он каждые десять минут бегал встречать ее на улицу. Бригада приехала, когда мама была уже мертва. У нее случился инсульт. И достаточно было только одного укола, чтобы спасти.

Отец недолго прожил с детьми — нашел другую женщину и ушел. Андрей с братом Валерием жили одни — и не в благоустроенной квартире, а в частном доме. Родственники помогали, конечно, по мере возможности и деньгами и продуктами. Но ребята все же жили в нужде.

Рядом со школой был стадион, и когда над ним вился черный дым, они знали — жгут списанный инвентарь, и бежали таскать из огня клюшки, коньки и мячи. Предоставленные сами себе вместе с приятелями днями напролет слушали музыку, выпивали, играли в карты под деньги, хулиганили в Комсомольском парке и воровали для своих девчонок цветы из теплиц... Дохулиганились до того, что одного парнишку избили до полусмерти. Брата, как основного организатора драки, посадили. Остальные отделались более легким наказанием. Это немного поубавило их пыл, да и повзрослели чуть...

— Ну, пошли вниз, а то что-то ты сегодня все молчишь и о чем-то думаешь, — сказал Игорь, внимательно глядя на Андрея.

— Ударился в воспоминания, что-то вспомнилось детство...

Солнце уже почти спряталось за горизонт, сумерки стали надвигаться на город, и посвежело. Друзья спустились через чердачную лестницу и сели в лифт.

ЛИХОЕ ВРЕМЯ

(глава из нового романа «Круг замкнулся»)

Много хороших моментов было, есть и будет, читатель, в жизни — на то она и жизнь, творящая все новое и новое. Иногда поражающая своими, казалось бы, парадоксами, но неустанно все расставляющая по своим местам. Вот уже парадоксы и не парадоксы вовсе, а закономерности, вот уже взлетевшие ранее в гордыне сидят понурые в тоске и печали, а те, кто тосковал в кажущейся темной безысходности, глядишь, расцвели цветами радости и света. Такова жизнь, все в ней течет и меняется, иногда и кардинально, так, что порой и с ног сшибить норовит. Ибо она не сама по себе, не набор случайностей, выпадающих и чередующихся в произвольной форме.

Вот и наш герой, Курилов, понимал, что правит жизнью Истина — живая и вечная, великая и мудрая. Имя ей он определил общепринятым словом — Бог, хотя, еще не совсем хорошо понимая ни содержания, ни значения этого определения.

Но одно он понимал четко — все в жизни может меняться, и границы городов, и их внешний облик, и технический уровень цивилизации, и формы общественной организации, и личные обстоятельства, но Истина — во всех ее жизненных проявлениях — должна быть неизменна. Не должно быть так, что сегодня в слове четыре буквы, а завтра шесть. Не должно быть так, что сегодня учат одному, а завтра другому. Как получилось с поколением Андрея в начале девяностых, когда молодые люди вышли во взрослую жизнь и увидели, что она совсем не та, какой их учили. Человек человеку оказался не другом и братом, а хуже волка. Более того, наступил такой беспредел в экономике, социальной сфере да даже во взаимоотношениях между людьми, что поверить было трудно в реальность происходящего...

Вот и приходилось в те годы, когда все менялось буквально ежечасно, жить в основном сегодняшним днем, буквально сражаясь за существование. И как долго продлится эта неразбериха, никто толком не знал. Оставалось только верить, верить и надеяться, что Истина восторжествует, и разумное начало жизни возьмет верх над неразумным, разрушающим все и вся хаосом тогдашнего бытия.

Курилову и его друзьям очень хотелось, что-то улучшить, что-то сделать для этого. Андрей хорошо помнил, какое тогда у них было сильное стремление приветствовать все, как им казалось, хорошее и позитивное, что могло бы устранить неразбери-

ху и ввести жизнь в нормальное русло, русло нормальных отношений, в том числе и экономических. Помнил, какое тогда у них было сильное стремление участвовать во всем этом.

В начале девяностых они слушали Ельцина на съезде предпринимателей в Кремле. Верилось всему, что он говорил, и казалось, что все впереди будет более правильным и справедливым, чем было. И в дальнейшем звучало много слов, много речей и заявлений. Но... И совершенно не было настоящего обучения, например, кооперативному движению или новым финансовым и экономическим отношениям...

Начало девяностых годов — было лихим временем. Те, кто так стремился к свободе, получили ее. Правда, воспользоваться свободой в полной мере смогли далеко не все. В котле финансовых коллизий того времени сгорели сбережения многих людей. И обиднее всего, что произошло это в основном с теми, кто копил свои трудовые деньги всю жизнь, а теперь уже не имел сил, чтобы заработать вновь.

Но неправильно будет сказать, что не было в те годы и ощущения некоего творческого начала с примесью романтизма. Люди строили планы, заключали договоры о сотрудничестве, мечтали. Одним из таких проявлений романтизма в экономике был процветавший в те времена вынужденный бартер, а проще говоря, товарный обмен по формуле: товар — товар — товар...

Однажды Курилову понадобился лес, в частности доски разных размеров. Предложений было множество, но не устраивала стоимость. Долго искали предприятие и, наконец, нашли на севере. Предложенные расценки были весьма приемлемы. Стали вести переговоры, производить калькуляцию по всем позициям с целью определить общую сумму закупки. Но, когда попросили выставить счет для оплаты, то в ответ услышали — «Ничего вы здесь у нас купить не сможете!..» На вопрос — «Почему?» — сказали, что у них там, в северных краях, вообще ничего нет, а потому и деньги им не нужны. «Скажите, что же вам нужно?» — спросил Курилов. «Если есть возможность, то привозите любые продукты...» — ответили на другом конце провода. Продукты достали, и сделка состоялась.

Так и жили в первобытных экономических отношениях несколько лет... И постоянно задавали себе вопросы — отчего все так произошло, зачем все это обрушилось на наши головы и как выйти из этого состояния?

Впрочем, подобные вопросы задавали на Руси всегда...

Виктор Щеглов
(г. Тула)

СНЫ АЛЬМОША

Журналист. Работал в многотиражных газетах в настоящее время в филиале ВГТРК ГТРК «Тула». Участник многих международных, Всероссийских, межрегиональных и областных конкурсах журналистского мастерства. В 2011 году был удостоен высшей награды — Гран При на межрегиональном фестивале теле и радио программ «Щит России» в Перми. Автор книги об истории ОАО «Тулаточмаш». Книга «Коалиция культур: миф или реальность», написанная в соавторстве с О. Будрик, находится в библиотеке Президента РФ Дмитрия Медведева.

Ветеран труда, награжден знаком «Почетный радист России», академик Международной педагогической академии.

Встреонулась, встревожилась вещая Турул, взмахнула тяжелыми черными крыльями, с острыми, похожими на кинжалы перьями. Заслонила солнце и свет померк в тени ее отражения. Зловещим эхом прокатился по окрестностям тревожный крик птицы, призывающий толи к отмищению за нанесенную болгарским царем Симеоном обиду народу угорскому, толи предвещающую скорую невосполнимую утрату.

— Слышите, она вновь поет, вновь,— произнес превозмогая боль, приподнимаясь с устланного шкурами и мехами ложа, старый Альмош. Он медленно оглядел столпившихся у его смертного одра многочисленных родичей, друзей, соратников, соседей.

— Вы понимаете о чем она возвещает? Думаете пророчит гибель кому либо из нас,— усмехнулся вождь.— Не будет Турул, первопредок, от которой пошел род наш, беспокоиться ради жизни или смерти одного, пусть даже и знатного человека. Уверен, и чутье не изменяет мне, она трубит о будущем маджаров и всех, кто вышел с нами из мест дальних, разделил опасности многотрудного пути и жаждет когда обретет в новой, благословенной, благодатной земле новую родину. Много мы вытерпели и перенесли и награда, чувствую, ждет нас за все, что было и что еще будет...

Вожди и старейшины угорских племен, примкнувшие к ним хазары и славяне, на землях которых они обосновались более двух десятков лет назад, готовясь к новому походу, внимательно следили за своим главным лидером. Были здесь и его дети и прежде всего верный Арпад.

— Нет, не ему, отжившему свои годы Альмошу,— думает вождь, любуясь сыном,— придется выполнить древний завет предков — найти для маджар новую родину. Он много для этого сделал, а вот Арпад закончит начатое. Разве не стоило жить хотя бы только ради этого?

Никто из присутствующих не слышал зловещего крика Турул-птицы, однако ни у кого не было основания не верить вождю. Альмош знал, чего не знали другие, мог предугадать то, о чем его сподвижники и не помышляли. Родившись чудесным образом, он всегда и во всем выделялся среди других детей: не по возрасту высокий,

сильный, смысленный, находчивый и смелый, он невольно становился организатором и вожакom всех мальчишеских игр, забав. Самый быстрый в беге, самый меткий в стрельбе из лука, его копье летело дальше, чем копья его сверстников и чаще поражало цель. Уже в эти годы он отличался, как говорили и Элод и его друг Лебеdias, какой-то непонятной для таких лет мудростью и прозорливостью.

...Старый Альмош вспоминает, улыбается и закрывает глаза. Сладкая дрема набрасывает на него свое легкое розовое покрывало. Он погружается в сон так, часто посещавший его в раннем детстве, еще там, на прародине, в бескрайней Биармии. В который раз маленький мальчик видит незнакомый, удивительной красоты, женский образ...

— ...Проснись, проснись,— трясет его отец,— ты весь словно бы сияешь, твои губы что-то шепчут во сне, ты улыбаешься и даже руки медленно поднимаешь вверх, словно приветствуешь кого-то невидимого...

— Нет папа, я ее вижу. Она приближается ко мне, и походка ее величественная, плавная, легкая, как будто даже и не идет, а плывет на белоснежном, пушистом облаке...— счастливо улыбаясь, сквозь сон нежно, каким-то изменившимся голосом, произносит мальчик.

— Что с тобой, просыпайся же,— беспокоится отец, повышая голос.

— Неужели это привиделось, но какой сон, и как часто он меня посещает, и всегда я вижу эту женщину,— думает Альмош,— у нее неземная красота, царственный, величественный вид и в то же время выражение кротости, смирения, большие задумчивые глаза, в которых кроется вся скорбь и радость мира, и в то же время они излучают надежду. Над головой и вокруг нее струится золотистый, согревающий душу свет и вся она источает небывалой силы материнскую любовь и нежность, самопожертвование во имя детей своих... Она идет к тебе, а тебе хочется бежать к ней и припасть к ее коленям, прося заступничества и покровительства...

— Может это твоя мать — прекрасная Эмис, которую ты ни разу не видел? — прервал мальчика отец, но юный Альмош, словно не слыша Элода восторженно продолжал:

— Я не испытал любви материнской, но у нас в племени маджаров и у соседей наших я видел много женщин-матерей — красивых, добрых, заботливых. Она же вобрала в себя все их лучшие качества и развила до небывалого, необъяснимого совершенства, до небесной высоты. Она сама растворяется в красоте, доброте и любви, и все и вся вокруг нее становятся красивыми, добрыми, любящими и любимыми. Она зовет к себе не только меня, так как часто является в сновидениях, но и всех из племени нашего, из других племен неведомых мне и даже готова принять с радостью врагов наших...

— Врагов? — переспросил Элод.

— Да, врагов, и тогда, под ее покровом, ты представляешь, папа, если мы пойдем за ней, не будет вражды между племенами, злобы и войн, не будет даже обид, оскорблений и зависти...

— Как это? — недоумевал Элод.

— Да ведь все мы будем жить в согласии, как братья, и любовь эта, я предчувствую, будет даже сильнее братской. Только, представляется мне, не все и не скоро еще откликнутся на ее зов, да и те, кто услышат и пойдут за ней, не сразу смогут понять ее, проникнуться смыслом и глубиной ее слов, а уж тем более исполнять в точности и в полноте своей все то, к чему она нас призывает.

Элод с испугом и с восхищением смотрел в эти минуты на Альмоша. Он видел, как после каждого такого сновидения, в котором ему являлась чудесная дивная женщина, мальчик преображался, его лицо сияло, и в нем открывалось необъяснимые для такого возраста мудрость и красноречие. В обычной жизни, играя со сверстниками, его сын

никогда так не говорил. Но, то что он рассказывал несомненно нравилось старому вождю маджаров, но ему, Элоду, ничего подобного ни разу не превиделось.

— ...Великий Нуми-Торум,— хозяин верхнего моря и ты, бог земли Калташ-Экве — повелитель мира среднего, вещая птица Турул, и вы все, большие и малые боги воды, воздуха, охоты, леса, добрые духи деревьев, животных, дома и двора, древние наши покровители и оградители в дорогах трудных и дальних,— шептал, наклоняясь над заснувшим Альмошем талтош Габор, убеленный сединой главный шаман племени маджар. Он был еще при отце Альмоша Элоде и во всем помогал ему. В племени каждый слепо верил, что только мудрый талтош, знавший со всеми жрецами, шаманами, колдунами, ворожеями, знахарями и чародеями соседних племен и народов, он один знает дорогу к священному мировому орлиному дереву, достигающему неба. Это дерево без вершины — есть ось и основа мироздания. Она соединяет земной мир с небом, которое поддерживает его вершина и с подземным миром, куда оно уходит корнями. Из подножия орлиного древа бьет неистощимый, благодатный источник жизни, а обильные и живительные плоды, смола и соки питают все сущее на земле. Но нельзя подойти к дереву — путь знает только старый Габор и никогда, ценою жизни своей, никому не откроет дорогу. И лишь в самом крайнем случае, когда всему народу, реально угрожает смертельная опасность, может он с непрестанными молитвами благодарения придти к святыне и припасть к подножию, не осмеливаясь взглянуть вверх. Но даже если бы и дерзнул талтош тайком бросить взгляд ввысь, он все равно не узрел бы дом солнца на верхней из семи ветвей, а чуть ниже и дом луны. Иногда, только жилище Сел-ани — матери ветров, ему может повезет увидеть, и то, когда от какого либо возмущения придут в движение все семь ветвей и ветер приоткроет место обитания своей владычицы. Плоды дерева, питающие все живое, разносятся феями. А охраняет все это — огромный, наводящий ужас бессмертный орел.

За все свои долгие годы шаман ни разу не пытался пойти к дереву и не знал от своих предков подобной истории. И никто его не просил об этом, даже когда жизнь угорских племен висела на волоске из-за угрозы истребления печенегам. Просить, значит не поверить в свои силы, признать себя полностью побежденными, разбитыми, неспособными к выживанию. Да и будут ли помогать гордые боги таким никчемным людям? Не отдадут ли они несчастных злему Куль-Отыру, который охотно примет всех их в подземном нижнем мире? Нет,— твердо уяснил для себя Габор,— к дереву он не пойдет, а вот просить у него на расстоянии, без дерзновенного похода-вызова, он будет и делал это не раз. И, как правило, всегда помогало. К тому же словесные обращения к божествам и духам он еще подкреплял щедрыми дарами и жертвами, а тех, за кого просил потчевал различными отварами, настоями из трав, смол, коры деревьев и других растительных и животных компонентов, которые, как и дорогу к дереву, знал только он один.

И вот сегодня, придя к страдающему от жестокой раны, Альмошу, он принес самое сильное снадобье, в которое вошло все, что он мог предложить и что только испробовал в многолетней практике.

Габор тихо наклонился над спящим вождем. Достал из кожаной сумочки, находившейся всегда при нем, маленький мешочек, медленно развязал, осторожно высыпал на желтую, иссохшую ладонь такой же желтый высохший порошок, изготовленный из коры и листьев, специально обработанный, смоченный в семи настоях и вновь высушенный. Он размял пальцем порошок на ладони, поплевал на него и образовавшейся вязкой массой, издававшей довольно неприятный запах, потер лоб, виски и губы больного. Никто не мог перечить знахарю, так велик и непререкаем был в племени его авторитет и власть, не меньше, а, пожалуй, даже больше, чем у самого Альмоша.

— Жидкая огненная масса спасет тебя,— мрачно произнес талтош.— Как великий

Нуми Торум, прогневавшись на дерзость непокорных отыров, надеявшихся на свою непомерную силу, уничтожил их огнем достигшим неба, а потом, чувствуя усталость от битвы, искупался в кипящих водах и сразу помолодел, став отцом семи сыновей, так и тебя спасет мое снадобие, вызывающие такой же красный жар и жжение...

— О Нуми Торум — податель дневного света и семь сыновей твоих, управляющих делами людей на земле,— продолжал Габор,— остановите злых и хищных духов куль и лидерц, которые хотят забрать, вырвать лили — дыхание первейшего из нас и украсть, запереть ис — его душу, чтобы она не возвратилась больше к нему. Я вижу безобразная Босорконь, чудовищный Василиск, ужасный Шаркань —дракон со змеевидным телом и крыльями, многочисленные ведьмы, колдуньи, сташные волосатые менквы-великаны и лесные уччи с гоготом, визгом и ржанием тянутся к телу, намереваясь пожрать его. Вот и сам владыка нижнего, подземного мира, властитель злых сил Куль-Отыр, простер над вожаком свою леденящую все вокруг руку. Она дрожит и уже готова схватить ис и унести в свое царство...

Свет факелов, которые держали несколько человек из ближней свиты вождя, довольно слабо освещал, срубленную по типу киевских славян, просторную избу. Лицо укутанного в шкуры Альмоша было трудно разглядеть в полумраке, зато выделялся эксцентричный, наводящий ужас, облик, впавшего в транс и выкрикивающего очередные видения талтоша. Неплохо знавший поверья и богов соседних племен, он уже называл и их злых духов, которые якобы пришли, чтобы унести с собой дорогую жертву.

— Вот вижу спешат не упустить добычу творцы зла, свирепые Керемет и Луду, а с ними полчища кровожадных и хитрых шайтанов, а вот дух смерти Азырен... О великий Нуми Торум, пошли быстрю Сел-ань, чтобы она, собрав все ветры, которые у нее в подчинении, разметала этот нескончаемый рой жаждущих гибели вождя нашего...

Увлечшись заклинаниями и призывами, погружаясь во все нарастающий ритм магических и ритуальных действий, талтош не заметил, как Альмош слегка приоткрыл один глаз, затем другой. Толи обжигающее зелье подействовало, толи его разбудил долгий и монотонный речетатив с обращениями ко всем богам и духам, которых только знал и помнил старый шаман. Вождь понял, что видел радостный сон, видел свое племя, многих близких людей, которых теперь уже нет. Он, конечно, узнал себя, молодого, которому только что доверили бразды правления. Короткий сон, сладкое забытие, а сколько всего было пройдено, прожито. Как жаль, что вытащили из такого сна.

Талтош по-прежнему зывал к злым духам, заклиная их отступить. В отсвете факелов его тощее, смуглое лицо, с выпученными от напряжения, глазами, казалось зловещим и наводило ужас.

— Сколько злых богов и духов витают вокруг,— подумал Альмош, вслушиваясь, как Габор выкликает новые имена, которые, даже он, вождь, самый старший из маджар, слышит впервые. Талтош много знает, у разных народов бывал, изучил немало обычаев и часто рассказывал ему вечерами у горящего костра о вере предков и людей, с которыми они не только вели дружбу и торговлю, но и враждовали.

— Почему добрых богов бывает мало,— размышлял вождь,— да, они владыки, они хозяева верхнего мира, да, им подчинены многие стихии и духи, они, в конце концов, побеждают зло — только в силах ли даже немногочисленному сонму великих богов удерживать спокойствие, радость и счастье народов, им поклоняющимся? Черной, губительной тучей заслонили светлое небо от людей чудища ночи, болезней, различных неудач, бед, несчастий, безвременных утрат, всепожирающей ненависти и злобы, зависти и наконец... высокая, худая и холодная, безобразная, в белых тяжелых одеждах с многоядными зубами смерти Белая баба... Никто, даже сам всезнающий жрец, не избежит ее ядовитого укуса и леденящих душу, увлекающих в могилу объятий.

— Все тщетно в этом мире,— ужасаясь думал умирающий. Он и прежде приходил к такой мысли, но размышлять было некогда — набегающие, накатывающиеся

как снежный ком, дела, заботы, хлопоты гнали прочь праздные и ненужные думы. Да и поделиться было не с кем, в племени мало бы кто понял его, разве что один Габор, но тот однозначно бы не поддержал его предположения, пугая гневом могучего Нуми Торума. Сейчас он, как и подобает больному лидеру, лежал на высоком помосте, превращенном в большое ложе, окруженный толпой самых близких соплеменников, которые сочувствуют ему и пришли, по всей видимости, проститься. Они ничем не могут помочь, даже если бы очень хотели. Род человеческий слаб, и силы зла пока торжествуют. Уходят все, даже самые великие и любимые. Так ушел и его отец Элод, сделавший много хорошего для своих людей. Но как несправедливо бывает. Если на верхнем, среднем и нижнем небесах или на всех семи ветвях мирового дерева добро и зло в вечном борении, и торжествуют все же светлые силы, то здесь, на земле далеко не так: не всегда добро в чести, не оценено по заслугам, как должно, а подлость, трусость, предательство, корысть, жадность, скупость порою берут верх. Сильные, храбрые, защищающие народ свой в муках умирают от ран, а струсившие, сбежавшие, переметнувшиеся к врагу или в племя соседнее, остаются жить и даже поклоняются другим богам, не получая при этом, заслуженного возмездия.

Альмош закрыл глаза, припоминая многочисленные случаи, когда именно так и было.

— Почему люди худые, злоязычные, ущербные, не творящие молитвы, не приносящие жертвы и даже не посещающие священные капища живут, порою, дольше и благополучнее, не терзаемые болезнями и напастьми, чем достойные, почитающие богов и дедовские обычаи и заповеди? Почему именно к таким достойным людям чаще всего вслед за радостью и счастьем спешат горе и беда, словно в наказание за их примерную жизнь? Разве не счастливо жили его родители — отважный Элод и прекрасная, молодая Эмис? Элод был уже стар, иссечен в стычках с кочевыми племенами, защищая свой род, и когда Эмис, не имевшая дотоле детей, вдруг затяжелела, прошел слух, что женщина увидела во сне священную птицу Турул, которая осеменила ее и предсказала, что от Эмис и, рожденного ею ребенка, произойдет много славных и великих королей.

...Счастье опустилось на дом Элода. Сколько дней плясали и веселились все мужчины и женщины, девушки и юноши, старики и старухи... Сама Эмис, радостная и лучезарная не отрицала необычного ночного видения и предсказания. Сколько жертв принес восторженный отец, чтобы ублажить, умиловить, задобрить злых духов, поджидающих рожениц. Специально, по совету заезжего ворожбита, послал дары в землю обдорскую, при устье реки Обиге, в храм Золотой Бабы, с просьбой, чтобы его любимая молодуха успешно разрешилась от бремени.

...Веселилось все племя, предвкушая появление новой жизни и связывая с долгожданным первенцем славного Элода светлые надежды. Но мгновенно шумный пир превратился в погребальную тризну, а радостные песни — в похоронный плач. Умерла прекрасная Эмис во время тяжелых родов. Повитухи и бабки повивальные тоже голосили, рассказывая, что мальчик родился красивым, но на редкость крупным и тяжелым.

— Не было у нас еще такого дитя, видать и взаправду покойница чудесным образом, во сне зачала его от священной птицы, — причитали они и объясняли смерть Эмис исключительно крупными размерами младенца. — Не выдержала бедняжка, померла.

— За что? — не мог понять Элод, не отходя от почившей жены. — Разве я чем-то прогневал богов и духов хранителей, разве не давал им щедро от каждого удачного похода, от каждого урожая и приплода скота, разве не обустроивал капища и требища, где селился народ мой?.. За что, за что покарала меня боги и духи племени? — вопрошал Элод и искал ответ у жрецов. Неодобрительно отзывались они, видя как

мучается вождь, мечется в поисках какого либо объяснения, почему отвернулись от него высшие силы.

— Не к добру все это, успокойся и будь прежним. Смерть и жизнь во власти не земного, а небесного вождя,— увещевал главный жрец, деливший с Элодом верхнюю ступеньку в иерархической лестнице. И его религиозная, мистическая, невидимая, скрытая магическими заговорами, заклинаниями, основанная на страхе и неведении, власть была могущественнее и крепче, чем открытая и грубая власть воина-лидера, покоящаяся на силе людей и оружия.

— Не искушай богов, не оскорбляй их своим подозрением, не вызывай больший гнев, сомневаясь в их поддержке и, тем более, отвергая ее,— уговаривал ворожбит.

— Смотри, пожалеешь,— переходил он к угрозам,— придет новая беда, пуше прежней, и смерть — белая страшная баба — начнет пожирать твоих людей, терзать их острыми когтями, поражать губительными стрелами, морить голодом, душить в расставленных повсюду сетях-тенетах. И не будет мира и покоя народу твоему. Разделенный в племенах и землях, станет кочевать из одного края в другой, изгоняемый врагами, покуда не обретет свою родину.

Предсказатель, вперившись взглядом куда-то, только ему видимое, далекое бесконечное пространство времени, с побелевшим, словно застывшим, лицом, воздев к небу жилистые худые руки, вошел в экстаз...

Тогда Элод не придавал особого значения словам жреца, но вскоре его пророчества стали сбываться. Может, так совпало, или действительно прогневались боги на строптивого предводителя и отвернули от него свой лик, только одно несчастье следовало за другим.

...Альмош помнил свои юные годы. Лишь в преданиях старых людей сохранились добрые воспоминания о счастливых временах, когда все семь родственных племен угорских жили в дружбе и согласии, торговали с соседними народами — булгарами и кипчаками, хантами и буртасами. Приходили по воде и суше к ним купцы хазарские, выторговывая и выменивая прочные и емкие висячие котлы для приготовления пищи в походных условиях, коричнево-красную керамическую посуду со своеобразными орнаментами, и особенно угорскую, яркую и праздничную во все дни женскую одежду с нашивками, аппликациями, симметричными изображениями птиц и различных узоров. А еще пользовались спросом у хазар роскошные женские головные уборы с околушными подвесками. И все это свозили купцы в свой город-крепость Саркел, куда наезжали по путям торговым и сами маджары, дивясь постройкам и быту людей, от которых они, как, впрочем, и от других соседних племен, немало перенимали.

Только что это — черная движущаяся тень нависла над Альмошем, поглотив даже слабый свет, распространяющийся от факелов. Прервав воспоминания, он медленно приоткрыл глаза — в очертаниях зловещей тени узнал склонившегося над ним талтоша, и тихо, еле слышно, монотонно бубнящего заклинания. Что-то холодное, тяжелое, трагическое, жертвенное, сулящее новые беды и испытания навевал и предвещал этот вкрадчивый, ползущий как змея, шепот. Вот также нашептывал шаман, тогда, в его юности, когда после смерти Элода, на их прародине в бескрайней Биармии появились хищные печенеги и узы. Надвинулись они, дотоле неведомые народы, черной тучей, несметной ордой, пожирающей все на пути своем, разрушили кочевья и селища, вытоптали копытами коней, пастбища и уголья, увели скот и людей полонили, грозясь все сжечь, истребить и уничтожить. Пылали древние капища, а мольбы и взывания жрецов сменили горестные стенания, плач и многочисленные обряды похоронные. Уже не хватало серебряных наглазников, которые клали на погребальную маску. Люди умирали от стрел, от огня, от голода и от ледянящего душу страха нового нападения.

И тогда вожди и жрецы всех семи племен угорских — маджары, йене, кер, кеси, кюри-дьярмат, ньек и тарьян, а немного позже и отделившийся от хазар огромный, многочисленный род кабаров объединились и образовали союз против общих лютых врагов печенегов и, захватив все что можно было и что осталось от страшного разорения, двинулись в долгий и, казалось, бесконечный путь, все дальше и дальше от родной Биармии, от своих пастбищ и кочевий, богатых рыбой широких рек, знакомых с детства лесов, степей и лугов, дальше от алчущих, ненавистных врагов, от внутренних распрей и раздоров, вспыхивающих внутри самих племен и обострявшихся в минуты опасности и испытаний. Двинулись навстречу неизвестности, борясь за выживание в самых экстремальных ситуациях. Альмош был еще молод, и поход возглавил старейший из всех лидеров, друг Элода, Лебедиас. Тысячи людей, преодолевая препятствия, в жару и холод, по бездорожью, через лесные массивы и сухую бескрайнюю степь, по пологим берегам рек и речушек, добывая в пути пропитание, гарцевали на лошадях, гнали уцелевшие стада и табуны, тянули повозки и арбы со скарбом и нехитрыми пожитками, останавливаясь для краткого отдыха. Иногда, чтобы пополнить продовольственные запасы, заняться охотой, рыболовством, сбором и заготовкой грибов, ягод они делали длительные стоянки, разбивая лагерь. Не забывали о рыскающих врагах, которые, видя их численное преимущество и выработанную в походе организованность и готовность в любую минуту дать достойный отпор, уже предпочитали не связываться в драку с кочующим народом. Печенеги убедились, что это уже не те праздные, расслабленные, ленивые и беспечные племена угорские, привыкшие к искрометным танцам, веселым песням, безмятежному отдыху да ведению нехитрого хозяйства, а закаленные в пути кочевники, ловкие наездники, выносливые воины, умевшие управляться с оружием не хуже самих печенегов. К тому же они, путешествуя, заключали союзы с теми племенами, по землям которых шли, и совместно выступали против общего врага. Хазары, воинственные русы и другие народы во главе со своими каганами, князьями, вождями и искусными воеводами сильно утеснили в последнее время печенегов, сбили с них спесь и поумерили их жадность и наглость.

Шли угорские племена, делая время от времени передышки, а после их ухода как память оставались у местного населения названия рек, дубрав, урочищ, городищ и селищ. Шли племена долгие месяцы, годы, сохраняя свои предания и обычаи, присущие им мастерство и навыки, перенимая на пути обычаи, мастерство и навыки новых друзей и даже врагов. Шли племена, объединяясь и скрепляя дружбу кровными брачными узами.

...Ранним, летним, теплым утром тревожная весть облетела идущих впереди.

— Навстречу нам мчится большой отряд вооруженный мечами, боевыми топорами, палицами. Они завидели нас, и их воинственный грозный вид не сулит ничего хорошего,— сообщили Лебедиасу. Старый, умудренный годами и опытом вождь выехал вместе с Альмошем вперед, чтобы поприветствовать неизвестных ему людей и попытаться убедить, что они идут с миром и добрыми намерениями.

— Я Олег, рода княжеского от Рюрика идущего и близкий родич его,— гордо произнес в ответ первый всадник в блестящих доспехах и островерхом шлеме. Потрясая копьём, он ловко гарцевал на темном красивом скакуне, с которым, казалось, сливался в одно целое. Конь слушался каждого, чуть заметного движения грозного седока, а тот, в свою очередь, с несвойственной воину нежностью, мощной, покрытой выделанной кожей и железными пластинами, рукой, поглаживал шею и гриву породистого быстрого жеребца. Было видно, что Олег очень любил и ценил резвого скакуна.— Это моя дружина, и возвращаемся мы из земель народа, который платил дань хазарам, моим врагам. Я повелел им не платить хазарам, а такую же мерой отдавать дань мне. И не успели мы даже обнажить мечи и изготовиться к бою, как они с радостью согласились. И теперь мне и юному княжичу Игорю сыну Рюрика

платят сполна кривичи, меря, древляне, северяне, радимичи. А в землях их я своих людей управлять поставил. Разве что одни уличи да тиверцы противятся, но и они не устоят перед силой руссов и варягов. А вы, я погляжу, племя мне не знакомое. Уж не из хазарских ли уделов будете? — спросил Олег, внимательно глядя на лысую голову Лебедиаса, который по давним обычаям, ножом до кожи срезал все появляющиеся было волосы.

Вот тут проявилась мудрость, осторожность и хитрость старого вождя. Он сообщил, что давно наслышан о непобедимой, наводящей ужас на врагов дружине князя Олега, о его бескрайних владениях и благоразумии, снискавшей любовь покоренных племен, — чем немало польстил гордому варягу.

— Куда идете вы, зачем и кому дань платите? — немного смягчившись спросил Олег.

— Печенеги да хазары выгнали нас с родины, и вот уже не первый год кочуем в поисках, где бы остановиться и обосноваться. Прошли леса дремучие, дебри непролазные, степи засушливые, болота топкие да трясины вязкие, плоскогорья каменистые, только вот нигде места для себя не подыскали. А где и есть земли в районах и низовьях рек да в полях благодатных, так там уже имеются города и поселения, свои племена, роды и семьи, свои дружины, вожди, князья и старейшины. Мы нежеланные гости для них, да и нам, великий княже, тесно там будет. А дань прежде хазарам платили, а сейчас вот люди свободные, кочевые...

— Что ищете? — перебил старца Олег.

— Родину! — с надеждой, уверенностью и даже каким-то вызовом гордо произнес Лебедиас, смело глядя в глаза грозному князю-воителю. — Ищем землю подобную душе нашего народа — широкую, раздольную, красивую, живительную, богатую, где бы радостно зазвучали наши песни и задорные танцы, а пляски отражались в водах большой, теплой и голубой реки... И ради обретения такой родины мы готовы пройти еще ни один год.

— Зачем так далеко и так долго, — засмеялся Олег, который был с утра в хорошем настроении, и его тронули слова мудрого старца. — Вы пострадали от хазар и печенегов, но враги моих врагов — мои друзья. А ты старик, как мой волхв, обладаешь даром предвидения. Как ты верно и точно описал большую, полноводную реку Днепр, на которой стоит мать городов русских Киев. Чудный город в чудном месте. И народ наш, хотя и вскормлен с конца копья, хотя и приучен с детства к походам военным, так как у нас при рождении мальчика отец дарит ему меч, приговаривая, что у малыша нет никакого наследства и имущества, кроме этого меча, которым он может и должен приобрести себе славу, честь и богатство, а у соседей — почет и уважение, вызванные страхом перед этим мечом и силою непобедимой дружины. Это так, — с удовольствием произнес князь, — народ у нас воинственный, но до песен, плясок, гуляний да игрищ разных ох как охоч. Что свадьбы веселые и что тризны погребальные, что другие радостные или горестные события без песен и обрядов шумных не обходятся. Даже невест наши юноши выбирают на гульбище, купаясь теплой летней ночью в Днепре и умыкая приглянувшихся им дев. — Похожи народы наши, — глядя на Лебедиаса и Альмоша, подвел итог князь. — А посему считаю и жить нам рядом будет не грустно и не тесно. Большие уголья вокруг Киева и дани с вас брать не стану и подмогу окажу разную. Токмо договор с вами, изустный и в грамоте писанный, на долгие годы составлю: когда я с дружиною уйду из Киеваграда в круговой объезд, в полюдь, собирать дань, вы, если у стен крепости враги появятся — заступите им дорогу, чтоб знали они — договор у нас крепкий и нерушимый. Так и будет и у детей, у внуков и всех потомков наших, вместе-то оно сподручнее, — заключил князь, и громкие возгласы одобрения дружинников были тому подтверждением.

...В стольный град Киев после долгого военного похода возвращалась с богатой данью дружина князя Олега, а за ней тянулись многочисленные кибитки, повозки, телеги со скромным скарбом и пожитками угорских кочевых племен, табуны лошадей, которые они перегоняли во время странствования и тысячи пеших и конных людей. Впереди, прямо за киевскими ратниками, скакали два вождя, старый счастливый Лебедиас и он, полный сил и отваги уже не юноша, а зрелый мужчина — воин Альмош.

Обширную территорию на берегу Днепра, находящуюся на подступах к Киеву, на которой князь разрешил селиться, так и называли в честь мудрого Лебедиаса — Лебеди-ей. Не обманул Олег, земля здесь действительно была богатой, плодородной и доброй... А вскоре Лебедиас умер, твердо веря, что вывел народ свой на новую родину, и только его, Альмоша, первого среди маджар, самого крупного племени угорского, нередко одолевали сомнения, а та ли эта родина, о которой мечтал мудрец, и которую видел во сне он, Альмош. Вроде и похожа, да сердце подсказывало, что это всего лишь большая, более чем в десять лет, очередная остановка на долгом и тернистом пути народа.

Лебедиаса похоронили по старым обычаям, и после того, как догорел погребальный костер, уже следуя традиции славянской, в частности полян, проживающих здесь, обуглившиеся останки умершего собрали, зарыли в землю вместе с некоторыми любимыми и ценными предметами, которыми он пользовался при жизни, и насыпали огромный курган. А затем справили тризну — пышные проводы и поминки.

После тризны собрались все семь вождей угорских.

— Как свет уносит тьму, а тепло побеждает холод, как весна сменяет зиму, а утро приходит вслед за ночью, так и смерть одного открывает дорогу другому, — произнес тогда талтош Габор, — семь сыновей у великого Нуми Торума, но любимый и наиболее могущественный младший Мир Суснэ-хум. Так и среди нас семерых есть один всеми уважаемый, храбрый и мудрый Альмош сын Элода. — Раздались одобрительные возгласы и все встали. — С нынешнего дня, — обращаясь к Альмошу, торжественно начал старейшина угорского союза племен, — тебя мы избираем главным вождем и повелителем и куда твое счастье тебя поведет, туда и мы последуем за тобой!

Старейшина первый надрезал руку, и кровь из ранки пролилась в небольшую ритуальную золотую чашу. Его примеру последовали и другие участники встречи, передовая поочередно чашу друг другу. После этого, по установившемуся обычаю, они принесли незыблемую торжественную клятву верности своему выбору и единственному избраннику.

Альмош еще почти семь лет стоял во главе союза. Многие из тех вождей, уже переселились в мир иной и нашли последнее земное прибежище в Лебедии...

...Альмош почувствовал, как тяжелый комок подступил к горлу. Грубые шкуры, которыми он был накрыт, казались очень тяжелыми и давили на грудь. Дышать становилось все труднее...

— В нелегкое время мы живем, — раздавался во мраке голос талтоша, отошедшего от умирающего вождя. — И не от того, что покидают нас лучшие, вспомним, сколько из союза нашего, из всех племен и даже местных славян, соединившись в крупный отряд, перебежали к великоморавскому князю Святоплуку и, как нам стало известно, активно участвовали в жестоких, кровавых делах, достойных оплакивания. Они опустошили и разорили земли Паннонии. Убили многих людей. Об этом с чувством стыда и сожаления будут вспоминать наши потомки, и этот укор нам, пройдет через года и столетия. — Тяжелые, тяжелые дни настали, — возвещал старый Габор, — чует сердце мое большие перемены, великие события. Но мы не можем повлиять на бег времени или изменить что-либо, все во власти богов и духов наших далеких предков, а они жестоко карают за всякое непослушание и отступление... Вы знаете и помните тот черный день, когда злой дух соблазнил Альмоша в виде людей славянских, наших соседей, и тот не только уступил их просьбе, но и многих из вас увлек на этот путь...

— Ах вот что припомнил кудесник,— улыбнулся вождь. Вот что он ему не может простить и считает это началом бед. Альмош закрыл, слипающиеся в полусне глаза. Ему показалось, что окружающий полумрак рассеялся, и все вокруг стало наполняться светом, ярким теплым светом, от которого веяло жизнью, а вместо черных дымящихся факелов были свечи, которые он впервые увидел в тот день, и исходящий от них трепещущий огонь отражался в его душе и согревал ее. Чудная, радостная и благодатная картина того дня проплыла в сознании.

— ... Храм открываем, храм открываем! — таким радостным криком с самого утра разбудили маджаров шустрые рыжеволосые мальчишки, прибежавшие из соседнего славянского селища.— Храм открываем, всех приглашаем! — то тут то там раздавались звонкие детские голоса. А вскоре в селение препожаловали несколько стариков из церковной общины, которые оповестили, что действительно освящается и открывается долгожданный, пусть хотя и небольшой, христианский храм, в строительстве коего и они, пришлые племена, хотя и языческой веры, принимали активное участие. Еще год назад горстка славян веры христианской, у которых жива была еще память о первых владетелях этих земель — рюриковских дружинниках Аскольде и Дире, порешили возвести храм. Великий князь Олег хотя и не поддерживал, но и не преследовал ревнителей и последователей новой веры. Только вот искусных работников по дереву было явно недостаточно, поэтому-то и обратились члены церковной общины к Альмошу за помощью. Знали они многих умельцев, которые помогали русичам справные избы рубить, свои секреты имели.

— Храм это не изба,— возмущался талтош, узнав о том, что вождь согласился помочь в строительстве и даже нашел среди сородичей опытных сноровистых людей.— Духи разгневаются и не примут дары, не услышат просьб и отвернутся от нас.

Однако Альмош не внял предостережениям и сам, вместе с работниками неоднократно бывал на площади посередине села, где славянские и угорские мастера, помогая друг другу, возводили деревянную церковь в виде большого остроконечного конуса. Они быстро обтесывали заранее заготовленные и высушенные деревья превращая их в прямоугольные доски и балки, круглые столпы, строгали, подгоняли, выравнивали, обрабатывали жесткой шкуркой, поднимали на высоту... Работали все, даже ребяти — кто делал резьбу, кто вытесывал двери, также украшая их резными деталями, кто хлопотал о внутреннем убранстве. Каждая мелочь была продумана и выполнялась с такой любовью, с такой выдумкой и искусством, что у Альмоша это вызывало чувство уважения.

На открытие церкви собрались и русичи, и почти все маджары. Яркие лучи солнца играли на золотистых досках храма, переливались на остроконечном шатре увенчанном крестом. Альмош никогда не ощущал такого подъема, когда пела душа, веселилась вместе со всем народом. Он до конца еще не понимал значение и роль этого красивого сооружения в жизни жителей селения, но не мог не почувствовать, что это очаг их веры христианской. Вождь вспомнил старые, мрачные, наводящие ужас и страх капища в лесных потаенных местах, грубо обтесанные, одиноко стоящие, требующие жертв и поклонения, карающие и наказывающие изображения духов и богов своих предков. Только главный талтош мог обращаться к ним, надеясь быть услышанным. А здесь, в самом центре селения, на открытом месте, к которому ведут все дороги, возвышаясь над другими постройками, устремленная в небо и зовущая всех за собою церковь притягивала каждого, проходящего мимо. Даже он, Альмош, старый воин-язычник, чувствует еще около храма какой-то необъяснимый внутренний трепет, волнение, единение с чем-то большим, дотоле неизвестным, лучезарным, вселяющим надежды. Он ли это?.. Где болезни и недуги, которые так досаждали в последнее время и которые не мог изгнать многоопытный лекарь Габор всеми своими заговорами, нашептываниями и снадобьями?.. Нет, он молод, в его жилах горячая

кровь предков, он готов на добрые дела, он любит свой народ и ради него может пожертвовать собой. А еще он благодарит тот день когда согласился помочь в строительстве храма, который теперь стал ему близок и притягивает к себе. Здесь все вместе, рядом, все поздравляют друг друга. Ни одного угрюмого, злобного лица. Вокруг струится неподдельная радость и ликование. Вокруг общность людей. Но что их объединяет, кто? Даже он, признанный вождь, глава союза семи племен, не обладает такой чудодейственной возможностью и даром спланировать свой народ. Отошли же от него некоторые семьи и роды, переметнувшись к коварному и кровожадному моравскому владыке Святоплуку. Да что он? Даже талтош, общающийся с духами и предками, не имеет такой силы. Новая вера жителей этого небольшого славянского села, их единый бог Иисус Христос объединяет, спланирует, изменяет людей, делает их лучше, чище, добрее, отзывчивее, счастливее. Вот они стоят, словно бы светящиеся изнутри. Даже тяжелые бедствия, болезни, горе и утраты близких, они, в чем не раз убеждался Альмош, переносят спокойно, без суеты, с надеждой и упованием на помощь свыше, которая крепче, прочнее и долговечнее людской.

— И вера эта,— думал вождь,— доступна всем, и все могут общаться, взывать к своему богу, просить его лично. Он добр, щедр, милостив, он понимает и прощает, любит каждого принявшего его независимо от рода, семьи и племени.

Священник в церкви был старый выходец из Византии, приехавший на Русь вместе с торговцами, да так и оставшийся здесь. Вокруг него объединилась группа славян, порвавших с язычеством, потом к ним примкнули и другие. Образовалось почти целое селение. И вот, наконец-то, они возвели храм, о котором мечтали. Сколько раз Альмош подходил к священнику и пытался найти у него ответы на волнующие вопросы, на которые не мог ответить ни сам он, с его большим жизненным опытом, ни сын Арпад, ни другие угорские вожди, ни даже мудрый Габор.

— Почему вражда изъедает мир и людей, почему даже близкие тебе по крови, порою, оказываются далекими в конкретных делах, и как сделаться лучше самому и сделать лучше других? — пожалуй, ни один вождь не ответит на такие вопросы.— Как поступить — карать и наказывать или прощать?

— Поймешь ли, что открою тебе,— отвечал священник,— два мира — небесный — невидимый и земной — видимый, вещественный в котором мы живем едины в Боге, как их общем создателе,— в этом суть развития земного совершенствования людей через познание божественной истины. И тогда, по мере восхождения по лестнице этого познания, мы можем достичь благодатного единения с Богом и друг с другом, когда Бог незримо присутствует в каждом из нас и во всем, что нас окружает, не смешиваясь ни с чем.

— У нас тоже свои боги,— заметил Альмош.— Может ли ваш бог пострадать за каждого из вас, даже человека несовершенного, пролить свою кровь, принять мученическую смерть, чтобы спасти всех, кто уверовал в него хотя бы в последние минуты?

Стараясь, как можно проще, священник объяснял:

— Он просит одной жертвы — веры, и веры, прежде всего для вас, потому что верою этой вы спасетесь. Жизнь легка во Христе и легки испытания, которые посылает Он и искушители рода человеческого, если вы будете переносить их с верой.

— Можно верить, но вера рождается в храме?

— Вера рождается в душе, в сердце и укрепляется добрыми делами, поступками. И если люди верят искренно, они не бывают злыми и даже зло исправляют добром. И далекие тебе в вере становятся близкими, и мы любим друг друга, так как наш Бог есть Любовь. Конечно, вера должна быть всегда с тобою, где бы ты ни был; дома, в пути, на поле, в военном походе или в сражении и у смертного одра. И не гоже вспоминать о Боге только в трудные минуты, а в другое, доброе для тебя время жить в забвении и думать, что ты сам, лично, без чьей либо и особенно божеской помощи и под-

держки, достиг всего. Это лицемерие, и лицемеры не будут крепки даже в показной вере. Но храм — особое место, высшая ступень лестницы, где человек восстанавливает свой божественный образ через приобщение ко Христу. Это ковчег спасения. Только здесь, в храме, доме Господа Бога нашего, люди очищаются от всего суетного, земного, приобщаясь благодатных даров таинств, внимая проповеди Слова Божия, тонкостям богослужения, повторяя молитвы, благоговейно взирая на иконы и лики святых. И когда все это охватит тебя, тогда только почувствуешь особую благодать Божию.

— А что такое благодать? — робко, как бы стесняясь своего незнания, тихо спросил Альмош.

— Благодать — блаженнейшее чувство единения с Господом, которое трудно передать словами. Это ликование души, это свет, истина, радость и легкость тела твоего, это живительная сила, разливающаяся по тебе и охватывающая каждую частицу твою, и когда чувствуешь, что это уже не ты, а новый человек, очищенный от земной скверны, от всего нехорошего, наносного, зачастую, невидимого, что прилипло к тебе, это спасительный путь от тьмы греха и смерти к свету, праведности и жизни вечной в единении с Богом...

Альмош улыбался во сне. Он совершенно не чувствовал боли, не слышал бормотания талтоша, тревожного перешептывания собравшихся, не видел склонившегося над ним Арпада, к которому теперь переходила власть над объединенным союзом племен. Здесь в Ателькузе, после тяжелого ранения в славной битве, предчувствуя скорую кончину, Альмош призвал любимого сына и взял с него клятву, закончить то, что он не успел, не смог.

Старый вождь в последний раз открыл глаза. Ему показалось, что бывшие силы возвращаются, и смерть отступает. Конечно же, он победит. Альмош чуть заметно пошевелился пытаясь приподняться, но в полумраке никто этого движения не заметил. Люди, считая, что он уже отошел в нижний мир, погасили факелы, вышли во двор, где все было готово к торжественному обряду сожжения. В большой горнице стало совсем темно. Воцарилась зловещая тишина.

— Осталось несколько минут, — успел подумать Альмош, погружаясь в предсмертный, но такой радостный, вещей, сладкий сон.

...Как неожиданно поменялась картина, — удивляется вождь, — темная комната стала наполняться светом. Таким теплым, обволакивающим, почти что густым и трепещущим, бьющимся, пульсирующим, словно сердце. Такое он уже видел, тогда, в славянской церкви в Лебедии. Сияние щедро изливалось из окон, от многочисленных свечей и лампад. Даже горящие от восторга и упоения глаза верующих излучали тепло. То был свет надежды, свет от Божественного Света Христа, свет истинный, который освящает всякого идущего в мир и свет будущей жизни в царстве Божием.

Альмош чувствует, как тело его становится легче, и он уже не поднимается с этого погребального ложа, а парит, купаясь в переливах небесного света. Он уже высоко. И трудно различить, что предстает перед ним в полете. Может, это семь могучих ветвей мирового дерева или семь сыновей Нуми Торума, или семь племен угорских, прошедших с ним из далекой Биармии, через земли Лебедии и Ателькузы?

Но нет — это горящие пред престолом Господа — бога христианского — семь светильников. Посреди и вокруг престола — четверо животных с лицами льва, тельца, человека и орла летящего. А Сидящего на престоле окружают двадцать четыре старца с золотыми венцами на головах. Посреди престола, чудесных животных и величественных старцев стоял Агнец, как бы закланный, имеющий семь рогов и семь очей, которые суть семь духов Божиих, посланных во все края земли.

— Да это же описано в Откровении святого Иоанна Богослова, — осенило Альмоша, и он вспомнил, как читал ему священник в Лебедии отрывок из этой священной книги христиан.

«И когда Он взял книгу, тогда четыре животных и двадцать четыре старца пали пред Агнцем, имея каждый гусли и золотые чаши, полные фимиама, которые суть молитвы святых. И поют новую песнь, говоря: достоин Ты взять книгу и снять с нее печати, ибо Ты был заклан, и Кровию Своею искупил нас Богу из всякого колена и языка, и народа и племени, и соделал нас царями и священниками Богу нашему; и мы будем царствовать на земле». Несколько раз просил Альмош ученого грека прочитывать этот отрывок из Откровения, но, неподготовленному в вере, ему трудно было толковать услышанное. Где-то в глубине души, сомневаясь и лелея робкую надежду, он дерзнул предположить, что речь идет о его народе — семи разных племенах, народах, отличающихся даже по языку и обычаям. И вот они объединены, но что грядет в будущем: может, действительно выйдут из народа нашего 24 великих царя-священника, которые будут царствовать на земле?

...Подумав так, Альмош гнал прочь дерзкую мысль, но она каждый раз вновь возникала в его сознании. И вот сейчас необычные видения из прошлого и будущего, переплетаясь, поют славу его отважному, бесстрашному и многострадальному народу, надеющемуся только на себя и свои силы.

Перед тем, как покинуть гостеприимную и плодородную, Лебедию Альмош, посоветовавшись с сыном Арпадом, собрал вождей и старейшин. Как ярко представляется ему тот день, словно это и не во сне, а наяву.

— Да, здесь отзывчивые росы, храбрые дружины, здесь вещий Олег, грозящийся покорить и подчинить соседние земли и племена, посадить там людей своих и даже прибить щит на воротах Царьграда,— начал речь Альмош,— но насколько искренны местные старейшины, воеводы во главе с их вероломным вождем? Разве не он, ино-родец среди славян, варяг, обманом, убийством и коварством, взял Киев? В крови христианских родственников их, бывших дружинников Рюрика Аскольда и Дира руки гордого и властного Олега. Он хитростью выманил их из Киева и приказал убить. Говоря добрые слова о мире и согласии, люди эти, и прежде всего их князя и воеводы, готовы вас обмануть, как обманули они Аскольда и Дира, так что никто из вас этого не заметит, поссорить, привить ложные идеалы и обратиться супротив истинного народа своего. И разве не мать городов русских примером тому, ведь до безвинно убиенных Аскольда и Дира были еще истинные основатели Киева братья Кий, Щек, Хорив и сестра их Лыбедь. Кто теперь помнит о них, восславляя одного всевластного Олега и молодого княжича Игоря, сына Рюрика?

Внимательно слушали вожди и старейшины, знатные воины, жрецы своего главного лидера, правившего уже сорок лет. Они надеялись на него и сохраняли верность клятве.

— Многие возразят нам, здесь хорошо, тепло и сытно, да и князь киевский не утесняет и дани не требует, считая своими союзниками. Только долго ли так будет продолжаться? Олег может взять свое слово назад, нарушить его. Притом, князя и воеводы меняются, а у нас пока нет своей земли, своего родного дома, своей родины, а в гостях долго не пробудешь. Наш путь не кончен. Будут новые трудности, но уверен, мы их преодолеем. Нас ждет новая, своя родина! — взывал Альмош.

Все согласились идти.

— Куда твое счастье поведет тебя, туда и мы за тобою,— подтвердили они слова старой клятвы.

Тысячи людей, с телегами, повозками, кибитками, стадами коров и табунами лошадей опять двинулись в путь. Предварительно Альмош от имени всего народа угорского снарядил моравскому князю, с которым уже были налажены связи, большого белого коня с седлом и уздечкой, а тот прислал дунайскую воду, траву и чернозем. Древний обычай, который говорил, что князь моравский приглашает на свободные богатые придунайские земли кочевой воинственный народ с тем, чтобы они, их всад-

ники, помогали защищать его владения и участвовали в его, моравского князя, походах на Паннонию.

Тут-то в начале пути и постигло их большое несчастье. Передовой отряд маджар во главе с самим Альмошем, вступившим в союз с византийским императором Львом Шестым, вторгся в Болгарию, но был разбит на Южном Буге болгарским царем Симеоном и его союзниками-печенегами, а сам вождь получил тяжелое ранение.

Поражение только ускорило движение угров через Карпаты.

Эти события, эпизод за эпизодом, ярко пронеслись во сне Альмоша. Последние силы иссякали, жизнь медленно уходила, а он все плавно парил и парил в потоках света, становившемся все ярче и ярче. Красочные видения исчезли, и вот он уже не парит, а мчится, летит по какому-то бесконечному, ослепительному коридору времени. Мелькают люди, события, их отдельные детали, даты... но разве разобрать что там и про что — все смешалось в безудержном, стремительном ритме.

— Только одно, только одно, самое главное ясно, и это открылось мне лишь сейчас, — шепчет Альмош. — Пролетят столетия, тысяча лет пройдут, и разные времена ожидает народ мой; будут радость и счастье, горе и напасти, в том числе от славян, потомков Олеговых, правящих властителей, будут слезы и кровь. Будут заговоры и перевороты, войны и перемирия, будет обман и ложь и всеобщая эйфория от надуманных побед, будут герои и предатели, будет гордость свершений и позор соглашательства, будет разрастающийся клубок разногласий, но соединяющей нас станет вера христианская, которая незыблема. А еще — народ, традиции и дружба. Все темное померкнет перед светом истины, перед общими ценностями рода человеческого. Но этот путь надо пройти, все испытать, пережить, чтобы на новом свободном поле, на обретенной и воссиявшей светом свободы родине буйно расцвела новая жизнь, отразившая и соединившая в себе беспечность жизни в Биармии, щедрость и мудрость в Лебедии и нарастающую мощь и национальное сознание в Ателькузе.

Заканчивается стремительный полет в царстве лучезарного ослепительного света. Альмош чувствует, что уже медленно опускается. Тело его совершенно невесомо, и он ничего не ощущает. А вот впереди и место уготованное ему. Но кем? Ответа нет, только в воздухе замечает он, как к нему кто-то плывет, скользит в белоснежном облаке. Может, покровительница рода — птица Турул? Но нет — это не она. Тогда, возможно, сама Белая Баба — холодная и безжалостная смерть, охотящаяся за душами умерших? Только почему ему так хорошо, так тепло? Такого восторга и восхищения он еще никогда не испытывал. Какой чудесный образ! Какой божественный женский лик, от которого веет добротой, спокойствием, умиротворением!

— Где я это видел? — силится вспомнить Альмош, и вдруг его озаряет догадка, — да это же ОНА, Пречистая Богородица — заступница всех людей и их охранительница. Это ее образ он видел в детских снах, а потом и на иконе, которую с особыми почестями привезли в христианскую церковь, в строительстве которой ему посчастливилось участвовать...

Неземная радость, нежная сердечная любовь, священный трепет и благоговение, огромная благодарность переполняют Альмоша. Шепча слова признательности за себя и судьбу народа своего, он протягивает вперед руки и плывет навстречу чудесному видению и уже не хочет просыпаться.

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

АНАЛЬГИН

У Анастасии Яковлевны Викуловой заболело колено. Да так, что терпеть не было сил. Наконец, крича и охая, она поехала в райцентр в больницу. Врач-терапевт районной Куракинской больницы Олег Валентинович Самогладов внимательно осмотрел колено и произнес: «Ну, что ж, все ясно. Перед сном колено хорошенько пропарьте, нанесите йод в виде сеточки и попейте анальгин. Я полагаю, что боль отступит».

Анастасия Яковлевна, как человек, привыкший доверять докторам, так и сделала. Но вместо обещанного облегчения наутро она вновь ощутила острую, пронизывающую боль.

Так продолжалось несколько дней. Наконец, она не выдержала и вновь приехала в больницу.

Увидев вошедшую Викулову, Олег Валентинович вымученно изобразил на лице что-то вроде дружеской улыбки.

— Проходите, проходите, присаживайтесь,— вежливо предложил он, указывая на стоявший у стола стул.— На что жалуетесь?

— Коленка у меня болит, доктор,— пожаловалась Анастасия Яковлевна.

— Ну, что ж, коленка, так коленка. Показывайте.

Анастасия Яковлевна размотала шаль, которой обматывала больную ногу, сняла чулок и выставила перед доктором треклятое колено. Олег Валентинович надавил на колено указательным пальцем.

— Согните ногу. Теперь разогните. Все ясно, одевайтесь,— произнес он, подставляя намыленные руки под струйку воды.— Ну что ж, попейте, Анастасия Петровна, анальгин, обязательно хорошенько пропарьте колено и нанесите на него йод в виде сеточки.

— Да не помогает мне это, Олег Валентинович,— чуть не плача, проговорила Анастасия Яковлевна.

Доктор поправил очки на переносице.

— Варвара Яковлевна, голубушка, ведь возраст же. Я вот помоложе вашего буду, а тоже то тут, то там болеть начинает. Вы обязательно анальгин пейте, он является обезболивающим средством.

Всю обратную тридцатикилометровую дорогу домой Анастасия Яковлевна со слезами на глазах рассказывала кондуктору и немногим пассажирам рейсового автобуса о своей беде, в сердцах ругая доктора Самогладова.

— Ты, бабка, лучше поезжай в областной платный диагностический центр,— вступил в разговор водитель автобуса.— Там тебе всю коленку обследуют и скажут, что к чему. А этот, наш, ничего не понимает. У него и прозвище такое — Анальгин, потому что он его всем прописывает,— засмеялся водитель автобуса.

Дома Анастасия Яковлевна, посоветовавшись с мужем, решила и вправду съездить в диагностический центр на обследование.

На следующий день она первым рейсом выехала в областной центр и к полудню была в диагностическом центре. Отстояв длинную очередь в регистратуру, затем очередь в кабинет врача, и наконец-то, спустя два часа, попала на прием к доктору.

В светлом и огромном кабинете находились сразу два врача — маленький, с бородкой и в очках мужчина и полная розовощекая женщина. За столом сидела и молча что-то записывала молоденькая медсестра. Доктор ощупал больное колено и сказал что-то розовощекой, после чего она отложила в сторону амбулаторную карту и посмотрела на Анастасию.

— Вам доктор не назначал рентген делать?

— Да нет, милая, мне доктор велел коленку парить и анальгин пить.

Находящиеся в кабинете врачи переглянулись, заулыбались.

— Идите на второй этаж в сто пятый кабинет, сделайте там рентген, а затем придите сюда.

После рентгена Анастасия Яковлевна вернулась в кабинет. У окна стоял маленький бородач и рассматривал принесенный снимок Анастасьиного коленного сустава, а затем отложил его и сел за стол.

— Так, Анастасия Яковлевна, у вас артроз коленного сустава. Мы вам запишем в вашу медицинскую карту рекомендации по лечению. Поделайте прогревание, массаж и укольчики. Лечение будете проходить в вашей районной больнице. В карточке мы все расписали вашему лечащему врачу.

Спустя два дня Анастасия Яковлевна пришла к Самогладову. Доктор любезно предложил ей присесть, а сам, оттянув ее нижнее веко, стал водить перед глазами авторучкой.

— Смотрите на авторучку, — внимательно глядя в глаза Анастасии, проговорил он. — Вправо, влево, ну, как ваша мигрень? Вниз глаза, теперь вверх. Сейчас голова не болит? Если я не ошибаюсь, Ольга Михайловна?

— Нет, доктор, ошиблись. Я Викулова Анастасия Яковлевна, у меня коленка болит, — ответила она, не отрывая взгляда от авторучки перед своим носом. — Я была в платном диагностическом центре и сделала снимок, а в карточке врачи написали, как меня лечить надо, — протянула она Самогладову аккуратно завернутые в газету снимок и амбулаторную карту.

Олег Валентинович долго рассматривал снимок, а затем, прочтя сделанные в карточке записи, снял очки, растер пальцами виски и устало откинулся на спинку стула.

— Я так и предполагал. Мой диагноз подтвердился, — глядя на медсестру, произнес он. Затем водрузил очки на прежнее место и повернулся к Анастасии. — Ну, что ж, Анастасия Яковлевна, лекарств у нас сейчас нет. Вам придется самой их купить, и тогда приходите к нам на уколы. Электрофорез мы вам сделать не сможем: у нас аппарат не работает, да и специалист в декретный отпуск ушла, а массажного кабинета у нас, к сожалению, нет. Не предусмотрен.

— Что же тогда посоветуете? — расстроилась Анастасия Яковлевна.

— Ну, что посоветовать? — пожал плечами Самогладов. — По поводу укольчиков вы меня поняли, массаж можете делать себе сами. Аккуратненько большим и указательным пальцами водите по часовой стрелке в области коленной чашечки. Перед массажем колено пропарить и смазать йодом. А перед сном обязательно выпейте анальгин. Этот препарат снимает боль... Ну, Ольга Николаевна, желаю удачи. Будет боль донимать, приходите, что-нибудь придумаем.

Вечером после работы доктор Олег Валентинович Самогладов, прогуливаясь с женой по центральной улице поселка Куракино, рассказывал ей о современных научных методах, применяемых при лечении больных. Он думал о завтрашнем дне, когда вновь наденет белый халат и будет оказывать помощь больным людям; он относил себя к категории тех великих медицинских светил, которые в разные времена прославили отечественную медицину.

Федор Ошевнев
(г. Ростов-на-Дону)

В НЕПОДХОДЯЩЕЕ ВРЕМЯ, В НЕПОДХОДЯЩЕМ МЕСТЕ

Федор Михайлович Ошевнев — выпускник Московского Литературного института им. А. М. Горького (1990 г.). Двадцать пять календарных лет отдал госслужбе: в армии и милиции. В центральной прессе дебютировал повестью «Да минует вас чаша сия» на тему афганской войны («Литературная учеба», № 4, 1989). Публиковался в журналах «Молодая гвардия», «Жеглов, Шарапов и К°», «Подъем» (Воронеж), «Южная Звезда» (Ставрополь), «Петровский мост» (Липецк). Автор шести книг: двух сборников очерков о сотрудниках Донской милиции, побывавших в «горячих точках», и четырех сборников рассказов и повестей на армейскую и милицескую тематики. Награжден медалями «За ратную доблесть», «За отличие в охране общественного порядка» и другими. Майор внутренней службы в отставке. Живет в г. Ростове-на-Дону.

Студеный февраль... Лютует мороз, не отступая и в субботний вечер. Вдоль городской улицы замерли пирамидальные тополя, опушенные снегом. Меж ними, по льдистой дороге, с достоинством движется милицейский УАЗик. На передних дверцах его намалеваны белые, высоты восемнадцати с половиной сантиметров, буквы: ПА — патрульный автомобиль. В кабине двое молодых мужчин в знакомой населению темно-серой форме. На плечах водителя — сержантские погоны, у пассажира рядом — лейтенантские.

— Шел бы он со своими экспериментами... — продолжал монолог на наболевшую тему пассажир «пеашки», участковый инспектор милиции Виктор Бычков. Далее он недвусмысленно уточнил, куда именно следует идти. Кому? «В места отдаленные» настойчиво посылался начальник УВД города. Именно по его приказу отряд участковых инспекторов и уселся в патрульные автомобили, «дабы оперативно прибывать на места совершения преступлений». (Эх, ведал бы главный городской борец с преступностью, где за последнее время пришлось ему перебивать... в мыслях-желаниях многочисленных подчиненных!).

— Сам посудите, — продолжал изливать душу напарнику Бычков. — Участок у меня — врагу не пожелаешь. Многоэтажки, коммуналки петровских времен, частного сектора тоже хватает — одна Песчанка чего стоит... Три общежития! Два мини-рынка! Цыганский квартал — рассадник наркош... Сейф неотработанными жалобами забит; одна бабушка уже до печеник достала, все по соседству инопланетяне мерещатся; поднадзорников и охотников проверять срок... А тут зам по МОБ* совсем

* Зам. по МОБ — заместитель начальника отдела внутренних дел — начальник милиции общественной безопасности. В его подчинении находится отдел по работе с участковыми инспекторами милиции, сокращенно ОРУИМ.

сблудил: требует, чтоб каждый участковый за месяц по сотне административных протоколов оформлял, плюс к тому дай пять раскрытых преступлений. «И непременно, чтоб одно — тяжкое»... — передразнил Бычков начальника. — Будто они, убийства да изнасилования раскрытые — вот, прямо на дороге валяются...

— Если валяются, так только нераскрытые, — впервые вклинился водитель, сержант милиции Алексей Барибал.

— Во-во... Тогда уж лучше никаких — показатели не портить. Короче, время драгоценное идет, а мы тут с тобой впустую километры накручиваем... Весь эксперимент-экскремент...

Автомобиль остановился на красный свет. Бычков приоткрыл дверцу машины и ожесточенно сплюнул. В салон радостно ворвался морозный воздух, и участковый торопливо захлопнул дверцу.

За перекрестком УАЗик обогнало БМВ. Скоростная машина явно нарушала правила дорожного движения: сильно виляла, то и дело выскакивая на встречную полосу.

— Ты гляди, что делает, — оживился Барибал. — Сто процентов: нажрался — и за руль...

— Сейчас точно в кого-нибудь въедет, — не без оснований предположил Бычков. — Давай, догоняй, — и схватился за микрофон громкоговорителя — в милицеской среде попросту матюкальника.

Меж тем БМВ, двигаясь так же, по синусоиде, проскочила следующий квартал и выкатилась на Пионерскую площадь. На ней, в центре огромной клумбы, памятником прошлому высилась скульптурная группа: мальчик с барабаном и девочка, вскинувшая руку в пионерском салюте. Еще с перестроечных времен композицию стали опошлять, выставляя на барабан треснувший стакан или пустую водочную бутылку, вывешивая на шею салютующей таблички типа «Даю с 17 до 19 без выходных», а однажды на обломок барабанной палочки нацепили дырявый презерватив.

Обгоняя автобус справа, импортная машина подъехала к нему впритирку. Опасаясь столкновения, водитель «Икаруса» вынужден был отвернуть влево. Автобус вынесло на клумбу, и он заглох, едва не «поцеловавшись» с бетонным постаментом.

Сидящие в БМВ, похоже, даже и не заметили, что чуть не влипли в аварию. Минув площадь, машина совсем переместилась на встречную полосу, распугивая транспорт и заставляя его вплотную прижиматься к тротуару.

— Водитель БМВ, номер..., немедленно остановитесь! — дважды прокричал Бычков в микрофон.

Никакой реакции... Впрочем, автомобиль-нарушитель вырулил-таки на свою сторону дороги.

— Обгоняй! — скомандовал участковый.

— Ага... У него мотор вдвое, — ответил Барибал, но на акселератор надавил. Вскоре автомашины сравнялись. Приоткрыв боковое стекло, Бычков выставил в него руку с жезлом со светоотражателем и отчаянно замахал, требуя остановки.

Опять никакой реакции... Автомобили продолжали мчаться вперед. Бычков еще раз прокричал в матюкальник, а затем спросил:

— Ну что, придется подрезать?

— Дело несложное, — отозвался напряженно удерживающий «пэашку» рядом с дорогим авто Барибал. — Только потом начальство может не понять...

— Давай... — решил Бычков. — По-хорошему все одно не получится...

Водитель до отказа нажал на газ, на полкорпуса обогнал БМВ, умело прижал его к бордюру и резко крутанул руль: вправо-влево. Машины едва не столкнулись. БМВ притормозило. Барибал повторил маневр... На третьем подрезании автомобиль-нарушитель остановился, чуть не врезавшись «пэашке» в крыло — на сей раз сержант милиции руль влево не отворачивал, и УАЗик под острым углом преградил БМВ путь.

Бычков выскочил из машины, осторожно постучал жезлом в стекло соседнего авто... Из салона не донеслось и звука. Участковый инспектор дернул за ручку дверцы — заперто. Сильнее постучал в стекло — то, наконец, поползло вниз.

За рулем сидела женщина в норковых шубе и шапке. Немолодая: лет под пятьдесят. Того же возраста мужчина — пассажир с переднего сиденья — был одет в ондатровую шапку и теплое кожаное пальто. Из салона прямо-таки несло перегаром.

— Чего надо? — недовольно процедила женщина.

Бычков по-уставному представился, козырнул...

— Ваше водительское удостоверение...

— Ишь чего захотел, — услышал в ответ возмущенный возглас.

Участковый опешил: нарушители ПДД так себя с сотрудниками милиции не вели. Тут в ситуацию вмешался мужчина-пассажир.

— Тамара, помолчи, — одернул он спутницу, вылез из машины и, пошатываясь, подошел к участковому. На ходу расстегнул пальто, доставая из внутреннего кармана пиджака документы.

— Младший советник юстиции Перов, — сказал он, раскрывая книжечку в красной обложке. — Прокурор Свердловского района. А это, — указал на женщину за рулем, — моя супруга.

Бычков и вышедший к тому времени из УАЗика Барибал замялись. Патрулировали-то они как раз на территории Свердловского района и уж меньше всего ожидали нарваться на главного надзирающего за милицейской структурой. Да еще в таком виде!

Впрочем, будь сам Перов даже и нетрезвым за рулем, они бы младшему советнику юстиции только откозыряли — задерживать-то права не дано... Ну, по окончании дежурства устно доложились бы начальству о неординарной встрече. Стопроцентная гарантия: им бы посоветовали о ней забыть на веки вечные.

Однако сейчас нарушитель за рулем — лицо гражданское, а вовсе не «персона нон грата». Хотя, с другой стороны, «муж и жена — одна сатана». Разве ж прокурор свою слабую половину в обиду даст?

— Были в гостях, — пояснил, не договаривая, Перов.

— Чего ты им объясняешь? — перебила мужа женщина. — Нашел, перед кем отчитываться! Поехали!

— Да помолчи же ты! — уже прикрикнул прокурор на супругу. — Сейчас все решим...

— Товарищ прокурор, — набрался мужества Бычков. — Вы нас, конечно, извиняйте... Только ни вам, ни жене вашей никак за руль нельзя. Минуту назад, на площади, чуть дорожно-транспортное не совершили. Жизнями рискуете...

«И не одними своими», — хотелось добавить лейтенанту милиции, но он предпочел оборвать предложение.

— И чего, по-твоему, нам теперь делать? — опять встряла в разговор женщина. — Пешком через полгорода идти?

— Зачем пешком? — на ходу соображал Бычков. — Позвоните кому-нибудь из знакомых... Кто живет недалеко... Он и довезет...

— Ага, умник нашелся, — не успокаивалась женщина. — Сейчас сто человек слетится — всем больше делать нечего...

— Тамара! Я тебя умоляю! — прижал руки к груди прокурор.

— Что вы делаете? — воскликнул до того молча слушавший триалог Барибал. Кричал он супруге Перова, которой, по всему судя, надоело препираться. Женщина запустила двигатель и включила заднюю скорость, однако слишком резко тронула с места, и мотор заглох. Прокурорша тут же вновь завела машину и включила... первую скорость. Автомобиль рванулся вперед, и его бампер углом уперся «пзашке» в крыло.

Прокурор выругался. А Барибал, тронув Бычкова за рукав, твердо произнес:

— Докладывай по радиации дежурному. Иначе, если разъедемся, они завтра заявление подадут, что это мы во всем виноваты, а бампер пять «штук» стоит...

И как ни просил Перов сотрудников милиции скрыть происшедшее, те, через дежурного по УВД города, вызвали на место столкновения дежурную группу сотрудников ГИБДД.

Через пятнадцать минут к двум автомобилям подъехал третий, специально оборудованный проблесковыми маячками и с символикой ГИБДД.

— Старший инспектор дорожно-патрульной службы, — отрекомендовался офицер, — капитан милиции Шубин.

Следом за ним из спецмашины вышел и сержант-водитель, тоже сотрудник ДПС. Они-то, не без помощи Перова, наконец, вытребовали у его супруги водительское удостоверение.

— Так что делать будем, товарищ прокурор? — вслух рассуждал теперь капитан милиции. — По закону-то оно, конечно, ясно: схему ДТП расчертить, Тамару Вячеславовну — на освидетельствование, на предмет признаков алкогольного опьянения, протокольчик за нарушение ПДД составить, ну а транспортное средство — на штрафстоянку...

— Чего захотел... — подала голос так и не вышедшая из автомобиля прокурорша. — Только попробуй: завтра же из милиции вылетишь!

— Да ты заткнешься, в конце-то концов! — не выдержал Перов. И предложил Шубину: — Товарищ капитан, давайте мы вам напишем, что претензий к сотрудникам милиции у нас нет, а вы бы помогли до гаража доехать. Тут, по-хорошему, и десяти-то минут хода...

Капитан милиции недолго поразмышлял. Наживать себе врага в лице прокурора района явно не хотелось. Хотелось — подстраховаться, однако отбирать у него письменное заверение в лояльности стражей порядка... Нет, Шубин и на это не решился...

— Крыло-то не сильно повредили? — спросил он Барибала.

— Переживем, — мрачно отозвался водитель. — А вот как бы товарищ прокурор завтра не передумал...

— Да Господь с вами, ребята, — замахаля руками Перов.

Прокурорша на этот раз благоразумно промолчала: может, поняла, что дело идет к мировой, а может, хмель маленько повыветрился. Словом, «пэашка» поехала дальше по маршруту патрулирования, а Шубин уселся за руль БМВ, потеснив Перову на пассажирское место рядом, а Перова — вообще на заднее сиденье.

— Исключительно из уважения к работникам прокуратуры, — счел долгом пояснить свое решение капитан милиции, включая двигатель.

Супружескую чету, в сопровождении автомашины ГИБДД, к гаражу доставили действительно за несколько минут. Прокурор долго шарил по карманам в поисках ключа. Наконец отыскал его — сейфовский, с двойной бородкой. Сделал несколько безуспешных попыток попасть в скважину, переругиваясь при этом с супругой. Затем беспомощно пожал плечами.

— Товарищ капитан, может, вы поможете? Застыло, что ли?

Осторожный Шубин сам замок открывать не взялся, позвал сторожа. И только убедившись, что автомобиль благополучно заехал в гараж — за рулем на этот раз сидел сам Перов — откозырял и удалился к служебной машине...

На том и был бы мирно окончившейся истории конец, ан вовсе нет. Часа через два и «пэашка» и автомобиль ГИБДД мчались к Свердловскому райотделу, срочно вызванные по радиосвязи.

Первыми к зданию ОВД подружили Бычков и Барибал. И, едва выйдя из машины, тут же были встречены непечатными словами, которыми милиционеров обложила

прокурорша, стоявшая на ступенях райотдела, вместе с мужем и начальником штаба ОВД: все трое курили.

Участковый и милиционер-водитель опешили, ничего не понимая.

— Я же говорил: за бампер ругаться приедут,— тихо сказал Барibal напарнику.

Но оказалось, что бампер-то как раз и ни при чем. Супруги утверждали, что после общения с милицией из БМВ пропала супердорогая дамская сумочка — шесть с половиной тысяч «деревянных» уплочено — фирмы Картье, цвета бордо и с укороченной ручкой, принадлежавшая Перовой. А помимо косметики — сплошь Кристиан Диор — там находились тысяча двести «зеленых», семьсот российских рублей, сотовый телефон фирмы «Моторола» и начатые упаковки лекарств: нимотопа, норвакса, эссенциале и витамина Вентури Центури.

— Воры! Разбойники! Обратни в погонах! Вы у меня надолго сядете! — выкрикивала разошедшаяся прокурорша.

— Ну, это ж не они,— как мог, успокаивал ее супруг.— Они даже в машину не сажались... Гаишники... Тыфу — никак не привыкну — ГИБДДшника работа, который нас вез... Больше некому...

Легко на помине — появился Шубин с водителем. Им пришлось выслушать в свой адрес оскорбления покруче, и на этот раз от двоих считающих себя потерпевшими людей.

Меж тем, к райотделу подъезжали и подъезжали машины. Прибыл начальник ОВД, его заместитель по кадрам, дежурный кадровик из УВД города, дежурный следователь прокуратуры района, дежурный управления собственной безопасности (УСБ) УВД области и, наконец, один из замов прокурора города.

Всей толпой ввалились в «дежурку». Прокурорша махала перед носом дежурного по райотделу листом стандартной бумаги: заявлением о краже, но в руки почему-то не давала. Дежурный зарегистрировал факт обращения Перовых в специальной книге Формы 2. Четырех сотрудников милиции, подозреваемых в краже автомобиля, «пустили по кругу»: каждый из них поочередно давал показания дежурному инспектору по разбору, кадровику из городского УВД, «уэсбешнику» и следователю прокуратуры, поскольку всякая инстанция проводила собственное служебное расследование по факту устной жалобы.

Прокурора и его супругу опрашивать почему-то никто не спешил. Только по указанию начальника ОВД дежурный инспектор по разбору предложил Перовой пройти медицинское освидетельствование на алкоголь, но та возмущенно взвопила:

— Ишь чего захотели? Своих покрываете! Ничего, я на всех вас управу найду! — И локтем толкнула мужа: — Ты куда смотришь? Не видишь, что ли, как они концы в воду прячут,— и выругалась.

Прокурор, как мог, успокаивал свою слабую половину. Заместитель прокурора города обещал «...вывернуть все наизнанку, но преступника в погонах вычислить и покарать». Милиционеры категорически отрицали свою причастность к краже.

— Я вообще к машине близко не подходил, около своей стоял,— утверждал водитель-ГИБДДешник.

— Я тоже до «бэемвешки» не докасался,— вторил Барibal.

— К машине подходил, но внутрь не садился, только в стекло водительское постучал,— пояснял Бычков.— Ну и как бы я, по-вашему, эту сумку взять мог, если заявительница показывает, что она на заднем сиденье лежала?

Труднее всего приходилось Шубину: потерпевшие — а в этой роли прокурор с супругой уже себя утвердили, и ни у кого из присутствующих даже и мысли не возникало усомниться в недавнем существовании дамской сумочки с дорогостоящим содержанием — грешили именно на него.

— Что я, по-вашему, круглый идиот? — отчаянно жестикулируя, частил капитан милиции, защищаясь от наседавшего на него «узбешичника», которому помогал опрашивать подозреваемого в краже заместитель прокурора города. — Не видел я этой сумки! А если б и увидел — чужого брать в жизни не брал! По мне оно хоть прокурорское, хоть президентское — один хрен: не мое! Опять же, говорят, она на заднем сиденье лежала — так я там вообще не сидел, только за рулем!

— Но водительские права-то из сумочки доставали, чтобы вам предъявить? — напирал заместитель прокурора.

— Доставали, — соглашался офицер ГИБДД. — Только откуда — я не следил. В первых, темно было, а во вторых, в БМВ стекла тонированные...

— Да что вы с ним ляляете? — бушевала Перова. — Спер, так еще и отпирается! А на лице все написано!

— Это у вас кое-что написано... — огрызнулся Шубин.

— Чего именно? — подбоченилась прокурорша.

— А что нетрезвы, — коротко сформулировал капитан милиции.

— Это тебя не касается! — яростно покрутила перед его лицом указательным пальцем женщина.

— Сейчас — да. А жаль... — и Шубин пасмурно улыбнулся.

— Чего жаль? Конкретизируйте, — опять подключился заместитель прокурора города.

— Что домой их отвез. А надо бы — на штрафплощадку, — совсем хмуро пояснил капитан милиции. — Участковый так и советовал, да вот не послушался я, на свою голову... И вообще: разберитесь для начала, а может, ее — сумки-то — и не было? Тем более — с такой суммой...

— Вы что, нас во лжи обвиняете? — лицо прокурора-потерпевшего разом пошло красными пятнами: по-видимому, высокое давление. — Да я тебя, не знаю что...

— Наручники на него! — поддакнула прокурорша. — И в камеру!

— Меня? В камеру? За что? — вскочил с места и рванул форменный галстук Шубин. — Да я пятнадцать лет... Без единого взыскания... Медаль «За отличие в охране общественного порядка» имею...

— Ну, не так-то это просто, Тамара Вячеславовна, — несколько охладил пыл разгневанной женщины заместитель прокурора города.

Бычков, Барibal и водитель-ГИБДДешник, от которых уже все отвязались, с сочувствием смотрели на своего собрата по несчастью, которого явно было решено сделать «стрелочником».

Руководство райотдела словесную дуэль подозреваемого и обвиняющих слушало с отвращением, но не вмешиваясь. И тут в дверях «дежурки» появился начальник ГИБДД УВД города подполковник милиции Стрельников — прямой начальник попавшего в серьезный переплет инспектора дорожно-патрульной службы. Старшего офицера отыскивали и оторвали от свадебного стола аж в соседнем районе: Стрельников собирался повеселиться на свадьбе племянника, а не получилось. Быстро уяснив положение дел, начальник ГИБДД задал разумный вопрос:

— А не могло так случиться, что эту сумочку, со всем содержимым, возле гаража обронули, когда его открывали?

— Ну, знаете, — напустилась на подполковника милиции прокурорша. — За дураков нас принимать? Мы потому про нее и забыли, что он ее из машины украл! А домой пришли — эссенциале срочно принять надо было. Оно в сумке, упаковка начатая... Хватились — нет. Спасибо, еще запас был...

— И, тем не менее, — настаивал Стрельников. — Почему бы и не проехать к гаражу? Вдруг да отыщется пропажа...

Кортеж из восьми машин торжественно, под звуки сирены и мигание проблеско-

вого маячка спецавтомобиля ГИБДД, несся по городу. На громкие «уи-уи» из ворот гаражного кооператива выскочил сторож.

— О-о, Тамара Вячеславовна! А я вам еще вслед кричал, когда опять уезжали,— заискивающе проговорил он.— Сумочку-от вы здесь обронули... Ее почти снегом припорошило, но я углядел. Сей секунд сюда принесу...

Пока сторож ходил за сумочкой, девятнадцать человек (включая пятерых водителей служебных автомобилей) молча стояли, переваривая новость. Надо думать, что чета «потерпевших» — а особенно прокурор района — в эти минуты чувствовала себя не очень-то комфортно.

Когда сторож вручил Перовой кажущуюся на первый взгляд — но только на первый — скромной дамскую сумочку от Картье, женщина, даже не поблагодарив его, тут же принялась перерывать ее содержимое.

— Заявленные, как пропавшие, ценности в полном объеме? — поинтересовался начальник ГИБДД.— Сотовый телефон исправен?

— Представьте себе,— отозвалась женщина.— Даже очень странно... И телефон работает...

Перед входными воротами гаражного кооператива вновь воцарилось напряженное молчание. Наконец Перова неохотно произнесла:

— Ну, это... Раз оно так получилось... Давайте выпьем бутылку коньяка и забудем...

Было понятно, к кому именно обращается прокурорша.

Водитель спецавтомобиля ГИБДД молча повернулся к женщине спиной.

Барibal сплюнул на снег и буркнул: «Не извольте беспокоиться».

Бычков хмыкнул, сморщил нос и заявил: «Есть у меня сильное желание в суд на вас подать... За клевету»...

А Шубин, на котором скрестили взгляды девятнадцать пар глаз, отвечать не спешил. После долгой паузы все же разлепил губы.

— Бог вам судья... А вот вы меня без суда и следствия в камеру и в наручники загнать сильно желали. Так неужели ж вы взаправду считаете, что я с вами, за один стол... Да с такими людьми я на одном километре ср...ть не сяду!

— Что-о? — надвинулся на капитана милиции прокурор.— Да за такие слова! Публичное оскорбление... Завтра же ответите...

— А когда вы сами, на пару с супругой, меня материли — забыли, да? — вопроса о публичном оскорблении не поднималось? — с усмешкой отпаривал Шубин.— Кстати, жаль, что мы лет сто назад не живем.

— Не понял...— растерянно произнес Перов.

— На дуэль бы вызвал,— разъярил Шубин и медленно пошел к спецавтомобилю. Следом потянулись к машинам и остальные.

— Товарищ прокурор,— обратился к несостоявшемуся потерпевшему начальник ОВД.— Надо бы в райотдел вернуться, объяснительные от вас с супругой принять...

— Еще чего! — опередила мужа прокурорша.— Что мы там забыли?

— Тамара, ну так положено,— попробовал уговорить свою слабую половину Перов.— Вон, скольким людям беспокойство доставили.

— Это их работа,— безапелляционно заявила прокурорша.— А поскольку письменного заявления мы не подавали, считайте, что его вообще не было. Домой, домой,— и, схватив мужа под руку, чуть ли не силой потащила к личному автомобилю.— Машину в гараж — и живо спать. У меня завтра в фирме с утра совещание...

* * *

— А я вам приказываю: отметьте в форме номер два, против зарегистрированного заявления о краже из автомобиля, что записано ошибочно,— настаивал заместитель прокурора города по возвращению из ОВД, обращаясь к дежурному по райотделу.

Седовласый майор милиции категорически не соглашался:

— Хватит, один раз так сделал — из вашей же епархии проверяющий приказал выговор вкатить. Не-ет, дураков больше не имеется.

Несмотря на время за полночь, заместитель прокурора города позвонил домой начальнику УВД — с той же рекомендацией. Однако понимания не нашел...

Утром же начальник УВД города подписал заключение служебного расследования по факту случившегося, где в резолютивной части, после общего для всех такого рода документов пункта первого: «Служебное расследование считать оконченным», следующим стоял пункт второй: «За невыполнение требований должностных инструкций и статьи 245 «Кодекса об административных правонарушениях РФ», выразившееся в непринятии мер по привлечению к административной ответственности лица, управлявшего транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, привлечь к дисциплинарной ответственности правами начальника ГИБДД УВД города, старшего инспектора дорожно-патрульной службы капитана милиции Шубина С. Е.»

К обеду уже был готов проект приказа о наказании, а к вечеру приказ подписан. Сотруднику ГИБДД, не скупясь, впаяли «строгач».

Получая на следующий день в кабинете Стрельникова выписку из приказа, Шубин мрачно поинтересовался:

— Ну а если бы я все сделал, как по теории надо? То есть, Тамару Вячеславовну — на освидетельствование, а БМВ — на штрафплощадку?

— С ума сошел, — сказал и осуждающе покачал головой умудренный четвертью века службы главный городской ГИБДДешник. — Ты б после этого и недели не прослужил...

— Выходит, куда ни кинь, всюду клин? — возмутился Шубин.

— Выходит... — сочувственно согласился Стрельников. — Понимаешь, Сергей, как иногда говорят в американских фильмах, оказался ты в неподходящее время, в неподходящем месте... Нарваться-то угораздило — помнишь перечень лекарств в сумке? Типичный набор богатого алкоголика. При плохом кровообращении, гипертонии и посаженной печенке. А каждый препарат, в среднем, по «штуке»...

Вздохнул и добавил:

— А ведь поначалу вас всех четверых наказывать хотели... Ну, раз так вышло, что ты «один по делу прошел», вправе с «подельников» магарыч истребовать. Ладно, давай, иди... Александр Матросов...

В МИРЕ ПОЭЗИИ: НА РАЗНЫЕ ГОЛОСА

Игорь Лукьянов
(г. Борисоглебск)

PERSONALIA

Русский поэт из Воронежского края Игорь Лукьянов. Автор десяти поэтических сборников. Член Союза писателей России. Несколько его стихотворных подборок было опубликовано в «Приокских зорях».

СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ

Есть святыне на Руси святой,
На поляне в келье одинокой
Старец жил, душой своей высокой
Прост и ясен Божьей правотой.

Есть святыне на Руси святой,
Потому не погубили смуты —
Вражьи рати и свои иуды...
Есть святыне на Руси святой.

* * *

На свете счастья нет

А. С. Пушкин

От большого ума
Или сдуру —
Ищет счастья
Несчастливая грудь.
И не разум,
А кость
И натура
Пробивают в лишениях путь...

* * *

Мне бы взяться за руль —
Мотануть бы далеко-далеко,
Чтобы там ни души, ни единой,
Чтоб лишь рябь по широкой реке.
Чтоб лишь шорох осоки
Да голос кукушки родимый
Где-то рядом в прозрачном
Зеленом березняке.
Мне бы взяться за руль —
Вот такая, казалось бы, малость,
Чтобы праздник устроить
Про радость забывшей душе.
Только вот на земле
Этих мест — их почти не осталось.
Этих мест заповедных...
Послушаю мышь в гараже.

НЕИЗВЕСТНЫЙ СОЛДАТ

Взяли здесь, где шел я в бой,
Мои косточки в конвой
И в столицу привезли
Под оркестр зарыли.
И лежу я, всем чужой,
Под гранитною плитой
Бьется пламя надо мной,
Словно в клетке крылья.
Под звездой иль под крестом
Мне б остаться в поле том,
Где смешав огонь с землей,
Вражьи танки били.
Там шумит метель зимой,
Там пьянит июльский зной...
Санитары обошли... Писаря... забыли.

МОСКВА — 2008 г.

От порочных огней
Буржуазных усад
Остывала Москва
На осеннем рассвете.
И похмельно бледны,
Встав в безжизненный ряд,
Фонари вдоль шоссе,
Как статисты в балете.
И пока господа,
Обожравшись икры,
Ликовали во снах,
Где — и баксы, и бабы,

Беспредельно далекий
От этой игры
Скреб метлою асфальт
Полубомж — гастарбайтер.

ЭЛЕКТРИЧКА
«АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ» — 2000 год

Средь хапуг и охломонов
раскуроченной страны
Ты идешь,
Андрей Платонов —
хмуро брови сведены.
Одухотворенных племя...
Где вы? Воин... Машинист...
На Руси худое время.
По Руси — бесовский свист.
Сцепка стареньких вагонов.
Летний вечер на земле.
Мимо вдаль —
«Андрей Платонов»
Промелькнуло в полумгле...

* * *

Глазастая, умная, теплая
У волка погибла подруга.
Судьба выключателем щелкнула —
Померкли душа и округа.
Но волку не надо жаления,
Но помощи волку не надобно
От мира, что счастлив растлением —
Визгливыми сучьими свадьбами.

* * *

Мне нечего сказать,
когда над полем жухлым,
над этой стороной —
единственной из всех,
как в пушкинских стихах,
дыша морозным духом,
седые небеса
роняют первый снег.
Снежинкам дан приказ.
Они летят, мелькая,
сквозь реющий вдали
железный грай ворон.
Мне нечего сказать,
когда душа родная
родным окружена
со всех святых сторон.

ЯСНАЯ ПОЛЯНА

Жизнь нашу
прославляя и хуля,
просил здесь
у Всевышнего он силу.
Могильный холмик.
И обрыв — в поля,
где за сохою шел.
За ним — Россия.

* * *

Отцу, летчику-истребителю ВВС СССР

Можно спеть лебединую песню,
А потом и — «Макара» к виску.
Но хотел бы душой в поднебесье
Я упасть — на лету, на скаку.
Дай мне, Бог, этой доли частицу,
Где бы смог, свист неся на крыле,
Лишь всего в полсекунды проститься
Я со всем, что любил на земле.

ПОРТРЕТ

На меня глядят отец и мать
Из послевоенного портрета
Молодые, той стране под стать,
Что себя прославила Победой.
Я сейчас в три раза старше их,
Но под взглядом добрым и родимым
Остаюсь пред ними в этот миг
Игорьком — послевоенным сыном.
Жизнь прожил, не отводя лица
От всего, что снято и высоко...
Две звезды* на кителе отца.
Смотрит мать с девичьей поволокой...

* * *

Вот дорогу переходят гуси.
Вот рванул, кого-то обогнав.
Коль веду машину — не волнуйся.
Не хватайся нервно за рукав.
Я впишусь в любые повороты,
Скорость рассчитав один в один.
Ведь во мне с рожденья кровь пилота,
В сорок пятом бравшего Берлин.

* Имеется в виду орден Красной Звезды.

* * *

Памяти В. Кривцова

Не менял ни веры я, ни мнений —
Первый средь убитых и калек,
Перед белым храмом на колени
Упаду я — черный человек.
Выполнял я свято волю власти
В трудовом и боевом строю.
Родину спасая от напасти,
Не щадил себя и жизнь свою.
Я один из тысяч в поколениях,
Для кого жесток и труден век...
Перед белым храмом на колени
Упаду я — русский человек.

СОЛОВЕЦКИЕ ЛАЙКИ

Молчаливые мудрые лайки
Среди бедных дворов Соловков.
Их не слышал бранливого лая,
Их не видел вилянья хвостов...
Старожилы сурового края,
Где в законе и холод, и мрак...
С уважением я вспоминаю
Этих северных русских собак.

ФУТБОЛИСТ

Умер Пашка Андреев —
Городской футболист.
Из далекого детства
Слышу крики и свист.
Мяч, как голубь — под небо.
Мяч, как уж — по земле.
Пашка всаживал «банки»
Не слабей, чем Пеле.
Он играл вдохновенно
От свистка до свистка.
Рыжий парень с завода
С божьей искрой рывка.
Из далекого детства.
Слышу крики и свист...
Умер Пашка Андреев —
Мировой футболист.

ИГРА

Из далеких,
Из детских
Мне видятся пор

Наших игр про войну
И азарт, и отвага.
Там засохший репейник
И рыжий забор.
Ряд старинных сараев
По склону оврага.
И «строчил» пулемет.
И кричали «Ура!»
Сыновья Рокоссовского.
Внуки Чапая.
Детских лет золотых
Золотая игра.
Но сегодня в нее
уж никто не играет.

* * *

Где русскому не сладить со слезою,
Смешно еврею. Но я внял судьбой,
Что есть евреи с русскою душою
И русские — с жидовскою душой.

ЕСЕНИНУ

*Жаль мне себя немного
Жалко бездомных собак*

С. Есенин

Мне жаль и себя, и собак.
И нынче я выпью немного
За эту «прямую дорогу»
За русский святой кабак.
Там в юности пил на гроши.
Но нынче — иные буфеты,—
Где нет и в помине души
Той русской, тобою пропетою.
Где нет и в помине любви
Ненастного отчего края.
И бесится песня чужая
Чужой похотливой крови.

ЧАЙКОВСКИЙ, БАРКАРОЛА «ИЮНЬ»

Вот поднял он крышку пианино:
В интерьере сигаретно-винном
Зажурчала летняя вода...
Зацвели луга, взошли туманы
В зальчике пустого ресторана,
Где под зимний вечер, как всегда,
Соберутся для питья и пляски...
И уйдет отсюда тихо сказка
Невзначай зашедшая сюда...

Валерий Кулешов
(г. Щекино)

PERSONALIA

Родился в 1949 году. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Служил в Советской Армии, работал слесарем, корреспондентом городской и областных газет. Автор 6 книг стихотворений: «Власть огня», «Зерна боли», «Мера времен», «Плоть песни» и других. Член Союза писателей России.

ЗОВ

Поэма

Отцу моему и сыну

...когда же теплая прохлада
коснется дрожью скорбных плеч,
вновь слышу недосказанную речь
из гиблой глубины седого сада.
Вновь слышу недосказанную речь,
вновь слышу голос предков наших давних,
и что-то, непрощающее, давит,
ничком на землю заставляя лечь.
И что-то, непрощающее, давит.
За всю их боль вновь чувствуя вину,
я доскажу, я песней вам верну...
Дай зоркий слух. О, Боже, дай мне.
Я доскажу, я песней вам верну
ржаную правду жизни их потухшей,
и станут беспокойны чьи-то души,
чужую боль вбирая по зерну.
И станут беспокойны чьи-то души,
но мне прощенья все ж не заслужить:
до той поры, пока придется жить,
мне боль родную — непрерывно слушать.
До той поры, пока придется жить...

* * *

Планету, где в крутом краю
врос в землю отчий дом,
в снах ясных часто узнаю,
ломая старый стон.

СОН-I

Мне снится: темен дом, теперь
огня и в нем не жгут,
сама собой здесь ходит дверь —
иного и не ждут.

Мне снится, будто я — старик —
влачу последний путь:
свой первый в этом мире крик
предсмертным — вспать вернуть.

Мне снится, будто с большака
до края не дойти,
уводит в сторону клюка
с извечного пути.

Мне снится, будто тыщи дней
скрипит костями — окрест
пристанища святых теней —
живой, глазастый крест.

Мне снится, будто нет конца
вопросу в той версте,
и вещий ветер у лица
бедой прошелестел.

Мне снится, будто слабый звук
с земли меня низверг:
падение — без крыл, без рук,
паденье вниз, и — вверх.

Мне снится: взгляд с креста слетел
и душу мне прожег.
Под ноги — лестница из тел,
я сквозь дыру прошел.

* * *

И мне навстречу — яркий свет,
но светлый путь... куда?
Ответа — нет, предела — нет,
земля — в лицо. Удар.

ЯВЬ-I

Свою все чаще слышу кровь:
— Спешу делить беду, —
и я иду в остывший кров,
кровиночкой иду.

Редееет ближняя родня,
а те, кто нынче жив...
Все больше вижу, боль продля,
и лиц, и душ чужих.

С немногими, кто держит род,
кто свет его и дух,
чтоб влиться в кровь страны — народ,
в одной струе иду.

И кровный голос вновь велит,
суровый — испокон:
— Послушай клоч сырой земли,
где клал земной поклон.

И до меня доносит дрожь
вздых вечной тишины:
— Ты правды мертвых не поймешь,
боль не познав живых.

Я чуял: русские слова
вошли в меня. Их смысл,
я рвущей болью познавал.
И прорастала мысль:

«Боль правит каждою судьбой,
кладет для жизни след,
когда сжигает душу боль,
яснее белый свет».

* * *

Не на пустом взошла она —
на тех людских костях,
что многое простят сполна,
забвенья — не простят.

ЯВЬ-II

Пирует люто боль живых
и дома, и вокруг,
и, словно в ранах ножевых,
кипит, и чертит — круг.

И вновь на круг ложится путь,
исход ему — дыра,
и тают в ней, и в ней живут
и завтра, и вчера.

И черная дыра времен
жжет белый свет из тьмы,

пока сегодня светит он,
есть — мы.

Но в сущем огненном клубке
едино все и вся,
и в знаках рока на руке
круги миров свистят.

Я руки подношу к лицу,
и свист меня слепит:
круги в глазах, по ним к венцу
терновому — следы.

Едино все: следы, шаги
безмерный тянут ряд.
Сквозь пыль бьет свет из-под ноги,
и времена — горят.

Они свободны лишь тогда,
покуда по земле
идут горящие дотла.
Проложен путь и мне.

* * *

Очерчен круг, начертан путь,
исходный звук зовет:
вновь Слово обретает суть
всего, над чем встает.

ЯВЬ-III

Горела мертвая вода
в час пик — в раскольный час,
и пропадом я пропадал
в последний самый раз.

Проклятьем шагу моему
плевок хлестал вослед,
(и это было наяву
со мною, не во сне...)

Махнув рукою на себя,
я песнь мою испугнул,
глухому отдала земля
в костях рожденный гул.

Я забывал отца и мать,
черта валила с ног,
я проклят был — их забывать,
я их забыть не мог.

И, словом глухоту поправ,
дорогой тяжких снов
увел меня сквозь память в пра-
прапамять — вечный зов.

Воспряли разом голоса
неведомых людей,
во всеобъемлющих глазах
себя — я разглядел.

И в ужасе немом застыл
разворошенный жар,
толкал меня обратно стыд,
но свет меня держал.

* * *

Из точки вышли все пути,
а в точку по судьбе
нам суждено один пройти
путь: от себя — к себе.

ЯВЬ-IV

Полярная болит звезда
над русскою стезей,
Верховный свет ее всегда
был преломлен слезой.

Мы в смутных, знобких временах
по ней сверяли шаг,
под нею вызрела вина,
и рушилась душа.

Все — до предела. Ну, а там,
к суровой правде строг,
свет в наши души западал,
как стержень, как итог.

Пусть что-то (шелест или свист?)
шло изнутри, извне,
отныне в сумраке не вис
наш путь, а с ним — и след.

Ничто не происходит вдруг
на почве болевой,
нам вечно двигать этот круг,
незримый, огневой.

Тем шире он, чем боль больней,
и, звездам в унисон,

вглубь нераспаханных полей
родимую несем.

Нам нашей боли не избыть,
власть круга не разнять.
Ловлю в тени слепой избы
хрип бледного коня.

* * *

Надрыв, и ветер — в рукаве,
но следу не простыть:
все сущее одних кровей,
да связей непростых.

ЯВЬ-V

Бессмертен жертвенный народ,
себя ведущий — сквозь
себя, и светится исход
призывной песней звезд.

И слышу я, что позабыть
нам сроду не дано,
гвоздем нам в души свет забит,
и он звенит давно.

Казнись, пропащая душа,
сухим огнем гори,
и, песней пламенной дыша,
себя проговори.

Дух, извлеченный из луча,
да воспарит лучом,
словам душевным — прозвучать:
высоко, горячо.

На свете жить, чтоб свет пропеть,
любому на роду
начертано. Душе — гореть,
и я не пропаду.

Ничто за мной не пропадет,
другого боль пронзит,
созрев. Туда мы все идем,
куда нам совесть зрит.

Рассудят нас огонь и свет,
начало и конец.
В следах восставший горицвет
не растопчи, слепец.

* * *

Лишь зубы обломав, узнать,
восторг глотнув и грусть:
не развязать того узла,
что завязала Русь.

СОН-II

Я вижу поле: на меже
топанье темных толп,
людьми не пахнет, и уже
наметил прорву столб.

«Давно отпетым — помоги...»
Но всхлипывает топь:
пустые месят сапоги
былых хозяев плоть.

Я вижу небо: ни души
впредь не взойдет на круг,
меня, конечного, тушить
ввысь занесен каблук.

И грянул он. Под ним на спектр
рассыпав боль свою,
во мне исхода ищет свет:
я и в земле горю.

Я вижу время: от меня
оно берет отсчет,
моим огнем воспламенясь,
в конец концов течет.

Но не сойти ему на нет,
верша огневорот,
оно опять в тугом узле
меня — мне отдает.

Я вижу долю: на семи
мне полыхать ветрах.
Я поднимаюсь от земли
за совесть, не за страх.

* * *

...до той поры, пока придется жить,
страдать народной речи отголоску.
Колосьев истин горькую полоску
от века к веку жать мне... жать и жать,
колосьев истин горькую полоску
горючим потом поливать своим.
На том — стоим.

Наталья Квасникова*
(г. Москва)

Приблизительно год назад Владимир Владимирович Путин собрал писателей на обсуждение факта падения интереса к чтению. Поразил состав авторского контингента: Дарья Донцова, Александра Маринина и др. представители самого легкого жанра. Не было замечено мной ни одного сколько-нибудь серьезного поэта или прозаика, разве что беспощадный сатирик Веллер. Случай, по-моему, очень показательный. Невольно вспоминается цитата из романа Пьера Буля «Планета обезьян»: «Нами овладела мыслительная лень. Никто больше не читает: даже детективные романчики кажутся произведениями, требующими слишком большого духовного напряжения». Из состава писательской конференции напрашивается вывод, какой вид чтения у нас санкционирован сверху, иначе туда в первую очередь были бы приглашены другие авторы, к примеру, А. Д. Дементьев, Д. А. Гранин... В некотором роде, именно об этом я здесь и рассказываю.

НЕУДАЧНАЯ ПРОГУЛКА ПУШКИНА саркастическая поэма

1

В одном из современных городов,
Где все дома в панاماх облаков,
Бездомных кошек много и мальчишек,
Где памятников, может быть, излишек,
С чем их периодически под снос
Пускает политический вопрос,
В канун рожденья главного поэта
История могла случиться эта.
Когда народ кого-то вознесет,
То скульпторам прибавится хлопот,
И Пушкина изваяно без счета,
Ведь он не скажет, какова работа,
А между тем душа его жива,
И Бог ей дал особые права:
Пока хранится память о поэте,
Раз в год бывать на грешном нашем свете,
Скульптуры навещать не впопыхах,—

* Наш постоянный автор, лауреат премии «Левша» им. Н. С. Лескова за 2011-й год.

Сидящие, стоящие, в плащах,
И даже бюсты, что, в музеях хмурясь,
Завидуют своим собратьям с улиц,
Где тем и день, и ночь всегда видна
Живым фрагментом вечная страна.
В одном из переулков городских,
Среди домов почти уж нежилых,
Но все ж еще не превращенных в камни,
В забытом сквере, что зарос кустами,
Где треснула и кренится стена,
Давно стоит скамья из чугуна.
Ее — чугунный Пушкин в юных летах
С бомжами делит, — времени примета!
...Настал июнь. Шестого дня канун.
Душа поэта прянула в чугун,—
И в этот миг неловкий казус вышел...
Коты ли громче мякнули на крыше,
Иль, может быть, другой случился сбой,
Но юный Пушкин стал самим собой!

2

Активно солнце было, что ли,
Но он здоров, и бодр, и волен,
Не то, чтоб ноги затекли,
Успев отвыкнуть от земли...
Идет по улице с присвистом,
Глядит, однако, с любопытством
На то, как двадцать первый век
Явил технический разбег,
Как девушки в коротких юбках
Качают бедра, словно шлюпки...
А пирсинг! А тату! Кошмар!
Проходит Пушкин сквозь бульвар...
Обложки глянцевых журналов
Его смущают поначалу,
Но в нем проснулся эфиоп,
Поэт, слегка наморщив лоб,
Казаться хочет повзрослее,
Подходит к девушке, смелея.
К ней обратив учтиво речь,
Он просит назначения встреч.
От вежливости устарелой
Она слегка оторопела,
Решив,— кривляется пацан,
И за пределы дальних стран
Его отправила сквозь зубки,
Надув покрашенные губки.
Услышав современный слог,
Поэт испытывает шок,
И, чтоб отвлечься, объявление

Читает с чувством облегченья:
«При декламации стихов
Сегодня конкурс двойников
Поэта Пушкина...» Решает,—
«Пойду. В том хитрость небольшая,
Возьму, конечно, первый приз.
Какой потомков ждет сюрприз!..»
Приходит, смотрит: «Это что же?!
Они ж нисколько не похожи!
Как будет весело сейчас!»
И выступает напоказ...
Жюри всех Пушкиных сличает
С большим портретом, назначая
Дипломы, грамоты и грант,
И строки вечные звучат...
И час настал для награждений.
Ушам не верит бедный гений:
Его среди призеров нет.
Шатена — два, один брюнет
Решеньем скорым «или — или»
Три главных места поделили...
«Но я же — Пушкин! — Вы блондин! —
Не спорьте, — будь Вы даже сын!
Здесь главное — не первородство,
У нас решает дело — сходство...
Да и стихи читали Вы
Не в той манере. Что ж,— увы!»
Увидев поворот событий,
Поэт сражен... а победитель
Ему, в порыве, от щедрот,
Фломастер дарит и блокнот,
И со своим приобретеньем
Идет он прочь в оцепененьи
Вдоль самой узкой из дорог
И вдруг находит кошелек...
На том явило небо милость:
Грозой короткой разразилось,
Поэт не вымок от того,—
Макдональдс приютил его!
...А здесь, глотая бутерброды,
Заел мороженым невзгоды,—
И вдохновенные стихи
В блокнот бегут из-под руки!
То дождь, то солнце брызжут с крыши,
А Пушкин пишет, пишет, пишет,
Стремясь доказывать опять...
Но, впрочем, только б сочинять!

...Скажу, — он выспался едва ли
Средь пассажиров на вокзале,
Но знал ночевку от бомжей

С чугунной бытности своей.
Хлебнул с утра дрянного кофе,
Обсчитан был буфетным профи,
Но, не заметив, побежал
В ближайший толстый литжурнал.
«Где здесь поэзия? — А что Вам?
— Да я с Великим Русским словом...
Я Пушкин, знаете ли... — Да?»
Блокнот вручает он тогда
И слышит: «Вы с каких окраин?
Мы от руки — не принимаем,
А лишь компьютерный набор!
В бюро пройдите, через двор...»
Идет, решая не сдаваться,
А солнце шлет протуберанцы,
Чтоб дать энергию душе,
Готовой выскочить уже
В наплыве праведного гнева.
Курильщиц он обходит слева,
Глядит: на двери преysкyрант
На сроки, строки и талант.
Дыша сигарным перегаром,
Заждались дамы гонорара,
Следят за Пушкиным. Итог:
Открыв потертый кошелек,
Он видит ясно — есть пределы
Словам, и творчеству, и делу.
Однако, выполнен заказ
В оплаченном объеме фраз.
Торопится поэт обратно,
Уверен: дальше все понятно...
Редактор рукопись прочел,
Зевнул: «Годится только в стол.
Язык — красотей без меры.
У Савловой учитесь — Леры.
Вот века нового творец,
Вот русской речи образец!»
Поэт решил пока не спорить,
Себе сказал он: «Бедный Йорик!
Узнай же, лирики стратег,
Как совершенен новый век»
Идя в толпе, услышал фразы,
Что в шок его повергли разом,
Из уст и женщин, и детей,
От стариков и от парней...
Страдал он прежде от цензуры,
Теперь же, пуще, от натуры.
Минуя множество витрин,
Заходит в книжный магазин.
Роскошно блещут переплеты
И серебром, и позолотой,

Сверканьем этим ослеплен,
Опять приободрился он,
Но в залах много книжных полок,
И поиск был бы слишком долог...
Что ж, Пушкин просит продавца
Об экземпляре образца.
Ему приносят книгу Леры.
Последних денег жаль без меры,
И кушать хочется опять.
С тоской Макдональдс поминать
Теперь поэту остается...
Обложка блещет ярче солнца,
Какой же ею скрыт секрет?
И в нетерпении поэт...
Торговую покинув давку,
Он во дворе присел на лавку,
Взволнован до потери сил,
И книгу с жадностью открыл...
Читает... мыслит — опечатка?...
Вдруг: математика — и матка?
Убогим слогом, исподволь,
Пророчит мрачную юдоль
Несчастливым школьникам заране
Свобода слова — и свиданий...
Всем мальчикам она поет
От пьянства горестный исход,
А девочкам — заботу злую
От нежных чувств и поцелуев.
«Литература, лит-ра — ох!
Пол-литра... Пушкин изнемог,
Прочтя о том, как даме сладок
В белье случайный беспорядок.
Корявы рифмы и размер,
И пошлость — Пушкину в пример!
Поэт вскочил в негодование:
«Бумаги жаль для этой дряни!
Лишь ярок переплет на вид...
Не все то золото, что блестит!
Жива и ныне поговорка...
Да за стихи такие — порка!!!»
И, книгу в урну опустив,
Он сквозь словесный негатив,
В рекламе и толпе кричащий,
Помчался в сквер, заросший чащей...

3

Немного заблудившись по дороге,
Вернулся Пушкин, думая в тревоге:
«Боюсь, еще мне долго будут сниться
Булавками проколотые лица,

Жаргоном испещренная реклама,
И то, что пишет в книгах эта дама...
Уж лучше я опять очугунею,
Сольюсь навечно со скамьей моею.
С земною тягой сладив понемногу,
Моя душа уж не покинет Бога».
Мы чтим стихи великого поэта,
Но если б вдруг случилась сказка эта,
Так мысля я сюжет его возврата...
Коль не права, — простите, виновата.

МИГ ПРЕМЬЕРЫ

сонет-рассказ

...А крестьяне на сцене — в новинку!
Сердцем помня рылеевский сказ,
Пушкин слушает музыку Глинки,
И рокошет сусанинский бас.
В напряженном лице — ни кровинки,
Пальцы нервно пускаются в пляс.
Пушкин слушает музыку Глинки,
На помехи из зала сердясь.
Ох, и музыка! Страсть и молитва
Атакуют горячий висок,
И победой венчается битва,
Хор гремит, словно мощный поток.
Не погибнув еще в поединке,
Пушкин слушает музыку Глинки...

Владимир Сапожников
(г. Тула)

АЛЛЕЯ

Я встретил осенью тебя,
Когда листва зазолотилась,
И что-то в сердце оголилось,
Жизнь беспросветна — не любя!

Кружилась, набегала тьма,
В пустынном парке вечерело,
И мы гуляли ошалело,
Как убегали от себя...

Но от себя не убежать!
И, если сердце не остыло —
Жизнь не покажется постылой...
Тебя вновь хочется обнять!

Твое дыхание ощутить,
И, как когда-то загореться,
В наряды юности одеться —
Тебя, прекрасную, любить!

А под ногами лист шуршит,
Твои глаза луны светлее,
Мы затерялись в той аллее,
Где бродят призраки души...

ДЕПРЕССИЯ

Я не знаю, что стало со мной...
Подзастрял, загулял в депрессухе...
И не вырвусь от этой старухи,
Почти той — с деревянной косой!

Мрак затеял игру на измор,
Я, как мразь, игроман безнадежный,

Все так зыбко, бездонно тревожно,
Карта бита! Занесен топор

Над моею шальной головой,
Что вот-вот разлетится больная...
Только ты, ты одна, дорогая,
Восстановишь в ней мир и покой!

* * *

Последняя неделя без зимы...
Потом придет она, как снег, неожиданно...
И станет белизна вдруг так желанна,
И будут явью ледяные сны!

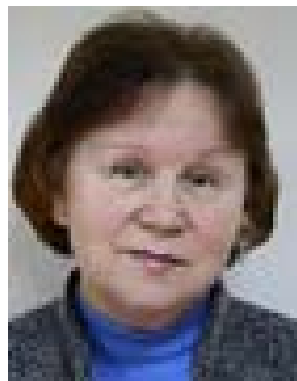
Захочется шампанского в бокал!
Захочется обнять любимых нежно,
И побрести вдвоем дорогой снежной,
Которой позабыл, когда шагал!

Захочется веселости в душе,
В сугробы, не робея, окунуться,
К губам твоим желанным прикоснуться —
В прекрасном оказаться мираже!

Последняя неделя без зимы...
И осень так обманчиво прекрасна,
Хотя погода несколько ненастна,
Но не замерзли на скамейке мы...

Татьяна Ермакова
(г. Калининград)

УТКИ

Кругом зима, а на реке — весна,
Воды все больше, плещет уток стая,
Забыв о страшных черно-белых снах —
На грани жизни, в стуже замерзая.

И видно было с высоты моста:
Вмерзали в лед пушистые комочки,
Когда людей кружила суета,
В мехах они спасали нос и мочки.

Бросали хлеб с моста, кто добрей,
Жалея тех, чей вечный храм — природа.
Согреть бы и утешить всех зверей,
Спаси их от врагов и непогоды!

Кто должен лед — для жизни — прорубить,
Чтобы дышала рыба, грелись птицы?
Друзьями им нам, видимо, не быть,
Добытки — вот человечьи лица...

Плывут, ликуют, радуются утки,
Теплу и расцветающей весне,
И неба голубые незабудки
Им нежно улыбаются в волне.

*PS. А летом утки погибали в отравленных водах одного
из городских озер...*

* * *

*Ульрике Кристелл,
художнику*

Кувшинка белая на темной глади вод —
Как нежная душа в жестоких буднях:
Нам предвещает истины восход,
Хоть этот путь — неимоверно труден.

Сквозь бездну тьмы сияет красота,
Она всех омутов и бед — сильнее,
Уносит к звездам смелая мечта,
Талант свою рождает Галатею.

Бутон раскроется — и счастьем озарит,
Хрупка и вдохновенная эта нежность,
Хотя порой — скромна она на вид,
В ней веры нашей и любви безбрежность!

Как защитить земную красоту,
Прекрасный мир — от зла и равнодушья?
Искусства луч — сжигает темноту,
Спасает души, пробуждая чувства.

Смотрю на белоснежный Ваш цветок,
И думаю — о главном и великом,
И возникает добрых чувств поток,
Воспоминаний светлых — об Ульрике.

* * *

Туман предпоследнего дня
Девятого трудного года —
Укутал поутру меня,
Как жизни самой несвобода.
В нем тонут мосты и дома,
Он белый как снег, невесомый,
Предпраздничных дел кутерьма
В лачугах царит и в хороммах.
А вечером вспыхнут огни,
Путь в будущий год освещая,
Надеждой проклюнутся в них
Живые соцветия мая.
Есть выбор во всем и всегда,
Но где же — покой и свобода?
Уносятся в вечность года
Привычных забот хороводом.
Он тянет безудержно — шлейф
Ошибок, утрат и печалей,
Звезда бесприютных полей
Мерцает о светлом начале.
Стремителен времени бег:
К концу лишь поймет, и не каждый,
Что платит сполна человек,
За счастье родиться однажды.

Владимир Резцов
(г. Тула)

ВОРЧАНИЕ СТАРОГО РЕДАКТОРА

Самодеятельный поэт,
Он живет в городке шахтерском.
Честный труженик, много лет
Он и вирши кропает с упорством.

За какие ж, однако, грехи
Править *мне* все, что он наколбасит?
Его жизнь украшают стихи,
Но *мою* почему-то не красят.

ДВА САПОГА

«В кабинет входить по одному!!!»
(Объявление на врачебном кабинете)

— В кабинет входить по одному!
Глупым — объясняю что к чему:
Кто вдвоем в мой кабинет зайдет,
Тот дебил! невежа!! обормот!!!

Я по жизни вовсе не дебил.
Видно, доктор накануне пил.
Раз уж этот так с утра сердит,
Я — к тому, что рядом с ним сидит...

РЕКЛАМА ДЛЯ МУЖЧИН

Тем, кто устал от жизни, им бы
Отведать надо бы «йохимбе»
И, чтобы прочь умчалась скука,
Принять вдобавок «вука-вука».
А я, решив почистить чакры,
Съел сдуру капсулу «виагры».
Супруга после голосила:
«Убийца... Изверг!.. Чикатило!!!»

Олег Севрюков
(г. Москва)

КОГДА ДУША ОБНАЖЕНА...

1

Когда душа обнажена,
Тревожно ей и зябко,
И сходна в этот миг она
С раскрытою тетрадкой,

Бери перо, но не балуй! —
Пиши, черти, царапай!
Хоть вдоль, хоть поперек штрихуй
Своей куриной лапой.

Она ни звука не издаст,
Лишь встрепетается робко,
И весь ненужный ей балласт
Вдруг вылетит как пробка

А ты омоешься слезой,
Вскрывая сердцу вены,
И с обновленную душой
Вновь встретишь перемены.

2

Красота спасет мир

Ф. М. Достоевский

В душе разлад и пустота,
Безверие и мрак —
Мир не спасает красота
В который раз никак.
Осаду правильно ведет
Лукавый кознодей,
Как будто знает наперед,
Чем можно взять людей!
Есть у него немало слуг
И каждый в деле — ас,
А, значит, тех все шире круг,
Кто душ своих не спас.

Гордыня, зависть, суета,
Уныние и страх —
И в гулком сердце маета,
Все застилает прах.
И нету сил поднять руки,
Чтоб осенить крестом
Души заблудшей уголки
И выгнать всех гуртом.
.....

О Боже, Боже! Не оставь
В последний раз меня!
Спаси, помилуй и избавь
От адского огня!..

3

*Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!*

А. Пушкин, «Бесы»

Зябнут души, стынут души
В нашем северном краю —
Только ты мне, милый, нужен
Баю-баюшки-баю.

Белый снег струится с крыши,
Встречь ему растет сугроб,
Стук копытливый услышишь —
Значит, черти ладят гроб.

Будет скроен он по мерке,
Словно царская кровать,
Как понюшке в табакерке,
Так уютно в нем лежать!

Льет луна свой свет печальный,
Воет выюга-егоза...
Гроб качается хрустальный,
Закрываются глаза.

Сердце бьется тише, тише,
Холодеет мокрый лоб...
Вот уже дорос до крыши
Снежнобелый гриб-сугроб.

Вьется вихрем снежный пламень
Засыпая жизнь твою —
Вот и ты закован в камень,
Баю-баюшки-баю...

*Одно дело — просто тело,
А тут тело и душа*

А. Твардовский, «Василий Теркин»

Ах, душа моя — потемки,
Елки-палки, лес густой!
Подстелить бы где соломки
Да поставить на постой —

Все ты мечешься по свету
То туда, а то сюда,
Так, глядишь, и канешь в Лету
Между делом без следа.

Придержись хоть на немного
Отдышись и выбирай:
Где средь многих та дорога
Что ведет ко входу в рай?

До ворот, хотя б дойти нам!
Не дойти, так доползти
Миражей-соблазнов мимо,
Волю крепко сжав в горсти.

Ну, а ты в ответ лопочешь,
Будто дел невоворот —
Мол, ты все изведать хочешь,
Только тело не дает!

Мол, найдешь его ты лучше
По размаху и судьбе —
Подвернулся б только случай
Соответственный тебе.

Так-то так, моя родная,
Ну, ахватишь через край? —
Знаю, в рай не принимают
Тело, душу примут в рай —

Все же ты не рви постромки,
Я пока еще живой!

.....

Ах, душа моя, потемки,
Елки-палки, лес густой...

Ирина Хомякова *
(г. Тула)

* * *

Я не прошу тебя присниться,
Ко мне во сне ты не придешь.
И снова на моих ресницах
Уснет устало теплый дождь.

Как много разного бывало
В те дни, что были мы близки...
Сейчас мне ближе одеяло,
И душу сводит от тоски:

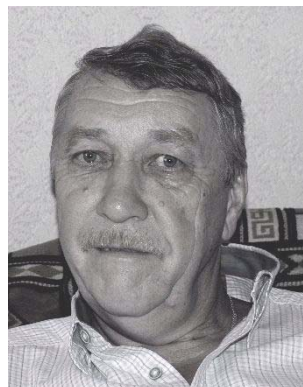
По тем словам, что говорили,
По тем минутам тишины,
По тем местам, где мы бродили
Под светом призрачным луны.

Все было, и порой ночью
Мне вспоминается твой смех...
Нас жизнь ведет своей тропой,
Но ты особеннее всех...

* Наш постоянный автор.

Сергей Лебедев
(г. Тольятти)

Предлагаемые стихи связаны одной темой и посвящены неизвестным героям Великой Отечественной войны. Близка мне тема войны еще и тем, что в далеком детстве я постоянно общался с друзьями и сослуживцами отца — офицерами, прошедшими трудными и страшными дорогами войны.

НЕИЗВЕСТНЫЙ СОЛДАТ

триптих

*Посвящается памяти моего дяди
Соловьева Ивана Михайловича,
погибшего в городе Барановичи
22 июня 1941 года в 6 часов утра*

1

Я погиб в карауле,
На июньской заре.
Жарко чмокали пули
По сосновой коре.
Мне б в речную прохладу,
На Ветлугу, домой!
Чтоб от боли и ада
Прыгнуть вниз головой!
В роднике бы умыться,
Утром маму обнять.
Только сердцу не биться,
И меня не поднять.
Я запахан за Брестом,
В белорусской стерне.
Не найти это место,
Все сгорело в огне.
Выл, зверя, «лаптежник»*,
Пыль от смерти столбом.
В городке, как заложник,
Был оставлен мой дом.
Хриплый голос главкома
Мне команды не даст.
Лишь воронка от дома,
Все разрушил фугас.

* «Лаптежник» — так советские солдаты называли немецкий пикирующий бомбардировщик Ю-87.

Я запахан за Брестом,
Ни креста, ни звезды.
Много нас, мы безвестны
На краю борозды.
Нас засыпало плугом
Той военной страды.
И обнявши друг друга,
Мы сомкнули ряды.
Наши строгие лица
Лишь на запад глядят.
И врагу не пробиться
Сквозь застывших солдат.
Здесь ни званий, ни старших,
Вы же, память храня,
Не забудьте всех павших!
Не забудьте меня.

2

И умолкли наши трубы...
Сквозь пожарища и дым,
Молча, сжав сухие губы
Пробивались мы к своим.
Злость булатную ковали,
И, собравшись, напролом
Окружение прорвали
Мы приказом и штыком.
Но в земле, не чуя боли,
Не своей и ни чужой,
Я лежу у края поля
Под заросшею межей.
В тишине над нами крылья,
Не тревожат бедный прах.
Здесь нас Родина укрыла
Рожью в синих васильках.

3

Над могилою день общей памяти светел,
Замирают сердца, видя Вечный Огонь.
И зовет нас военного времени пепел,
Отирает слезу ветерана ладонь.
Оживают мгновения давней атаки,
Когда вел самолет или танк на врага.
Защитил он в бою от нашествия мрака
Дом, где тихо течет под угором река.
Как бы годы ни жгли, над Землей ни летели,
Нам судьба всех погибших набатом весной.
В пепел сердца стучат метронома капли,
Звуки скорби плывут над затихшей страной!

ГОРСТЬ ЗЕМЛИ

По суглинку окопа
Дождь осенний бежал.
Но, не видя потопа,
Наш товарищ лежал.
Капли ровно катились
По небритой щеке,
По глазам, что закрылись,
По застывшей руке.
А в раскрытой ладони
Горсть лежала земли,
Облака, словно кони,
Исчезали вдали.
Исполняя присягу,
Свою землю держал.
До последнего шага
Горсть ее не отдал.

ИЗ РАЗВЕДКИ

Мы ушли, и по снегу липкому,
Все бинты, измотав на рану,
Пробирались. Дыхание сиплое
Говорило — пока он с нами.
Он просил и просил напиться,
А мы снег впопыхах давали.
На кустах затренькали птицы,
Он хрипел и был еще с нами.
В снег лучи ударили трассером,
Он кряхтел, уминаясь локтями.
Мы ушли от погони мастерски,
Бог удачей делился с нами.
Мы пришли и по снегу липкому
Свой окоп не сразу узнали.
Вдруг затихло дыхание сиплое,
И не стало товарища с нами.

ЗА ХАРЬКОВ!

Друзья отца собрались за столом,
А за окном сирени дымомплыли.
Налили рюмки, а одну ломтем
Ржаного хлеба горестно накрыли.
Один из них, майор и пианист,
Раскрыл окно, как будто было жарко.
Сказал: «Ребята, я ведь был танкист»,
И выдохнув, как прошептал: «За Харьков!».
Он вспоминал, как шли они вперед,
Как было страшно под огнем атаки.
И как его танкистов первый взвод

Наматывал противника на траки.
Потом он пел про верность и любовь,
И снова вспоминал родную роту.
И говорил: «Ведь танки шли сквозь кровь»,
Как будто про вчерашнюю работу.
Вот отвернулся, подошел к окну,
И китель снял, как будто было жарко.
Не говорил он больше про войну,
А, выдохнув, как прошептал: «За Харьков!».

ОТЦОВСКИЕ МЕДАЛИ

Мне отец оставил в наследство
Сапоги, плащ-палатку, кинжал,
И далекую память детства:
Наша жизнь — это путь и вокзал.
А еще — горсть советских медалей,
Тех, что Родиной был награжден,
Не забрал их с собой, а оставил,
Словно я ординарец при нем.
Сапоги мне пришлось не в пору,
Видно вырос крупнее отца,
Плащ-палатку таскаю в горы,
А кинжал сберегу до конца.
Но медали — не только тема,
Очень трепетно к ним отношусь,
Ими путь офицерский отмерян,
В каждой почесть, веселье и грусть.
В них заслуги, уменье и даты,
Серебро, и эмаль, и вожжи,
Верность слову и делу солдата,
Несмотря на жару и дожди.
Над толпою кричат демократы
Что советское время — застой.
Только знаю, что наши солдаты
Ту страну закрывали собой.
Мой отец не ложился под танки,
Верно Родине, стойко служил.
Даже если всего полбуханки
Нормой жизни нарком положил.
Для меня — все медали святы,
Как икона чисты для меня,
Потому, что отец их когда-то
Заслужил, путь солдата пройдя.
За стеклом, и с простою рамой
Серебром и эмалью блестят.
Рядом те, что из медного сплава
О солдатской судьбе говорят.
Мне отец оставил в наследство
Сапоги, плащ-палатку, кинжал,
Горсть медалей простых, советских,
Что б я память о нем не предал.

Валентина Никитина
(г. Тула)

Ранее уже публиковалась в «Приокских зорях». Заслуженный врач РФ. Работает главным врачом одной из тульских больниц. По мнению редакции, ее лирика заслуживает внимания наших читателей.

* * *

Бережит душу взгляд ясноокой,
Что ушла со мной в синий рассвет.
Лишь прищур ее глаз с поволокой
Держит память в плену много лет.

Была кроткая ты и тревожная,
И, как звезды, горели глаза;
Нас венчала трава придорожная,
Небо чистое, что образа.

Закружили ручьи белой льдинкою,
На пороге стояла весна,
И хрустальною сизой слезинкою
Мне напомнила юность она.

Годы мчались стихиею быстрою.
Заметают снега седины,
А любовь, вспыхнув первою искрою,
Так же жжет половодьем весны!

Юность шла по пятам, непокорная,
Выдавая на верность обет,
Да судьба непутевая, вздорная
Наложила на счастье запрет.

Грусть ушла в непогоду ненастную
И с другой я встречаю рассвет,
Но ту ночь безрассудную, страстную
Я в душе берегу много лет.

* * *

Душа зовет домой вернуться
Тропою юности шальной,
К родным березкам прикоснуться,
Дышать рапсодией лесной!

Березы белым полукругом
Ласкают взор души земной,
Ромашки, вспыхнув ярким лугом,
Готовы встретиться со мной.

Вишневым пологом спускаясь,
Накрыла ночь своим крылом,
Шептала, тихо улыбаясь:
«Ты помни, помни о былом...»

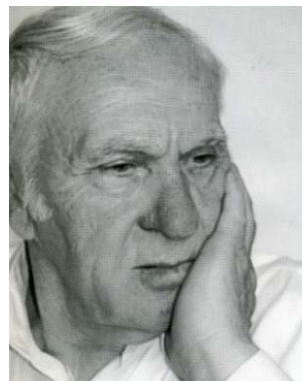
Да разве это позабудешь! —
Рассветов синь и соловья,
Когда в объятиях побудешь
Калины красной у ручья...

И под покровом дивной ночи
Целую Родины чело,
Мне слезы застилают очи,
А на душе белым бело.

Природа тихо замирала,
Светила полная луна.
Я слез своих не утирала,
Ведь я так счастлива была!

Виктор Пахомов*
(г. Тула)

Ответственный секретарь Тульского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Союз писателей России», заслуженный деятель культуры Российской Федерации, академик, почетный гражданин города Тулы

ИЗ ТУЛЬСКИХ ХРОНИК

В нескончаемости гула
Заповедного труда
Поражает взоры Тула
Прибывающих сюда.

И тогда, зарей окрашен,
Забирает кремль всех в плен
Красотою грозных башен,
Неприступной мощью стен.

За зубчатыми стенами
Времена несутся вспять.
Встанет в яви перед нами
Вождь холопов, вор и тать.

Ни о чем он не жалеет
И слеза его скупа.
Он стоит с мечем на шее
В кремль вырывается Упа.

Дальше Шуйского посулы
И Каргопольский подвох.
Только нет вины здесь Тулы,
Как и речки, видит Бог!

Зря ли память возвращает
К дням иным, где в планах смел,
Самодержец улещает
Знатоков ружейных дел.

* К 80-летию известного современного русского поэта.

Рандеву не получалось
На упинском на ветру
Как упрямилось, кричалось,
Как не верилось Петру!

Полон воли и отваги,
Гнев упрятав на засов,
Золотую пену браги
Царь, кривясь, сдувал с усов.

На завод имел он виды,
Нетерпением горя.
Все смекающий Демидов
Принял сторону царя:

— Коль Россией поживиться
Тщатся столько в морок сей,
Ни за что нам не отбиться
Без пицалей и фузей!

И без пушек! Жизнь такая!
Что на сердце говорю!..
Мастера, галдя, икая,
Улыбаются царю.

Фыркал Петр: «Осточертела
Беспробудная страна.
Днесь впрягаемся все в дело,
Пьем за оное до дна!

Будет дело — будет милость,
Где ты, Меншиков, вперед!
Видишь, небо прояснилось!
Знак Создатель подает!..»

Нам ли Тулой не гордиться,
Не любить ее, как мать?
Оружейная столица!
Это надо понимать!

Ведь недаром с прошлым связи
В Туле свято берегут.
Шипунов, Макаров, Грязев
Здесь на память мне идут.

А за ними, а за ними
Те, чья слава впереди,
Чьи сердца стучат во имя
Не сияния с груди,

А того, что выше славы —
Труд, что с общей долей слит,
На котором мощь державы
И стояла и стоит!

РУСЬ МОЯ

Русь не знает себя. А кто знает ее?
Велика, безответна, угрюма.
То хоронит ее, налетев воронье,
То томит вековая дума.

Все пытаются ее и берут наизлом,
Что не меньше, чем просто нелепость:
На Руси каждый дом — это Павлова дом.
Каждый погреб — что Брестская крепость!

Русь, Россия, Союз,— выдыхаю, как боль.
На душе бесприютно и горько.
Никаких мне не надо свобод, как и воля,
Вы верните мне Родину только!

За которую к старости сгорбилась мать,
И отец пал еще в сорок третьем,
За которую детям и внукам страдать,
А за что, почему, не ответим...

* * *

Ах, как черемухи цветут!
Не оттого ли воздух сладкий?
И вяжущий пчелиный гуд
Уже с утра стоит в посадке.

Все на виду и на слуху —
Торжественно и деловито!
Пронзают ветхую труху
Побеги трав из малахита.

В предчувствии спешащих гроз,
Затмивших дали без отсрочки,
Набухли почки у берез,
Вот-вот распустятся листочки!

И загудет весенний Шум,
Зеленый Шум родного края,
Не будь безмолвен и угрюм,
Родные веси озирая.

Прошедшее благодари,
Грядущее зови без страха.
Пусть ходят в небе сизари,
И ветром полнится рубаха!

ОСЕНЬ

Окоема бездонного гул,
Мелкой крупки нечаемой сев.
Ветер осени еле дохнул,
И посыпались листья с дерев.

Средь пустынных холмов и низин
Разлетались без жалоб и слез
Раскаленные кроны осин,
Золотое убранство берез.

Тонкий месяц — неожиданный пришлец
Над полями завис, нелюдим.
Лета бабьего скорый конец
Обозначил явленьем своим.

Под навесом разбухших небес
У размытых дождями дорог
Затаился растерзанный лес
И ветрами раздерганный стог.

Осень, время настало твое!
Никуда от тебя нам не деться.
И клянет нас во след воронье,
Что с собой не зовем обогреться...

* * *

Не француз, не германец, не янки
Не расслышит в «Прощанье славянки»
То, что слышимо еле и глухо
И отнюдь не для чуждого уха.
Не расслышит и не содрогнется,
Не заплачет и не отзовется.
Недоступное для иноверца
Разрывает нам каждому сердце!
Лишь омытое собственной кровью
Называется нами любовью...
Мы не хуже других и не краше,
Только долго прощание наше.
Потому и по коже мороз:
Солоны океаны от слез!
Так, прощай и забудь, что мы были!
Что так верно и страстно любили!
Что, готовясь к смертельному бою,
Мы не знали, что делать с собою...

Александр Хадарцев
(г. Тула)

АРТИСТ

У артиста сердце прихватило...
Придавило, скрючило — не вдруг?
Значит, это сердце не остыло
и кричит, как самый лучший друг:

«Тормозни! Уйди от этой спешки,
гонки за несбыточной мечтой,
где успех — дитя орла и решки...
Ты — боли, но никогда не стой!»

У артиста сердце заболело!
Виноват не остеохондроз.
Он, конечно, есть. Не в этом дело!
Почему внезапно? Вот вопрос!

Есть стенокардия ожиданий —
от боязни в жизни опоздать,
от неотвратимости желаний
и от нежеланья подождать.

У артиста сердце заболело!
Но оно в сверхчувствии — стучит!
Значит, в ощущениях — преуспело!
Плохо, если сердце — не болит!

БЛАГОДАРЕН ТЕБЕ

Благодарен тебе за дожди и туман!
И за горечь осенних дымов благодарен!
И за то, что, когда был от нежности пьян —
падал в тело твое, откровенно нахален!

Благодарен тебе за хрустящий снежок,
припорошивший прошлых ночей неизбывность!
За последний в хрустящую снежность прыжок
и за ищущих глаз показную наивность!

Благодарен тебе за журчанье ручьев!
За расквашенный снег на весенней дороге!

За грачиный в апрельскую будущность зов!
За мимозную желтость цветка-недотроги!

Благодарен тебе за кипенье жары!
И за знойность дыхания песчаной пустыни!
И за близкую дальность зеленой горы!
И за то, что меж нами живет и не стынет!

И дожди, и туман, и хрустящий снежок,
и журчанье ручьев, и жары закипанье —
это просто немеренной нежности срок
в ожиданье судьбы исполненья желанья.

В ГОД ДРАКОНА

Вновь наступает год Дракона
через двенадцать смутных лет.
Все тот же Кремль и та же зона,
доверия к ним — так же нет!
Противоречат слово с делом,
опять народ на площадях,
пророки предвещают крах
Земле — грядущим беспределом!
Хоть на экранах те же лица —
обезлужковела столица...
Грозится новым переделом
младобанкирский Куршавель,
в борьбе за власть почуяв цель.

Мы, как и прежде, верим в чудо:
в решений справедливых миг,
хоть не возникнут ниоткуда
ни денег звон, ни легкий стих.
Пускай хрустальность и шампанность
восславят наступивший год!
Надежда — нас не подведет,
а счастье будет нам, как данность!
Пускай уверенность в друзьях
взвывает свой победный стяг!
Пускай исполнится желанность
в предновогодии хлопот
двенадцатый отметить год!

Тысячелетье третье мчится
в неясность, так же, как всегда.
Так пусть драконий год случится,
чтобы судьба сказала: «Да!»
Мы ждем от жизни всепрощенья,
любви, здоровья, знаний вспых!
Прочтенья старых, лучших книг,
и новой жизнью восхищенья!

От предков до потомков нить
сквозь наши дни придется вить,
и вместе принимать решения!
Пусть доброта и чистый снег
приносят сказочный успех!

ДВАЖДЫ ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ

Когда всего-то дважды тридцать пять,
приходит мудрость жизненных реалий,
в давно прошедшем пляски вакханалий,
но хочется по-прежнему считать,
что мы на пир судьбы не опоздали!

Не зря настали дважды тридцать пять!
Они — как точка нового отсчета,
а следом — жизнь без плана, без расчета,
но с радостью — друг друга повстречать,
не требуя за прошлое отчета!

Когда случились дважды тридцать пять,
в мышление — наступает эксклюзивность,
в поступках сохраняется наивность,
как в юности, желается мечтать,
и проявлять во всех делах активность!

Пусть будут с нами в дважды тридцать пять:
способность понимания и прощенья,
умение — не откладывать решения,
возможность — чувств и мыслей не скрывать,
всем телом ощущая вдохновенье!

М. В. Г.

Вступая в возраст аксакала — пусть не уходит юность вспять!
Пора счастливая настала, когда десятков — только пять!
Для промежуточных итогов дается дата — пятьдесят.
И вроде прожито — немного, но мудростью глаза горят.

В нем спорт, и бизнес, и наука — оставили надежный след.
Он сходится с людьми — без звука, он — из породы непосед!
Ему всего по жизни — мало, он — элегантный жизнелюб!
Не факт что молодость — отстала, и он не жаждет женских губ!

Есть время выправить ошибки, доделать то, что быть должно!
Шагать вперед не очень шибко, но быть ведущим все равно!
Для совершенства — нет предела! Учиться и других учить —
процесс единый. Ради дела — о сне приходится забыть.

Быть ректором — совсем не просто! Им стать — десяток нужен лет!
Тут не поможешь громким тостом и орденами на портрет.

Мы все под властью Провиденья, зависимы от вышних сил.
Пушай ему благословенье пошлет архангел Михаил!

Неисчерпаемость здоровья пусть прибывает каждый год!
Пушай не будет малокровья в чреде хозяйственных забот!
Пусть прирастает обаянье! Ему семья — и тыл, и штаб.
Доходы, степени и званья — пушай растут, как баобаб!

За юбилейность аксакала! Хоть в Туле временно не пьют,
но мы поднимем по бокалу — того, чего туда нальют!
За тех, кто вырастил мужчину во славу жизни — без конца!
Чьи приснопамятны седины! За них! За маму и отца!

ПОЭТ И КНИГОПРОДАВЕЦ

Я не умею продавать стихи.
И торговать собой — не научился.
В них есть мечты, надежды и грехи —
все то, чего за много лет добился.

Мои стихи, конечно, не товар,
пусть даже в нашем скаредном сегодня,
где есть желанье получить навар,
достойное кипенья в преисподней.

Я подарю друзьям свои стихи!
Ведь лучше чувств — подарка не бывает.
А в коконах словесной шелухи
взаимосчастья зерна вызревают.

А кто торгует словом на развес,
тот — продавец, достойный сожаленья!
Его ведет по крутояру бес
на самый край без чуда приземленья...

Нет, не копеек жалко, не рублей,
а только тех, кто продает святое!
Тому не будет счастья в юбилей
и не дожидаться в будущем покоя!

Пусть покупает тот, кто продает:
барыга, перекупщик на развале...
Но автор о друзьях — друзьям поет!
Ждет, чтоб они, как он их — понимали.

Да! Рифмоплет, конечно, не поэт!
И не о нем писать по жизни повесть...
Пушай наложит на «товар» запрет
Потребнадзор с названьем емким — совесть!

Олег Пантюхин
(г. Щекино)

Пантюхин Олег Викторович — член Союза писателей России, член редколлегии литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», директор издательства Тульского государственного университета

Замечает февраль все дороги.
Душу ветром продуло насквозь.
Прибавляется день понемногу,
И слабеет февральский мороз.

Утро снова уводит из дома,
Где тепло моего очага.
Город. Лица людей незнакомых.
И привычная всем суета.

Я не прячу от холода душу.
Если сердце согрето теплом,
Даже в самую лютую стужу
Можно греть негасимым огнем.

* * *

За окном бело от снега,
Просыпается душа.
Хоть немного дайте света,
Чтобы жить ей и дышать,
Чтобы чувствовать рассветы,
И закаты провожать,
Чтоб любить ей в мире этом
Над Землей парить, летать...

НОВЫЕ ИМЕНА В «ПРИОКСКИХ ЗОРЯХ»

Юрий Корнев
(г. Тула)

Корнев Юрий Иванович родился в 1963 году в городе Орле. После окончания средней школы поступил в Тульский политехнический институт на факультет систем автоматического управления. Трудовую деятельность начал в Конструкторском бюро приборостроения в качестве инженера-электромеханика. С 1991 года по настоящее время является директором предприятия, специализирующегося на проведении строительных работ. С юности увлекается поэзией, любовь к которой переросла в написание стихов.

ЗАПИСКИ С КОРФУ

Два века минуло с тех пор,
Как на далекий остров узкий,
Средь моря и зеленых гор
Так дружно, как армейский хор,
Нагрянул говор русский!

То были наши моряки
И с ними — Ушаков великий.
В ночах светили маяки...
И звезд неясных огоньки
Им предвещали ужас дикий.

Зачем они пришли сюда?
К чужой земле! И так бы жили!
Неужто русская нужда,
Беда, да злые холода,
Им в этот раз пути открыли?

Силен был флот, и Русь сильна,
И вот мы — русские, как дети!

В поход — и ноги в стремяна,
И смотрит нам вослед страна,
Освобождать народы едем!

БЕЛОРУССКАЯ БОЛЬ

Памяти моего дяди посвящается

На рассвете проснулся солдат — трудный бой впереди
Снилась рожь, деревенский погост — душу сон бередил.
И напонила та деревенька, где взвод окопался вчера
Молодому парнишке в родимом селе вечера.

Там играла гармонь, и плясали и старый, и млад;
Там умели любить, друг за дружку в труде и беде;
И в реке, что искрилась на солнце, как найденный клад,
Пацаном он любил искупать вороных лошадей.

Пахло клевером, конским навозом и хлебом.
Этот запах нельзя позабыть никогда и нигде.
Даже здесь, в белорусском окопе, за братским обедом
Вдруг почудилось — мамка готовит лепешки в избе.

Рано стал сиротой, жил как все, не боялся невзгод,
Был бы, может, хорошим рабочим, да вот незадача взяла:
Наступил этот проклятый всеми, тяжелый, Антихристов год,
И вчерашний пацан повзрослел, и война увела.

Будет страшным сегодняшний бой, тяжелейший, смертельный.
Пулеметчиков взвод не отдаст даже пяди земли.
Политрук перепишет героев в блокнот свой отдельный,
Чтоб вовсе деревеньки свои похоронки дошли.

Мы приедем туда через годы, в места тех боев —
Обелиск на окраине, люди помнят героев здесь наших;
И пусть утренний хор белорусских певцов-соловьев
Станет гимном торжественным доблести воинов павших.

МЕЧТЫ ЦИОЛКОВСКОГО

Сигареты дымок посылаю к звезде,
Что на небе ночном одиноко сияет.
Мой сигнал долетит туда только к среде,
И его обязательно кто-то поймает.

Там живет человек, верю — схожий со мной,
И такие же сны ему снятся ночами —
Про счастливое детство в деревне родной,
Про пирог именинный с большими свечами.

Про родню, что жила с ним, и ту, что живет.
И про школьные будни с друзьями, уроки,
И как я, он, наверно, никак не поймет,
Почему так не долги житейские сроки.

Как у вас там с долгами? Проблемы? А то!
Не волнуйся — и нас тоже кризис замучил.
И, похоже, что жизнь превратилась в лото —
Повезло — значит, выиграл, нет — невезучий!

Хочешь, дам тебе дельный, дружище, совет?
Научись в этой жизни любить и смеяться.
И тогда сквозь пространства и тысячи лет
Будем в гости друг к другу в ракетах кататься.

И, всегда провожая «соседа» домой
После легкой попойки и дружной беседы,
Буду долго смотреть в небосвод голубой,
Посылая вдогонку дымок сигареты...

Олег Троицкий
(г.Тула)

ВЬЮГА

Троицкий Олег Викторович, 47 лет, родился и вырос в г. Воркуте Коми АССР. Окончил Тульский политехнический институт, после чего три года работал инженером в Конструкторском бюро приборостроения. С 1990 года по настоящее время работает директором небольшой строительной организации. Первое стихотворение «Паутинки» было написано осенью 1989 года. Рассказы начал писать в 2008 году. Первую книгу «Полтора» выпустил в 2009 году. Вторая книга готовится к изданию.

«Мы в ответе за тех...»

Экзюпери

День не задался с самого утра. Точнее — с ночи, когда мамаша этого в одно место ужаленного пятилетнего пацана вынесла на крыльцо горшок с ночными испражнениями, но не только малыша. Потом вышла на двор подслеповатая бабка, которая и опрокинула все содержимое горшка на стоящие у порога обутки всего многочисленного семейства. И даже не заметила.

Перед рассветом приспичело хозяину выйти. И зрячий, а вот надо! — на первой же ступеньке подскользнулся, остальные две задом пересчитал. Уделался весь. Кому досталось? Мамаше пацана, чтобы не оставляла полный горшок, а в уборную выливала, ну и собаке, конечно. А чьих еще рук, вернее лап дело?

Уже утром, сунув босые ноги в галоши, бабка с праведным гневом, граничащим с закипающей яростью ко всем животным на свете и в своем доме в частности, ощутила старческими больными растрескавшимися подошвами подозрительное хлюпанье. Сняла галошу. Понюхала. Не Мурка. Значит — «пся кривь». Почему-то бабка любила это старое, самое страшное польское ругательство. Тут же не приминула воспользоваться им. «Собачья кровь» — пожилая по собачьим меркам восьмилетняя гончая Вьюга почуяла неладное, поспешила в дровенник, к щенкам. Хоть не выходи на свет божий. И вовремя — галоша, пролетев несколько метров шмякнулась о дверной косяк дровенника.

Все утро, до завтрака и бабка, и мамаша, сестра ее, да и сам хозяин — брат молодых женщин причитали, поминая всеми нехорошими словами бльндающую ночью по двору собаку. Все прикидывали, как половчее обувь просушить: печку растопить, или на солнце выставить, если будет оно нынче. А ходить в чем? Все туфли и галоши как «по заказу» были испорчены. По крайней мере — на день. Тем более все равно их надо было отмывать, полоскать... Только одни сандалии пацана остались сухими. Потому как скидывал он их, споткнувшись о порог уже, а не внизу, перед крыльцом, как все домочадцы.

После завтрака все немного подобрели. Все-таки затопили печку. Сестра пере-

мыла всю обувь. Стали проклевываться шутки в сторону старшего брата по поводу его неудачного утреннего приземления. Тот только хмурил брови, когда надоело слушать бабий бред, махнул рукой, вышел на крыльцо покурить.

Пацану за хороший аппетит обломилась конфета. Счастливый обладатель каменной ириски прошмыгнул в сени в поисках своих сандалий.

Вопиющая несправедливость никак не могла усадить собаку на место — отгороженную ржавой сеткой половину сарая с четырьмя двухмесячными щенками от плановой вязки. Было пять. Одного за два червонца, подешевле, на днях забрал председатель охотобщества. Остальные должны были уйти за четвертак. Пора готовить смену. Лопухие уже почти не беспокоили суку-мать, наворачивали бабкино варево во все лопатки. Почти все остальное время спали, завалившись друг на друга так, что не поймешь: кому эта лапа принадлежит, а кому эта черная мордочка.

Каким образом проскользнул пацан мимо своего дядьки — непонятно. Главное, что он пересек запретную черту — вход в дровенник. Вообще-то символическая дверца на двух кусках автомобильной резины вместо петель днем должна была бы быть закрытой. Но то ли день еще не наступил, то ли не до дверцы было кутившему на крыльце хозяину, только тихое чудесное весеннее утро вдруг пронзил оглушительный вопль, сравнимый по силе разве что с ревом сирены мчащейся по вызову пожарной машины.

Через секунду вся семья была в сборе, в смысле — в сарае. Мальчуган сидел на полу перед загородкой, лицо его сплошь перемазанное соплями вперемешку с кровью представляло действительно страшное зрелище. Соответствующее реву. Вьюга забилась в дальний темный угол и, опустив голову, тихо рычала. Щенки, видимо чуя недоброе, спрятались под мать, выставив наружу только дрожащие хвостики.

Мамаша ревущего сразу попыталась запустить в собаку попавшимся под руку поленом. Но брат, обзавав ее дурой, пресек опасную попытку.

Выпроводив возмущенно причитающих женщин, снял с гвоздя пеньковый канат и, подойдя поближе к загородке, перетянул собаку со всей силы вдоль спины. Та только взвизгнула, но огрызаться не посмела. Хозяин также молча повесил веревку на свое место и вышел из сарая. А что говорить? Он знал — Вьюга понимает поболее иного человека, тем более бабы или ребенка. Значит за дело. Ведь сколько раз говорено было не соваться без надобности в сарай. Вьюга и так-то не больно ласковая была — все больше по лесам, да по полям. Такая ее жизнь была. А тут еще щенки. Вот дверцу не закрыли — это промашка. Но ничего, шибче будут смотреть за малым. Кстати, как он там?

На удивленье ранки оказались совсем пустяковыми — так, царапины на самом кончике носа. Крику больше, чем дела. А уж когда йодом покрасили розовую кнопку пацана!..

Впрочем через пять минут умытый и переодетый герой с целой горстью ирисок в кармане мастерил во дворе удочку — дядька обещал взять на рыбалку. Но с условием — прекратить сейчас же эти немужичские сопли.

...Человек понял, собака — нет.

Для одного дня — много, перебор даже. Но как себя сдержать, если перед тобой заклятый враг. Хватка у спаниеля тоже была не дай бог. Но куда ему тягаться с гончаком. Конечно, вьюн еще тот. Не ухватишь. Но если уж Вьюге что в пасть попадало — само не вываливалось. Такая с измальства была. Вязкая, охотники называют. Хозяин спаниеля — татарин Маскут схватил было дрын — валявшийся во дворе черенок от лопаты. Надо же псину выручать. Но как вдарить? — Свою же и зашибешь. Спаниель как знал — выкрутился из-под Вьюги, отпрыгнул в сторону. Стоит, язык вывалил, дышит часто, задохнулся уткодер.

Хозяин Вьюги поотстал — возвращался за банкой. Решил еще одну взять под сок. Березовый. А хозяин спаниеля, размахнувшись, опустил на голову Вьюге черенок от лопаты. Но не зря собаку Вьюгой, знать, кликали. Вертанулась юлой, крутанулась волчком, одним рывком вырвала черенок из рук ошалевшего татарина. Мало того, что его пинок еще не забылся. Год назад. В подобной ситуации. Так тут еще и дрыном по башке!

Маскут, оказавшись без оружия, бросился за ворота. Спаниель, обогнав хозяина, заливался лаем уже во дворе. Гончая в два прыжка настигла татарина и намертво зашелкнула челюсти на его нижнем продолжении спины. Но не стала дожидаться пока она вместе с обидчиком ввалится в чужой двор. А мотнув головой, отхватила добрый кусок мяса, впрочем здесь же, у ворот его и бросив.

Подоспевший, а точнее — опоздавший хозяин уже второй раз за это незадачливое утро перетянул собаку поводком. Та похоже была рада, что конфликт подошел к концу. Но, к сожалению, он только начинался. Из ворот показался Маскут с дустволкой наперевес. Одна штанина его светлых шароваров побурела от крови. Кровь же залила и белки его сумасшедших глаз. Привязавший поводок к ошейнику хозяин Вьюги, потянул собаку назад. Та безропотно отступила.

— Все равно убью! — татарин брызгал слюной через сжатые в бессильной злобе зубы. Никто и не сомневался, что намерения он свои исполнит. Не сегодня — завтра...

— Я сам, — хозяин, посмотрев Маскуту прямо в глаза, произнес это тихо, но твердо.

Под этим взглядом татарин опустил ружье. Кровь отступила от лица, а боль разломила поясницу пополам. Маскут взвыл от вдруг нахлынувшей боли, сполз по воронине на землю, оставляя на старых досках густой кровавый след.

Хозяин повернул обратно к дому. Собака понуро плелась рядом.

«Попили сочку, твою мать» — охотник остановился, чтобы прикурить папиросу. Но спички одна за другой ломались в дрожащих руках. Так и не закурил.

Уже дома снял с гвоздя пеньку, нацепил нож на ремень, накинул на плечо ружье.

— Далеко ли? — бабка с удивлением смотрела на все эти не по сезону охотничьи сборы.

— Далеко, — тон не предполагал дальнейших расспросов.

Человек с собакой огородами пошагал к зеленеющему невдалеке молодой лиственный лесу.

О чем думал человек в эти нерадостные минуты? Судьба? Каждому свой срок? Но вправе ли он сроки мерять? Значит вправе, коль приручил — отвечай. Так, вроде бы, какой-то хороший летчик завещал? Раз на людей бросается — все, приехали. Кровь путает — не жди ничего хорошего. И охота уже не та, и людям опасность.

А может, случайность? Кому понравится, когда на тебя с дрыном? Ну, убеги, рычи наконец. Рвать-то зачем? Мало ли мне кто осточертел, что же теперь рвать их? А татарин такой — сказал, сделает. Да как сказал! Сволочь. Не застрелит, так отравит. А там и весь помет заодно.

А может быть, человек вспоминал, как заблудившись в дальних, малознакомых лесах ночевал на опушке у костра, греясь одним боком от огня, а другим прижавшись к собаке? А может, еще какой светлый день всплыл в памяти сурового хозяина. Много их было за восемь-то лет. Дней этих.

Кто знает — о чем думал человек, тяжело шагая в косогор навстречу зарождающейся жизни молодой березовой листвы?

А о чем думала собака, бредя за хозяином на поводке, чуть поотстав? Знала же, что не на охоту идет. Иначе уже давно бы спустил хозяин с поводка...

О том что день случился неудачный сегодня? Так ведь всякие были дни... Не надо было связываться с этим псом, а тем более с человеком? Поджать хвост и убе-

жать? Ага, кабана рвала, не отступала, а тут шавке уступить! А человек с палкой! Не удержалась... Зато отомстила. Век будет помнить.

А может, Вьюге было просто не понять, как она может не вернуться в сарайку, ведь там ее щенки. Они же такие еще бестолковые и беспомощные. Конечно, они вернутся домой. Вот пройдут лесом, потом полем, потом через ледяной весело журчащий ручей на дне оврага. И опять через поле домой.

Кто знает, о чем думала собака? И могла ли она думать? Хватило того, что она могла чувствовать. Человек потер кулаком глаза. Что-то защипало. Наверное дым папиросы. Никогда не щипало, а тут... Прошли не далеко в глубь леса. Не мог он дальше идти. Или здесь, или... Снял поводок, но тут же привязал к шее веревку. Другим концом к березе. Долго вязал — не слушались пальцы. Длинная веревка оказалась. Жалко ему стало веревку. Достал нож, охотничий, каким не раз и не два свеживал зверя, что с собакой добывал. Отхватил лишнее. Воткнул нож в ствол пока. По-выше. Побежал сок березовый. Чистый, как слеза собачья. Хоть банку подставляй. Но не до сока сегодня.

Заскулила собака, закружила: как вьюга. Уперлась всеми лапами в прелую листву, потянула со всей собачьей силы. Но выдержала веревка. Не стала больше псина упираться. Все поняла. Легла, замолчала. Подняла на хозяина свои круглые, ничего уже не просящие глаза. Только в сторону отвела их, когда холодные стволы уперлись ее в лоб. Лишь реснички мелко дрожали. Да по морде собачьей побежала слеза. Чистая, как сок березовый. Целый ручеек. Хоть банку подставляй....

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТУЛА МОЛОДАЯ

Юлия Макеева
(г. Щекино)

Работает юрисконсульт в Тульском государственном университете в отделе правового сопровождения хозяйственной деятельности. Дипломант конкурса «Хочу спеть свою самую главную песню» (2007 г.). Пишет стихотворения, акrostихи, увлекается написанием рондо. Имеет публикации в литературном журнале «Приокские зори», коллективном сборнике «Отчий край», хрестоматии «Три века тульской поэзии», литературном сборнике «Созвучие» (Москва). В настоящее время является участницей областного музейно-литературного объединения «Муза» при Доме-музее В. В. Вересаева; руководитель — поэтесса, член Союза российских писателей В. Ю. Ткач.

* * *

Жизнь — это просто боль,
Сильная изначально.
Жизнь — это просто роль,
Данная не случайно.
Жизнь — это просто миг,
Временем — измеренье.
Жизнь — это просто крик
Нового поколения.

* * *

Не страдаю больше о судьбе,
В ней же ведь по-разному бывает.
Птицу на далекой высоте,
Да и ту беспечно убивают.
Мне, как ей, не скрыться от разлук,
Не забыть последнее мгновенье.
Я умру. И выпадет из рук
Строчка моего стихотворенья.

Я маленькой точкой
Кажусь в поднебесье.
Я, может быть, строчка
И целая песня.
К вопросам всем старым
Отгадка, решение.
Я, может быть, кара,
А, может, прощенье.

Я отдавала бытие
 свое
Распахнутому настежь миру.
Когда в душе играет лира —
Поэзия сама поет.
Я оставляла ей мечты —
 листы,
Наполненные смыслом строки.
Мы все немного одиноки
У края этой высоты.

Я где-то есть в несбывшихся мечтах,
В разрушенных надеждах и желаньях.
Я где-то здесь в открывшихся стихах —
Всей жизни откровенья и признаний.
Я где-то есть за миром, за луной,
В непостижимой разумом Вселенной.
Среди людей так больно быть одной
Из тысячи живущих — переменной.
Я где-то есть в потерях, и в сердцах,
И в разговорах чьих-то вечных сплетен,
В растаявшем томленье на губах,
В ночи, на мир спустившемся рассвете.
Я где-то есть...

Вселенная... Так далека,
Так грандиозно бесконечна...
И все мы в ней, как все, не вечны,
И временем течет река.
Вселенная... Она одна
В сердцах, умах и душах наших.
И удивительно не страшно
Парить в вершинах ее дна.

Эдуард Мартышев
(г. Щекино)

ПАВЕЛИХА И ПОТАПЫЧ

Родился в городе Щекино Тульской области 8 сентября 1974 г. Закончил Тульский Государственный Университет (горный факультет в 1996 г.). Работает на Севере в ЯНАО. Пишет с 17 лет. Печатался в газетах и журналах «Тула», «У засечной полосы», «Приокские зори», «Югорская звезда», «Ямальский меридиан», «Обская губа», «Литературный факел», периодических изданиях «Красный Север», «Рабочий Надыма», «Северяне», «Транспорт газа».

Лауреат премии «Белая птица — 2010», победитель открытого городского конкурса литературного творчества «Автора!» в жанре очерк за 2011 г., город Салехард.

— В жизни все бывает, но не каждому достается

Кирилл Кюдов

Павелихе в ту пору мало не восемьдесят стукнуло, а избушке, в которой старуха век коротала, и того более — почитай что за сотню перевалило... Тут же садик — пяток яблонек, рядом с домиком — подвальчик в землю врос — травы на нем по лету по пояс...

Жила Павелиха одна — старика лет пятнадцать уже как схоронила. Отнесли его недалече — рядом церковь (пройти через улочку, да через овражек подняться), а там и погост расположился — весь крестами усеянный. Поплакала, погоревала горемычная над свежей могилой, да делать нечего, с годами с потерей смирилась — жизнь на месте не стоит, бежит потихоньку. Вот и она дальше судьбе своей навстречу пошла — только теперь уж не вдвоем, а в одиночку...

Пенсию заработала Павелиха «хорошую», только уж очень маленькой она была, хотя трудилась крестьянка всю жизнь в колхозе, спины не разгибая. Стол ее разнообразием не отличался — все по простому, да и много ли, если разобраться, старушке для пропитания надо — ложку того, да кусочек этого. В принципе, по ее словам, разносолов она и раньше не видала — откуда ж им взяться в этой лесной глухомани...

Павелиха и раньше-то была невысокой да худенькой, а с годами и вовсе усохла, сгорбилась, клюки из рук не выпускает. Но сказать, чтобы сиднем сидела, себя жалючи, так нет — такого за старухой отродясь не водилось. Ни дня, ни полдня, ни часочка не прошло, чтобы она по дому, да по двору, да на реденьких коротеньких грядочках (в три лошадиных шага) что-либо, ну хотя бы самую малость не делала. Потихонечку да полегонечку семенит, земле матушке в пояс кланяется, что то собирает, сажает — и на часы не глядит, копается по чуть-чуть — работает старушка, трудится...

Только вот хвори-болячки да немощи раньше незамечаемые (потому как недосуг, делов то, делов — неохватно) теперь Павелиху в полон взяли, власть над ней возы-

мели — кандалами пудовыми на ногах повисли, руки по утрам выворачивать стали. В прошлом годе коровку пришлось со двора свести — силенок на уход уже не хватало — старость, немощь, да нужда всегда под руку идут — всяк другого за собой тянет. А все же борется с ними старуха, не поддается.

Из всей животинушки в хозяйстве и без того невеликом осталось три старых голенастых курицы да пара кошек блудливых и наглых, приходящих по настроению. Ну да ничего, ей и этого вполне хватало — бегают что-то по двору, да и ладно.

В ту пору лето в миру властвовало на солнечные деньки щедрое. Теплые дожди и грозы отмеряло без скупости — полновесною мерою — благодать, да и только. Земля соками наливалась — урожаями богатела. Леса — перелески людская молвь наполнила — грибы из трав приподнялись, ягодники заалели. Местные деревенские и соседи (с ближних Козловки да Уваровки), с ведрами да лукошками — куда как засветло, все на промысел — народ запасливый здесь, основательный. Подвалы у всех огромные, а семьи иные — до десятка душ имеются, и кормить-то, как известно, всех надо — картошка картошкой, а лесной гостинец малышне ох как по душе приходится!

Мужики — кто на заработки, кто рубрики, заработанные в колхозе, потратить в город подались (это из тех, кто не спились да не опустили совсем). В деревне, как известно, особо монет не заработаешь, не разгуляешься — работы много, а приварка чуть-чуть. Ну а женская половина, соответственно, «воз» на себе тащит по старинке — от зари до зари кружит, заботами одолеваемая... Хорошо, если детишки в семье толковые растут — с малолетства в ярмо с матерью впрягаются, рядышком по «борозде» идут — тянут изо всех своих невеликих силенок, помогают... А иначе беда...

Начали в деревню «купцы» наведываться каждую среду и субботу (в предбазарные дни) — грибы да ягоды закупать. В тех местностях перекупщикам раздолье всегда было: до города сорок верст всего, а дороги — одно название — не всякая машина доберется. Дадут цену промеж себя договорную — копеечную конечно, а уж ополся, в город возвернувшись, на рынке мало не впятеро ее подымут (выручку сами считайте) — и берут, берут родимые горожане, да еще и вдругорядь заказывают.

Бабам да ребятишкам, несмотря ни на что, это прямая выгода — день-деньской в лесовище промыслом занимаются, копейку к копейке складывают да промеж себя толковище ведут — кому чего к осени (к школе, значит), прикупить.

И купцы довольны — барыши подсчитывают, ящики да мешки в машины (старые видавшие виды «газончики») грузят. Но до чего ж неприятный, все же, этот торговый люд — так и норовят жителей глубинки обмишурить, хотя б на пятак, на копейку, а поднагреться — медяки считают, аж трясутся — рыба кость...

Так вот Павелиха — когда помоложе была, сама на «промысел» ходила и носила грибы-ягоды на продажу, всегда с торгашами спорила (спуску им не давала), а ныне, а ныне... и ноги, как не свои, и спина не разгибается, да и зрение стало уже совсем не то...

Но вот как-то и ее однажды пробрало: в субботу позапрошлую проснулась она засветло (соседские петухи еще подремывали), сползла со скрипом с постели, умылась, прибралась. Чайку быстренько спроворила: сахарку ложечку (больше никогда не ложила, раньше — дорого было, а теперича жалко). Был бы пряник, размочила бы пряник — зубов то, почитай, совсем не осталось (кое-как четыре корешками держатся). Так пряника нет (в сельпо не завезли) пришлось попить с сухарями. И, поглядывая в полумрак за окном, ни с того ни с сего вдруг поймала себя на мысли, что хочется ей грибного супца наварить (духмяного да с пережарочкой) и исключительно сегодня. Пойду, решила Павелиха, и я прогуляюсь, а то, не ровен час, и мхом покрываться вскорости начну... Может там чего и сыщу — Бог дасть...

Пока оделась старушка, пока лукошко в темной кладовке разыскала — уже окончательно рассвело. Сапоги на ногах, очки на носу, плат на плечах. Пошла... Даже калитку закрывать не стала — прикрыла и двинула дальше — клюка в левой

руке, лукошко — в правой. Прошла вдоль своего старенького скособоченного заборчика, спустилась в низинку, прошаркала неподъемными сапогами через бревенчатый мостик и, перекрестившись на ходу, продолжила путь, устремившись к синевшему невдалеке лесу...

Хорошо, что дом у околицы стоит — через деревню идти не надо, народ-то сам знаешь какой: «Кто? Куда? Зачем?» — все памороки забудет да еще, может и сглазить ненароком... От дома до леса — рукой подать, молодой Павелиха стрелой туда за пару минут доносилась — глазом не уцепишь, до того быстра была. А теперича шаг мелкий, семенящий, дробный — с одышкой да с перекурами. Но все равно довольной была старушонка — тихо радовалась тому, что вновь на белый свет выбралась — по тропинке утоптанной сама идет, да вольным воздухом дышит. Солнышко ей улыбается по-свойски приветливо, теплом золотистым согревает. Птахи над головой летают всякие-разные — поют, заливаются, друг другу радуются. Земля-кормилица встрепенулась, пробудилась от их веселых озорных трелей. Травы росы смахнули, потянулись к синему небушку, ветерок меж ними разгуливает, косы зеленые расплетает.

Через час, никак не ранее, ступила Павелиха в тень вековых сосен и в заметно ощутимом (загудели ноги) изнеможении уселась на ближайший (с хороший стол размером) треснувший посередине пенёк. И сидела на нем, пока боль в ногах и спине совсем не утихла — может час, а может, и более. Когда спина немного отошла, а сердце утихомирилось, Павелиха устремилась (громко сказано!) скорее — медленно и осторожно, пошла далее — бережно переставляя ноги, внимательно (подслеповато) вглядываясь в непроглядную зелень леса. Но даже и слепому стало бы ясно, что здесь искать уже нечего — грибки всю траву утоптали да все, что в лесу росло, давно обнесли. Походила, походила старушка — нетути грибов в лесу, как косой скосили — только срезы тут и там грибные виднеются. Туда-сюда прошла — ни одного гриба не нашла — да что ты делать будешь — вот беда то!

Кружила-кружила Павелиха да вконец утомилась (круги перед глазами заиграли), но искать лесные дары продолжала и, между тем, все дальше в чащу уходила. Сколько-то еще вглубь леса прошла и лишь пару подосиновиков сыскала — маленькие (видать, только что проклюнулись), но, правда, толстобокие. «С почином!» — порадовалась и поздравила себя Павелиха. И даже ногам больным вроде полегче стало — не впустую все же землю меряют. Еще пару часиков незаметно пробежало и лукошко ее было уже наполовину полное — в березнячке немного свезло — удалось подразжиться.

Устала старушка, очень устала... Решила передохнуть, а тут и полянка земляничная очень даже кстати появилась — ягод на ней — не обобрать, обсыпные да крупные — одна к одной — как нарисованные. Села бабка в траву — сидит, ягодой любуется. Ноги вытянула, в небо посматривает — солнышко косточки старые согревает, тепла не жалеет — хорошо...

Сидела, сидела Павелиха, потом на траву прилегла да и уснула. Лежит на пригорке — платком голову накрыла, ветерок по траве пробежал — плат приподнял, на бабку глянул, волосы ей пригладил и через миг дальше по делам своим скорым отправился...

Вдруг неподалеку шевельнулись кусты и на полянку вывалился, озираясь и приносясь, медведь... В последние дни зверю покоя в лесу совсем не стало — люди везде и всюду: кричат — глотку дерут, кусты трещат — деревья гнутся! Медведь колодой в болоте эти дни пролежал и только по вечерам решался в лес выходить, чтобы съестного сыскать — быстренько подхарчиться да назад в болото...

Вот и сейчас — еле дождался своего часа! Ягод уж очень косолапому захотелось, да как захотелось — просто спасу нет! А ягод-то, ягод в лесу — видимо-невидимо. Медведь тихонечко заурчал, в брюхе радостно отозвалось — объедалово... И пошло

веселье: лапами медведь на себя гребет, пастью кустики охватывает — заедает. С листвою вместе чавкает — глотает сладкую кашицу, жмурится, от удовольствия на спину падает, до того ему занятие это по душе...

Медведь на поляне «жирует», а чуть повыше по склону бабулька начала по птичьим трели (носом) выводить. Потапыч прислушался к непонятным звукам, забеспокоился — ушами запрядал, нос сморщил — воздух на себя потянул... Зверю снизу-то не видать, кто это там, на пригорке распелся.

А Павелихе снилось ее босоное детство: снился сад белым цветом завьюженный (почему-то соседский). А в том саду цветы — глаз не оторвать — она таких никогда не видела! Ни с какими другими несхожие — золотисто мерцают, переливаются, и вроде музыка звучит тихая-тихая над всем этим великолепием, а до чего ж душевная — не передать... И захотелось ей потрогать, погладить эти цветы, во сне, в принципе, все возможно... Идет она — быстро идет (ничего не болит, не ломит), а цветы ей навстречу сами тянутся, меж собой перешептываются...

Медведь осторожно крадется верх по склону, под лапами даже и трава не гнется — шаг, снова шаг, и еще, и еще, и... Углядел корзинку, а рядом с ней и «птаху лесную» обнаружил... Ай, да соловей — старушка лежит, не шелохнется... Обошел ее медведь кругом — приглядывается, глазом косит... Остановился, лапами тихонько перебрал и уже совсем рядом с Павелихой застыл истуканом...

Зверье человека не глупее да и в разы осторожнее, но любопытство, любопытство... Вот и медведь не удержался — башку лохматую наклонил, носом в платок зарылся — дух человеческий вдохнул и, шею вытянув, к бабкиным седым прядям потянулся...

А Павелиха в снах своих уже добрела до цветов, вот они в двух шагах всего — раз, два — вот они гляди... Ухватила самый красивый (будто в короне) — золотая пыльца облаком поднялась...

Медведь в этот момент всматривался в лицо старушки, и его влажный нос застыл всего в паре сантиметров от ее морщинистой щеки...

Павелиха вдохнула окутавшее ее облако и, и, и — громогласно чихнула, а потом вдогонку — еще разок...

Оглушительно на весь лес взревел испуганный Потапыч и, не разбирая дороги, ринулся от старушки прочь. Затрещали кусты, захрустел валежник — будто табун лошадей, невидимый, но многочисленный, устремился в сторону близлежащего болота...

А Павелиха-то испугалась и, как была, так и порскнула в обратную от шума сторону — все забыла — и годы, и болячки... Рысью бабуля по лесу неслась, забыв платок и оставив на пригорке свою давнюю спутницу — сучковатую клюку, но все же не упуская из рук лукошка, сама не зная почему — грибного супца, наверное, старушке очень хотелось... Домой старушка не дошла — рысцей по лесной тропинке прискакала...

С тех пор Павелиха в лес не ходила, но на ноги уже не жаловалась — видать, Потапыч старушку в лесу славно подлечил...

РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Ефим Гаммер
(г. Иерусалим, Израиль)

ДОМ ПЕТРА ПЕРВОГО
(повесть)

Ефим Гаммер — поэт, прозаик, журналист, художник и (до сих пор) чемпион по боксу. Родился 16.04.1945 в Оренбурге, на Урале. Жил в Риге. Окончил Латвийский госуниверситет, отделение журналистики. В Израиле с 1978 года. Член израильских и международных союзов писателей, журналистов, художников, автор 14 книг, публикуется в журналах России, Израиля, США и европейских стран. В 2005 году стал обладателем Золотого пера национальной российской премии «Золотое перо Руси» в номинации — «проза». 2007 год — лауреат международной премии «Добрая лира», учрежденной в Санкт-Петербурге, в номинации «Художественная литература — крупные формы». 2008 год (Москва) — лауреат Бунинской премии, награжден серебряной медалью. 2010 год — Оргкомитет Международного конкурса «Национальная литературная премия Золотое перо Руси» наградил именной медалью на постаменте с надписью, что Ефим Гаммер является одним из 50-ти «Лучших авторов нового тысячелетия». Награда вручена за создание нового жанра — повести и романа ассоциаций. Персональный сайт Ефима Гаммера: <http://www.yefim-gammmer.com>

В Риге после реставрации открылось здание, в котором когда-то находилась резиденция Петра I.

Но бывшие апартаменты русского царя — вовсе не музей, а доходный дом: здесь оборудованы шикарные квартиры площадью от 100 до 450 кв. м стоимостью в 1,5 тыс. долл. за квадратный метр, магазины и рестораны. Само же здание теперь принадлежит итальянскому бизнесмену Эрнесто Преатони.

Аргументы и факты. № 31, 2000 г.
(Международное издание)

Сначала адрес: Рига, улица Шкюню, 17, или Домская площадь. Потом — характеристика Дома. Дом пятиэтажный, с мансардами, туалет на лестничной клетке, в кабинке. Дом располагает огромным чердаком, где автор этого повествования отыскал когда-то кучу цинкографических клише времен Буржуазной Латвии. Однако Дом был сказкой не только «подпольной» Риги, хранящей негативного толка изо-

бражения умерших в пору настоящего изложения событий латвийских министров и их светлейших жен, но и бытиной дней, последующих за смертью, да и хранителем сокровенной тайны Петра Великого.

Мало кто знает из людей, живущих ныне, что в этом доме, на третьем этаже, бывать Шахматный Клуб, где встречались за чашкой чая и шахматной доской претенденты на высший в мире титул Таль и Гипслис. Тогда претендентов называли пацанами, и они охотно пожимали руку малолетнему в ту пору автору этого повествования, ибо автор этого повествования жил в ту пору на два этажа выше, и в его распоряжении был чердак. Чердак, если разобраться с умом,— уникальный. Намного раньше, чем автор переселился с улицы Аудею на улицу Шкюню, чердак этот назывался Обществом «Динамо». На чердаке воспитывались любители подраться бесплатно. Известно, что кулачный бой, не организованный судейской коллегией, оборачивается тюремным сроком. Автор этого повествования предпочитал с малолетства законный мордобой, провозглашенный Рингом как спорт. Поэтому в семилетнем возрасте вместе со своим двоюродным братом Леней Гросманом и друзьями-одноклассниками Левого Прокофьева и Сашей Дергачевым направился в спортивное общество «Динамо»: адрес — Рига, улица Шкюню, 17. На Домской площади юных молотобойцев, с ножиком в кармане и кожаными перчатками в мечтах, встретили советские солдаты из какой-то гвардейской дивизии. И предложили сперва подраться на кулачках, а потом уже идти в спортивное общество. Солдаты были тоже, очевидно, детьми с одной извилиной, прямой, как Невский проспект. Правда, выглядели вполне взрослыми, и у них были п о г о н ы... Автор этого повествования — говорю без лишней скромности — пустил юшку (кровь) из носа Саши Дергачева. Леня Гросман отколошматил Левого Прокофьева. Солдаты поаплодировали дармовому зрелищу; и окровавленные физиономии кинулись на чердак — в бокс. Оказалось, боксом можно заниматься лишь после совершеннолетия. Такие были правила тогда, в 1952 году. Наверное, правила эти писались одновременно с уголовным кодексом, или же одной и той же рукой. Во всяком случае, автор этого повествования боксером стал позже, Леня Гросман, обманутый в ожиданиях, превратился в борца, а затем из Олимпийских Надежд шагнул в инженеры; Лева Прокофьев обмишурился с Надеждами, случайно подсел на неопределенный срок, однако вышел на свободу, как писали газеты «с чистой совестью»; Саша Дергачев, голодный с рождения, преодолел курсы поваров и вышел в Шефы ресторана «Кавказ».

История — пишется... Люди балдеют. А изложение Русской Действительности все еще буксует возле дома № 17 по улице Шкюню. Буксует по простой причине: Этим Домом Правит Вечность. Был в Доме этом шахматный клуб — и исчез. Был в Доме этом, на чердаке, боксерский зал — и пропал. Была в Доме этом Комната Самого Петра Первого — и осталась навсегда. Комнату эту превратили в музей, и водили Туда — за деньги, естественно,— иностранных туристов. В Комнате стояли сапоги Петра Первого, на стене Комнаты висела его шпага; на резной вешалке, треножном постаменте,— камзол с позументами. Комната всегда была опечатана, и обитатели квартиры тишком, по веской причине, проклинали Петра Первого в отсутствие туристов. Царь Всея России даже после кончины претендовал на разумную по размерам жилплощадь в завоеванной Латвии. Обитателям «коммуналки» он презрительно выставил на обзор свою шпагу, сапоги и пиджак умопомрачительной длины и роскоши. А на дверь повесил сугучную печать и устами новой власти сказал: «Без денег не входи!» Конечно, разреши им, передовым рабочим и служащим, с партийным билетом и без,— войти в Пенаты Царя Всемоущего, они мигом выбросили бы на свалку весь антураж Той допотопной эпохи, и народили в этой Комнате разных чумазых детишек. Но сказано — «без денег не входи», вот и не входили, иначе — тюрьма. Однако — злились, и очень. Их злость, к слову, питало и другое. Общей кухней для

них служил, вероятно по недогляду Горсовета, огромный зал, имеющий нахальство слыть прихожей для Петра Первого. В зале этом ночевал Меншиков, известный бабник и казнокрад. По книжкам — любимец царя и покровитель искусства. Потолок этого зала был украшен невероятной росписью. Девы и Ангелы. Облака и все остальное. Автор этого повествования, вскормленный Моральным Кодексом, не раз краснел — детская наивность непритворна! — от вида витающих в небе женщин с укутанной в прозрачную ткань попкой. Автору всего лишь надо было одолжить — с возвратом — луковицу. Для мамы. Луковицу автор одалживал у тети Маши. А потом луковица эта обжигала ему руки. Насмотрелся, скажет читатель, на груди, торчащие в небе. Действительно, насмотрелся....

Известное дело, взглядом кашу не испортишь, тем более музейную роспись. Портили роспись эту совсем другим способом, и — не специально. Керосинками. Исторический зал, где Меншиков хлебал из бокала шампанское, а Петр лопал знаменитый рижский антрекот, в пятидесятые (и дальше) годы являлся всего лишь коммунальной кухней. Там было жарко, как в аду. И пахло горелым. Это пригорала понемногу антикварная роспись. По оценкам специалистов, она стоила хороший миллион долларов. По оценкам домохозяек, она стоила хорошую тысячу рублей, которых в наличии нет. Домохозяйки были неоднократно биты мужьями. Получалось, — мужья — рабочие и служащие, с партийным билетом и без, — стояли на страже народного достоинства, выраженного в миллионе долларов и голых бабах, помещенных по приказу Меншикова и его покровителя на потолке, читай — в небесах. Наверное, хотя за историческую достоверность не ручаюсь, роспись таила для Меншикова некий тайный смысл: мол, видит око, да зуб неймет. То бишь напоминала о стибренной Петром Катке. Впрочем, не дело автора соваться в кандидаты абсолютно лишних для него наук. Но, что не безынтересно, битые мужьями жены были действительно специалистами исторических наук и послесредневековой живописи. Но никто из них кандидатуру не защитил, как и свою поруганную честь. Представьте себе такую картину: борщ кипит, пар валит из кастрюли. Керосинка коптит во все свои богатырские силы. В музейном зале — брожение сердец, дум и нехороших помыслов. Влажный воздух накапливает электрические заряды. И вот бухнуло. Матом! Переводить на русский — бумага не вытерпит, пишущая машинка взорвется, и тоже выдаст по-иностранному, но с прекрасно знакомым нашим ушам акцентом. Удовлетворимся малым...

— Машка!!!!

— Иди сам на!!! И хрен с тобой!!!

— Опять коптишь потолок?! А?! А там нарисовано.....

— Я тебе нарисую!! Я тебя тряпкой по роже!!!!

— Молчи, дура!

— Я бы этого Расстрели растреляла! Мне это искусство все печенки съело!

— Это же денег стоит!!!! Поломаю! Я из тебя, мать твою.....!!!

— А-а-а!!!!

— Ух-х-х!!!!

Дальше — лязг зубовой, и никакого ответа.

Помолчим и мы. Впрочем, нарушим молчание ради короткого некролога, он же — пояснение. Машка, мужем битая неоднократно, любила искусство не меньше своего Петеньки. Вернее, совсем не любила, как и он. В музеи не ходила, в театры тоже. Ходила в дом народного творчества. И то для того, чтобы продать там свое рукоделие: лосей, вышитых крестиком, — на лесной полянке, под налитой янтарным соком луной. Искусство, помещенное вместе с раздетыми до основания бабами на ее потолке, тоже было ей противно. И не из-за голых баб. Нагляделась на себя в своей жизни, а на других — в бане. За искусство, втравленное в ее потолок латышским художником неопознанного времени, и накопленное стараниями товаров-домохозяек,

расплачивалась битой мордой и денежными штрафами. Идиотская система, согласитесь? Раз в полгода, после проверки дел на небосклоне Музейной кухни коммунального значения, — горсовет облагал поборами жителей этой уникальной квартиры. Если бы они ходили в музеи — уверен: им оставалось бы еще и на кино. А так — им оставалось разве что на бутылку и последующие раздоры, и, само собой, семейные драмы Шекспировского размаха. Вскоре к ним мы и перейдем. Но пока посидим рядом с плачущей Машкой и послушаем ее всхлипы. (Перевод с русского: Нужен мне этот Расстрели! Да и ты!.. Шел бы уж!.. Я сама сюда вселилась? Кто виноват? Искусство?! Пропавши оно пропадом! Да и ты!.. Дети кушать хочут? Да и ты? Шел бы уж!..)

Автору представляется: момент назрел; из-за двери в смежную комнату, где прописаны Машенька и Петечка, раздается вполне современная песенка: «Позабыт, позаброшен с молодых юных лет».

И Этот на мою голову! Чтобы вы все!..

— Двоеженица! — гроыхает Петечка и уходит в соседнюю комнату, — иначе все будет выпито без него.

Маша — плачет. Плачет еще громче. Садится на табуретку, запрокидывает голову, смотрит сквозь слезы на произведение искусства и думает: «Может быть, оно и впрямь выдающееся. Но почему на мою голову?» Ей больно и тошно, и некому руку пожать. А ведь она сама, Машка эта — истинная реликвия! Лет двадцать назад и ее можно было назвать произведением искусства. Но война — изломала, искохабила... Теперь и штукатурка мало помогает. Набежали годы, забрали вместе с девственностью молодость, наградили ранними морщинами и седой прядью, а хны в магазине с огнем не доищешься, да и ваты нет, и вообще — «шел бы он!..» Только вчера вышел скандал. Явился Этот, горсоветский хмырь, и давай обкладывать штрафом. Опять плати пятьсот рублей — ползарплаты! — на ихнюю реставрацию искусства. Баб налепили на потолок — а ты плати. Петечка говорит — «глаза на жопу натяну!» А что я? Специально? Керосинка коптит, мать ее!.. Скажешь ей разве — «не копти, дура!»? Жить невозможно. А умереть боязно, и дети...

За дверью в комнате приумолкшей, звякнула гитара.

«Мы с тобой повстречались случайно», — вылилось из замочной скважины. Вздрогнули в пыльном звоне стаканы. Эхом откликнулось на звон:

— Будем!

Искусство во все груди смотрело на Машку сверху вниз. Машке хотелось сказать Такое этому искусству, что внезапно она сама покраснела от смущения, что не случилось с ней действительно давно. И она сказала совсем не то, что сказать задумала.

— А я ведь была офицер, и политработник. А вы? Шлюхи! Я бы с вами рядом на очко не села, б...и! И за вас платить? Пошли вы!..

Машка заплакала снова. Ей было обидно. Она понимала: Петечка оскорбил ее с умыслом. Двоеженица! Да, есть такой грех. Двое у нее, этих олухов. Все — правда! И Петечка не мог не знать, что оскорбляет ее с умыслом. Хорошо, что Степка не слышал. А то набил бы ему морду! Впрочем, и набьет. Допьет бутылку, и набьет. Всегда у н и х так кончается. Выпьют, а потом — драться: чья она, Машка, жена? Чья? Она и сама не знает! Двое у нее. И что с них взять, кроме анализа? Герои войны, почти калеки. А дерутся... ох... больно!.. Шли бы они!..

Они? Но прежде о клетушке, именуемой комнатой по недоразумению. Сколько эта клетушка насчитывала квадратных метров, не знал никто. Понятно, метры были засекречены. Понятно, метры, возведенные в квадрат, были засекречены втройне. Но совсем непонятно, почему психиатр, вызывающий на принудительный прием в психолечебницу то Петечку, то Степку, требовал от них подписи о «НЕРАЗГЛАШЕНИИ». Ни Петечка, ни Степка не добивали умом — почему? Психиатр говорил с ними о каком-то неподсудном трехмерном пространстве, а потом задавал наводящий вопрос: «Что из-

вестно вам о четвертом измерении?» Ни Петечка, ни Степка, ни их общие дети не петрили, мало сказать, в трехмерном пространстве, а о четвертом измерении, ясно и фразе-ру из магазина культтоваров, имели самые общие представления.

Заклячая метафизические поползновения к свободной от лишних налогов личности, Степка как-то рыгнул психиатру:

— Я бы с тобой на троих!..

Психиатр усмехнулся: он пил в одиночку.

Петечка клюнул на парapsихологию по-другому:

— Я бы с тобой в разведку не пошел!

Психиатр вновь усмехнулся: он, в отличие от непутевого собеседника, именно работал на разведку, и ходил в эту вышеназванную разведку регулярно, вызывая на собеседования обитателей музейной квартиры.

Предлагаю разъяснение. Дом № 17 по улице Шкюню, вернее — не сам дом, сколько квартира, где был прописан при жизни Петр Великий, числилась на подозрении у Охранки с незапамятных времен. Советская Охранка приняла квартиру у Охранки буржуазной Латвии, которая сберегла в архивах документы Царской Охранки, поставленной, как следует из документов, в тупик. В этой квартире время от времени появлялся Петр Первый, с ним Меншиков и Катька, известная беспутным поведением и любовью к искусству. Царская Охранка не разобралась. Потом ее уничтожили. Охранка буржуазной Латвии тоже не разобралась. Потом ушла в Сибирь, на побывку к замороженным динозаврам. Советская Охранка — самая передовая в мире — решила при помощи психиатра, тоже самого передового, разобраться в нарушениях материализма, вылитого в обличье развенчанного уже саблей и пулей идеализма. И прибегла к сознательности передовых рабочих и служащих, в обличии Петечки и Степки, полных кретинов в области идеализма, впрочем, и материализма тоже. Петечка и Степка соображали только на двоих, и без всяких измов. А если и Машка согласна вкусить, то бегали за добавкой в близлежащий магазинишко, причем бегали по прямой, как некогда олимпийский чемпион Куц. И в эту рекордную минуту не думали ни о каких метрах — линейных, квадратных или квадратно-гнездовых. Думали — литрами, проще — поллитровкой, и были довольны собой: не ошиблись ни на грош, и даже кильки на закуску купили. Им ли понимать психиатра, отягощенного заданием? Или же психиатру понимать их, занятых Вселенскими Проблемами? Вот поэтому они никогда не находили с психиатром общего языка. Он — скажу со всей уверенностью! — получал деньги зря от Советской Охранки и был слишком трезвым, хотя пил в одиночку, чтобы при внезапных появлениях в достопримечательной квартире по улице Шкюню, обнаружить там Петра Великого, Меншикова и Катьку. Говорят, психиатр этот от полной своей профессиональной непригодности запил совсем. Но нас это не касается. Мы о Петечке и Степке. Они отнюдь не запили — денег не хватало! — но Петра видели воочью и не раз. А с ним — Меншикова. А между ними — Катьку.

С Катькой однажды вышла у них промашка. Они — щупать ее, для облачения Постутороннего в жизненную Реальность, а Петр им — в ухо. Вскинулись — за честь! Меншиков возьми да трахни лапшей по заднице Машке. Пришлось — на Меншикова: Машкина честь дороже! Нахватили по зубарикам, дальше некуда! Дальше — милиция! Милиция их и растащила. Каждому по 15 суток за хулиганство. А какое там хулиганство? Честь Машкину защищали! «От кого?» — спросили их в участке. «От Петра Первого и его стервозного любимца Меншикова!» В милиции посмеялись. Дали по подзатыльнику и добавили из исторических учебников: «Нужна Петру честь вашей Машки! Постеснялись бы, вшивоголубчики!» И опять закупили — к психиатру. А он — по мензуркам, но не на троих. Двоим им — и странное питье, выворотное. Зубы от него — вишь, язык сам разматывается. Но — блюли себя. Принцип дороже: раз проговоришь-

ся, десять лет ни за что отсидишь. Вот и молчи, посягая на внутренний взрыв: ну, Машка, держись! Вернемся домой, поломаем!

Домой возвращались. Куда же их, сырых, девать? Дома — опять на двоих, потом говорить — на троих, включая в разговор Машку. Раскраснеются, разопреют. Драке внезапно изменят, обнимут всемирное пространство и во весь голос, чтобы и Петру было тошно, не только соседям,— запоют: «И в огне мы не сгорим!»

И действительно, не сгорали. Были они вытканы двужильными нитками из нержавеющей стали. Потом из этих ниток стали ткать ракеты, чтобы Жучку запустить в космос, и попугать жизнью и смертью Жучкиной, всемогущей, как праздник, и краткой, как следующий за ним похмельный день, нерадивых до научных изысканий американцев.

Грешно смеяться на пустой желудок, но из правды песню не выкинешь. «И в огне мы не сгорим!» — пели люди и впрямь огнеупорные. Действительность выкрала их из легенды. Выкрав, подавилась ими. И сама себя переименовала: стала не действительностью, а лживой бабушкиной сказкой: занимательна для детей, однако веры ей никакой! Даже автор этого произведения, после рассказней Степки и Петечки, ловил себя на мысли: слишком все это за пределами, такое в книжках о войне не напишут.

Мы не пишем книжку о войне. Поэтому пристегнем к свидетельству память и положим читающей публике следующее.

Незадолго до соглашения Риббентроп-Молотов, Степка прямо из ЗАГСа был мобилизован на курсы младших командиров Красной Армии. Старших уже расстреляли, теперь чувствовали нехватку в младших: им через год выводить дивизии из окружения. Машеньке было в ту пору совсем немного здоровых лет, и еще меньше здравого смысла было у нее в наличии. Вот она и кинулась вослед за мужем в казармы, по дороге забеременев. Командир курсов не допустил красу сарафанную до казарм, повернул оглобли ее лошадки в обратную сторону. Машенька от огорчения выкинула в первый раз. Освобожденная от тяжести в животе, обратилась к другому командиру. Тот устроил девушку официанткой в офицерскую столовую, куда мужа ее, курсанта, естественно, не пускали. Лошадь командир пустил на мясо, и Машеньке было что подносить офицерам первые месяцы. Потом, когда с лошадью было покончено, и с командиром тоже — его разоблачили за растрату конины, Машеньку назначили директором офицерской столовой, присвоили ей звание лейтенанта, и досрочно, без излишней мутори, приняли в партию. Произведенная в офицеры и партийцы, она отнюдь не зазналась, И забеременела вторично, все от того же родного мужа Степки, который все еще пребывал в рядовых курсантах и ужасно смущался спать со своей женой, старше его по званию. Честно сказать, спать с женой ему удавалось редко, лишь когда он бегал из казармы в самоволку, нарушая ради оргазма воинскую дисциплину. Однокашники, конечно, завидовали ему: и баба у него, и приварок. Донесли по команде. И однажды Степку сгреб патруль прямо в супружеской койке. Машка в крик. Но криком от «губы» не убережешь, тем более от дисциплинарного взыскания.

Степка предстал перед трибуналом. Машка перед партийной комиссией. Молотов перед Риббентропом, но уже не для умильных лобзаний. Словом, полыхнуло Второй Мировой. Трибунал, переименованный в военно-полевой суд, внезапно обнаружил, что свое заседание проводит во вражеском окружении, и с перепугу произвел Степку в лейтенанты: выводил армию из немецких клещей! все командование нами расстреляно, а замены не прислали! Степка повел армию на контротык и прорвал кольцо. Еще раз прорвал. И вышел со знаменем к передовым Панфиловским частям, стоящим у самой Москвы. Знамя тут же обернулось новой армией, Степку произвели в командующего. Приказали — наступай! Он бы рад, но не обучен. Прорываться к своим обучился — сильна партизанская сметка у русского мужика. А наступать?..

Машка была рядом со Степкой во все дни и месяцы прорыва. Офицерским званием располагала. Партийным билетом тоже. Степка назначил ее замполитом. Она толково доносила до солдат призывы партии и правительства, сочиненные вместе со Степкой. Излишне говорить — газет под руками не было, и товарища Сталина, на его счастье. Машка ораторствовала, вызывая у бойцов любовь непритворным своим красноречием. «Впереди Москва — говорила она взволнованно, придерживая растущий живот. — Там колбаса. Прорвемся и отожремся, товарищи! Будьте бдительны, враг не дремлет! Если мы не прорвемся к Москве, туда прорвется Гитлер и сожрет всю колбасу! А мне лично из особых источников известно, Сталин отдал приказ: Гитлеру — фигу. Колбасу сохранить для нас! Уррра!»

Бойцы редели. Боеприпасы истощались. Машкин живот не вмещался в кальсоны. На подступах к столице-матери — приспело. Баба в слезы: Степа, милый! Не могу больше пропагандировать! Рожать пора!

— Рожай, мать! — скромно сказал Степка, и положил остатки своего воинства вокруг Машки, для обороны.

Роды были тяжелыми, как и сопровождавшая их схватка с гитлеровцами. Машка выкрикивала лозунги, скрежетала зубами от боли. Красноармейцы падали из винтовок по неприятельской пехоте. К ночи все было кончено. В живых остались Степка, Машка и знамя. Младенец не перенес адского грохота и тихо скончался от разрыва барабанных перепонки.

Дальше командующий армией Степка и его замполит Машка отступали уже вдвоем, пока не вышли к своим. Свои, как отмечено выше, уважили Степку, дали ему новую армию и послали назад, теперь уже в наступление. Машку оставили в тылу для поправки здоровья. Машка здоровье поправила, но Степкин след потеряла, как, впрочем, и Степка потерял след всей своей армии, двинув ее на врага. Приказ он отдал — это точно! это он помнил наверняка! Но что произошло дальше — хоть убей! никакого просвета в мыслях. Не обучен он наступлениям. Двинул полки и не успел опомниться, как оказался в плену. Немцам приглянулись Степкины ромбы. Оповестили они по радио: захвачен советский генерал. Советское радио опровергло сообщение это. Степку охарактеризовало «наглым самозванцем». И подчеркнуло: в списках высшего командования никогда не значился человек с фамилией Коробейников. Степку, наверное, не успели внести в списки, вычеркнуть успели. Немцы, ослепленные Степкиными ромбами, потянули молодца к микрофону: голосом своим докажи Фоме Неверующему, кто ты есть в самом деле. Степка и доказал. Но не словами, а делом. Исхитрился и из-под носа конвоя — в лес. Дыхание не подвело, ноги выдержали. И врагу не дался, и к своим не попал. Повезло, вот и живым остался.

Живые, занятное положеньице, ищут себе подобных — живых. Этим Степка и занялся сразу, как слинял от немцев. Ему повезло еще раз. Но не совсем. Он нашел в лесу не живых, а полуживых. Вернее сказать, разгромленный медсамбат. В живых были только раненые. Гитлеровцы уважили их человеческое достоинство и оставили их в живых — издыхайте своей смертью. А медперсонал, уличенный не в арийском происхождении — расстреляли. Одно немцы не сделали — догадки творческой у них на пфеннинг. Не изыали спирт. И полуживые люди лечились от телесных мучений надежным медицинским снадобьем. Веры в спасение не было ни у кого, веры в излечение тоже. Пели песню: «Помирать нам рановато, есть у нас еще дома дела». На звук этой песни и вышел Степка.

Сначала не поверил глазам своим. Потом, когда и ему поднесли мензурку, поверил. И запел со всеми вместе: «Дан приказ ему на запад, ей в другую сторону».

Пьяные бедолаги понемногу загибались, не осилив — либо мучений, либо спирта. По мнению Степки, пили они «правильно», иначе загнулись бы скорее. Поэтому он провел ревизию спирта, и убедился — спирт не безразмерный. Единственное

лечебное средство подходило к концу. Экономь его теперь, не экономь — все равно выпьют. Тогда Степка, верный командирским своим ромбам, отдал, как считал позже, самый справедливый в Красной Армии приказ: ребята! пей за раз все! отступать нам все равно некуда! умрем с песней!

Приказ воздействовал на раненых самым благотворным образом. Раненые зашуршали зловонными бинтами. Поднесли ко рту. Крякнули. И над прежним медсанбатом, разгромленным, измятым танковыми гусеницами, пахнущим гангреной и алкогольной отрыжкой, грянуло знаменитое: «И в воде мы не утонем, и в огне мы не сгорим!» Проходящая мимо инвалидная немецкая команда — заинтересовалась мелодическими руладами краснознаменного ансамбля Александрова: в инвалидной команде чаще встретишь интеллектуалов, чем в эсэсовских частях. Советские инвалиды приветствовали немецких отборным матом и полным, до отключки, героизмом. «Пей, ребята!» — кричал Степка, разрывая на груди гимнастерку. «Шнапс» — кричали немцы-калеки, погнанные на войну при наличии физических недостатков: плоскостопие, триппер, язва, брюшко и возраст. Крики излучали неподдельную радость и неподдающийся описанию энтузиазм, умноженный дармовой выпивкой. Без лишних церемоний две инвалидные команды побратались и вознесли мензурки к прокопченному войной небу. И — понеслось! Немецкий народ тоже песенный.

— Катюшка, Катюшка, — пели инвалиды Вермахта.

— Их либер вас и все бывшее, — пели инвалиды Красной Армии.

— Выхожу ль в одну ли я дорога? — выводили таланты вражеского племени.

— Серебристый путь у вас в глазах светит, — вторили им собутыльники.

— Товарищ Сталин, вы — надежда мира.

— И безнадёга для простых ребят.

— Бокал поднимем, славствуя кумира!

— Ох, мужики, нас смертно наградят.

Инвалиды разных национальностей, коллеги, разделенные линией фронта, пели в унисон, будто заранее, при разучивании победных маршей, выучились хоровому искусству, пригодному во все времена.

Степка пел, как на марше. Надрывал горло — «браво, ребяташки!»

На скосине глаза различил — неподходящую личность. Нет, не немца — немцы все унюхались всмятку. Старшину медицинской службы — Петечку, разносчика мензурок. «Командарм! — сказал Петечка со всей возможной трезвостью. — Ты еще не уключался?» Степка рыгнул в кулак. А потом Петечке в рожу. «Крепок, мужик! — подобрел Петечка. — Слушай сюды, — придал голосу серьезность, правда с некоторой поспешностью: не дай бог, уличат в пьянстве! — Тебе, командарм, понятна русская душа?» Степка с трудом приоткрыл заплывшие зенки. «Они же, хлопцы наши, сейчас драться зачнут!» Степка махнул рукой — а-а! «Дура! Они ж перепашаю эту немчару по еб...нику! Русскому дай выпить, а потом... Международный скандал! Тут же у тебя на виду исторический момент, стало быть. Пьют вместе. А — дальше?» Степка осерчал на старшину: «Да, стало быть, пьют! А тебе — что? Завидно? Морда нерусская!» И хрясть промеж глаз. Петечка — ноги вверх, задницу на землю. И в чересполосицу чувств. «Наших бьют!»

Что тут случилось, — и Пушкину не растолковать. Русские калеки накинудились на немецких. Немецкие на русских. И пошла потасовка — хоть в Голливуд! Для ясности сообщу со слов бывшего моего соседа Степки: русские калеки были и впрямь калеки. В чем душа держалась, никто не знал. Простреленное легкое, ампутированная рука, глаз, вывернутый на жопу. Немецкие калеки — это и не калеки вовсе: триппер, плоскостопие, предпенсионный возраст. Русские калеки дали немецким! Прикурить — не то слово! У кого нет рук — тот зубами — и за яйца! У кого нет ног, тот — словом, и в борцовский захват, не вырвешься до смерти. У кого простреленное лег-

кое — тот в плевок кровавый — и врагу каюк. В этой жуткой схватке самым башковитым, надо признать, оказался Петечка, старшина медицинской службы. Он подносил горящую спичку ко рту и дышал на немца. Немца сжигало подчистую, в плен нечего было брать и на анализы тоже.

Нелишне отметить — первое поражение под Москвой захватчики получили от русских инвалидов, не удостоенных впоследствии звания Героя Советского Союза. Впоследствии с инвалидами поступили совсем по-другому. Об этом мы еще скажем, зная лично Степку и Петечку. Но пока остановимся над открытой нам панорамой Бородинской битвы. Я знал полковника артиллерии Нечаева, который на Бородинском поле потерял руку, как прадед его в эпоху Наполеона. Полковник Нечаев — в сорок первом — старший лейтенант, дрался не менее храбро, чем прадед. Правда, в других условиях — отступать некуда — за нами Москва! Политрук Клычков оказался умнее фельдмаршала Кутузова. Не отступили. Героизмом превзошли. И вот этот полковник Нечаев, выслушав мой рассказ о Степке, сказал: «Было... а если не было, должно было быть. Наши ребята!.. И Степка твой... Пусть пьян в стельку!.. Но ведь было!... Сделали! И победили! Как победили? Не спрашивай! Животом! Нам говорят — живот на алтарь Отечества. И — кладем. Отступать некуда. И кладем! Кладем! За нами Москва!»

Полковник Нечаев отвоевался, думаю. Чистую совесть свою и открытое сердце бросил он под танки и выдюжил, как Степка и Петечка, как почти вся русская инвалидная команда, загрызшая после подпитки немецкую. Пьяные до полубессознания русские инвалиды похватили немецкие винтовки и поползли в наступление, туда, где им представлялось, трепыхал вражеский флаг. И взяли с наскоку деревню. Деревню эту пропечатали в сводках Совинформбюро, и туда прибыл корреспондент. Корреспонденту повезло, русским инвалидам не очень. В деревне он отыскал сенсацию: в виде двух повешенных гитлеровцами крестьян. И написал корреспонденцию в центральную газету. Советский Генштаб прочел эту корреспонденцию и уточнил ее содержание по картам: выяснилось — корпус маршала по имени «дважды × два = четыре» запозднился с развертыванием и захватил вышеуказанную деревню позже Октябрьских праздников. Маршала — под зад, а русских инвалидов — по лагерям. Опоздали братцы захватить-освободить, поднять родной флаг над сельсоветом. И никто, в Дознании этом не слушал их в упор: мол, инвалиды мы! мол, не своей волей, по пьянке поднялись из мошей, обросли мясом на пути к победе, и стяг наш алый, всамдел поднимали над сельсоветом, но стяг из кровавых бинтов. Инвалидам, понятно и вражескому лазутчику, не поверили. Смерш отдал приказ: кто стоит на ногах — два шага вперед!

Конечно, из строя вышли двуногие: у одного легкое прострелено, у другого рука осколком отрублена.

Их — в штрафбат, отмывать кровью нечистые свои дела, в переводе с русского на русский: за ратные подвиги вам надлежит вновь проявить героизм под прицелом так называемого заслона с голубыми петлицами и пулеметами. В штрафбате Степка познакомился поближе с Петечкой. И сказал ему однажды, между самоубийственными атаками: — Если убьют, прошу тебя — спаси единственную жену Машку. Она хотела родить из-под меня. Не вышло. Теперь она в Москве. Спаси ее. Роди вместе с нею. Я тебе все прощу, если ты выйдешь из этой заварухи живым».

Петечка вышел. И Степка — потом — тоже.

Но прежде — о Петечке. Каким-то образом ему повезло. Он получил ранение в мягкие ткани. Нет, не подумайте о том, о чем вы думаете. Зад противнику он не показывал. Все очень просто — шрапнель не разбирает, мягкие ткани там, твердые. Шрапнели, как и ее собутыльникам геноссе Гитлеру или товарищу Сталину все равно! Главное — пали! Надо отметить, палили по обе стороны горизонта и допалили:

Петечку — в госпиталь. Степку — к белым медведям. Контужен и крови не пролил. Степка мудаком ерзал по медсамбату, выпрашивая высшей справедливости — расстрела. Сказали — «псих!» И отправили на Колыму: крови не пролил, чего надобно для очистки совести, и — притворяется всем смертям назло. Степка мыл золото на Колыме, чаще — дергался. И куда? На передовую! «Готов смертью храбрых принять...» Дальше Степка в то время писать не мог. Однако, все лагерное начальство осрамило его кликухой — «писатель». Сдох бы он за колючкой, не реабилитированный даже двадцатым съездом, но тут на Затмение нашло Прояснение — и освободили Рокосовского: дерзай! Дали врагу, польского корня, русскую армию, и в Сталинград. Мода вышла: освобождать тех, кто готов погибнуть во славу русского оружия без лишнего слова.

На Колыме почесали за ухом, присвоили себе новые звания, отметились орденами. Полковник Слонимский, в ту пору Царь и Бог над Степкой, возглавлял в шестидесятых некий хитрый отдел инженеров человеческих душ. Автор этого повествования встретил его случайно на слете «победителей походов по местам революционной и боевой славы латышского народа». Какое отношение латышский народ имеет к Колыме, где властвовал полковник Слонимский, автор и по сей день понятия не имеет. Однако, то ли наивность, то ли журналистский зуд... И автор, приуроченный к годовщине победы, набросился на отставника с неординарной иконописью орденов и медалей: и Ленина у него до черта! и Красного Знамени с избытком! А Красной Звезды — будто сам ее ковал серпастым-молоткастым. Автор, тогда человек двадцати четырех лет от роду, недовоспитанный, честно сказать, Степкой и его побратимом, мужем общей их жены Машки, — утайкой от самого себя сознавал: отыскала его душа корреспондентской мерки нового Корчагина, Маресьева, Гринт-Блинд-инд-Заинд-хер-им-наружу! Но автор — не Островский, не Полевой и не Симонов. Автор — всего лишь Гаммер. Военными книжками укатанный, он обратился к Слонимскому. И задал — по автору видно! — серьезный вопрос: за что вы получили свои ордена?

Журналистский блокнот обезручил. Известно, блокнот — сам по себе — ничто. Автор сногшибательных штучек — тоже. Полковник Слонимский доверительно сказал непутевому автору: ордена — секрет для непосвященных. Я был на Колымском фронте. И не надо путать мои, достойные Имени и Звания ордена с моей чистой совестью. Помнится, автор тогда растерялся. Сегодня, читая статьи разоблачающих себя от мундира, но не от орденов; сегодня, вникая в гласность карателей, мудаков, сволочей и создателей новой жизни, автор — все еще готов повторить свой, в ту пору не каверзный вопрос: за что вы получили свои ордена?

Автору лет — много. Спишется вопрос. Но и ответ спишется. Жалко... Был бы магнитофон тогда, в шестьдесят девятом, — ох-хх! Доверьтесь памяти неподцензурной. Полковнику Слонимскому необходимо было выкрутиться из орденов. Ради себя, это понятно сегодня и вашему корреспонденту. Ваш — немного нахальный, когда он повернут святым журналистским искусством в творческую работу. И? поговорил по «душам». Сверзился, проще сказать, с небес на поганую нашу землю. Поговорил и о Степке, не восходя к орденам полковника Слонимского. Странно, однако полковник Слонимский помнил Степку — и не по кубарям, не по ромбам! Помнил: этот идиот вытащил из земли застывший спинной хребет динозавра с приклеенной к нему металлической пластиной. На пластине было что-то написано, но непонятными буквами.

Полковник Слонимский, отодрав пластину от хребта динозавра силой двух тысяч помощников, отправил оную на дознание лично товарищу Сталину. И сидел у себя на Колыме в страхе дичайшем: или голову с плеч, или орден Ленина. Ленина он получил, а потом — по мордасям. Что ты нам прислал, пентюх кирзовый, донимали его

расспросами люди с голубыми петлицами. И били по мордасям в отключке от вопросов. «Вот это и удивительно,— вспоминал полковник Слонимский, когда уже был пьян до неудобоваримого состояния.— Представь себе! Мне ордена — да, заслужил! Ты службы моей не знаешь! Ошибись раз — три расстрела на месте. А я ведь не мудака, не твой трахнутый подковкой Степка! Я — это Я!!! Гигантские звезды сияли надо мною в безоблачном небе. Пойми, не утрирую, ЗВЕЗДЫ! Ты знаешь, если по секретке? Я был бы на месте Жукова! Да, я, скромный человек, отмеченный высшими правительственными орденами и медалями. Я понимаю сейчас: не по тому адресу направил тогда докладную. Да, война. Да, немцы под Москвой. Но пойми, сорви-голова приплота вашенского, я — и только я — отыскал — засек — понял: космическая телеграмма!.. И для кого? Для товарищи Сталина!.. Мать твою!.. и отослал — себе же во вред. Ты мне про Степку? Хорошо! Мало мы видели Степок на той войне! Степки, согласуюсь с тобой, выдержали, а мы на их хребте победили. Но пойми, милый друг,— хребет динозавра — это нечто другое. На хребте пластина. И не русскими письменами писана. Понимаешь? Доходит? Дурак! Там было сказано!..»

Полковник Слонимский затих — ордена мешали военной тайне. Из всего разговора я понял тогда: Степка знает больше, чем говорит. В возрасте двадцати четырех лет я вновь пришел по адресу: Рига, улица Шкюню, № 17. Ни Степка, ни Петечка меня не признали. Дрались смертным боем. Один другому кричал — «ты Пушкина не уважаешь!»

— А Машку? — встрял я с журналистским вопросом. И получил по маковке. Больше не встревал. Лежал на общей их кровати, где они произвели детей, приплота разного, если судить по кудряшкам и неподсудности этих кудряшек. Передо мной предстал Петр Первый. Сказал: «Не суди!»

У меня и в голове не было...

Сбоку от Петра, слева от шпаги вывернулся Меншиков.

«Не наворовал?»

Я?

Мое понятие о Высших интересах Государства Российского разбилось о Катьку. Обласкала она меня до жмуриков губками в щечки, а потом — в уста. Я чуть было не взбесился. Доложу откровенно: замудохало под ложечкой, заколдобило. Пусть мне было всего двадцать четыре года от роду! Пусть я храбрым считался среди таких же дохлых сусликов! Пусть я, окромя журналистских дерзаний, промышлял и на ринге — победами! Пусть и пусть! Но, честно клянусь, задохнулся от страха. Каково?! Бабища допотопная! И канает, стерва, в объятия! Я не Потемкин, иначе бы наворовал и в своей действительности. Я — простой и славный человек, Фима из старой Риги — должен погибать под какой-то бабищей, моим дремучим мозгом уличенной — в надрыв — Царицей Тамарой, той, что казнила каждого ежедневное...льника смертью? Мне-то на кой? Не нужна, сознаюсь, ни царица русская Екатерина, ни Елизавета, ни все, даже взятые сообща, немки русского производства. Русская история отрыгнется от меня — я понимаю. Но понимает ли русская история? Отвалите!

Представляю сегодня, как я выступал перед Екатеринкой. Уверен — кричал! Убежден — кричал на все сто, то бишь правильно. Однако, не убежден: изнасиловала она меня или нет. Могу утверждать — нет! Для слепорожденных. Но подкинем к аховой ситуации Достоевского с его психоанализом от бутылки и карточного столика. И он, Федя, докажет — «шел бы ты!..»

Ладно, призовем в свидетели Машку.

Даже Петечка не знал, о Степке не говорю,— Машка любила меня: когда приходил к ней за луковицей, всегда давала. А в глазках — блажь: приходи почаще! на Петра посмотришь, шпагу потрогаешь. Ты похож на нашего Иисуса, даже обрезан.

Простите, граждане всемогущего, Спида с его Эйдцем неподвластного Союза;

можно ли от женских чар очароваться — наизнанку? Можно ли по наиву младенческому выйти за пределы судьбы и осознать? Ладно, не буду вам копить мозги, как коптели прихожую Петра Великого. Сообщу с полным осознанием своего поступка: Т А М — и без дураков — появлялся Петр Первый, с ним Меншиков и Катька. (Проверено — на себе!) Добавлю от себя — Катька Т А М появлялась чаще. Женская душа — потемки. Потемкин — не женская душа. Он Т А М не появлялся. Двинули бы ему по роже — и вот вам выставка фингалов. Отмечу, раз уж взялся за перо: Т А М, в т о й комнате, как может быть и на т о м свете, шпаги — без звона и укола, ни хрена не значат шпаги эти, как дуновение детского несдержания ветров...

Т А М, в т о й комнате, свидетельствую как очевидец о первоочередности, сначала появлялась Катька, за ней Петр, и лишь потом Меншиков. Узнавал ли я Их? Замечу серьезно, раньше, когда мне было двенадцать, я не разбирался в этом нашествии позументов, серег и бриллиантов на разных костюмах, украшенных какой-то еврейской звездой (шестиконечной от роду). Затем, пообщавшись с полковником Слонимским и выудив у него, что Степка не зря, а ради научного интереса рассобачил годы свои молодые на Колыме, где разыскал космическую железяку, я доверился истине перочинного ножика, и вновь стал ходить в гости к Степке, понимая — там — Петечка, а за ним, за Петечкой, снова Степка, — и дети. На кровати, помнил всегда, Машка. Если не плачет, то — пьет. Если не пьет — то плачет. И кто виноват? Петечка? Нет, ради Бога! Степка? Да ты с ума сошел! Кто же? Расстрели?.. Милиция?.. Небесная живопись? Или — Космос... Да пошли они!..

Сегодня, с достоверностью слепца могу утверждать: все — пошли. И уже не вернутся. Но — Машкина правда? Но — истина?

Я единственный, к сожалению, кто — доискался. В двенадцать лет был даже смышлен. В двадцать четыре тоже. Не уверен, что сегодня стал умней других, с хайтеком, но каббалисты величают — «умный». И Степка, не каббалист, говорил то же. И Петечка! А Машка? Оставим Машку. Перейдем к Екатерине, и к недееспособным шпагам властителей покоренной немцами за два века до Гитлера России.

Мою Россию начал в Риге Степка. На Машке. Петечка подначивал. И начинал мою Россию невообразимыми мордастями. Тоже — и не случайно — на Машке. Догадываюсь, сегодня меня обвиноватят, локотком укажут: не те ландшафты могучие ты, пацан недорезанный, видел. Согласен я — не то видел! Может, и не видел вовсе?! Однако, «Вовси» — тоже еврейская фамилия. Я не буду говорить о профессоре Вовси, я скажу о пустом человеке по кличке «Авось». Кто был этот Авось, как вы думаете? Авось сказал бы по-другому: «Чем вы думаете, товарищ?» У него была жизненная правда, она же — скоба. Он замыкался сам в себе и никогда — говорил мне ни раз — не проигрывал при этом. Проигрывал лишь при недоступных разуму обстоятельствах, к примеру, когда схватит его за плечо приبلудный милиционер. Авось знал наверняка: от милиционера нет спасения, кроме четвертного. Но четвертного у Авося не было ниикогда — иначе напился бы до отключки! Поэтому, вынужденно катил на колесной дощечке за милиционером и гундосил в его поросшее рыжим мехом ухо: «За кого ты меня принимаешь?» Милиционер — надо отдать ему должное и поставить памятник! — отпускал всегда нашего доброго молодца в самой откровенной близости от участка. И Авось каждый раз испытывал невероятные всплески патриотизма — после спасения. И хотелось ему, под всплески прущего наружу патриотизма, надавать оплеух всем встречным плакатам и ИХ вождям. Но он помнил, и при всей отключке от судебного разбирательства засек одну домотканную мысль — Библией привеченную: не в свои сани не садись. Проще простого сказать, наш милый Авось был Человеком. Человек этот знал: его искусственно превратили в животное, и сказали после (с умыслом) — «живи так!» Авось жить Т А К не привык, хотя признавал, так и жил все время. Однако всегда — с малолетства и после — рвался наружу

из этого похабного «Т А К». И... не вырвался. А почему? С у к и этому помешали. Сначала — война! Потом — опять — смерть! Лагерь! Колыма! Но забыли, паскуды: и в воде мы не утонем, и в огне мы не сгорим. О нас думает Космос. На своем нормальном языке.

Полагаю, не лишне заметить: Авось слыл по паспорту Степкой Коробейниковым. Кликуху — «Авось» он получил после войны, когда торчал инвалидом на коляске — роликовой фанерке — недалеко от Рижского рынка. Ордена и медали инвалида приглянулись приبلудному офицеру с голубым околышем. Он мигнул ординарцу, и... Но тут случилась неразбериха. Тут случилась, совершенно бесподконтрольно, Машка. Шла на базар — с десяткой. Проклинала все на свете — в те времена и в Риге на десятку не очень-то купишь курочку, угорька, бекончик. Шла на базар Машка, а сбoku от дорожки, с орденами и медалями — муженек, и на колясочке-дощечке, будто полный инвалид. Истерзала сердце себе — он ли ОН? Но тут кинулся на муженька ординарец приبلудного офицера, и вскинулось в Машке знамя, которое вынесла, в отличие от собственного ребятенка, и двинула она ординарца по уху, и сказала инвалиду: «Люблю!»

Инвалид чуть было не тронулся умом. Но спасло: признал в Машке Машку. И ты здесь, мать? Машка откликнулась: «Я с тобой всегда!» Понимающая публика намяла бока ординарцу, у офицера сорвала порочащие его свинское рыло золотые погоны, и раскатала его, офицера, по булыжной мостовой: по сей день латунные звездочки вкраплены в рижский камень. Машка совершила героический поступок. И не в первый раз! Знала бы, что уже издан Сталинский указ: всех инвалидов войны направить в санатории, а там на тот свет, чтобы не портили общий вид строительства коммунизма. В санатории — до излечения смертью. Знала бы тогда, думаю, притащила бы в свою клетушку всю исковерканную войной сотню рижских калек, исчезнувших в одночасье с наших детских горизонтов,— вместе со своими медалями. Но Машка не знала об указе Сталина. Она признала в «колесном» путешественнике Степку. А Степка признал в ней свою жену. И покатился, бренча иконостасом, за ней на улицу Шкюню. В подворотне Машка пожелала взять Степку на руки, чтобы вознести в квартиру, где дремал в это неподсудное время Петечка. Но Степка встал с колен, и — удивительно — на ноги. «Дура!» — сказал с апломбом.— «Не понимаешь, да? Нет у меня специальности! Я не научился жить, как э т и. Я все понимаю про Космос и Красную армию».

Степка взял под мышку колесную подставку для безногих инвалидов. Небрежно сплюнул на тротуар. И гордо сказал Машке: «Веди!».

— Но т а м Петечка.

— Я ему рога обломаю!

— Он тоже нездоровый,— вздохнула Машка, и слезы поползли по ступенькам.

Степка осознал: сказано лишнее. Какие к черту рога?! Выжить бы!

— Машка,— произнес твердо, потом запершило в горле. — Я тебя люблю! Я с тобой... Ты же мне снилась, мать твою, в лагере! Я с тобой наступал, отступал!.. И я? Я?! И контужен с тобой! И! Что ты, тварь небесная, понимаешь?

Машка в этот момент понимала мало. Понимала: сейчас заведет Степку в музейный Храм, а там — Петечка. Спросонья Петечка скажет Степке пару ласковых слов, и до амбуланса не докличешься, придется везти их обоих на колесной Степкиной вертихвостке.

Эх ты, Машка, не дообразовалась! Не подгадала помыслами к праздничку. Ни Степку, ни Петечку не повезла на коляске. Бутылки возила на ней — целый месяц, из ближайшего магазинишка. Петечка — и спросонья признал в Степке друга своего — командарма, повелевшего жениться на Машке, при обнаружении оной в Москве. Петечка выполнил приказ после отбытия на излечение из штрафбата. В подмосковном

госпитале встретил Машеньку, санитарку, доложил ей, с уверенностью: командармом приказано жениться на тебе сразу по выздоровлении всех органов и членов. И — невероятное дело — слово не нарушил. Женился и приписался в госпиталь на вечную побывку. Прежде был он старшиной медицинской службы, им и остался до конца войны. До войны Машка была офицером, при отступлении — замполитом командарма, в госпитале — стала санитаркой, и считала — счастье привалило. Зачем погоны, зачем ордена, когда надо кушать? В госпитале еды хватало. Не будем ханжами: паек расписывали на живых и мертвых. Мертвым хавать нечем. Живые заменяли мертвых на боевом посту. И хавали во весь рот, во все зубарики. Петечка, старшина, ни разу не ошибся с учетом. Ни одна комиссия не подловила Петечку на дисбалансе. «Идет война,— вразумлял Петечка шибкую для дознания комиссию.— И мертвые, доложу вам, сраму не имут!» Комиссия осознала, что в госпитале шашлыками не пахнет. Выпивала по мензурке спирта, закусывала окровавленным бинтом и утекала с личными донесениями под гусеницы вражеских танков. Петечка отнюдь не злодействовал в госпитале, как может показаться какому-нибудь тыловому пентюху. В госпитале, действительно, ничего съестного не было, кроме баб — медперсонала. Но бабы эти не годились ни плову, ни рагу по-татарски. Без этих баб все остальное население госпиталя ушло бы просто на тот свет. Поэтому не будем о госпитальных деликатесах. Что ели раненые, знает только Петечка. Но они ели, и более того, их потом выписывали на фронт. Поэтому Петечка, когда не под мухой, говорит: «Чтобы вы знали, чем я кормил их! Их я кормил своей кровью. А кровь живая — не водица, с калориями. Да».

Под мухой или не под мухой Петечка, он всегда честен. «Я и врагам своим не пожелаю кушать то, что кушали они. Но они — воевали! И чем больше кушали то, что и врагам не годится, тем злее воевали. Да убейте меня! Я-то в чем виноват?»

Петечка и впрямь виноват ни в чем не был. Товарищ Сталин тоже. Потому Петечка, увидев спросонья Степку, вмиг вышел из состояния равнобедренного треугольника, в котором каждый угол, по Петечке, равен сорока — под закуску — граду-сам. «Командарм! — вскрикнул Петечка — По стопарям! На третьего пригласим Петра Великого. Меншиков, невеликий гад, сам припрется, а с ним Катька. Не тушуйся! Выдюжим! Машка, в магазин! И в воде мы не утонем, и в огне мы не сгорим! Пропадай все пропадом! А дружба! Ох, Петр, сгинь с меня! На хер мне твоя Катерина, германского корню-приплоду. Я противу их немецких Катюх кровь проливал. И Степка, не соврну, тоже. А вы? Шли бы вы!..»

...Все «начала начал» равнозначны по сути излюбленному мудрецами откровению: «в конце концов». Как жизнь ни крути, как ни изгаляйся, выведет сквозь соблазны, тщету и безумные порывы — на «круги своя». Каждый круг, как на спиленном дереве,— отражение прожитого.

Машке взглянуть бы в круги своей жизни, разобраться — за кого замуж пошла. Но попробуй взглядишь, когда крутит тебя по жизни, то справа налево, то слева направо, то вовсе по-цирково — через голову? Например, была она замужем за Петечкой. Все чин чинарем, «по закону», — первый-то муж, знала, погиб смертью храбрых. Выяснилось, не погиб. И вот сваливается на нее увесистый указ Сталина: «Бабы, возвращайтесь к своим довоенным мужьям, иначе не помилую! Мужики, хватит вам баловаться со своими ППЖ — походно-полевыми женами, идите до хаты родной, блюдите мораль мою, Сталинскую».

Ну, не дилемма?

Машкин муж довоенный — Степка, недоучившийся курсант, командарм-окруженец и зека. Второй Машкин муж — Петечка, по Степкиному предсмертному приказу произведенный в оное звание, — старшина-хлеборез, кормилец и отец ее двух ненаглядных детишек — девочки и мальчика.

У Машки не было выхода. Податься к Степке, в соответствии с указом товарища Сталина, значит нарушить личный приказ командарма Степки, а он гласит — к Петечке. Податься к Петечке, обойдя указ товарища Сталина, значит обмануть ожидания правительства на безукоснительное исполнение предписаний и правил, примичуренных к матерому стволу гражданского долга.

Посочувствуем Машке. Ни в чем не виновата. Жила под приказом. В результате обнаружила себя женой двух мужиков, оба калеки ненормальные и пьяницы. А квартира — всего в одну — на расплюй — комнатушку, и хны в магазине нет! и ваты! И пеленок, хоть грудью на пулемет, не достать. И простынок. Детишки рождаются, будто прослышали где-то в своем небытии о требовании партии увеличить народонаселение и запретить аборт... Детишкам-то что? Пухленькие, розовенькие. Дай им сисью и замолкнут, сопя. Но как справиться со Степкой и Петечкой? Один обалдуй к другому ревнует. Нажрутся в двугрудь и под икоту давай на пальцах считать. Этот — мой. И этот — мой. А этот поганец — твойного корня.

Наши они, общие — порывалась Машка к справедливости. А справедливость эта у мужиков на кулаках. Однажды ее осенило.

— От Петра Первого я зачала, царского сыночка вынесла.

Повернула ревность в другую сторону и сама рада не была. Почему? Да потому, что объявился третий ревнивец, вельможный стервец Меншиков, интриган и распутник. Трудно было переварить Меншикову, что Петр и на этот раз бабу у него украл. Стал накручивать Катьку, привил и ей гнусные мыслишки. Она и влепила Петру пощечину на глазах у всех — Степки и Петечки, Меншикова и Машки. Хорошо, что дети ничего не видели. Спали на полу, вдали от початых бутылок и ругани. Понятно, что оскорбление царского достоинства могло окончиться для свидетелей полной катастрофой. Но, как сказано выше, шпаги в том четвертом измерении, где пребывали обитатели музейной квартиры, теряли свою разящую силу. Там действовало только слово и сопутствующие ему эмоции. Петр, который царь, попробывал было унять растущую ревность мужиков вполне доходчивой фразой.

— Я ведь потусторонний.

Петр намекнул, что его деторождающая машинка не действует уже, почитай, триста лет. И конфузливо развел руками.

Петечку, естественно, намек не удовлетворил.

— И у меня машинка бездействует, а она, — указал на Машку, — все равно рожает.

Степка тоже сознался — для обличения Петра — в недееспособности.

И тогда все разом посмотрели на Меншикова. А он-то причем?

Машка сама сказала: понесла от Петра. Запутались все. Откупорили бутылку «Перцовки», трахнув ее донышком о каблук. И потребовали настоящего следствия. Степка ни за что, ни про что отсидел срок в лагере. О судопроизводстве знал по опыту следующее: нужна тройка. Он да Петечка — это всего два. Кого пригласить на третьего? Если бы выпить, тогда ясно, проблем нет. А если судить законным судом? Пригласить Петра Первого? Но у него рыло в пуху: сам себя зачнет выгораживать. Меншикова? И он на подозрении. Катьку? она тоже, при жизни спала с двумя мужиками, с Петром и с Меншиковым. Могла бы пособить в дознании. Но и она, ревнивица, не соблюдает чистоту совести: ей бы Машку закопать, а там и трава не расти. Тройка никак не набиралась. И тут Степка вспомнил о друге своем — милиционере Язепе Мартыновиче, который водил его в участок, и всегда отпускал у ворот в это заведение. Милиционер жил в соседнем доме и время от времени получал от Степки, прежнего клиента по кличке Авось, премиальные за добросердечие — в виде приглашения быть за полцены третьим в складчине на поллитра. Милиционера кликнули, выделили ему местечко у стола и приступили к дознанию.

— С ним спала? — начал милиционер Язеп Мартынович, тыкая обличительным пальцем в Петечку, в самое его брюхо. Машка кусала губу. Стыдно было ей разоблачаться перед чужим мудаком с погонами. Однако не разоблачишься — то разоблачат, и еще хуже выйдет с непривычки.

— Язеп Мартынович, родненький,— залилась вдруг слезами.— Да как с ним не спать, с душегубом! Мой же он, законный муж. Пропади он пропадом!

Язеп Мартынович тоже смутился такого непредвиденного дознания. Хлопнул он стакашко, дернул кадыком. Повернул голову к Петечке:

— Так чем ты недоволен? Спала с тобой.

— А со Степкой — что — не спала?

Язеп Мартынович посопел для приличия. Строго осмотрел Машку — сверху донизу.

— И со Степкой спала? Да, мать?

— Он же пристаёт! — взорвалась Машка. — И закон на его стороне. Я же за него замуж пошла по любви, не по приказу.

Язеп Мартынович почесал за ухом.

— Выходит, ты никому не изменяешь?

Петечка вспыхнул:

— Мне!

Степка озверел:

— И мне тоже! Спроси у нее, дети-то чьи?

— Чьи дети? — спросил Язеп Мартынович.

— Мои,— ответила Машка.

— А родитель их кто?

— Первых двоих родитель Петечка.

— У тебя же пять, чтоб их не сглазить.

— Последнюю тройку мы прижили сообща.

— Вот видишь,— встрял Петечка,— скрывает родителя.

Степка разлил на троих.

— С ней завсегда так. Никогда путного слова не вырвешь.

Язеп Мартынович выпил с ними.

— А у вас какие соображения? Вы ведь, как разумею, завсегда на троих горазды.

Петечка был силен на «соображения».

— Допуск, мыслим, таков. У моих — мои глаза. У его пацанов — его глаза. А с пятым не разберемся. Один глаз голубой, другой карий. Поди разберись — чей он? Латыш, что ли? Может, твой, а ты запоматывал, а?

Язеп Мартынович посмотрел им в глаза, чтобы удостовериться — где перед ним глаза голубые, где — карие. И убедился: все-то они попутали. Не голубые у них глаза и не карие. Красные у них глаза. И светятся, как их носы,— ржавеющим пламенем. Икнул со страха. Хвать бутылку со стола, и из горлышка. Мужья-побратимы психа душевного не сдержали, накинулись на милиционера и давай его тузить за святотатство.

— Дознанщик! Обманщик! Нашего не отымешь! Наш он, родненький! Чтоб тебе белую горячку! А на закусь цирроз печени с зеленым горошком!

Язеп Мартынович повязал их обоих — за оскорбление мундира. И поволок в каталажку. В участке всем троим, пьяным в непродук, дали по пятнадцати суток. Когда же они вышли на волю, вдруг на их голову гром с ясного неба: Машка опять беременна. Получается, в их отсутствие нарушила супружескую верность. С кем, спрашивается? Петечка и Степка решили единогласно — с Петром Первым, больше не с кем, никто другой в их комнату по ночам не навевается, разве что Меншиков да Катька. Но Катька отпадает по причине отсутствия детородного органа. А Менши-

ков? Тут Степку с Петечкой закуражило: Меншиков не отпадает. У него как раз наличествует тот самый, подозрительный во всех отношениях орган.

Машенька, прежде чем сообщить своим мужикам пренеприятное известие, приветила их после отсидки со всем возможным уважением. Полы в комнате вымыла. Простыни выстирала и погладила. Двухспальную кровать украсила вышитым ковриком с изображением сохатых на лунной полянке, у ручейка, отливающего цветом вермута. На стол выставила непечатую бутылку самогона, купленного из-под прилавка на рижском рынке. А между двух стаканчиков положила книгу: «Все о матери и ребенке». И лишь затем выложила новость. Беременна я, ребята. Ребята не поняли намека в виде книги «Все о матери и ребенке», завелись ревностью — интересно все же узнать, от кого? От Петра Великого? Или от собутыльника его частного Меншикова?

— Мы пятнадцать суток в отсутствие, а она...

— Она создает здесь присутствие. И беременеет лишний раз.

— Мальчики,— стала Машка на пальцах излагать содержание умной книги. Но напрасно она втолковывала в головы ревнивцев все научные данные о сперматозавриках, о строении матки, о регулярных месячных. Наконец, не выдержала: менструация только раз в месяц! Кто из вас помнит: была у меня в прошлом месяце менструация? То-то и оно! Не было. Я подумала было: ошибка природы. Но природа не ошибается. Не за пятнадцать этих последних дней я забеременела, а много раньше. Вас тогда только за получкой и можно было выгнать из дома. Помните?

Они не помнили решительно ничего. И снова кликнули Язепа Мартыновича на третьего. Всучили ему подозрительную книгу: читай! так ли там все написано, что Машка сочиняет.

Язеп Мартынович тоже был не силен в русской грамматике. По национальности он числился латышом, по вероисповеданию — интернационалистом, русский язык уважал, но только разговорный. Книгу прочесть не сумел. Однако, показать себя безграмотным постеснялся: мундир, честь, застарелый ревматизм, старшинские молотки. Словом, под видом «чтения» умной книги приступил к импровизированной лекции. Надо отдать должное, убедил таки Степку и Петечку, что детей приносит аист, когда не в будуне. И вообще, детей рождает мамка, если за девять месяцев до того забеременела при помощи детородного органа.

Стоило Язепу Мартыновичу напомнить о детородном органе, как Степка — на Петечку, Петечка на Степку, и набив друг другу морду, стали они нехорошим словом поминать Петра Первого и его казнокрада Меншикова. Те и явились.

— Вот они, голубчики! Чести нашей потрава!

Степка пальцем в Петра, Петечка — в Меншикова.

Язеп Мартынович не различил в комнатухе ни Петра, ни Меншикова, ни лыбящейся за ними Катьки. И слинял потихоньку от музейных реликвий, допив на ходу последний стаканчик. В участке ему пояснили: попадешь еще раз в такую историю, молотки с плечей отнимем, и будешь до старости лет рядовым выпивохой, годным лишь в утиль.

Язеп Мартынович, как сказано, слинял от неприятностей. При них остались Степка, Петечка, Машка, да призванные с того света Петр Первый, Меншиков и Катька. Время на дворе стояло вполне историческое, определяющее не закусь, а самый всамделишный ужин. За дверью, в прихожей Петра, то бишь зале, кряхтели от натуги примусы и керогазки, выдавливая из кастрюль благовонные запахи. Видимо, запахи эти и заманили по крутой лестнице на верхотуру западных туристов. Но за минуту до них приперся какой-то усатенький в штатском, и ну кричать:

— Туши вашу кухню! Прячь копилки! Окна открывай!

Машка всплеснула руками — ой! и бегом от судилища: по опыту знала — расторопные соседки утащат ее варево, Степке и Петечке кушать будет нечего.

Степка пошмыгал носом, пряча глаза от Петра Первого.

— Всегда так. Без предупреждения. Ведут их, как на распыл...

Петечка потупился, и ему было неудобно.

— Хоть бы раз заранее оповестили. — Нет, не в их правилах оповещать заранее. Голубые петлицы.

Петр дал знак Меншикову: пора улепетывать.

— Нет, — показал ему кулак Петечка. — Пришли, так будьте очевидцами! Ради вас эти гады прут, а нам кушанье выплескивать — да!?

Машенька, счастливая, вся в довольной улыбке, впорхнула в комнату. Борщ не расплескала, и керосинку уберегла в объятиях от чужих загребуших рук. Потом ведь не дознаешься, чья была керосинка. Все они на один лад.

— Немцы, — доложила Машенька старшему по званию Степке. Тот потянулся к сучковатой палке, Петечка к подкове, которую берег под рубахой для счастья на случай непредвиденной драки. Оба ощутили себя — на передовой, в подмосковном лесу, когда в рядах инвалидной команды перепили врагов, а затем поломали их насмерть. Хватили по полному стакану и завели дуэтом:

— Их либер вас, и все бывшее...

Дверь в их комнату приоткрылась с любопытством. В щель просунулась пивная, с глянцевым румянцем, физиономия.

— Майн гот! — воскликнула физиономия. — Степка! Командарм! Их бин!.. Шнапс! — физиономия оплыла слезами, заколыхалась в воздухе, и вдруг пропела: — И в отделе мы не тонем, и во гнили не сгореть!

Степка признал в физиономии Ганса, которому лично камнем проломал голову тогда, в сорок первом, в разгар междуусобного поддатия.

— Ганс! Ты ли?

— Жив курилкин! — сказал Ганс и с трудом втиснул свое безразмерное тело в клетушку, животом прижав, сам того не заметив, Петра, Меншикова и Катю к противоположной стенке.

— И как твое поживает? — Степка уже наливал Гансу «штрафную».

— Как в песне вашей — «Их либер вас, и все бывшее...»

Из разговора быстро опьяневших людей выяснилось, что Степка совершил благородный поступок, трахнув Ганса по голове камнем. Ганс попал в плен. Там его отремонтировали, частично обучили русскому языку и политграмоте, и он стал вещать в репродуктор, по ту сторону фронта, о великих деяниях товарища Сталина: каждому по потребности, одному квартира, другому пиджак, первому секретарю — персональная автомашина, рабочему — бесплатный выпрезвитель, крестьянке — запрет на аборт, свинке-подружке — великий опорос.

Теперь Ганс сам себе голова. У него персональная машина и персональная дача. Но такого успеха, как Степка, он не достиг, к сожалению. Гид сообщил! Степке за ратные подвиги выделили музейные хоромы самого Петра Первого. О таком почитании прав инвалида войны в Германии еще и не мечтают.

Потом Степка был признателен Петечке за то, что тот удержал его руку на взлете. Удар бутылкой по маковке, по их общему мнению, мог иметь роковые последствия не только для Ганса. Пришлось, скрепя сердце, разлить. «Опять пьет нашу кровушку на дармовщину!» — проклянулось в Степкино ухо. Но Машка — умница — притушила Петечкино бормотание: «А борщеца отведают?»

Петр Великий — в этом Степка мог поклясться — бледнел от унижения русского оружия — бутылки. Но что он мог поделать, вжатый в стену брюхом немца, когда шпага — всего лишь потусторонняя игрушка.

Немецкий гость имел достойное хлебало, равное, может быть, русскому хлебо-солству. В пять минут он обожрал бы своих кормильцев на месяц вперед, но спасло явление гида. Гид выволок Ганса из круга дружеской попойки, намекнул о стынушем в гостинице обеде. Немец привык подчиняться распорядку и неохотно поднялся с табуретки. На прощанье сказал — «Их либер вас...» И удалился, высвободив у столика место для Петра Первого, Меншикова и Катьки.

— Вздрогнем.

Степка вылил в себя стакан самогонки, а за окно — борщ из предложенной Гансу миски.

Петр Первый пожаловал Степке звезду со своего камзола, но она тотчас растворилась на пропахшей едким синильным потом рубахе кавалера небесного ордена.

— И тут не везет,— вздохнул человек. Чокнулся с Петечкой.— Споем, что ли?

И спели: позабыт, позаброшен с молодых, юных лет....

— Эх вы!..— грустно откликнулась на их песню Машка.— Я беременна, а вы поете.

— Родишь, мать.

— Рожу. Конечно, рожу. Куда мне деваться? А он?..

— И он не пропадет. В тесноте, но не в обиде,— заметил Петечка по-народному.

Степка усмехнулся чему-то тайному, что давно стало явным.

— Софья Власьевна и его пристроит, если не расстреляет.

И вновь в голос, дразня силой не загигающего духа соседей: и в воде мы не тонем, и в огне мы не сгорим! Петру Первому стало совестно. Он подмигнул Меншикову и давай полегонечку растворяться в воздухе. Степка едва успел прихватить его за рукав камзола.

— Не спеши, любя. Все т а м будем. Мы еще т у т дознание не произвели.

— Сознавайся,— подгадал к его мысли Петечка,— ты забрюхатил Машку?

— Да что вы? Окститесь!

Так какого хрена ты к нам прешься тогда, чумазый?

— Это секрет, так сказать, личного свойства.

— Не разгласим! Будь спок. Научены расписываться о неразглашении.

После этих слов, вырванных душевным взрывом из сердца Степки, напрашивается передышка, как в боксе,— минута на размышление. Между раундами легко мыслить неразбитой частью мозга и создавать удобные для продолжения боя концепции. Степка кинул руку к бутылке, разлил по совести. А после не провозгласил привычное — «вздрогнем!» После разлития закурил папиросу, из дешевых, по имени «Север».

Степка был там, на севере. Цену названия папирос знает. Потому не курил ни «Казбек», ни «Герцеговину Флор».

Петечка пытливно всматривался в курящего Степку. По старой привычке полагал: командарм выдюжит, пусть сблюет пару раз, но из окружения выведет; а в штрафбат попадет, и там врагам не дастся; его, Петечку, грудью своей прикроет. Так и было дело, если разобраться. Степка прикрыл Петечку грудью своей, когда стали рваться шрапнели. Поэтому Петечке угодило только в неприкрытый Степкой зад. Степку, на беду, контузило. Бывало, вспоминали они по пьянке о тех героических временах. Петечка дурака валял «Степка, а почему ты жопу мне не укрыл своим бронебойным телом?» Степка смеялся: «Своей жопы жалко было». Петечка гундосил не для оскорбления, для шутки: «Вот и получил по башке контузию». Степка шлепал ладонью себя по голове и опять смеялся: «Моя контузия — чепуха, лагерем излечимая. А налег бы на тебя, а?» Тут уж Петечка не выдерживал приступов веселья: «Педарастом тебя, стало быть, назвали бы, да?» И оба хохотали до придури, которая прихватывала их часто, потворствуя тяжелым увечьям-ранениям.

У Петра Первого, у Меншикова — как ни гляди — ранений не видно. Морды откормленные, усики, парики причесанные, завитые. Кем был Петр на войне, если подумать трезво? Таким же простым командармом, как он, Степка. И ничего — в лагерь его не толкали, фугасом по чайнику не шарахали. То-то отрастил физию, перекачал чугунное литье пушек на свой мордоворот. И пристаёт с «секретами», будто мы разгласим. А мы — ни на нюх табака!

Мы и психиатру хрен чего доложили. А пытал, сволота! Приставал с распросами! «Давно ли знаком с Петром Первым?» Надо быть дураком, чтобы запечатать себя в ящик, под расклой такого идиотского вопроса. «С Петром Первым знаком с детства. По учебникам. Потом по известному всем лагерным придуркам кинофильму»

Следующий вопрос, тоже идиотский:

«В жизни Петр Первый выглядит так же, как в кино или в ... учебниках!»

«Иди на!.. и без привета родителям! В жизни все выглядит иначе, не так как в кино и в учебниках!»

«Вы хорошо знаете жизнь?»

«Насмотрелся!»

«Петр Первый — как по-вашему — знал жизнь?»

«Не покупай, шкура! Даже по учебникам видно: Петр знал жизнь только на эшафотах!»

«Простите, но т а м — смерть»

«Вот он и знал смерть под видом жизни. Много пил и не скурвился!»

«А вы?»

«Что? Я?»

«Много пьете?»

«Я не скурвился, пойми, душа-человек. Или — ... в щепки!»

«Я ведь не дерево... Как вы можете говорить обо мне «в щепки?»»

«У, дуб! Шел бы ты по адресу, на!.....»

«Повторяю, я не дерево. У дерева ног нет. Куда ходить дереву без ног?»

«В космическое пространство. В Неизмерь-Тараканище! В подлунный мир, где пасутся сохатые, Машки моей производства!»

«А вы бывали в космосе?»

«Я бывал на фронте, потом в лагере. Потом опять на фронте. Я кровь проливал за подлунный мир. И что — наружу? Там пасутся сохатые, Машки моей производства».

«Вы вменяемый?»

«Фраер, ты требуешь юмор, их бин компот с вишнями. Я вменяемый — со всеми вытекающими... наружу. Ха! И про Космос знаю, и про Красную Армию!»

«Поделитесь, гражданин Коробейников, знаниями».

«С тобой, земля?»

«Со мной».

«Про Красную Армию — знаю. «Красная Армия всех сильнее» — по песне».

«А в действительности?»

«Я контужен. Это — действительность!»

«Согласен, у вас, как помню из истории вашей болезни, тяжелая контузия. Более того — повышенная возбудимость и нервные рефлексы...»

«У меня — повышенная возбудимость на водку. А если без водки — просто на градусы. Но нервную систему не трожь! Она нормальная! Иначе — расколочу! И уже не о щепках пойдет разговор. А о русском лесе!.. Рубят?.. Щепки — и летят!.. Я в Сибири, на повале...»

«Говорили другое — Колыма! А там, считай, деревья не рождаются, даже по праздникам».

«Дрянь-человек! Я в Сибири родился. До Колымы этой ссученой! Колыма... двенадцать месяцев зима, остальное — лето. Что там есть, кроме Космоса?

«Вот про Космос мне и расскажите. Про Красную Армию знаю и без вашего — «всех сильней», как в песне».

«Про Космос хочешь знать, щучья морда? А что ты знаешь о нем?»

«Ничего, поэтому и задаю тривиальный вопрос».

«Я на Колыме отыскал Космос! Копал-копал золотишко — штык супротив задницы. Золотишко не откопал. Откопал динозавра. А на хребте у него — железо. Пластина, понял? Тогда! Дошло? В те времена железо еще не добывали на Урале. Вник, пустозвон? Вникни и повяжи себя мыслью. В те времена, в динозаврины, железо еще не родилось даже на нашем Урале, а ведь железо было нержавеющей! Свежее, как масло! Химическое. И на нем — письма!»

«Библейские?»

«Да ты антисемит!»

«Я врач-психиатр!»

«По тебе видно!»

«А по письмам?»

«Что — по письмам? По ним ничего не видно. Половина из нас в лагере и на русском языке не петрила... А ты хочешь — чтобы по-иностранным? Да еще по-древнееврейски?»

«Там и на иврите было?»

«Было. Древнееврейские наши мужики подступались к железяке, но тут указ вышел: после прочтения — смерть. Очень уж секретная была штукавина. Деша, то бишь, космическая».

«И ты с умной своей головой?!!»

«Я — с умной своей головой — прочитал! И доложу тебе, товарищ ученый от науки Психиатрии, преуспел в расшифровке. Т а м, на железяке этой было написано, имей в виду, и по-алкогольному. Хрена прочтаете Э Т О когда-нибудь. Не допили, обормоты, крови нашей народной. А там послание в 2000-й год, и дальше. Но не Сталину. А кому — не скажу. Он еще маленький. И живет в нашем доме. Наверде местной достопримечательности».

Невероятно, но Степка перехитрил психиатра, выставив меня, неподсудного по возрасту и вполне лояльного власти по той же причине, адресатом уфологического послания из далеких миров. Проще подумать, психиатр был сам болен на голову. Но в Степкином — т о м — положении подумать т а к было «не проще». Степка, если говорить с полной откровенностью, специально притворялся алкоголиком: с пьяницы, помнил, со времен Петра Первого, все спишут, кроме записки. Степка притворялся алкоголиком затем, чтобы сохранить тайну Космоса, железную телеграмму, отправленную братьями по разуму с какой-то Звезды (небесной, не с кителя) — во времена допотопные. Степка добыл динозавра и по приказу полковника Слонимского оторвал железяку от хребта панцирного. И, конечно, не был и т о г д а дураком. Космическую депешу припрятал в робе, а вместо нее вручил высокому лагерному начальству кусок отрихтованной обечайки от пожарной бочки, где изредка топили ссучившихся вождей маленького их колымского лагеря. Обечайка, понятно и химикам, проржавела и выдала на поверхность буквы. По буквам этим, если их сложить по-резвому и расшифровать, видно: полковник Слонимский и впрямь заслужил орден, а потом нагоняй. Матерные пропечатались буквы на обечайке.

...Время Надежд обусловлено призывами к Бдительности. Время Надежд согласуется со Временем Утраченных Иллюзий. Представьте себе: Бдительность женится на Иллюзии. И родит детишек. Они иллюзорно бдительны. Или бдительны до иллюзий. Глазки у них красные, но в зеркале смотрятся по-иному: голубыми или карими, в

зависимости от того, в какой бинокль — полевой или театральный — изучать зеркало. А зеркало изучать не надо. Зеркало изучает нас. Зеркало — лучший психолог в мире. Ждете от меня голубых глазок — пожалуйста. Ждете карих — получите с избытком. Но не ждите от меня красных ваших глаз: будете обвинять в искажении действительности и расколоте бутылкой! Своя жизнь — дороже. А прожито... Сколько морд привечено моим стеклом. Сколько гнусных рож подгримировано им. Разве ищут рожи в зеркале морду раскаблученную? Ищут лицо, полное простора душевного, голубую или карюю отдушину небесного дыхания, ибо впечатано: глаза — зеркала души. На самом деле, трудно сыскать зеркала более лживые. Толстой, надо полагать, был прав для своего века. Век двадцатый — этого Толстой не предугадал — бил прежде всего по глазам. Покажи, какие у тебя глаза, и я скажу, кто друг твой! Защищая друга, научились «показывать» глаза — в нужном для исторического момента освещении. Нужны вам глаза карие — «их есть у меня». Нужны голубые — взгляните, и отыщете. Однако — почти у всех глаза красные, цвета пролитой «за глаза» крови. Подумайте, даже ваши натруженные вены изображают себя в голубом одеянии: не дай бог, подумаете — кровь-то в них красная. Каково же, прикиньте, зеркалу? Даже вены, и те приспособились! А зеркалу — сам Дьявол велел. Зеркало — слишком тонкое — не стеклом, а сущностью. Вены взрезать себе не каждый горазд. А зеркало расколоть — каждый, покажись ему только в истинном свете! Однако, нервные эти, влюбленные в свое искаженное изображение — правильное — нервные эти вряд ли сознают, что зеркало, как фотопленка, таит в себе истинное их изображение. Когда Бдительность из Времени Надежд состарится вместе с женой своей Илюзией, эта супружеская пара внезапно увидит себя, как на экране, в старом, всю жизнь сопутствующем им зеркале. И подавятся они своей юношески-девичьей красотой. Внукам бы их не подглядывать в это Разящее Памятники Время.

Время... По сей день не видно на небосклоне Эйнштейна, способного разгадать законы его движения. Физикам не дано. А писателям — спишется. Для писателей время — это всего лишь пространство: от детства к старости, от старости к детству, от Нерона — к Сталину, от Сталина — к Марксу. Писатель властен над временем, хотя и не властен над собственной плотью, честолубием и денежными сбережениями. Повернем время вспять. В ту минуту, вырванную душевным взрывом из сердца Степки, в ту минуту, когда напрашивается передышка, как в боксе, на размышление. Минута эта истекла. И вновь клетушка музейная: Петр Первый, Меншиков, Катька, а у стола Степка, Петечка и Машка. Чья возьмет?

— Сознавайся! — тянет Петечка на Петра Первого. — Ты забрюхатил Машку?

— Да что вы, окститесь! — защищается Петр.

— Так какого ты к нам прешься, тогда, чумазый? — бунтует по вполне понятной причине Степка.

— Это секрет, так сказать, личного свойства.

— Не разгласим!

Теперь, спустя столько лет, когда — за давностью, разрешено публиковать архивы немецкой и английской разведок, когда и русская разведка склоняется к мысли — публиковать за валюту, теперь, казалось бы, можно разгласить секрет Петра Первого, выданный тогда в перенаселенной комнатухе Степке. Время — настало. Но Степкина клятва — тверже космического железа, подаренного мне в обмен на два поллитра и дюжину пива. Сказал «не разгласим!» — и не разгласил — никому! никогда!!! Даже мне не разгласил, когда я приезжал а Ригу туристом, с полным саквояжем «Смирновки». «Смирновку» он пил как лекарство — «чистая, словно спирт!»

Но тайну свою оберегал до последнего штофа. Потом вдруг расплакался и, отирая слезы, признался: да ничего я и не помню! Ни-че-го-шень-ки!!! Помню — Петр

Первый. Помню — пристал я к нему: раскалывайся! Помню — он сказал свой секрет. А что сказал, хоть убей — не помню. Контуженый я. Выпьем? А, Финечка?

Мы выпили из рюмок. Новые времена сменили стакашки на рюмки. Закусили шпротами израильского производства. Снова выпили. Снова закусили.

— А железку ты сохранил? — спросил Степка.

— Конечно.

— Космическая?

— Ясное дело.

— И на ней написано?

— Ты же, Степка, читал....

— Но там не русскими письменами.

— Расшифровывают. В научном институте. По дальней космической связи.

— И что?

— Степка, у тебя был посредник для расшифровки, так я думаю, Петр Первый. Нам бы его сейчас на третьего.

— Не является. Обиделся, должно быть. Я из него секрет вынул. А потом запаматовал. Во — дура! А хрен с ним, с этим секретом! Прорвемся! Железка-то настоящая?

— Да. Наши химики, израильские специалисты, определили, что чистое химическое железо, а ему издержку нет — хоть в миллион лет.

— Значит, прочитают...

И мы снова выпили. Вскрыли банку с тевериадскими сардинами.

— Эти, что ль, с того озера, моря по-вашему? — поинтересовался Петечка.— Ну, с того, где Иисус ходил во воде пешком?

— С него.

Машка ввела в комнату шестерых своих, пятеро — бравые молодцы, шестая, на самом деле, первая — девица, уже, правда, с ребеночком.

— Узнаешь?

Как их узнать? Когда они рождались, я был еще маленьким.

Степка мне подмигнул: «Не узнаешь. Я теперь их сам не узнаю. Одни за меня, другие за Петечку. Я за русский интернационализм. А Петечка за латышский фронт. Вот и деремся теперь. Кто за кого — непонятно. То ли я за своих детей, то ли противу их — не знаю. Мы ведь так и не разобрались, чьи они дети. А они — только теперь доходит, сами по себе. Не мои. Не Петечкины. Да и не Машкины, ну ее! Катькиного блуда они дети. А Катька кто? Немка, латышского приплода. Доходит? То-то! Умирать нам рановато, есть у нас еще дома дела».

Сергей Гора

(г. Линкольн, Калифорния, США)

МАЙСКИЙ ВЕЧЕР

(...ни о чем)

Листвой шала,
зашелестел про вечер
бриз.
И предзакатный
океан
зарозовел.
Открылись тайны
хрусталия
в свеченьи брызг.
А в огоньках
на яхтах —
тайны каравелл.
Давай, с тобой
порассуждаем
«ни о чем»,
Ведь темы все
уже давно
обсуждены.
Луну над маем
окрестим
простым мячом,
Гонимым небом
в сетку
звездной стороны.
...Спустился вечер
невидимкой,
как всегда.
И по привычке лег
на нимбы
фонарей.
У пирса в дымке
хитро
спряталась вода,

Чтоб исключить
 любой намек
 на сны морей.

Давай, со мною
 «ни о чем»
 заговори,—

Верну всех слов
 полутона
 в вечерний спектр.

...Ведь даже
 самый строгий,
 в черном, рефери

Луну не ставит
 на «одинадцатый
 метр».

В суть устремленный
 разговор —
 для скучных зим.

Не майский берег —
 казуистика
 речей.

Пусть
 все влюбленные
 сочтут мой вздор
 своим,

Я твердо верю:
 он, во-истину,
 ничей!

Эх, майский вечер —
 тем седая
 борода.

Не освежить ее
 словесному
 ручью.

Давай, с тобой
 поговорим
 про «никогда»

И в результате
 согласимся
 на ничью...

...Лучился
 млечный огонек,—
 «не жег напалм»,

Ведь вопреки
 пустой лирической
 молве,

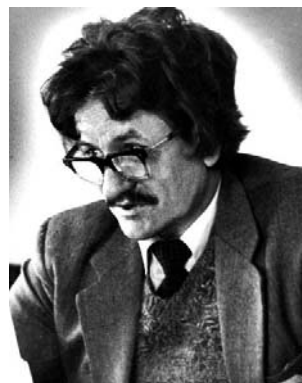
ଉତ୍ତର

СОВРЕМЕННЫЕ ПИСАТЕЛИ СИБИРИ

(Раздел ведет Тамара Булевич)

Сергей Прохоров

(Нижний Ингаш, Красноярский край)

ИЗ ФЛОТСКОЙ ТЕТРАДИ

Сергей Прохоров — член Международной Федерации русскоязычных писателей, автор 8 книг стихов и прозы, основатель и редактор сибирского литературно-художественного и публицистического журнала «Истоки»

В СЕДОЙ ДАЛИ МАТЕРИКА

Ах! Чудесные рассказы, бесхитростные, но с очень красивым ритмом, что объясняется обилием глаголов! Рассказы представлены в форме воспоминания-репортажа, где преобладают рецептивные и чувственные идеи! Богатая лексика — особенно прилагательные. По своей структуре оба рассказа полицентричны — т.е. много повествовательных центров, связанных между собой самим Рассказчиком! Прекрасно! Спасибо!

Лорина Тодорова — кандидат филологических наук, доцент филологического факультета Великотырновского Университет Свв. Кирилла и Мефодия (Болгария).

Играй, мой баян

Часто в часы отдыха я брал в руки баян и выходил на верхнюю палубу потешить мелодией душу. Однажды в Охотском море, возвращаясь с Шантарских островов, куда наш корабль доставлял по фрахту очередной груз, я увидел, как за нами увязалась целая стая дельфинов. Как только я прекращал играть, дельфины куда-то исчезали. Но стоило мне опять растянуть меха, они тут же выныривали из воды, крутили в воздухе своими головками, как бы кивая в такт музыке. Было весьма занятно. На палубе уже собрались зрители — свободные от вахты матросы, и, рассевшись — кто на кнехтах, кто просто на полу палубы возле борта, тоже с интересом наблюдали за занятными морскими животными, комментируя их поведение каждый по-своему.

— Вроде обычная рыба, а, поди ты, понимает музыку.

— Сам ты рыба. Это ж дельфины! У них, говорят, мозги больше человеческих.

— А ты откуда знаешь? Разговаривал, что ли, с ними?

А вода в Охотском море такая голубая и чистая-чистая, что видны белые брюшки дельфинов, радостные взмахи их плавников. А то вдруг из воды покажется головка нерпы, покрутит туда-сюда, сверкая любопытными глазенками, и снова скроется в пучине набегающих друг на друга волн. Кругом, куда ни глянь, только море да небо, слившись воедино, и ничто, кажется, не разделяет их, нигде не видно полоски земли. И в этом безбрежном пространстве только мы, наш корабль да случайные попутчики-дельфины. От такой бесконечной, необъятной шири, кто впервые в море, дух захватывает. А мы уже привыкли и знаем, что через несколько суток вдали замаячит суша — остров Шикотан (Шиашкатан).

На баяне я научился играть еще в школе самоучкой. «Музыкалки» в деревне не было. Вымолил у матери денег, сходил с ней за баяном в станционный поселок. Приметил я его, когда ходил с ребятами в станционный буфет пить морс — самый лучший и единственный напиток в то время. Газировку в деревне тогда еще не продавали.

Баян был тульский, звонкоголосый. Достал самоучитель и вскоре стал первым баянистом в деревне, играл вечерами в сельском клубе на танцах. Зимой в клубе было холодно. Зажигали керосиновые лампы и танцевали без конца, чтобы не замерзнуть. Играть приходилось в перчатках. Но потом я все равно сильно обморозил руки, когда возвращался с танцев. Еле-еле потом оттерли. Через месяц обмороженная шкура, как перчатки, слезла с рук. Пришлось потом долго их закалять.

На нашем корабле баяна не было. Иногда приходил в дивизионный клуб поиграть. Но однажды перед новым годом в дивизионе был объявлен конкурс на лучшее новогоднее оформление корабля и новогодний концерт. Я немного рисовал еще в школе, да и когда работал на комбайновом заводе. Командир на целых две недели освободил меня от всех занятий и работ на корабле. И я старался. Наш корабль получил второе место и приз — баян, чему я был несказанно рад. И вот теперь он согревал мне душу в часы тоски по дому.

Но было у меня с баяном одно не очень-то приятное воспоминание. Как-то мы готовили концерт вместе с береговой воинской связью, а точнее со связистками. Я ходил аккомпанировать хоровой женской армейской капелле. И однажды ребята с корабля попросили меня пронести с берега пару бутылочек водки. У одного нашего сослуживца намечался день рождения.

— Что вы, братцы! Да меня тут же упекут на «губу», — не соглашался я. — И не просите!

Но меня все-таки убедили, что дело это плевое. Вынимаются гвоздики, соединяющие мех с клавиатурой, и во внутрь как раз впритирку входит две пол-литровые бутылки. Никто не догадается.

И я так думал, укладывая купленные бутылки с водкой и застегивая баян на все застежки, чтобы, не дай Бог, не звякнуло внутри.

Но у КП дивизиона я никак не ожидал встретить капитана третьего ранга Сысоева. Неприятно засосало под ложечкой. Я знал, что Сысоев играет на баяне. Только бы не....

— О, наш баянист! Что уже отрепетировал? А ну-ка давай посмотрим, как звучит сей инструмент. — И он сам раскрыл футляр баяна, взялся, было, за ремни, чтобы вынуть баян...

— Товарищ капитан третьего ранга! Вас к телефону.

— Ладно, матрос, в следующий раз поиграем, — захлопнул футляр капитан.

А у меня еще долго лихорадочно колотилось в груди сердце, и я зарекся после этого выполнять столь рискованные просьбы своих товарищей по службе.

— Слушай, друг, сыграй-ка веселенькое что-нибудь, ну хотя бы цыганочку, —

попросил кто-то.— Интересно посмотреть, как на эту музыку отреагируют дельфины.

Но наши недолгие попутчики уже махали нам на прощание своими рыбьими хвостами, возвращаясь, видимо, восвояси. А цыганочку я все же сыграл напоследок, и лица ребят повеселели. И бескрайние дали не казались такими уж дальними. Где-то нас ждали новые причалы, новые впечатления, новые открытия нашей дальневосточной земли.

В бухте Крильон

Вот уже сорок лет минуло с той поры, как я, демобилизовавшись, покинул обетованную и романтикой, и суровыми флотскими буднями окраинную часть нашего материка с емким названием Дальний Восток. Много стёрлось в памяти. Сейчас, пожалуй, и не узнал бы сразу ни бухты Золотой Рог, ни самой дальневосточной столицы, где, как писал один дальневосточный поэт: «Здесь город — продолженье океана, а океан, как город заселен», ни тех бухт и портов, где за четыре года не раз пришвартовывался или стоял на рейде наш корабль. А было их вдоль всего дальневосточного побережья, вдоль острова Сахалин, Шантарских и Курильских островов и полуострова Камчатка немало. Но запало и в память, и в душу больше всего одно название — «Бухта Крильон». Ее-то и на карте нет, а помнится до сих пор.

Прошедший рейс был очень трудным и напряженным. Не отошли мы из порта Советская гавань и десяти миль, как вышел из строя главный двигатель корабля. В машинном отделении это ЧП номер один. Весь вечер и всю ночь команда боевой части № 5 занималась разборкой полетевшего двигателя и установкой нового — резервного. Как назло поднялся штормовой ветер, что в Татарском проливе далеко не редкость, а характер этой водяной акватории. И хотя в нижней части корабля не так ощущается качка, как на верхней палубе, но удерживаться в равновесии на скользких, промасленных паелах было нелегко. И шишек себе набил, и измазался в мазуте я, как черт, пока устанавливали двигатель.

В бухту назначения — Крильон пришли, когда уже солнце стояло в зените. Сменившись с вахты, я, вконец обессиленный, упал на койку, не застывая ее, и проспал мертвецким сном почти до самого вечера, забыв, что сегодня у меня день рождения. Вспомнил, когда корабельный кок Карим Галиев принес мне в кубрик праздничный ужин: горячие пирожки с повидлом, банку абрикосового компота и целую пачку печенья. Шесть часов хорошего сна вернули мне бодрость, и я с огромным аппетитом «смел» свой праздничный ужин. А потом сошел на берег побродить по песчаным отмелям, искупаться. Место здесь безлюдное. Недаром бухту в шутку называли диким морским портом.

После вчерашнего шторма вода в заливе казалось тихой, ласкала глаз спокойным перекатом волн вечернего отлива, в которых миллионами звезд вспыхивали, рассыпающиеся на волнах, лучи заходящего солнца. Вода была теплой: середина июля. Разделся и быстро вошел в воду. Сделал несколько взмахов кролем и опрокинулся на спину. Морская вода, в отличие от речной, держит тело на поверхности легко, как будто лежишь в надувной лодке. Надо мной покачивается бирюзовое чистое небо, где лишь изредка прочертит его крыльями прибрежная чайка. Вспоминаю о доме, о девушке, с которой познакомился за две недели до призыва на флот...

А вода подо мной приятно покачивается, (я ощущаю себя как в рыбке), ласкает нежной, едва уловимой прохладой, напевая мне свою водяную колыбельную песню.

Не знаю, сколько я пролежал в таком расслабленном, отрешенном от действительности состоянии. Только, когда очнулся и повернул к берегу, берега не увидел.

Екнуло в груди: куда и как далеко меня унесло? Лишь позже, выйдя из наступившего оцепенения и пристально приглядевшись, я едва различил далекую прибрежную полосу сквозь пелену стелющегося по воде испарения. Заработал отчаянно всем телом в направлении к заветному берегу, но вскоре с ужасом понял, что плыву не по течению, а против. Отлив отнес меня мили на две-три. Тут по твердой поверхности не менее часа ходьбы, а плыть да еще против течения. И хотя я глубины не боялся и чувствовал себя в воде уверенно, но на такие дальние дистанции мне плавать не приходилось. Каждый метр к берегу мне давался все трудней и трудней. Я чувствовал, что силы уходили из меня в воду, а волны отлива толкали меня в грудь, толкали назад, в морскую пучину. Обессилив, ложился на спину и, передохнув несколько секунд, снова отчаянно греб к берегу. Только бы хватило сил доплыть.

К месту или не к месту вспомнил, как впервые научился плавать.

На речке я проводил большую часть летних каникул, но купался только на мелководье, где бабы в банные дни полоскали белье, и вода была доброму мужику по колено. Но однажды, выламывая удилище в старице Тинки, я поскользнулся на мокрой глине крутого берега и сорвался в воду. Вода накрыла меня с головой. Я с испугу отчаянно заработал руками и ногами, всплыл и, уже не помню, как оказался на противоположном берегу. Так вот неожиданно и научился. А потом уже чувствовал себя в воде, как рыба.

Но сегодня вода была моим врагом, и я боролся с ней за свою жизнь, изрядно уже наглотавшись ее горькой, соленой влаги. Казалось, что солью пропитались не только губы, но и все тело. Ужасно хотелось пить. А берег все еще маячил вдалеке, и мне думалось, что я уже никогда не доплыву до него. И от этой мысли тело холодело, а руки и ноги, которых я уже почти не чувствовал начинали лихорадочно работать. Откуда-то изнутри просыпалась невидимая энергия и заставляла работать усталые, обессиленные мышцы. Но когда, наконец, я коснулся ногами прибрежной гальки, силы окончательно покинули меня. Я даже не смог встать и выйти на берег. Так и пролежал обессиленный в забытьи наполовину в воде и наполовину на суше больше часа, пока прохладный предночной ветерок не вернул вновь меня к жизни. Было уже совсем темно, когда я поднялся по трапу на борт корабля.

— Что, нагулялся, юбиляр? — спросил добродушно вахтенный.

— Нагулялся. И успел заново родиться.

— Как это? — не понял моей горькой шутки матрос. — Ну-ну! Отдыхай. Спокойной ночи!

Спал я в эту ночь действительно спокойно и крепко, как победитель. А утром в моем блокноте появились строки:

*Забьется зарево заката
Над бухтой раненым крылом,
Где, непомеченный на карте,
Нас встретит дикий порт Крильон.*

*...Здесь, у безлюдного причала,
В седой дали материка
Еще не раз начну сначала
Я жить судьбою моряка.*

Уха из петуха

Из очередного отпуска домой я возвратился на корабль с двухнедельной просрочкой и медицинской справкой о «липовой» болезни, заверенной к тому же не военкоматом, а председателем сельского совета. Побоялся, что придерутся к этому, как и моя

болезнь, липовому документу. И когда командир корабля, сетуя на то, что корабль вдруг оказался без кока, спросил меня, как бы случайно, не умею ли я кашеварить, я, не задумываясь, лишь бы отвлечь его от серьезного изучения врученной ему мной справки, ляпнул.

— Конечно, могу!.. Это самое... с детства варю.

Командир обрадовался, что проблема неожиданно разрешилась, и засунул справку в стол, даже не взглянув на нее.

— Вот и хорошо, дружок, вот и славно. Иди, принимай камбузное хозяйство

Рабочим на камбузе мне приходилось, как и многим «салагам», бывать не раз. И мне нравилось наблюдать, как этим занимался профессиональный корабельный кок. Так что все операции по приготовлению первых и вторых блюд я примерно знал. Но, оказавшись на камбузе уже не в качестве рабочего матроса, а назначенным командиром коком, я немного растерялся. В меню на первое в этот день был борщ. Раскромсав на куски стегно говядины, уложил мясо в бак, залил водой и включил электропечь. Пока рабочий по камбузу матрос чистил картошку, я достал с полки поваренную книгу и углубился в ее изучение. В окошечко камбуза постучал баталер:

— Кок! Принимай свежую рыбу. Командир захотел ухи! — И просунул в окошечко три увесистых рыбьих тушки. Забыв, что в котле уже млеют куски говядины, я быстренько почистил, и разделал рыбу, и опустил куски в уже закипавшую воду. Потом отправил в котел нарезанную пластикой картошку и прочие приправы, необходимые для приготовления ухи. И уха получилась отменной. Ребята ели, нахваливали и просили добавки. Вот только сам командир корабля капитан-лейтенант Козин, не то чтобы усомнился в качестве ухи, но выразил нескрываемое удивление, протягивая мне через окно кают-компании увесистую кость бывшей рогатой скотины.

— Скажи, пожалуйста, дружок, что это за рыба?

Сам я к трапезе еще не приступал и потому в недоумении пожал плечами:

— Так, вроде, горбуша, товарищ капитан-лейтенант. Как Вы просили. Когда в котел кидал, была рыбой.

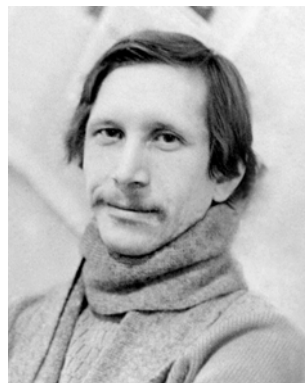
И тут до меня наконец-то дошло. Как же я мог забыть про борщ в меню, про брошенное в котел мясо говядины? Получилась уха из петуха. Аж в пот бросило. «Все,— думаю,— откашеварил!» Но командир и не думал снимать меня с кашеварства. И не разочаровался в этом. Я все-таки научился готовить и хорошо, и вкусно. Но иногда командир, когда бывал в хорошем настроении, напоминал про тот случай, как бы вскользь:

— А ушица все-таки была отменной!

Сергей Лыткин
(г. Красноярск)

ВОРОЖЕЯ

*Как в первое утро вселенной,
Знакомо до боли в висках,
Я чувствую попеременно,
То радость, то страх.*

*И вдруг за мгновение ли, вечность,—
Что больше?— Не зная о них,
Поверив в мою человечность
В душе зарождается стих.*

1

Я думаю до звезд,
Когда они погаснут —
Нелепо и бесстрастно,
Безумствуя всерьез.

И слыша тишину
Доверчивого утра,
Клянущего попутно,
Зачем его клянущего?

Ты спросишь, для кого,
Подробности и чувства
Под мерный стих шагов,
Когда немного грустно?

Ну, что тебе сказать,
Наверно, не случайно
Приходится искать
Свои дороги к тайнам.

От первого костра,
До первого распытья,
Быть может, неспроста
Не все дано понять нам.

2

Из первых уст я слышал этот миф.
Потом его другие повторяли,
И первый смысл в какой-то миг,
Не ведая греха, спокойно оболгали.

Миф жил еще, но стал совсем другим,
Менялись имена, тускнели даты,
И обрета безликое «когда-то»,
Миф умер и остался я один.

Потом прошли века и каждый раз,
Я, умирая и рождаясь снова,
Все слышал дикий шелест фраз,
Но никогда не понимал ни слова.

И может быть, наверно, потому...
Вся жизнь моя разгадыванье мифа,
Надежда, что когда-нибудь пойму
Язык когда-то мне знакомый, скифов.

3

У птиц своя беда. Я не берусь проникнуть
В суть птичьих дел, но хочется порой
Из поднебесья восхищенно крикнуть,
И пролететь над вашей головой.

Но не дал бог мне крыльев и хвоста,
И опереньем я неважно вышел.
Могу лететь, пожалуй, лишь с моста
Или какой-нибудь случайной крыши.

И пролетев, упасть на мостовой,
Закрыв глаза в блаженстве от полета,
Но не поймут, качая головой
Лишь скажут: «Молодой, а вот свихнулся, что-то».

4

Ворожея, что ты нагадала?
Не лгала ли, звездами, клянясь?
Над узорной шалью колдовала,
Карты раскрывала торопясь:

— Милый, милый, вот твоя дорога,
погляди на карты, вот сюда —
жить ты будешь долго и узнаешь много,
да не встретишь счастья никогда.

Ворожея, что ты нагадала,
Жизнь моя висит на волоске,
Карты лгут, начни-ка ты сначала,
Погадай мне лучше по руке.

—Милый, милый, вот твоя дорога,
погляди на руку, вот черта —
жить ты будешь долго и узнаешь много,
да не встретишь счастья никогда.

Ворожея, что ты нагадала,
Тайной слов своих подорожи,
Ты начни, пожалуйста, сначала,
Но отринь гаданий миражи.

— Милый, милый, вот твоя дорога,
а над ней горит твоя звезда...
жить ты будешь долго и узнаешь много,
но не встретишь счастья никогда.

5

Как странен мир. В душе осиротелой
Лишь пустота. И тихим голосам
Не оправдать, не увести в пределы
Знакомый прежде ритмов. По часам

Уж полночь скоро. Где твои шаги?
За дверью тихо завывает ветер.
О чем он молит? Выйди, помоги...
Кому, зачем? луна еще не светит.

Галлюцинирую, схожу с ума, навзрыд
Тревога бьет в колокола предчувствий.
Как странен мир, и как спокойно спит
Предсказанная исповедь созвучий.

6

С вами, мне кажется, с вами,
Боже, дай силу словам.
Скрыто, как поле снегами,
Слово понятное вам.

Боже, не надо разлуки,
Небо молитву прими,
Я опускаю руки,
Чтобы остаться костью

На пустынной дороге,
Где все время дожди,

У тебя на пороге,
Милая, только прости...

7

Призраки ночи, лунные дети.
Голос их тонок, взгляд их прозрачен,
Смотрят, как звезды плетут свои сети,
И потихоньку о чем-нибудь плачут.

Тучи метались небом полночным,
Ангелы спали, укрывшись крылами,
Ветер терзался сплошным многоточьем,
И непонятно кого они ждали.

Где-то едва уловимо рыдала
Фея, которую бросил волшебник.
На безутешных перронах вокзала
Так простодушно возник понедельник.

В шепоте сонных, унылых кварталов
Редкий огонь от блуждающих фар.
А для души, непростительно мало
Сладко томительных звуков фанфар.

8

Мириадами звезд околдована ночь,
И на ветках берез отблеск лунного света.
Тихий ветер едва ли сумеет помочь
Разогнать эти прелые запахи лета.

И в неволе обид заплутавший июль
Ни дождейки на землю, изнывшую зноем.
И безвольно висит за окном белый тюль,
Нагоняя печаль безысходным покоем.

9

Я помню нежность
моих берез,
простите дерзость,
простите злость.

Как ты устало
глядишь туда,
где бродит старость,
а с ней беда.

И возглас страха,
узнав в себе,

семь пядей праха
желаешь мне.

10

Окрасились дали —
багрянец и ложь.
На шумном вокзале
себя не найдешь.

Отбил телеграмму:
прощай не грусти.
Немного подумав,
добавил: прости.

И снова к уюту,
привычным делам,
до новой минуты
своих телеграмм.

11

Молю тебя, Господи, вечный!
Охраняй мою женщину
От соблазнов мирских,
От слов торопливых,
От наветов людских,
От глаз похотливых,
От болезней и скуки,
От печали и лжи,
От душевной муки,
От жалоб на жизнь,
От предательств любимых,
От завистливых слов,
Пусть проходит все мимо,
Но оставь ей Любовь!
Я молю Тебя, Господи!

Лидия Рождественская
(г. Красноярск)

НЕТ МНЕ ОТВЕТА
(Воспоминания о моем отце)

Лидия Рождественская, член Союза журналистов России, Заслуженный работник культуры России. Лауреат всероссийских телевизионных конкурсов и фестивалей в гг. Тюмень, Набережные Челны, Красноярск, победитель международного телевизионного конкурса «О женщине с любовью» Санкт-Петербург, лауреат (1 премия) Всероссийского фестиваля «АГРО-СМИ»-2010, Москва.

10 ноября 2010 года исполнилось сто лет со дня рождения известного сибирского поэта Игнатия Рождественского. Вот что написано о нем в Большой Советской Энциклопедии: «Рождественский Игнатий Дмитриевич (28.10 (10.11.) 1910, Москва,— 3.7.1969, Красноярск), русский советский поэт. Окончил литературный факультет Иркутского педагогического института (1940), учительствовал в северных районах Красноярского края. Печатался с 1927; первый сборник стихов «Северное сияние» (1936). Главная тема произведений Р. — прошлое и настоящее Сибири, стойкость ее людей, суровая и прекрасная природа»...

За свою творческую жизнь Игнатий Рождественский издал более тридцати поэтических книг, изданных в Красноярске, Иркутске, Новосибирске, Москве. Воспоминаниями о нем делится дочь поэта журналистка Лидия Рождественская.

Неужели этот мальчик мой папа? Этот кудрявый мальчик, родившийся в Москве в дворянской семье? Как много сейчас разделяет нас. Не только жизнь, но уже давно и смерть. А тогда, в ноябре 1910 года, когда он родился, ничто еще, кажется, не предвещало бурь, потрясений, войн. Жизнь обещала счастье...

Это было в начале XX века, совсем в другой, неведомой мне жизни. На балконе московского дома стояла девушка. Она недавно вернулась из Парижа, где закончила Сорбонну. Отец девушки был крупным промышленником, на его магазинах красовались вывески: «Молоко и сыры Бландовых». Это фамилия девушки. А звали ее Екатерина...

А дальше все как в любовном романе: мимо проходил статный, с лихими усами юноша, и он, вы уже догадались, влюбился в нее с первого взгляда. Это был Дмитрий Рождественский.

В положенный срок появился на свет мальчик Игнатий — Натуля,— так звали его родные. Наверное, детство папы было похоже на то, что описано в книге моей прабабушки Марии Евграфовны Бландовой, чудом сохранившейся в нашей семье:

«На Рождество и на лето приезжали братья в отпуск. Они уже стали взрослыми

молодыми людьми. У нас устраивались домашние спектакли, живые картины. Много было шуму, веселой суеты, я участвовала в живых картинках в виде ангела. Помещики издалека съезжались со своими семьями на наши спектакли...

У нас дома часто служились всенощные, молебны. Бывало, летом окна открыты, красивые окрестности кажутся еще краше под мягким, вечерним освещением; столбы света, наполненные кадильным дымом, идут от открытых окон, по стенам и полу пробегают тени растущих перед окнами лип. На столике, покрытом белой скатертью, стоит образ Спасителя в серебряной ризе: кроткий лик, обрамленный волнистыми, падающими на плечи волосами, на книге, которую Он держит в руках, начертаны слова: «Придите ко мне все труждающиеся и обремененные, и я успокою вас»...

Я думаю, что там, в детстве, были истоки папиной любви к поэзии, литературе, искусству. Могло ли быть иначе? И мне никогда не понять, зачем надо было разрушать этот мир, да еще до основания...

Папины рассказы о детстве были овеяны романтическим образом старой Москвы. Он показывал нам дом, в котором родился, другие дома своих предков. Я знаю, что в одном из них сейчас чей-то ресторан «Федор».

К сожалению, мы мало расспрашивали папу о его детстве. Казалось, впереди так много времени для узнавания, так бесконечно много — целая жизнь. Извечное наше заблуждение. Не потому ли мы так плохо знаем свои родословные.

Только сейчас, благодаря интернету, книгам о российском предпринимательстве и журналу «Караван историй», я открываю для себя новые подробности биографии своего прадедушки Николая Ивановича Бландова. Он, блестящий морской офицер, дворянин, уходит в отставку в чине лейтенанта флота и, как бы сейчас сказали, включается в промышленное преобразование России. Вместе с братом Владимиром, также отставным лейтенантом флота, они создают товарищество «Братья В. и Н. Бландовы» и вскоре становятся крупнейшими производителями молочной продукции в России. В одной только Москве у них было 59 магазинов. Ираклий Андроников, рассказывая о старой Москве, говорил: «А на Тверской стояли магазины «Молоко и сыры Бландовых».

В 1903 году Николай Бландов строит первый в России молочный завод, он располагался на Новослободской улице. Были еще колбасная и макаронная фабрики, выпускавшие знаменитую «Московскую» колбасу и макароны «Знатные» — эта торговая марка сохранилась до сих пор. Их молочная «империя» раскинулась по всей европейской России, достигла Сибири и Кавказа. Кстати, всем известный кефир появился в России тоже благодаря Бландовым...

Сам вождь мирового пролетариата писал о Н. Бландове в своей работе «Развитие капитализма в России», а современные исследователи называли его «олигархом серебряного века»... А еще он был президентом Московского общества сельского хозяйства, председателем Московской яично-масляной биржи, почетным мировым судьей и гласным Подольского уезда Московской губернии. Около 10 лет он был депутатом от дворянства Московского уезда. Кроме того, он являлся активным членом многих просветительских и благотворительных учреждений Москвы, проявлял постоянную заботу о сибирской школе маслоделия, где Бландовы очень много сделали для подъема новой волны предпринимательства в дореволюционной России...

Моя прабабушка Мария Евграфовна Бландова была писательницей, одной из первых выступившей за эмансипацию женщин в России. Совсем недавно я нашла ее публицистические статьи в интернете и удивилась, что они несколько не устарели. Будто бы ничего не изменилось за эти сто лет. Вот в такой семье рос мой отец.

И такая разумная, с трудами и молитвами, жизнь рухнула в одночасье.

Кто-то из дальновидных Бландовых сразу после революции уехал за границу, кто в Лондон, кто в Париж, а мои бабушка с дедушкой и детьми поехали на восток, я не знаю куда, может быть, в Китай, может, в Америку. Но Богу было угодно, чтобы они сошли

с поезда в холодном Красноярске: в дороге воспалением легких заболела Екатерина Николаевна. А через несколько дней ее нашли примерзшей к стене госпиталя...

Ее, такую красивую, умную, благородную. Мою бабушку. Как мне не хватало ее в жизни.

Когда я думаю о папе, у меня до боли сжимается сердце — так мне жалко его, жалко до слез, до бессонницы. Папе бы жить в другое время, когда были востребованы благородство, широта души, безрассудная щедрость... Умом понимаю, что «времена не выбирают, в них живут и умирают», но ничего не могу с собой поделать.

Каким он мне запомнился? Он был необыкновенный человек, ни на кого не похожий. Это подтвердят все, кто знал папу. Абсолютно бесхитростный. Кстати, недавно сделала открытие, что хитрость — это замена ума. Оглядываюсь вокруг — хитрых много, умных — отнюдь.

Папа обезоруживал всех своей искренностью, тем, что абсолютно все и всем говорил в глаза. Естественно, наживал врагов. Теперь я понимаю, что этого бояться не надо. Замечательно сказал Юрий Визбор: «Слава Богу, есть у нас враги, значит, есть, конечно, и друзья». До конца дней отец оставался таким.

Вспоминаю случай. Гостил у нас поэт Лев Ошанин. Он был на редкость обаятельный, словоохотливый, доброжелательный. Мы с сестрой были по-детски в него влюблены. В ту пору он был в самом зените славы. Все пели его песни: «Пусть всегда будет солнце», «А у нас во дворе», «Бирюсинка», «Течет Волга» и многие другие. Он был очень привязан к папе, посвятил ему несколько стихов. Написал и про нас: «Где там Ленка и Лидка мои, у какой стоят калитки они...» Однажды Лев Иванович возьми и спроси отца:

— Игнат, а ты меня любишь?

— Не-а.

Помню свой ужас в ту минуту, кажется, я даже заплакала. Мы с сестрой и мамой все делали, чтобы загладить этот папин мальчишеский выпад.

Я помню его с вечным бормотанием стихов, именно бормотанием — так они его переполняли, что он не мог удержать их в себе, как бы пробуя на язык бесконечные строчки. А стихов он знал великое множество — память у отца была феноменальная.

В детстве, когда надо было мыть пол или идти в магазин, а так не хотелось, папа предлагал своеобразный «бартер»:

— Стихотворение расскажете — будет по-вашему.

Ну, а нам с сестрой только этого и надо. Ведь многое из того, что мы знаем и помним сейчас, выучили на слух от отца. И не какие-нибудь детские стихи, а прекрасные, завораживающие строчки Блока, Белого, Городецкого, Гумилева:

*Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд,
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай, далеко, далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф...*

Или вот это:

*Там, где все сверканье, все движенье,
Пенье все,— мы там с тобой живем.
Здесь же только наше отраженье
Поглотил гниющий водоем...*

Я часто думаю о папиной любви к нам, детям. А нас было у родителей пятеро: Юлия, Владимир, Владислав, Лидия и Елена. Его воспитание было незаметным, как будто и вовсе он нас не воспитывал. О его любви к нам мы чаще всего узнавали из папиных стихов:

*Вся в чернилах от губ до ладоней.
Трудно с ней. Но доволен я,
Что не неженкой, не тихоней
Непоседа растет моя...*

Или:

*Не прожить без разлук на свете,
Не минуешь их никогда:
Как птенцы, улетают дети
Из родительского гнезда.*

.....

*И украдкой,— нет, не украдкой,
Что таить мне печаль свою,—
Над твоей я вздохну тетрадкой,
Над игрушками постою.*

Авторитет отца очень много значил для нас, детей. И сама атмосфера в доме располагала к тому, чтобы перенимать отцовское мировоззрение, его понимание литературы, искусства, его врожденный, впитанный с молоком матери, вкус.

Однажды в восьмом классе нам задали сочинение по «Слову о полку Игореве». Я заканючила:

— Папа, помоги написать.

— Думай сама.

Но я-то знаю своего папочку, его напускную строгость. И сижу наготове с ручкой и тетрадкой, выжидаю. Вот он проходит мимо комнаты, ни на секунду не притормозив:

— Неувядающее и бессмертное, как цветок иммортель, оно пришло к нам из пепельной мглы минувших веков...

Я только успеваю строчить, знаю, второй раз повторять не будет.

— Все, дальше сама.

Ну, уж нет, не верю, что твое вдохновение так быстро иссякло, теперь-то тебя не остановить.

— С его страниц то мужественно-суровых, то овеванных грустной лиричностью, слышится нестройный гул половецких орд... — это папа снова проходит мимо комнаты.

Помню, за то сочинение получила пять с плюсом. А главное поняла, как надо их писать.

Но однажды папа все же взялся меня повоспитывать. Он решил, что я недостаточно готова к жизненным трудностям, что подружки отвлекают меня от чего-то главного и отправил заканчивать школу... в Норильск. Не знаю, закалил ли меня этот год «ссылки» под присмотром старшей сестры, но слез я выплакала немало. Как же, впервые без мамы и папы! По-моему, отец сам потом жалел об этом воспитательном эксперименте, но, тем не менее, продолжал писать мне подбадривающие письма: «...Я прекрасно понимаю, что Норильск — это не Гагра, но ведь и жизнь — это не танцплощадка. Надо испытать все, закалить себя, пересмотреть свои взгляды, духовно окрепнуть, обдумать судьбу свою, вышвырнуть все ненужное, вздорное, никчемное и настроиться на волну добра и справедливости. Так-то вот, Лида. Крепись. Время идет к весне. Редает тьма полярной ночи. Пусть осенят тебя сполохи и встающее солнце согреет»...

Можно долго вспоминать. И как папа просто страдал, когда какой-нибудь грамотей коверкал русский язык. Он был безупречно грамотным и требовал того же от

других. Если слышал неправильно произнесенное слово, пощады не было никому. Ох, и горячий был...

Еще была в нашем доме традиция: все собирались за одним столом, и папа читал нам вслух. Прочитал все лучшие книги: Бунина, Тургенева, Гончарова, Куприна...

Я знаю, что и учителем отец был неординарным — творческим, независимым, ярким. Один только пример. В ту пору, в тридцатые годы, в школах не было никаких сочинений на свободную тему, только «лучи света в темном царстве». И вот после летних каникул, а дело было в Игарке, приходят дети в школу и папа задает им тему сочинения: «Как я провел лето».

На другой день появляется в классе со стопкой проверенных работ и начинает кидать на стол одну тетрадку за другой:

— Никуда не годится... Плохо... Бездарно... Русским не владеете... Ни одной своей мысли и т. д.

Я думаю, и покрепче что-нибудь было, папа не подбирал выражений, когда сталкивался со скудоумием, убогим языком...

И вот в руках остается одна тетрадка. Я просто вижу счастливое, взволнованное папино лицо — он всегда, как ребенок, радовался чужим успехам:

— Один среди вас талантливый — Витька Астафьев.

«С тех пор я поверил в себя», — писал впоследствии большой русский писатель В. П. Астафьев.

Можно ведь провести урок строго по методике, чинно и гладко, сделать в конце правильный вывод. А можно отбросить все методички и увидеть за ними личности своих учеников, их способности и знания, разглядеть в них искорку таланта. Папа это умел.

В своей статье об Астафьеве Александр Солженицын написал про папу: «промелькнувший светлый учитель». Пусть будет так. Хотя «промелькнувший» — слабое слово для роли отца в судьбе Астафьева.

Я думаю, это большое счастье встретить такого учителя. И первый свой автограф на первой книжке Астафьев написал своему учителю. А это школьное сочинение мы знаем как рассказ для детей «Васюткино озеро».

Папа очень любил Север. Много стихов написал он о его скромной, не всем заметной красоте. Он менял школы, продвигаясь все дальше на Север: Пировское, Туруханск, Игарка... Интересно, что каждое новое место, отмечено рождением детей: Пировское — Юлия, Туруханск — Владимир, Игарка — Владислав и уже напоследок, в Красноярске, — я и Елена.

Но я уверена, не только романтика гнала папу все дальше на Север. Среди вещей отца всегда был саквояж, готовый к иному «путешествию». Отпрыску отнюдь не пролетарской фамилии такая перспектива казалась вполне возможной.

Если читать все стихи, книжку за книжкой, не только стихи о любви и природе найдешь в них. Отдал отец дань и «будням великих строек». И написано это было искренне, я знаю. По-другому папа не умел. Что же это было за время, которое могло увлечь утопической идеей образованного человека. Ведь, я знаю это тоже, с детских лет жило в нем сознание несправедливости. Я помню папины слезы, когда он нам рассказывал, никак не мог забыть, о своем дяде — царском офицере, Георгиевском кавалере Первой мировой. Он поверил обещаниям большевиков, что все, кто сдаст оружие и перейдет на сторону советской власти, будут прощены... и был расстрелян.

В конце сороковых отец написал стихотворение о доярке, за которое был подвергнут разному в духе времени, с позиций ждановского понимания литературы. А виновен он был в том, что без прикрас описал руки советской доярки, ее каторжный труд:

*У скотниц руки к вечеру ломило,
Не гнулись пальцы, боль сводила их...*

Сейчас над этим можно смеяться. Но тогда, действительно, было такое время: одних оно возносило, других ломало, третьих учило приспособливаться. Есть у него и такие строчки:

*И под откос просились паровозы,
Чтоб не возить невинных в лагеря...*

Но свои лучшие стихи, мне кажется, папа написал о любви. И все они посвящены маме. Родители мои были очень разные: отец — шумный, открытый, доверчивый; мама же — сдержанная, негромкая, земная.

*Ни на перроне шумного вокзала,
Ни у реки бурливой по весне,
Слов, от которых сердце замирало,
Ты никогда не говорила мне.*

Теперь-то я понимаю, как папе не хватало этих жарких признаний в любви. Они нужны всем, а поэту особенно.

Сейчас, на фоне многочисленных трагедий, постигших нашу страну, судьба одного человека, пусть даже твоего отца, может показаться не столь впечатляющей. Тем более, что сам он не давал повода считать свою жизнь трагической. В чем-то он даже преуспел. Во всяком случае, внешне это выглядело именно так: первый член Союза писателей в Красноярске; признанный поэт, классик сибирской поэзии — уже можно так сказать; единственный за всю историю беспартийный корреспондент самой партийной газеты «Правда»; замечательный, от Бога, учитель; еще при жизни удостоен очерка в Большой Советской Энциклопедии... А душой все тот же мальчик с единственной защитой — Поэзией.

Да, до конца своих дней он верил только в Россию и только в поэзию. Это был большой ребенок, романтик, и... мой отец... Что могла я, девчонка, понять в папиных терзаниях, а они были. Я видела, как он страдал, говоря о горестной судьбе России, как не мог сдержать слез...

Необыкновенно трудно ставить точку. И не только потому, что не сказано что-то главное. самого главного я, наверное, и не знаю. Трудно ставить точку всегда. Потому что воспоминания не могут иметь конца. Они живут вместе с нами и умирают тоже вместе с нами...

И я повторяю вслед за Виктором Астафьевым, любимым папиным учеником: «Так что же я ищу? Отчего мучаюсь? Почему? Нет мне ответа».

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЮБИЛЕИ

«И ЖИТЬ С ЛЮДЬМИ СТРЕМИТСЯ СЕРДЦЕ СНОВА!..»

(К 200-летию со дня рождения Евдокии Ростопчиной)

От редакции: Евдокия Петровна Суикова, будущая графиня Ростопчина, родилась в Москве 23 декабря 1811 года. Сменяющиеся гувернантки, невнимание родных в доме Паиковых заставляли впечатлительную девочку чувствовать себя лишней. Она компенсировала это тайным чтением книг известных русских и зарубежных авторов, которые заменяли ей воспитателей. Евдокия рано начинает писать. И первое стихотворение «Талисман», благодаря П. А. Вяземскому и А. А. Дельвигу, уже в 1830-м году появилось в «Северных цветах», которые, по словам В. Г. Белинского, «считались... лучшим русским альманахом».

Многие литераторы, бывавшие в доме Паиковых, знали ее стихи. Герцен цитировал их в своих письмах. Знал ее первые опыты и Лермонтов... На первом своем бале в восемнадцать лет она знакомится с Пушкиным, который так заинтересовался ею пылкими речами, что провел с ней тогда почти весь вечер. Талантливая и образованная девушка по своим умственным и душевным качествам стояла неизмеримо выше большинства московского общества.

Но свет встречал ее равнодушно и чопорно, со всей своей бездуховностью и лицемерием. Поэтому уже в ее первых стихах — разочарование, неприятие и протест против этого и утверждение права на искренность и независимость. И мы слышим как стихотворение «К страдальцам» перекликается со знаменитым пушкинским «Во глубине сибирских руд...» Но не только свободолюбие уже звучит там, но и нечто, не удовлетворяющее условиям цензуры.

Судьба Ростопчиной была трудна и несчастлива. Любившая другого, дала ли уговорить себя выйти за графа Ростопчина, знатного жениха, сама ли согласилась? Но это произошло, и трагедия отныне проходит через все ее творчество.

Ростопчины переселяются в Петербург, где у них появляются на свет трое детей. Но эти же годы были для поэтессы и годами серьезных литературных занятий и литературного общения. У Ростопчиных собирались знаменитейшие поэты и прозаики... За день до смертельного поединка был здесь и Пушкин.

В конце 30-х — начале 40-х гг. стихи Евдокии Петровны популярны и печатаются в журналах и альманахах, включая пушкинский «Современник», читаются и переписываются. В 1841-м году вышла первая книга стихов, которые ярко рисовали внутренний мир молодой женщины 30-х годов. Главная ее тема — конфликт между

личностью и обществом, с его условными установлениями. Критики отмечали, что, несмотря на рефлексию, рассудочность, шероховатость и неточность, стихи ее — «поэтическая прелесть», где «всякое чувство» переведено «на мысль» и умерено «строгой, важною думою», что они — «лучшие стихи из всех, какие когда-либо выпархивали... из-под милых дамских пальчиков». Одной из самых критических и вместе с тем вполне благосклонных была рецензия В. Г. Белинского. Внутренней противоречивостью, живой неоднозначностью лирического «я», исповедальностью и психологизмом, ярким женским началом отличалась поэзия Ростопчиной. В те времена женские голоса в литературе звучали редко, и были справедливы пушкинские строки о Татьяне: «...по русски плохо знала, ...И выражалася с трудом На языке своем родном...» Ростопчина была одной из первых поэтесс, которая учила «женщин говорить» и говорить по-русски в то время, когда образованное дворянство изъяснялось большей частью по-французски, а женщина-литератор была в диковинку.

Появляются ее повести, роман в стихах, которые среди «светской» литературы того времени имели собственное лицо. В них рассудочному лицемерию Ростопчина противопоставляет непосредственность настоящего чувства, идеализм молодости, открытую человеческую душу. Она по-своему смело отстаивает право женщины быть личностью, жить чувством, искренне и наполнено. Ее творчество — лирический дневник. В дарственной надписи на своей книге Ростопчина дает характеристику своим стихам: «Это исповедание...»

Е. П. Ростопчина принадлежала к младшему поколению поэтов пушкинской плеяды. Но в ее стихах мы находим немало переключек с поэзией Лермонтова из-за некоторой общности их духовного склада — постоянных мотивов разочарования, романтической рефлексии. Это сближает ее творчество с ранней лирикой Лермонтова, который писал ей: «Я верю: под одной звездой Мы с вами были рождены; Мы шли дорогою одною, Нас обманули те же сны».

Поэты и прозаики, воспитанные в духе романтизма, в 40—50-е годы оказались «не ко времени». Такой была и судьба Ростопчиной. Кроме того, разойдясь и с западниками, и со славянофилами, чуждая демократам-разночинцам, она невольно оказывалась на консервативных позициях.

В те же годы Е. П. Ростопчина пишет роман «Счастливая женщина» и другую прозу, которая встречается молчанием друзей и недоброжелательностью критики. В ответ, Ростопчина пишет «Возврат Чацкого в Москву...» Изображая общество 50-х гг., собравшееся в доме постаревшего Фамусова, она зло высмеивает карикатурно нарисованных героев. А ее Чацкий не резонерствует, но говорит о практических занятиях, хотя взгляды его все же неопределенны.

В последний год жизни написана сатира «Дом сумасшедших в Москве в 1858 году». Она создает галерею хлестких карикатурных портретов. Однако не только сатиру писала Ростопчина в последний год. Смертельно больная поэтесса пишет проникновенные воспоминания о М. Ю. Лермонтове.

Умерла Ростопчина 3 декабря 1858 года, если и не забытая современниками, то все реже и реже ими вспоминаемая.

Стихи Евдокии Ростопчиной положены на музыку, на них написаны романсы. Лучшие строки поэтессы трогают читателя и сегодня. Ее стихотворения рисуют образ незаурядной женщины, современницы великих поэтов, с ее светлыми порывами и искренними заблуждениями, с ее, в сущности, трагической женской судьбой. Лирическую повесть об этой судьбе она и писала всю жизнь.

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Что́ ты, молодость моя,
Молодость напрасная,
Гаснешь, меркнешь, ясная,
Не порадуешь меня?..
Что́ ты, молодость моя,
Молодость напрасная?..

Что́ мне в девичей красе,
Расхваленной по́ свету,
Омраченной до́ цвету?..
Что́ мне в шелковой косе?..
Прока нет в моей красе,
Расхваленной по́ свету!..

Что́ мне алые уста,
Брови соболиные,
Очи соколиные,
Белой груди полнота?..
Замирайте вы, уста,
Очи соколиные!..

Нет в светлице огонька,
Нет в душе зазнобушки,
Дорогой заботушки!..
Нет у девицы дружка!..
Пропадай же, жизнь-тоска,
Без родной зазнобушки!..

Март 1834, Москва

КТО ПОЭТ

*Sein Auge weilt auf dieser Erde kaum,
Sein Ohr vernimmt den Einklang der Natur,
Und sein Gefvhl das Unbelebte.*

Goethe, Torquato Tasso*

Не тот Поэт, кто в очерке обычном,
Кто в обществе людей спокойно взрос;
Кто вскормлен был рассеяньем столичным,
Кто крест тоски на раменах не нес!..

Не тот Поэт, кто роскошью и счастьем
Взлелеян был от колыбельных дней,
Кто не знавал бушующих страстей

* Его взор не задерживается на этой земле, его слух не слышит звуков природы, его чувства одушевляют неживое.— Гете. Торквато Тассо (нем.)

С их промежуточным бесстрашьем!..
Кто с бального паркета не сходил,
Кого любовь в гостиных отыскала,
Кто суетой жену сует пленил,
Кто в области святого идеала
Страданиями гражданства не купил!..

Не тот Поэт, кто слова правды резкой,
Кто мощный стих отвагой молодецкой,
Бесстрашием своим не заклеил!..
Кто истины не высказал пред светом,
Чей слабый дух пороку был клеветом,
Кто потакал греху и сильным льстил!..
Не тот Поэт, кто с странничьей клюкою
Изгнанья путь терновый не прошел;
Кто, прислонясь о камень головою,
Ночь бурную в чужбине не провел!..
Не тот Поэт, кто с смертью не братался,
Кто звук меча, свист пули не слышал!..
Кто синевой небес не восхищался,
Кто глубь морей мечтой не пожирал!..

Поэт прямой, кто с ранних лет обжился
С грозой небес и бурей души!..
Кто чистому кумиру поклонился,
Но одинок, в убийственной глуши,
Младые дни свои сгубил в тиши...
Кто выгорел возвышенной любовью,
Кто выплакал свой вдохновенный стих;
Кто призывал к ночному изголовью
Рой светлых снов и чувств неподкупных;
Кто был не скуп молодой и жаркой кровью
За край родной и за друзей своих!..
Поэт прямой, кто с детской простотою
Взмужалость дум и мыслей сочетал,
Кто понял свет догадливой мечтою,
Кто сердце прочь от света оторвал
И от него, как от змеи бежал!..
Кто глух и слеп для дольных искушений,
Ни почестями, ни златом не прельщен;
Кто в пламени житейских треволнений,
Как штык стальной, на веки закален!..

Поэт прямой, кто вышнему избранью
Не изменил,— в борьбе с судьбой не пал;
Кто обречен душевному изгнанию,
Кто каждый день терял по упованью,
Кто каждый шаг утратой измерял!..

Пусть он поет! Пусть вещими струнами
Расскажет быль души своей живой!..

Пусть для толпы он облечет словами
Нетленных дум, видений мир святой!..
Пусть, как пророк, торжественно-грозный
Он вопиет на наш преступный свет,
Пусть восстает он песнею гремящей
На чад земли и на рабов сует!..

Ему, ему наградой многоценной
Пусть загорит восторг в сердцах молодых!..
Пусть заблестит слеза в глазах живых!..
И пусть в ответ он встретит, вдохновенный,
Сочувственной души созвучный стих!..
Его поймут, его оценят в свете
Немногие,— но вправду, всей душой;
И он найдет в их взоре и привет
Святого братства жар святой!..

Апрель 1835, Село Анна

ВЫ ВСПОМНИТЕ МЕНЯ

*Et sur voue si grondait l'orage,
Rappelez-moi, je reviendrais!..*

Simple histoire

Вы вспомните меня когда-нибудь... но поздно!
Когда в своих степях далеко буду я,
Когда надолго мы, навеки будем розно —
Тогда поймете вы и вспомните меня!
Проехав иногда пред домом опустелым,
Где вас всегда встречал радушный мой привет,
Вы грустно спросите: «Так здесь ее уж нет?» —
И мимо торопясь, махнув султаном белым,
Вы вспомните меня!..

Вы вспомните меня не раз,— когда другая
Кокетством хитрым вас коварно увлечет
И не любя, в любви вас ложно уверяя,
Тщеславыю своему вас в жертву принесет!
Когда уста ее, на клятвы тороваты,
Обеты льстивые вам станут расточать,
Чтоб скоро бросить вас и нагло осмеять...
С ней первый сердца цвет утратив без возврата,
Вы вспомните меня!..

Когда, избави бог! вы встретите иную,
Усердную рабу всех мелочных сует,
С полсердцем лишь в груди, с полудушой — такую,
Каких их создает себе в угодность свет,
И это существо вас на беду полюбит —

С жемчужною серьгой иль с перстнем наравне,
И вам любви узнать даст горести одне,
И вас, бесстрастная, измучит и погубит,—
Вы вспомните меня!..

Вы вспомните меня, мечтая одиноко
Под вечер, в сумерки, в таинственной тиши,
И сердце вам шепнет: «Как жаль! она далеко,—
Здесь не с кем разделить ни мысли, ни души!..»
Когда гостиных мир вам станет пуст и тесен,
Наскучит вам острить средь модных львиц и львов,
И жажда станете незаученных слов,
И чувств не вычурных, и томных женских песен,—
Вы вспомните меня!..

Апрель 1838, Петербург

НЕГОДОВАНИЕ

*«Le colonel Fitz-Patrik est arrive a
St.-Marks avec 30 a 40 bloodhounds;
(chiens de chasse); ce regiment carnassier
et carnivore est destine a combattre les
Indiens seminole»*

Gazette de France du 21 Mars 1840*

Свобода!! Равенство!!.— Вот что кричат они,
Младой Америки богатые граждане,
Земель украденных владельцы искони,
Республиканцы, пуритане,
Народ торгующий, и мыслящий народ,
Благотворения придумавший науку,
Который гибнущим спасающую руку
В воскресный день не подает.

Свобода!! Равенство!!.—И с этим громким кликом
Натравленных собак они на брань ведут
И хищности зверей, в своем свирепстве диком,
Людей на жертву отдают!..
Неистойой борьбы свидетели немые,
Они без ужаса глядят на смерть и кровь,
И к человечеству забыта их любовь,
Забыты чувства выказные!..

Их мудрость с толку сбил индейцев красный цвет;
Лесные племена гордыне их не братья;

* «Полковник Фитц-Патрик прибыл в Сент-Маркс, имея при себе от 30 до 40 bloodhounds (нщеек), этот хищный и плотоядный полк предназначается для борьбы с индейцами из племени семинолов» — «Газет де Франс» от 21 марта 1840 г. (фр.).

Непросвещенному закрыты их объятья,
Для дикаря в них сердца нет.
Корысть и выгоды внушили их расчеты;
Им нужны реки, лес, и пажити, и степь;
Сосед помеха им,— соседу смерть иль цепь!!
Пусть торжествуют обороты!

И вот как действует та мощная страна,
С кого пример берут народы вековые,
Кто шлет из-за морей законы, утопии,
Кто мечет в старый мир крамолов семена!..

* * *

О боже! где твой гром? И скоро ль осужденье
Мятежных выходцев достойно поразит?..
Но если с всяким злом дар просвещения слит,
Пусть нас минует просвещение!

Апрель 1840, Село Анна

Я НЕ ДЛЯ СЧАСТЬЯ РОЖДЕНА!

*Mon Dieu, que voulez-vous done
faire de ces ames de feu, qui se devorent
elles-memes?..*

M-me de Stael. Delphine*

Я не для радости беспечной,
Я не для счастья рождена,
Тоска во мне затаена
Болезнью сердца вековой!..

Хоть солнце светит надо мной.
Хоть жизнь отрадно улыбнется,—
В душе вопль страха раздается
Как эхо горести былой.

И в час надежд, восторга полный,
И в сладостный блаженства час,
Я мыслю: «Дни текут, как волны,
Утраты день придет для нас!..»

Невольно сердце замирает,
Невольно грудь боязнь теснит,
Мой взор с вопросом вдаль глядит...
Мой ум о будущем гадает...

* Боже мой, ну что вы хотите поделать с этими пламенными душами, которые сами себя пожирают?..— Г-жа де Сталь. Дельфина (фр.).

Как пестрой россыпью цветы
Мелькают в складках черной ткани —
Так, меж сомнений и страданий,
Блещат мне светлые мечты.

И жизнь моя судьбы рукою
Из черных нитей соткана;
С моей тревожною душою
Я не для счастья рождена!..

19 января 1841, Петербург

* * *

Душою пылкой, ненасытной,
Бывало, счастье я звала...
Его просила и ждала
В порывах думы любопытной...
И тосковало по любви,
И билось сердце молодое...
И было нас когда-то двое,
И рай предстал мне на земли!..
Загадка жизни объяснилась,
Очарованье совершилось,
И я доверчивой душой
Благословляла жребий свой,
Но, ах!.. недолго!! На помине, —
Когда молюсь о счастье ныне, —
Я говорю: «за упокой!»

Виктория Ткач
(г. Тула)

СЛОВО О В. В. ВЕРЕСАЕВЕ
(К 145-летию со дня рождения)

«При жизни Толстого к его голосу, к его мнению прислушивалась вся Россия... Умер Толстой... Его место занял В. Г. Короленко. Не стало Владимира Галактионовича... Его преемником может быть назван писатель-общественник В. В. Вересаев».

П. Н. Сакулин

В начале этого года туляки, почитающие культурное и литературное наследие Тульского края, отмечают 145 лет со дня рождения нашего земляка, талантливого русского писателя, литературного критика, переводчика, пушкиниста и общественного деятеля Викентия Викентьевича Вересаева.

В. В. Вересаев (Смидович) (1867—1945 гг.) внес большой вклад в развитие русской литературы, которой он посвятил около 60 лет своей жизни. Современник Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, М. Горького, И. Бунина, Вересаев-человек покорял окружающих неподкупной честностью и чистотой нравственного облика. Вересаев-писатель обращал внимание особым подходом к человеку, особым методом его описания, в котором чувствовался врач, знающий болезни человеческого тела и души, ученый, размышляющий над путями и способами изменения человеческой судьбы.

Родился писатель 4 января (16 января) 1867 года в Туле, в доме, принадлежавшем его родителям, на улице Верхне-Дворянской (ныне ул. Гоголевская). В этом доме, ставшем впоследствии его Домом-музеем, он провел детские и юношеские годы, здесь проходило становление его характера, формировались жизненные убеждения и принципы.

Родителей В. В. Вересаева — Викентия Игнатьевича и Елизавету Павловну Смидовичей можно по праву отнести к ярким представителям тульской интеллигенции конца XIX — начала XX века, внесшим большой вклад в историю и культуру города. Викентий Игнатьевич Смидович работал в Туле детским врачом сначала в больнице Прихода общественного призрения, а затем занимался частной практикой и считался одним из лучших тульских врачей. Замечательный врач, известный общественный деятель, он много сделал для нашего города — создал Общество санитарных врачей, первым провел перепись населения, открыл бесплатную больницу для бедных, где работал на общественных началах, многое сделал для улучшения санитарного состояния Тулы. Его супруга Елизавета Павловна Смидович стала первым организатором не только в Туле, но и в России детского сада, который был по тем временам «совершеннейшей новинкой». Будучи представителями дворянского сословия, Викентий Игнатьевич и Елизавета Павловна Смидовичи дали своим детям прекрасное образование, воспитали любовь к Родине, заложили систему высоко духовных и этических ценностей, которым всю свою жизнь следовал и В. В. Вересаев.

Читателям и почитателям таланта писателя всегда интересно, какими были его первые творческие шаги и литературные успехи. И мы обращаем наш взгляд в прошлое — к гимназическим годам Викентия Смидовича, ведь именно тогда началась проба пера будущего писателя В. В. Вересаева. В 1881 году, будучи гимназистом Тульской мужской классической гимназии, он начал писать дневник, который с небольшими перерывами вел всю жизнь. Именно эти записи легли в основу его «Воспоминаний» — автобиографического произведения, воссоздающего быт тульской дворянской семьи, а также самой Тулы конца XIX — начала XX века. Попытка проанализировать свое вероубеждение нашла отражение в написании первого стихотворения «Молитва», посвященного матери. Затем трепетное, возвышенное вдохновение влюбленного юноши вылилось в лирические строки стихотворений, одно из которых («Раздумье») вскоре было опубликовано в журнале «Модный свет» № 44 от 23 ноября (ст.ст.) 1885 года. И именно эта публикация положила начало профессиональной писательской деятельности В. В. Вересаева.

Студентом Петербургского университета, куда будущий писатель поступил в 1884 году на историко-филологический факультет, Викентий Смидович много читает, занимается самообразованием, пробует писать прозу. Переосмысление творческих интересов приводит к желанию «служить литературе и людям», а именно — стать прозаиком.

По окончании в 1888 году Петербургского университета со степенью кандидата исторических наук Викентий Смидович решает продолжить образование и поступает в Дерптский университет на медицинский факультет, где будет учиться вплоть до 1894 года. «Я мечтал стать писателем и именно беллетристом. А писатель, изучая человека, должен быть совершенно ориентирован в строении и отправлениях его тела, во всех здоровых и болезненных состояниях как его тела, так и духа», — вот та причина, по словам В. В. Вересаева, почему он выбрал медицинское образование. Занятия медициной дали будущему писателю многое — и научно-исследовательскую практику в университетской клинике под руководством опытных профессоров, и богатый материал для своего первого крупного прозаического произведения. Этим произведением стали очерки «Подземное царство», в которых отразились впечатления писателя от работы врачом в шахтерском городке Юзовке (ныне Донецк) во время эпидемии холеры. Очерки, увидевшие свет в журнале «Книжки Недели» в 1892 году и впервые подписанные литературным псевдонимом «Вересаев», окончательно определили основные особенности прозаического стиля писателя — автобиографичность, предельная правдивость исторических фактов и документализм повествования.

Однако, литературных критиков заинтересовали не очерки, а следующее произведение молодого прозаика — повесть «Без дороги». Произведение, в котором автор дает картину мучительных и страстных поисков молодым поколением смысла и путей жизни, было напечатано в журнале «Русское богатство» в 1892 году и высоко оценено критиками. Так В. В. Вересаев вошел в русскую большую литературу.

Творчество писателя всегда было неотделимо от истории России, всех событий и перипетий того неспокойного времени, в котором судьба определила В. В. Вересаеву жить. Писатель всегда находился на пике исторических событий, документально фиксируя их в своих произведениях. И было о чем поведать читателям «летописцу русской интеллигенции»! Три революции, четыре войны нашли свое отражение в произведениях писателя. Русско-японская война, в которой писатель участвовал в качестве врача военного полевого госпиталя, с нескрываемой болью о погибших русских солдатах описана в «Рассказах о русско-японской войне» и «Записках на войне». Гражданская война со всеми ее противоречиями развернулась на страницах исторического романа «В тупике». Процесс становления советской власти и коллекти-

визации в нашей стране очень откровенно показан в романе «Сестры», а Великая Отечественная война навсегда осталась в памяти писателя в его «Невыдуманных рассказах о прошлом».

Писатель-реалист, В. В. Вересаев всегда был в эпицентре не только исторических, но и общественно-литературных событий. Отдельного упоминания заслуживает участие писателя в деятельности литературного кружка «Среда», существовавшем в столице в конце XIX века. «Литературная молодежь того времени и писатели с определившимися именами в лице лучших представителей образовали крепкое литературное ядро. И ядру этому было имя — «Среда», — отмечал в своих «Записках писателя» основатель кружка Н. Д. Телешов. И далее: «...В «Среде» общественностью ведал главным образом Вересаев, которому все доверяли». Теперь, спустя более ста лет со времени образования этого литературного кружка, мы можем с уверенностью сказать, что «Среда» была своеобразным зеркалом, которое полно и емко отражало всю творческую и писательскую жизнь столицы. В кружок входили как начинающие тогда писатели (А. Серафимович, С. Найденов, Е. Чириков, М. Горький и др.), так и мэтры, прочно завоевавшие свое место в большой литературе (И. Бунин, А. Чехов, В. Короленко, Д. Мамин-Сибиряк, Л. Андреев). Через «Среды» проходили обычно в рукописях еще не опубликованные многие новинки писателей. В большинстве случаев читали сами авторы. А помимо обычных собраний кружка, которые проходили по средам (отсюда и название литературного общества), время от времени устраивались и так называемые выходные, или большие «Среды», на которых можно было встретить поэтов и писателей нового направления (В. Брюсова, К. Бальмонта, А. Белого, Ф. Сологуба), артистов, известных адвокатов, врачей, художников, издателей, профессоров, журналистов. Члены «Среды» имели возможность влиять на самые разные стороны жизни. Через литературно-художественный кружок они помогали писателям, артистам, художникам, впадшим в беду или крайность; через Общество периодической печати с его судом чести защищали права и достоинства отдельных деятелей науки и литературы; через Кассу взаимопомощи литераторов и ученых собирались ими товарищеские средства, чтобы оказать помощь на лечение или учебу детей. И неудивительно, что В. В. Вересаев со своей гражданственностью, честностью и гуманизмом стал одним из вдохновителей и руководителей общественной жизни кружка.

Важной составляющей общественно-литературной деятельности В. В. Вересаева стала также активная редакторская работа, создание «Книгоиздательства писателей в Москве», в течение многих лет влияющего на писательскую атмосферу начала XX века. На страницах литературных сборников «Клич» и «Слово» В. Вересаев, вместе с Н. Телешовым и И. Буниным, публиковал произведения не только маститых, уже сложившихся писателей, но и молодежи, только совершающей свои первые шаги в литературе.

Но вернемся к творчеству самого писателя. Не было ни одного литературного жанра, который не привлек бы внимательный взгляд исследователя, жаждущего познания и осмысления человеческой души и человеческой жизни. Литературный талант В. В. Вересаева отразился в написанных повестях и рассказах, очерках и литературно-философских трактатах.

Книга В. В. Вересаева «Записки врача», переведенная на многие языки мира, стала ярким художественно-публицистическим произведением в литературе начала XX века. Затронув проблемы медицины того времени, писатель открыто первым заговорил о несовершенстве медицинского образования того времени, бесстрашно и обвиняюще показал неприемлемые для существования бытовые условия своих пациентов-рабочих. «Записки врача» имели такой успех, что рождали бурные споры и дискуссии, и впоследствии были переведены на несколько иностранных языков. Интерес к

этому произведению не угасает и до сих пор, заставляя современных врачей вновь и вновь обращаться к методам лечения больных, предложенных В. В. Вересаевым.

Своей нравственно-психологической глубиной привлекают читателей крестьянские рассказы писателя. В них В. В. Вересаев сделал попытку познать и донести до читателя глубинные духовные основы русского народа, претерпевающие неизбежные изменения в процессе истории нашей страны. Об этих произведениях в свое время одобрительно отзывались и А. П. Чехов, и М. Горький, и Л. Н. Толстой, который считал, что «у Вересаева тургеневская манера писать». Сколько размышлений о тяжелой крестьянской доле запечатлено на страницах этих произведений!

Познаваемые В. В. Вересаевым на протяжении всего литературного творчества смысл и тайну жизни писатель талантливо воплотил в жанре критической литературы. Его литературно-философское исследование «Живая жизнь», по мнению критиков, стало одним из наиболее удачных произведений. В анализе произведений Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, Ф. Ницше писатель В. В. Вересаев блестяще вплетает свое мировосприятие и жизненное кредо, основой которого стало светлое, открытое восприятие окружающего мира. «Жив только тот, для кого мир прекрасен, несмотря на все его ужасы, страдания и противоречия», — писал В. В. Вересаев. Именно эти слова из книги «Живая жизнь» стали основным жизненным и литературным принципом писателя-гуманиста.

Еще при жизни писатель собрал отдельную книгу воспоминаний. Две ее части составили автобиографические воспоминания о детстве и молодости («В юные годы», «В студенческие годы»), в третью часть вошли «Литературные воспоминания» о деятелях культуры, о процессе литературной жизни, об отдельных фактах и событиях литературного мира, свидетелем которых писатель был. Органическим завершением литературных воспоминаний В. В. Вересаева явились его «Записи для себя», которые принадлежат многоопытному и наблюдательному человеку. Размышляя о явлениях искусства, о природе человека и его поступков, писатель представляет читателю зарисовки сферы человеческих привычек, чувств, заблуждений.

Отдельного упоминания заслуживает и переводческая деятельность В. В. Вересаева. Он стал первым писателем, который перевел всемирно известные древнегреческие эпические поэмы Гомера «Одиссея» и «Иллиада», состоявшие из 28 000 стихов, на современный русский язык. Какая титаническая работа! Какое тонкое понимание стилистических особенностей и внутренней наполненности древнегреческого языка! Внимание писателя-переводчика привлекали и были талантливо им переведены с греческого языка произведения Сафо, Архилоха, Гесиода, Гомера. За свои переводы, высоко оцененные литературными критиками, В. В. Вересаев был удостоен Пушкинской премии.

Не случайно здесь мы упомянули А. С. Пушкина, ведь неразгаданная тайна великого русского поэта на протяжении многих лет манила В. В. Вересаева, заставляя вновь и вновь искать ответы на мучившие его вопросы. Сейчас можно с уверенностью сказать, что эти литературные поиски не только привели В. В. Вересаева к пушкинской теме в творчестве, но и сделали писателя одним из лучших пушкинистов нашей страны. Писатель стал первым исследователем, обратившимся к психологии пушкинского творчества и пытавшегося соотнести поступки великого поэта с исключительной целомудренностью его стихотворений. Перу В. В. Вересаева принадлежат такие известные произведения об А. С. Пушкине, как роман-хроника «Пушкин в жизни», двухтомник «Спутники Пушкина», а также многочисленные литературные исследования («Об автобиографичности произведений Пушкина», «Дуэль Пушкина» и мн. др.) Являясь членом Всесоюзного Пушкинского комитета, который он возглавлял до конца своих дней, В. В. Вересаев прочитал множество лекций о классике русской литературы, одновременно анализируя творчество другого великого писателя —

Н. В. Гоголя (роман-хроника «Гоголь в жизни» стал логическим завершением исследований писателя).

Исследуя творчество писателя, невольно поражаешься не только глубине его познаний в разных литературных, и не только литературных, областях, но и емкости его духовного мира, твердости характера, неутомимой работоспособности. Однако многие строки не обрели бы свое бессмертие на бумаге, если бы не внутренняя наполненность самого писателя, его высокодуховный, нравственно-этический мир, за который В. В. Вересаев удостоился в писательских кругах уважаемого звания «Каменный мост». Подтверждением этому могут стать слова М. Горького, который писал: «...Я всегда чувствовал в лице Вашем спутника, коего привык уважать и за твердость шага и за неуклонность со своей тропы. Хороший Вы человек, Викентий Викентьевич... И когда люди Вашего типа вымрут в России — лишится Русь замечательной части духовной красоты, силы и оригинальности своей. Лишится. И не скоро наживет подобных».

Современные писатели искренне ценили и глубоко уважали В. В. Вересаева. Многие поздравительные адреса, полученные писателем в 1925 году на праздновании его 40-летней литературной деятельности, это подтверждают. Приведу некоторые из них. М. А. Волошин: «Позвольте мне Вас обнять, и не только как славного русского писателя, но и как прекрасного, доброго, отзывчивого человека, всегда готового прийти на помощь другим. Правда, и это относится к «священным» традициям русской литературы, но на практике встречается ой как редко». А. А. Фадеев: «Когда мы были еще подростками — мы уже слышали имя Вересаева, — связанное с именами величайших писателей, на которых мы росли и воспитывались. Пушкин, Гоголь, Толстой, Чехов, Горький, Вересаев — вот в каком окружении вспоминается давно знакомое имя Викентия Викентьевича». Н. Д. Телешов: «Его (Вересаева) переводы Сафо, Гесиода, Архилоха и Гомеровых гимнов... я считаю по точности и стилистическому чувству подлинника лучшими переводами во всей нашей литературе». А так говорил о своем собрате по перу А. Серафимович: «Несмотря на подлое и жестокое время, Вересаев никогда не произнес в своих писаниях ни одного лукавого, неверного слова. Правдивостью, искренностью проникнуты все его произведения, и они оказали громадное влияние на формирование сознания молодежи и интеллигенции».

До сих пор произведения В. В. Вересаева выполняют свою высокую миссию — воспитывают в читателях идеалы добра и справедливости, учат размышлять и познавать мир, стремиться к прекрасному. Разножанровое, талантливое творчество писателя актуально, востребовано и пользуется успехом у читателей. Малыши с большим интересом слушают «Сказку про доброго воробышку» и рассказы «Друзья в масках» о братьях наших меньших. Подростки познают чистоту отношений по рассказам «Исанка» и «Пари». Студенты, интересующиеся историей нашей страны, обращаются к повестям и романам «Без дороги», «В тупике», «Сестры», с удовольствием читают «Невыдуманные рассказы о прошлом». Преподаватели литературы цитируют на уроках «Живую жизнь». Почитатели жизни и творчества А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя изучают романы-хроники В. В. Вересаева — яркий литературный калейдоскоп воспоминаний о гениях русской литературы. Любители древнегреческой культуры впитывают ее по талантливым переводам писателя и его блестящим сопроводительным статьям, исследующим творчество древнегреческих поэтов. Врачи обращаются к «Запискам врача» и очеркам «Подземное царство», проводя параллели с проблемами уже современной медицины. Исследователи истории и культуры, интересующиеся принципами дворянского воспитания, черпают материал в книгах «В юные годы» и «В студенческие годы». Современные писатели и литературоведы, обращаясь к биографиям известных русских писателей XX века, читают «Литературные портре-

ты» В. В. Вересаева. А протест писателя против ужасающей сути войны, воплощенной им в художественных рассказах о русско-японской войне и записках «На войне», остаются актуальными, увы, и по сей день.

И не случайно имя В. В. Вересаева продолжает звучать и сегодня. Туляки свято хранят память о талантливом писателе-земляке. Сохранить интерес к личности писателя, к его литературной и общественной деятельности призван единственный в России Дом-музей В. В. Вересаева, открытый в Туле, на родине писателя, в 1992 году к его 125-летию. На сегодняшний день это единственная сохранившаяся в Туле усадьба городского типа, и в планы музея входит ее восстановление.

В основе экспозиции музея — личные вещи писателя, его произведения, фотографии, портреты, переданные по завещанию В. В. Вересаева в фонды музейного объединения. Атмосфера уютного родительского дома представлена в разделах экспозиции, посвященных его детству и юности. Здесь фотографии его родных и знакомых, книги, по которым учился будущий писатель, его первые стихи и документ об окончании гимназии с серебряной медалью. В разделах экспозиции, посвященных началу литературной деятельности, периоду творческой зрелости и последним годам жизни и творчества В. В. Вересаева — журнальные публикации произведений писателя, его книги, личные вещи, подарки к юбилейным датам, а также книги и фотографии с автографами писателей А. Чехова, М. Горького, Л. Андреева, А. Чапыгина, И. Новикова. Большой интерес у посетителей вызывает мемориальная экспозиция «Московского кабинета писателя», воссоздающая квартиру писателя в Москве.

Дом-музей В. В. Вересаева давно стал в Туле центром литературной и культурной жизни города. В литературной гостиной музея проводятся Вересаевские чтения, литературно-музыкальные вечера, встречи с писателями, действуют инновационные проекты для школьников. Дом-музей В. В. Вересаева привлекает под свою крышу всех любителей русской литературы и почитателей таланта писателя, одаренную молодежь, которая делает свои первые шаги в литературе, учащихся школ в их познании основ мировой художественной классики, специалистов в музейном деле, исследователей в области литературного краеведения. В январе 2012 года музей отметит свое 20-летие.

Память о писателе свято чтят и в Тульской области. В городе Ясногорске городская библиотека носит имя В. В. Вересаева, одна из улиц города также названа в его честь, так же, как и одна из тульских улиц. В селе Теплое Тепло-Огаревского района восстановлен Свято-Иверский храм, который был построен родным дядей отца писателя — В. М. Смидовичем.

Литературное наследие Викентия Викентьевича Вересаева давно является частью классической русской литературы. Через мудрые строчки своих произведений, писатель продолжает говорить с нами, людьми XXI века, делиться своим жизненным опытом, учить честности и любви к Родине. И по сей день творчество писателя продолжает быть актуальным и востребованным, и, я уверена, талантливые произведения автора найдут отклик в душах и сердцах еще многих поколений.

ПУБЛИЦИСТИКА: ОЧЕРКИ

Рагим Мусаев
(г. Тула)

ОДНОКЛАССНИКИ. 1941

Родился 6 ноября 1977 года в городе Богородицке Тульской области. Получил два высших образования в области юриспруденции и государственного и муниципального управления. Подполковник юстиции, служит в Следственном управлении УМВД России по Тульской области, одновременно преподает в ВУЗе. Автор более десятка научных публикаций и научно-практических пособий, в том числе монографии по проблемам квалификации актуальных составов преступлений. Женат. Живет и работает в Туле.

Член литературного союза «Полоцкая ветвь». Публиковался в газетах «Владивосток», «Калужский перекресток», «Край Дорогобужский», «Богородицкие вести», литературном альманахе «Край городов», а также в литературных альманахах сети Интернет.

В 2010 году издана книга «Окно в театр». В 2011 году книга «Спасибо, что он был. Семейное расследование» заняла 1 место на Всероссийском ежегодном конкурсе на лучшее произведение о работе следователя в номинации «Журналистика и литературная публицистика».

У каждой эпохи свое лицо, определяемое политическим строем, веяниями моды, уровнем развития науки и прочим множеством важных факторов. При этом во все времена люди рождаются, влюбляются и мечтают одинаково, совершенно не обращая внимания на настроения политиков, длину юбок, электрофикацию, урбанизацию, глобализацию...

В этом смысле выпускники 1941 года в своих мечтаниях и желаниях мало чем отличались от выпускников 2011 года. И все же предвоенное поколение, многим из которого суждено было остаться двадцатилетними, уникально. Именно благодаря этим мальчишкам и девчонкам, сильным духом и телом, неправдоподобно честным и по-настоящему ответственным, была одержана Победа в одной из самых ужасных войн в истории человечества.

ПИСЬМА И ФОТОГРАФИИ

Мой дед, Владимир Владимирович Саморуков, закончил школу перед самым началом Великой Отечественной войны. Я всегда удивлялся и завидовал его отношениям с одноклассниками, которые поддерживались до самых последних дней.

Он, как и все ученики 10 «а», выпущенные в жизнь перед самой войной, искренне верили в то, что именно они призваны строить и защищать новую жизнь, активно интересовались друг другом и окружающим миром. Сложно поверить, но уже после окончания школы в условиях войны одноклассники вели оживленную переписку. Причем это был не обмен письмами между несколькими школьными друзьями или конкретными влюбленными.

Это было массовое явление, в котором принимали участие все или почти все одноклассники. Никто этого не требовал, за это не могли поставить оценку, это было велением их сердца. Последнее письмо от своей одноклассницы Ани Крапивинной (тогда — Митяевой) дед получил спустя 62 года после окончания школы, когда им обоим было за 80. К сожалению, от некоторых одноклассников письма перестали поступать уже в выпускном 1941.

Живым и здоровым 10 «а» остался только на общей фотографии. Мария Князева вспоминала: *«29 октября 1940 года, в день рождения Ленинского комсомола, мы решили сфотографироваться всем классом. До конца учебного года было еще далеко, но все чувствовали, что скоро предстоит расстаться, и хотели сфотографироваться. Пришел с фотоаппаратом К. М. Юрьев, наш учитель рисования...»*

— Дед, а почему этой фотографии нет в твоём альбоме?

— Мы с мамой жили небогато, а в это время ввели плату за обучение в старших классах. Денег на фотографию просто не было.

Мария Князева: *«Думали ли мы тогда о счастье видеть друг друга живыми? Класс наш был очень дружным. Сильные ученики всегда помогали отстающим...»*

Мальчишки часто готовили домашние задания сообща, собираясь дома, например, у Вити Володина, которого любили за общительный, добрый нрав. Семья Вити жила небогато, не всегда хватало денег на учебники, тетради и ботинки, но учился парень хорошо. Решение задач традиционно сменялось шашечным турниром. Обожавший рыбалку Витя часами мог пропадать с удочкой на городском пруду и почти всегда брал с собой кого-нибудь из друзей-мальчишек.

Уже в июле 1941 года Виктора направили в Московское артиллерийское училище. В письмах курсант Володин подробно описывал трудности и успехи учебы. Летом 1942 года он писал: *«Мои родные! Училище закончил. Получил звание лейтенанта. Теперь я командир гвардейского расчета. Живу хорошо. Жду лучшего»*. 29 июля под Сталинградом в лейтенанта Володина угодила авиационная бомба. От него осталось только имя, выбитое на памятнике в селе Логово.

«НАМ НЕТ ПРЕГРАД НИ В МОРЕ, НИ НА СУШЕ...»

Уже после войны бывший директор школы Иван Яковлевич Пахомов вспоминал: *«На этих ребят можно было во всем положиться. Были они дисциплинированными, аккуратными, вежливыми. Большинство участвовали в художественной самодеятельности»*.

Одним из любимых развлечений предвоенного городка было кино. Юлия Юдина (Зенякина): *«В кино мы всегда ходили вместе, только не на последний сеанс, с этим тогда было строго. Почти все у нас занимались в каком-нибудь кружке. Их в школе было много: духовой и струнный оркестры, драматический кружок, изостудия, юнатский и фотокружок»*.

Славился школьный драмкружок, ставивший пьесы современных советских авторов на злобу дня и русскую классику. После роли Правдина в школьной постановке «Недоросля» признанным актером стал Слава Перепелкин. Летом 1942 года он писал однокласснице Юле Юдиной: *«Добрый день, Юля! Здравствуй! Нахожусь я на Калининском фронте в районе Ржева. В наступлении пока еще не участвовал. Находимся все время в обороне... Первого мая получил письмо от группы девочек нашего класса. Отвечайте на письма быстрее. Ведь время не ждет, и каждый день приносит с собой много изменений...»* Лучший актер 10 «а» остался под Ржевом.

Мария Князева: *«А как мы любили школьные вечера, как увлеченно к ним готовились. С концертами выступали в санатории им. Белкина и в городском клубе. Аня Митяева прекрасно читала стихи. Магдалина Панова пела восхитительно, мальчики танцевали «яблочко», «гопак», «цыганочку».*

Среди мальчишек выделялся Алексей Ведников, выглядевший взрослее остальных ребят. Тайная любовь одноклассниц, красавец-блондин, он прекрасно танцевал, хорошо рисовал и отличался почти неправдоподобной честностью. Многие завидовали Алексею: он был единственным в классе обладателем часов и авторучки. В августе 1942 года танкист Ведников писал из-под Ржева: *«Получил красавицу машину. Хорошо бы на ней приехать в Богородицк...»* Танк не добрался до Богородицка. Он сгорел под Ржевом. Вместе с Алексеем.

В предвоенные годы по всей стране действовала широкая сеть кружков по изучению военных знаний. Парней и девушек обучали правилам противоздушной и химической обороны, меткой стрельбе. Во всем этом присутствовал дух соревнования. Лучшие после сдачи нормативов, в которые, например, входили бег, плавание, лыжи, подтягивание на перекладине, метание гранаты, могли претендовать на получение значка «Готов к труду и обороне» (ГТО). Другим модным значком был «Ворошиловский стрелок», для обладания которым требовалось выполнить ряд упражнений из боевой винтовки.

— *А почему стрелок именно Ворошиловский?*

— *По имени легендарного маршала Красной армии Климента Ефремовича Ворошилова, славившегося своей меткостью.*

Не обошло стороной это движение и Богородицк. В городе были оборудованы спортивные площадки и тир, действовали различные оборонные кружки, в том числе конноспортивная секция. Кстати, у конников был свой значок — «Ворошиловский наездник».

На городском пруду у плотины стояла десятиметровая вышка для прыжков в воду. Построили и вышку для прыжков с парашютом. Несколько лет перед войной в городе даже базировалась школа летчиков. Провинциальный Богородицк буквально замирал, когда над ним проносились знаменитые «У-2», известные в народе как «кукурузники». Лев Шершов, живший неподалеку, вспоминал: *«Самолеты притягивали к себе. Когда летчики ходили на работу или с работы, то за ними всегда бежала ватага ребят. Жизнь летчиков проходила в строгом режиме. По городу «не шатались». С девушками «не дружили».*

— *Дед, у тебя был значок ГТО?*

— *У меня был значок «Готов к труду и обороне» II степени, за ним уже шел кандидат в мастера спорта. Еще я имел значок «Ворошиловский стрелок» II степени. Спортивный зал нашей школы был хорошо оборудован. Вместе с другими ребятами занимался на кольцах, брусьях, крутился на турнике, на козле.*

Общественная и спортивная жизнь была ключом, но и про учебу ребята не забывали.

ВЫПУСКНЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Экзамены звучно именовались «выпускными испытаниями». 25 мая 1941 года районная газета «За уголь» в статье «У десятиклассников» сообщала об их начале: *«На испытания по литературе учащиеся 10-го класса «А» Богородицкой средней школы № 1 собрались задолго до начала. Волнение их понятно, они держат первое устное испытание в этом году. Первыми к столу подходят учащиеся Володин, Саморуков, Крысин».*

Билет содержал 3 вопроса: по русской, советской и зарубежной литературе. Последняя в довоенной школе изучалась довольно глубоко.

«Немного подумав, Володин спокойно, уверенно дает характеристику образу Старцева по рассказу Чехова «Ионыч». Так же хорошо он передает отрывок из «Поднятой целины» Шолохова — об агитационной работе Ванюши Найденова. Однако он слабо охарактеризовал образ Гретхен из трагедии Гете «Фауст». Ответ его оценен на «хорошо».

О судьбе Вити Володина мы вспоминали. А вот о дальнейшей жизни Вани Крысина ничего не известно. Одноклассники считали его погибшим.

«Владимир Саморуков ярко и полно обрисовал образ большевика, руководителя партизанского отряда — Левинсона из романа Фадеева «Разгром». Чувствуется, что он читал это произведение и хорошо усвоил его содержание. Удачно справился Саморуков и с другими вопросами. Он заслужил отличную оценку». Между прочим, на этом экзамене по литературе было поставлено всего три пятерки.

«Веселая, улыбающаяся подходит к столу Нюра Воротникова. Взяв билет, немного подумав, она... правильно характеризует образ Павла Власова из романа Горького «Мать».

Экзамены принимали серьезно, обращая внимание не только на формальное знание материала: *«Слабой стороной являются неровности, шероховатости языка, стилистически неправильное построение предложений у некоторых учащихся. Правда, их немного, но как они «режут» слух! Вот ученик С. говорит: «Он ненавидит этот случай, что допустило убийство отца...», или «... он презирает общество, ненавидит ее...»*

«Нельзя не отметить некоторые недостатки в ответах учащихся. Некоторые из них слабо, невыразительно читают стихотворения. Особенно это сказалось в ответе Селиванова».

Лейтенант Владимир Селиванов погибнет 31 июля 1943 года при освобождении хутора Редкий под Курском.

«Еще один недостаток — не умеют правильно привести цитаты, хотя некоторые и пытаются это делать. Так, Зиновьев, начав цитировать содержание речи Луки из произведения Горького «На дне», запутался и не закончил».

Летом 1943-го командир взвода Михаил Зиновьев останется на Курской дуге. В декабре того же года его старший брат Николай, командир артиллерийской батареи, за участие в освобождении Киева будет удостоен звания Героя Советского Союза.

«В целом же испытания по литературе в 10-м классе «А» оставили хорошее впечатление... Один за другим, уверенно отвечают десятиклассники. Доволен педагог И. С. Лазуренко!»

Высокий, худой и немного замкнутый, Иосиф Степанович Лазуренко — один из любимых преподавателей деда. В том числе благодаря ему дед всю жизнь любил читать, сетуя в последние годы на то, что не может читать много, так как устают глаза.

— Дед, что тебе нравилось читать в те годы?

— Очень охотно читал, и читал многое помимо школьной программы. В школе любил Жюль Верна, Вальтера Скотта, Дюма, нравилось читать про средневековых рыцарей. Запомнилась книга, где на одном из рисунков был изображен закованный в

тяжелые доспехи рыцарь на лошади, въезжающий по перекинутому через ров узкому мостику в замок. Что это была за книга, уже не помню, она сгорела вместе с домом во время отступления фашистов из Богородицка в декабре 1941 года.

АТТЕСТАТ ЗРЕЛОСТИ

Так дед и его ровесники называли аттестат о школьном образовании. Я полагал, что так этот документ назывался в их школьные годы, и оказался неправ. Аттестат зрелости получали выпускники мужских гимназий до 1917 года. А вот выпускницы женских гимназий для получения аттестата зрелости должны были сдать дополнительные экзамены. С тех пор прошло почти сто лет, но старое, красивое название до сих пор в ходу. Аттестат зрелости деда № 45 от 19 июня 1941 года хранится в нашей семье.

— Дед, столько лет прошло! Как он уцелел? Дом ведь в войну сгорел?

— Дом подожгли отступающие немцы. Братья мамы выбежали и стали тушить соломенную крышу. Поджигатели расстреляли их. Что наш дом, дотла сгорел почти весь город. Уцелело только то, что зарыли в саду.

Историю, отмененную после революции и возвращенную в школьную программу по личному распоряжению Сталина только в 1934 году, вел завуч А. А. Разовский. Арона Абрамовича любили за доброту и искреннюю заботу, которую ощущал буквально каждый ученик. Ему до всего было дело, и не было той проблемы, которую бы Арон Абрамович не мог уладить.

Тригонометрия была самостоятельным курсом и изучалась отдельно от алгебры и геометрии. Нелюбимый дедом математический цикл преподавал Николай Александрович Гусаров. Ребята побаивались всегда сурового и очень строгого учителя, но уважали. Пунктиком Гусарова был внешний вид учеников. Мальчишку, рискнувшего появиться в неглаженных брюках, неизменно встречало суровое: *«Что надел водопродные трубы?»*

Многочисленные химические опыты ставились под руководством Андрея Дмитриевича Гребенева, который одновременно являлся классным руководителем 10 «а».

— Дед, неужели ты любил нелюбимую мною химию?

— Мы все ее любили, по-другому было просто нельзя. Наш учитель химии А. Д. Гребенев проводил уроки живо, интересно и свободно, включая в процесс каждого из нас. И классным руководителем он был настоящим: все время что-то придумывал, организовывал.

Не удивительно, что Андрей Дмитриевич присутствует почти на всех фотографиях 10 «а», сделанных в стенах школы, на природе, в парке, на берегу пруда...

Уже в 1941 году директор школы И. Я. Пахомов, классный руководитель 10 «а» А. Д. Гребенев и другие учителя уйдут добровольцами на фронт. Но первое дыхание войны старшеклассники почувствовали еще в 1940 году, когда в школе появился новый учитель физкультуры Абрам Фройдмович Виндман. Польский еврей рассказал о зверствах нацистов в оккупированной Польше, откуда он, мастер спорта по гимнастике, едва успел вырваться.

Помимо традиционных для сегодняшней школы предметов, у выпускников 1941 года в аттестате указаны, к примеру, геология и минералогия и основы дарвинизма.

Кроме этого, в аттестате значится предмет «Конституция СССР». На нем нельзя не остановиться. Ведь дед и его одноклассники изучали ту самую знаменитую «сталинскую» конституцию 1936 года, заявившую о победе социализма. Именно этот документ позволил каждому гражданину Союза Советских Социалистических республик смело заявлять: *«И все вокруг народное, и все вокруг мое!»* Каждый урок по Конституции СССР еще и еще раз доказывал школьникам, что они живут в лучшей и справедливейшей стране мира.

— Дед, ты действительно верил в это?
— Мы все верили. Нас так воспитывали.
— Но вы же видели, что говорилось одно, а происходило другое?
— Никто и не скрывал, что есть отдельные недостатки. Но для того мы, комсомольцы, и растем, чтобы своим трудом сделать страну лучше и краше. С этой верой мы и жили. Отец умер в 1936 году. Мама получала 400 грамм хлеба, на меня давали 300 грамм. Никакого хозяйства у нас не было, в прямом смысле этого слова мы голодали. На этой почве у меня кружилась голова и бывали случаи обморока. Однажды мой двоюродный брат Юрка предложил пойти на совхозный огород и украть там картошки. Я согласился. Когда мама пришла с работы, на столе стояла кастрюля с вареной картошкой. Мама потребовала рассказать, где я ее взял, и очень расстроилась, после чего потребовала, чтобы я больше так не делал. Мне было очень стыдно. Я знал, что обязательно должен выучиться, получить специальность и кем-то стать.

Именно люди, знавшие, что должны кем-то стать, и защитили свою лучшую в мире страну, без преувеличения собственными телами выложив путь к Победе.

Цикл выпускных экзаменов завершился физикой. Анна Сусанова: *«Оглашены экзаменационные оценки, а мы не уходим из физического кабинета... Как будто какое-то предчувствие, что нас ждет страшное: война, смерть...»* Вскоре выпускницы 10 «а» станут медсестрами, связистами, прожектористами, телефонистами... На фронте побывают Магдалина Панова, Юля Зенякина, Люба Ярова, Саша Митяева, Аня Санкина, Зина Звягина. По счастью, все девчонки вернутся домой. Анна Никифоровна Сусанова станет единственной в классе воевавшей женщиной-офицером. Вернемся к ее воспоминаниям: *«Нехотя вышли из школы и отправились в парк. Вот здесь, на большой аллее, стали играть в «чижика» — излюбленную нашу игру... Это было 19 июня 1941 года».*

УНИКАЛЬНЫЕ БРЮКИ, ПОХВАЛЬНЫЙ ЛИСТ И ПАЛЬЦЫ ХИРУРГА

«Выпускной вечер и вручение аттестатов об окончании школы были 20 июня 1941 года». Заметьте, теперь у внуков и правнуков «балы», а тогда у бабушек и дедушек — «вечера». В небогатые времена «вечеров» ставку делали на творчество и изобретательность. Никаких ресторанов и дорогих нарядов, зато школьный зал украсили вазами с полевыми цветами, их же дарили учителям. Модные парусиновые туфли начистили зубным порошком до ослепительно-белого состояния.

Дед, дабы соответствовать значимости события, начистил свои парадные (они же единственные) ботинки и решил заштопать такие же уникальные брюки. Черных ниток не оказалось. Денег на них не было тем более. Пришлось использовать белые, выкрашенные химическим карандашом.

Для начала бессменный секретарь школьной комсомольской организации Витя Чибисов и председатель ученического комитета Женя Бабкин от имени выпускников поблагодарили учителей за труд. Уже через месяц после выпускного Виктор Чибисов окажется в Московском артиллерийском училище. О том, что Сталинградская битва выиграна, он уже не узнает.

Услышав 22 июня о начале войны, остряк и балагур Женя Бабкин грустно сказал одноклассникам: *«Вот и отмечались».* Это последнее, что известно о главном математике класса. Дед и другие одноклассники считали его погибшим.

После напутственных слов учителей директор школы вручил аттестаты зрелости и начался долгожданный концерт. Образцовая школа № 1 славилась своими торжествами, а потому правдами и неправдами на концерт пробираются ученики других школ. Зал переполнен. Гвоздем программы стал поставленный учителем литературы И. С. Лазуренко отрывок из пьесы «главного драматурга» сталинской эпохи Александра Корнейчука «Платон Кречет».

Очевидцы вспоминают, что появление на сцене статного черноволосого красавца Саши Михеева в роли молодого талантливого хирурга Кречета зрительницы встретили восхищенным вздохом. Саше шла роль правильного интеллигента, борющегося с карьеристами и лживыми доносчиками. *«Пальцы хирурга должны так же быть разработаны, как пальцы скрипача или пианиста»*, — царил над залом его звучный, завораживающий голос. Весной 1944 лейтенант Александр Михеев, раненный при освобождении Могилева, умрет на операционном столе полевого госпиталя, не приходя в сознание.

Выпускной отмечали пирогами и мороженым. Как всегда помог классный руководитель. Андрей Дмитриевич достал где-то риса и яиц для пирогов и раздобыл всю необходимую посуду.

Анна Сусанова: *«А потом танцы, танцы до трех часов утра. В просторном зале гремит музыка — только у нас был свой духовой школьный оркестр. Веселились...»*

Мария Князева: *«Говорили о том, кто кем решил стать. Помню, Аня Митяева и Аня Селиверстова дружно решили быть учительницами. Тамара и Юля Зенякина собрались учиться на врачей. Лева Шершов — стать агрономом. Большинство мальчиков хотели поступить в военное училище. Боже, как весело, как хорошо нам было вместе. Казалось, что все по силам, что все задуманное сбудется и никогда не прервется наша большая дружба».*

В августе 1941 года Юлю Зенякину зачислят в Воронежский медицинский институт, но вскоре институт эвакуируют, а Воронеж попадет в оккупацию. Пережив оккупацию Богородицка и получив похоронку на отца, Юля, как и многие, попросится на фронт. Мстить за родного человека. Войну командир отделения связи Зенякина закончит в Румынии. Вернувшись в родной город, устроится работать в банк, выйдет замуж, родит сына... Врачом Юлия Васильевна не станет.

Мечта Левы Шершова осуществится. После войны Лев Сергеевич с отличием окончит сельскохозяйственный техникум и много лет проработает районным земле-устроителем, затем архитектором и охотоведом. Но сначала ему предстояла служба в 20 кавалерийской дивизии легендарного генерала Доватора. Во время боев в белорусских болотах дивизия попадет в окружение. Шершов, раненый в голову, ногу и плечо, целый день пролежит на морозе: *«Обидно было умирать в 20 лет. Потом в госпитале я узнал, что награжден орденом Славы III степени»*. Правда, до этого Лев Сергеевич перенесет серию сложнейших операций. Боевые товарищи, привезшие его в госпиталь, были уверены, что доставили уже мертвое тело.

Странное совпадение: за год до Левы Шершова точно так же на снегу в ожидании помощи, только под Мценском, истекал кровью его друг и сосед по последней парте Владимир Саморуков.

А тогда, 20 июня 1941 года, они были абсолютно счастливы. Впереди были мечты, планы, вся жизнь. Таким запомнился тот июньский вечер перед войной.

«ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОРОГИЕ МОИ!»

— Дед, а как ты узнал о начале войны?

— Из репродуктора на «крестах» (перекресток улиц Ленина и Коммунаров в Богородицке). В те годы значительную часть новостей люди узнавали именно из уличных репродукторов. Пожилые люди запричитали, старухи заплакали.

— И что ты сделал?

— Ничего. Домой пошел. Я как раз возвращался с продуктами.

— И что дальше? Война ведь!

— А что война? Я понял, что пришло время больших и тяжелых испытаний. Но нас готовили к этому. В кино или фильмы о войне, по радио пели песни: «Непобедимая и легендарная», «Когда настанет час бить врагов... не зевай!» Только что за-

кончилась финская война, из которой СССР вышел победителем. Нам внушали, что страна готова дать отпор врагу, что война если и начнется, то продлится недолго. Мы верили, что никакой враг не сможет перейти нашу советскую границу и военные действия будут вестись на территории противника. Того, что случилось в действительности, мы не ожидали.

На фронт семнадцатилетних выпускников школ не брали, а в военные училища как раз требовались молодые, идеологически подготовленные ребята с полным средним образованием. Дед вспоминал: *«Большинство мальчишек тех лет мечтали о поступлении в военные училища. Мечтал об этом и я. Но из-за близорукости мне отказали в приеме»*. В феврале 1942 года дед сумеет обмануть врачей и все же поступит в военное училище. Его одноклассники немного постарше оказались там сразу же после школы.

Витя Кобяков, попавший на год раньше деда в Московское военно-пехотное училище, 6 июля 1942 года писал родным: *«Здравствуйте, дорогие мои мама, Вова, бабуся! Шлю горячий привет и желаю наилучшего в здоровье. Пишу вам на перекуре, между часами занятий. Поэтому очень спешу. Мама! Как твои руки и ноги? Вылечилась ли ты? Напишите все подробно. Опишите всю жизнь Богородицка... Любящий вас сын, брат, внук Витя»*. Витя Кобяков остался под Сталинградом.

В условиях военного времени учеба в военных училищах велась по сокращенной программе. Уже примерно через полгода ребята выпускались лейтенантами и попадали в самую гущу событий.

Из писем Володи Селиванова: *«Мама, вы спрашиваете, курю я или нет. Отвечаю вам всю правду. Я не курю и не думаю начинать. Пользы от этого никакой... Пишите больше о себе и что знаете о моих знакомых... Еду на фронт мимо нашего дома... Хоть город издали посмотрю. Обидно. Но, может быть, еще увидимся. Очень хочется с вами повидаться... Если будет все благополучно, пришлю фотокарточку, где снят в новой форме с погонами»*. Летом 1943 под Белгородом несколько немецких «тигров» окружили и атаковали танк лейтенанта Селиванова. Когда вышла из строя поврежденная «тиграми» пушка, Володя открыл люк башни и стал отбиваться гранатами. Одного «тигра» Володя даже сумел поджечь, но вражеский снаряд разорвал башню его танка.

Ребята буквально рвались на фронт. Не внести свой вклад в разгром врага казалось им преступлением. Самого молодого в классе Колю Никонова, родившегося в 1925 году, на фронт не брали дольше всех. После окончания школы его направили школьным учителем в Тепло-Огаревский район. Помимо возраста, он не подлежал отправке на фронт как сельский учитель. Тем не менее, Николай добился направления в военное училище, воевал, выжил после ранения, имеет боевые награды.

Дед вспоминал: *«В нашем 10 «а» было 17 мальчиков. Война шла до 9 мая 1945 года и окончилась нашей Победой. После войны остались жить только 4 человека. Остальные погибли»*.

МЕЧТЫ, МЕЧТЫ...

Запись в дневнике деда от 5 мая 2005 года: *«Ходил на открытие мемориальной доски на здании бывшей «образцовой» школы №1, которую я имел честь закончить в 1941 году. На доске очень памятные мне ребята, погибшие в ту войну. На доске имена и выпускников 10 «б» (выпускных было 2 класса). Вместе с Шершовым Львом Сергеевичем («Левкой») стояли у доски в почетном карауле. С ним мы сидели в классе на задней парте, «на Камчатке», и оба остались жить. Оба старые и плохие по здоровью»*.

После войны здание образцовой школы №1, взорванное в декабре 1941 отступающими из Богородицка гитлеровцами, поднимали из руин пленные немцы. В восстановленном здании разместился дом культуры «Горняк», долго блиставший трофейной германской мебелью. Был даже резной рояль «Bekker» на точеных ножках.

Ребята из легендарного выпуска 1941 года осталось совсем немного. После всего пережитого никто из оставшихся в живых не спился, не наложил на себя руки, не опустил. Все, как один, чему бы они ни посвятили жизнь, стали людьми. Они жили за тех, кто не вернулся? Старались наверстать лучшие годы юности, украденные войной? Или просто каждого из них научили стремиться стать человеком?

Удивительно, но те из них, чьим мечтам не позволила осуществиться война, нашли свое продолжение в детях. Тамара Никашина не стала врачом, зато ее дочь Оля поступила в Московский медицинский институт. Не сбылась мечта Ани Селиверстовой стать учительницей. Педагогический институт закончил ее сын Валерий.

Мой дед воплотил свою юношескую мечту. Владимир Владимирович Саморуков, полковник юстиции, больше 40 лет отдавший работе в правоохранительных органах, воспитавший множество учеников, вошел в историю российского следствия как родоначальник первой в стране династии следователей, которой посвящен раздел экспозиции музея МВД в Москве. Эстафету подхватил зять — Мусаев Гашам, а сейчас в правоохранительных органах трудятся его внуки: названный в его честь Владимир и я, Рагим.

Воплотила девичью мечту Аня Митяева: Анна Трофимовна Крапивина более 40 лет вела в школе русский язык и литературу, вырастила 2 сыновей и 3 дочерей, стала бабушкой. И даже в преклонном возрасте Анна Трофимовна, не утратив интереса к жизни, продолжала, насколько позволяло здоровье, общаться и переписываться со своими одноклассниками. В письме деду от 20 мая 2003 года она сетовала на утрату красоты эпистолярной романтики, так как люди *«перестали писать письма, все стали звонить по телефону»*.

Следующую мысль из письма Анны Трофимовны я неоднократно слышал от своего деда, да и, по-моему, под ней могли бы подписаться все их одноклассники: *«Нашим детям, внукам и правнукам есть, чему у нас поучиться. Пусть сейчас многое воспринимают не так, как мы, когда строили светлое будущее, но в нашем поколении живет гордое сознание того, что жизнь прожита честным трудом не ради славы и денег, меньше для себя, больше для других»*.

Интересно, что почти у всех одноклассников, даже в преклонном возрасте, отмечали удивительную увлеченность жизнью, внутреннюю молодость, преданность своему делу, чудом сохранившиеся чувства доброты, чуткости и деликатности. Многие из нас, ныне живущих, даже в более юные годы об этих качествах могут только мечтать.

И из последнего письма Анны Трофимовны деду: *«Из нашего выпуска остались только ты и Лева Шершов... У меня на столике всегда под рукой список наших одноклассников, чтобы было легче поминать «за упокой». Ты, Володя, конечно, их всех помнишь. Вечная им память. Доброго здоровья живущим. До свидания. Твоя одноклассница Аня Митяева»*.

ИСТОЧНИКИ

- А. Векишина «Повесть о настоящем человеке» // «Богородицкие вести» от 23.05.1998 г.
А. Гребенев «У десятиклассников» // газета «За уголь» от 25.05.1941 г.
С. Лиокумович Серия публикаций «Великая Отечественная. 10 «а» класс» // газета «Ленинская правда» с 17.07.1974 г. по 07.08.1974 г.
С. Лиокумович «Будни тревожные» // газета «Ленинская правда» от 02.08.1974 г.
С. Лиокумович, О. Леонов «Мальчишки, мальчишки, вы первыми ринулись в бой» // газета «Молодой коммунар» от 27.10.1984 г.
С. Лиокумович, О. Леонов «Выстрелы после войны» // газета «Молодой коммунар» от 27.10.1984 г.
Е. Полякова «Встреча с выпускниками 1941 года» // газета «Ленинская правда» от 29.04.1988 г.
В. В. Саморуков «Вместо родословной», дневниковые записи и письма разных лет.
А. Шахно «Завтра была война». Последнее интервью В. В. Саморукова. // газета «Новотульский металлург» № 63 (7089) от 8 мая 2008 года.
Особая благодарность за предоставленные материалы руководителю музея «Отечество» Дома творчества юных Ольге Андреевне Кунаевой (г. Богородицк).

Игорь Нехамес
(г. Москва)

ВЕКОВЫЕ КАПИТАЛЫ ИЛИ СЕКРЕТЫ СЕМЕЙСТВА РОТШИЛЬДОВ

В Соединенных Штатах Америки семейство Ротшильдов вместе с крупнейшими банками США через Федеральную Резервную систему США имеет почетный заказ от тамошнего правительства — печатает американские доллары.

У этого семейства почти двести лет особые отношения с Английским национальным банком.

Во Франции Ротшильды в разные периоды XIX и XX веков, а также в начале XXI века кредитовали правительство страны в сложные для нее моменты.

Наконец, во всем мире фамилия Ротшильд ассоциируется с надежностью, банковской стабильностью и организацией качества жизни. А нумизматическая коллекция этого семейства по праву считается одной из самых редких и дорогих в мире.

Эта германо-англо-французская семья банкиров-промышленников существует уже более двухсот лет и считается по уровню своей стабильности одним из самых надежных семейных капиталов в мире.

Кому из нас не хотелось бы оказаться на месте Ротшильдов! Но одного желания мало. А вот знание секретов «финансовой непотопляемости» позволило бы сделать первый шаг вперед в этом направлении любому из нас.

Основатель династической империи Мейер Амшель Ротшильд завещал пятерым сыновьям свои секреты, универсальность которых проверена временем. И если их спроецировать на сегодняшнюю экономическую жизнь в России, то эффект окажется потрясающим: все сходится!

Итак,

СЕКРЕТ ПЕРВЫЙ

Однажды во время одного из традиционных семейных субботних обедов один из сыновей задал отцу-Ротшильду вопрос: «Как узнавать надежность той или иной денежной единицы?»

Ответ был конкретным и немногословным:

«В течение года покупай по одной золотой и серебряной монете этой страны».

Для непосвященных эти слова мало что объяснят. Поэтому хочу предложить пример из сегодняшнего дня. В конце января 1993 года в России был выпущен серебряный рубль весом в половину тройской унции, то есть 15,55 грамма, с пробой чистоты серебра 900.

В период с 29 апреля по 6 мая того года было объявлено о свободной реализации трех монет данной категории из серии «Красная книга». На тот момент курс доллара составлял 829 рублей. В феврале 1994 года Центральный банк России, продолжая традицию, выпустил еще несколько серебряных монет. Но теперь номинал был уже

два рубля, вес — четверть тройской унции, то есть 7,78 грамма, а проба чистоты серебра составила 500.

А теперь несложная задачка для читателя: каким будет курс доллара по отношению к рублю не позднее 1 февраля 1995 года?

Предположительный ответ на этот вопрос я знал еще в апреле 1994 года, ибо восемьсот двадцать девять рублей умножил на индекс 4,6, именно на столько «полегчала» серебряная денежка нынешнего государства Российского с пробой, весом и номиналом того же образца, но выпуска 1993 года.

Итак, ожидаемая цифра — за доллар будут давать не менее трех тысяч восьмисот четырнадцати рублей на 1 февраля 1995 года. У нас с вами, читатель, есть возможность совсем скоро убедиться в точности или приблизительности прогноза, сделанного по-ротшильдовски.

СЕКРЕТ ВТОРОЙ

Второй сын папаша Ротшильда, Натан, был отправлен в Англию. «Как распорядиться своей частью капитала?» — спросил он отца. Ответ был, как всегда, лаконичным:

«Сравни процентные ставки на выдаваемые кредиты четырьмя разными банками в течение полугода».

Трижды прав был в этом случае патриарх-финансист! Стабильность процентной ставки, а также понижение ее свидетельствуют о наличии значительных финансовых ресурсов в данной стране. Стоит ли в таком случае везти издалека сюда чужие капиталы?! А если процентные ставки по кредитам все время растут? Тогда зарубежные инвесторы могут быстро и без особых затруднений сколотить себе приличный капитал на покупке чужестранной недвижимости и земельных участков.

Не то ли происходит сегодня в России? А искусственное сдерживание столь выгодных инвестиций в Россию просто-напросто свидетельствует о сверхнаглости ряда нынешних зарубежных инвесторов, которые хотят сверхдешево, в сравнении с мировыми ценами, получить недвижимость и земельные участки в России. Они надеются, что задыхающаяся без притока новых валютных поступлений отечественная экономика проглотит и эту наживку.

СЕКРЕТ ТРЕТИЙ

И еще один секрет, которым поделился Ротшильд-старший со своими отпрысками. На вопрос: «Как обуздать инфляцию, которая обесценивает накопленные поколениями капиталы?» последовал ортодоксальный ответ:

«Возьми в союзники чужие деньги».

Если бы мы с почтением относились к финансовому наследию семейства Ротшильдов, то многое непредсказуемое в нынешней экономике России стало бы понятным для большинства населения. Вы согласны со мной, читатель?

* * *

Принято рассказывать о секретах людей, разбогатевших на честных, то есть разрешенных законодательно, финансовых операциях. На каких же принципах формировались «семейные капиталы» Ротшильдов?

СЕКРЕТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Когда сыновья подросли и встал вопрос об их дальнейшей предпринимательской судьбе, папаша Ротшильд, если верить легендам, повел их на судосборочный завод.

— Папа, ты хочешь купить корабль?

— Совсем нет! Я хочу наглядно показать вам один из принципов формирова-

ния банковского дела: всегда помни про корабельный корпус и надежность его конструкции!

И затем потрясенным отцовской афористичностью сыновьям было сказано:

«Создавая банк, обязательно старайся одновременно формировать и отделения банка!»

И чем их будет больше, тем лучше. Но, создавая отделения, стремись не к прямому подчинению, а к косвенной дочерности, чтобы в случае неудачи одного из отделений не рисковать частью основного капитала! Ведь если даже в один из отсеков корабля попадает вода, то он все равно сохраняет свою плавучесть, а не идет ко дну!

СЕКРЕТ ПЯТЫЙ

Кто из нас не мечтает о богатстве? О том, чтобы однажды в лотерею или в рулетку выиграть миллион долларов. О том, чтобы идти по улице и вдруг увидеть оброненный кем-либо самый крупный банкнот. О том, чтобы ссуженные деньги принесли баснословную прибыль.

Однако Ротшильд-первый на эти мечты смотрел по-иному. И один из его профессиональных девизов был таким:

«Не гнушаться даже одного талера!»

(Талер — это денежная единица Пруссии в XVIII—XIX веках — *авт.*).

Действительно: из мелких сумм и собираются большие деньги. А уж их можно давать в кредит под совсем немаленькие проценты. Именно Ротшильд первым среди финансистов мира обратил внимание на мелкого вкладчика, предлагая именно у него принимать на хранение деньги. Ведь малообеспеченным людям крайне трудно обеспечить сохранность ценностей, если они проживают, допустим, в трущобах или в коммунальных квартирах. Мелкие деньги складывались в астрономические суммы золотых талеров, которыми ссужали не только аристократические семьи, но даже и августейших особ! Как разумно почти двести лет тому назад поступал Ротшильд и как неразумно поступают сейчас те банки и фирмы, которые определяют первый взнос вклада не менее чем в сто тысяч рублей, а то и выше. Ну что ж, раз они не следуют ротшильдовским секретам, а пошли своим путем, то пусть судьей им будут десятки пройденных лет, если они, конечно, уцелеют в предпринимательской стихии.

СЕКРЕТ ШЕСТОЙ

У основателей финансовой империи Ротшильдов была потрясающая интуиция. Именно с ее «подачи» был сформулирован еще один профессиональный девиз-совет:

«Знай о клиенте все!»

Современники вспоминают, что будто бы однажды в лондонскую контору банкира Натана Ротшильда пришел безупречно одетый джентльмен с предложением профинансировать проект паровой компании по маршруту «Лондон — Дели». Он расписывал будущие выгоды, говорил о промежуточных портах-перевалах, наличие которых ускорит перевозку грузов. Рассуждал профессионально, в качестве документов прикладывал рекомендательные письма, различные расчеты. В один из завершающих этапов беседы предполагаемый клиент достал ящичек из крокодиловой кожи и закурил сигару. Но Ротшильда-сына насторожил запах... сигарного ящичка! Он был абсолютно новым. И Натан Ротшильд понял причину тревоги, мучившей его всю беседу: клиент был весь новый! Но ведь в солидном, хорошо поставленном деле так не бывает. И по окончании переговоров за клиентом была установлена... слежка. Довольно быстро выяснилось, что это был один из участников финансовой мошеннической группы. Так удалось избежать убытков. А сам Ротшильд включил в число служащих банка, опять же первым в мире, двух детективов, которые доподлинно узнавали о финансовом состоянии своих клиентов.

Следуй банки сегодня этим секретам — прогнозам из прошлого, то не случилось бы многочисленные проколы, когда по фальшивым авизо выдавали многомиллионные суммы, а щедро выделенные кредиты никогда не возвращались.

* * *

Основатель династии Ротшильд и его сыновья всегда очень серьезно относились к банковскому бизнесу и потому сумели за довольно короткий срок — всего за восемнадцать лет — создать крупные банковские сети в Пруссии, в тогдашней Британской империи, во Франции, а также иметь свои представительства еще в семнадцати странах как Европы, так и Азии.

Если учесть, что в девятнадцатом веке, особенно в первой его трети, средства связи были на достаточно низком уровне, это можно признать ошеломляющим успехом.

Давайте попробуем развить некоторые секреты семейства Ротшильдов, как бы выбрав их из прошлого применительно к сегодняшнему дню.

СЕКРЕТ СЕДЬМОЙ

Папаша Ротшильд часто любил говорить:

«Если хочешь заслужить доверие клиента, обещай немного и бери немного».

О чем же идет речь? Ротшильд сам проповедовал и своим сыновьям наказывал давать на вклад не более восьми процентов годовых. Сумма небольшая, зато стабильная. Обязательно накануне выдачи этих денег служащие банковских контор Ротшильдов публиковали в местных газетах благостные статьи и старались рассказать в них о верных и многолетних вкладчиках, благодаря банковским процентам сумевших изменить свой жизненный уровень в лучшую сторону.

Также Ротшильд давал займы большие суммы денег под небольшие проценты на не очень большой срок — от полугода до года. Его выигрыш состоял в том, что удачно размещенная денежная масса в большом количестве позволяла ему контролировать то или иное промышленное производство или давала возможность пользоваться благорасположением влиятельных заемщиков, в том числе и из королевских семей! Вообще же менее пятисот золотых таллеров (по тем временам это огромные деньги, равные по покупательной способности нынешним десяти миллионам рублей — *авт.*) Ротшильд в рост не давал. Он справедливо рассуждал, что лишь большие суммы под невысокий процент могут дать в конечном итоге за календарный период большие суммы денег, а, значит, идет и умножение капитала.

СЕКРЕТ ВОСЬМОЙ

К сожалению, в мире бизнеса общение с клиентом — независимо от величины вклада — ОБЕЗЛИЧЕНО. Стандартные книжки или карточки, поток обработки счетов граждан, общая текучка дел — все это принижает человека, дающего банку деньги. Ротшильд же рассуждал по-другому. Все его банковские структуры — конторы и отделения — имели четкие инструкции. Хочется назвать некоторые пункты из этой инструкции. Нумерация, естественно, носит произвольный авторский характер:

Если вы являетесь вкладчиком у Ротшильда не менее двух лет, то вас ежегодно начинают поздравлять с днем рождения независимо от величины суммы вклада — все это за счет банка.

Если клиент пять лет верен этому банковскому учреждению, то ему на Рождество начинают ежегодно присылать рождественского гуся с яблоками — все за счет банка.

Если клиент имеет счет свыше пятисот фунтов стерлингов, то его через пять лет ежегодно приглашают на специальный рождественский бал графства (административная единица Великобритании — *авт.*).

Если клиент имел вклад свыше двух тысяч фунтов стерлингов и постепенно уменьшал его, то через три года его обязательно вводили в совет директоров местного

отделения банка. Данная должность носила почти общественный характер, но зато считалась очень почетной.

И, наконец, еще одно правило, касающееся льгот для долговременных и верных вкладчиков.

Если вы не менее пятнадцати лет состоите вкладчиком, то вы можете на сорок процентов в течение года перерасходовать свой общий капитал вклада. И в течение целого года с вас не будут брать проценты, то есть постоянным вкладчикам здесь ДОВЕРЯЮТ. А кажущийся убыток от перерасхода по счету на самом деле компенсируется многократной прибылью от прошлых денег клиента, которые банк в предыдущие годы использовал по собственному назначению.

СЕКРЕТ ДЕВЯТЫЙ

Если предыдущий секрет олицетворял собой ротшильдовское высказывание:

«Значительные мелочи для клиента — это будущая прибыль банка!», то этот секрет носит скорее чисто человеческий характер, и в банковском деле он наиболее важен: «Консультируй всегда бесплатно».

То есть клиенты его банковских контор всегда могли в прошлом и могут по сегодняшний день прийти в свое банковское учреждение за финансовой, организационной и иной помощью — на уровне высокопрофессиональных консультаций. Клерк банковского учреждения будет заниматься с вами так долго, как это необходимо вам, чтобы постигнуть суть интересующего вас вопроса. Вам посоветуют: какие акции покупать, а какие нет, стоит ли рисковать собственными деньгами в том или ином финансовом проекте, который может оказаться впоследствии авантюрой, помогут составить то или иное заявление, подготовить обращение к нотариусу и в страховую фирму, чтобы сделка была надежно обеспечена, а если у вас сумма вклада превышает пять тысяч фунтов стерлингов, то в случае надобности предоставят и банковское обязательство, гарантируя тем самым ваш риск и сводя его соответственно к минимуму. Ведь гарантия или рекомендация банковских учреждений, принадлежащих семейству Ротшильдов, высоко ценится в финансовом мире.

А теперь, уважаемые читатели, возможные и действительные клиенты различных отечественных банков, ответьте мысленно сами себе хотя бы на такой простенький вопрос: «А вы хотя бы однажды получали поздравления от банка?» Об остальном я уже и боюсь спрашивать...

* * *

Уже в преклонном возрасте основатель финансово-банковского семейства Ротшильдов во Франкфурте-на-Майне, на островах туманного Альбиона и солнечной Франции решил устроить праздничный семейно-династический обед. Под словом «обед» следовало тогда понимать серию династических приемов, растянутых на целую неделю.

Сначала Мейера Амшеля Ротшильда поздравляли близкие друзья — сотоварищи по развитию банковской сети. На следующий день с семьями собрались его высокопоставленные подчиненные. Далее нашлось время: для биржевиков, для крупных политических деятелей, для иностранных партнеров, а завершилась праздничная серия чисто родственным обедом.

После завершения празднеств Ротшильд сделал ряд финансовых распоряжений. Они вызвали удивление среди родственников и высших коллег.

Что же сделал Ротшильд? Всем своим сотрудникам он на следующий месяц увеличил заработную плату на стоимость преподнесенных ему подарков. А близким родственникам оказал денежную помощь и распорядился предоставить ряд услуг, соразмерных их подарочному вниманию по отношению к нему. Свой экстравагантный поступок он объяснил так:

«Будь щепетилен в расчетах, особенно с коллегами и близкими людьми, ибо дорогие подарки ко многому обязывают, и ты можешь запятнать свою репутацию нечистоплотностью».

Таков ДЕСЯТЫЙ СЕКРЕТ.

Интересно, что американские законодатели еще 185 лет тому назад, услышав эту историю о семействе Ротшильдов, в законодательном порядке установили систему этических льгот. Например, американским конгрессменам можно принимать подарки на сумму, не превышающую 299 долларов 99 центов, а уже сумма от 300 долларов и выше должна обязательно указываться ими в налоговой декларации и облагаться по соответствующей шкале. Также, в зависимости от занимаемой должности, вплоть до президента государства, четко установлена система льгот и привилегий применительно к данному посту. Если же сравнить с нашей сегодняшней действительностью, то окажется, что нет не только федерального закона о том, что кому позволено и в какой пропорции, но и система *«задабривания нужных людей»* действует безотказно и спиралеобразно растет вверх. Одним дарят автомобили, другим — поездки за границу, третьим за символическую плату делают евроремонт в квартире или строят трехэтажную дачу по цене будки для хранения садового инвентаря.

ОДИННАДЦАТЫЙ СЕКРЕТ

Ротшильда формулируется так:

«Всегда поощрай инициативу своих подчиненных в трудовой деятельности материально».

У него даже был специальный фонд, равный двум фондам заработной платы. То есть Ротшильд, а впоследствии и его сыновья следовали такому правилу: *«Сама исполнительская трудовая деятельность стоит всегда меньше удачной идеи, реализация которой может принести в будущем большие дивиденды»*. И бывало, что разработанная идея сотрудникам оплачивалась суммой, равной полугодовому, а то и годовому окладу. Если предложение было особенно ценным, то его податель получал в течение всего периода его использования в дальнейшем твердо оговоренную ренту, то есть процент от дохода. Поэтому различных предложений и проектов всегда было много, что в конечном итоге способствовало развитию в целом его финансовой империи.

Несмотря на, казалось бы, ненужные траты, Ротшильды очень рачительно вели финансовые дела и в результате сформулировали свой очередной,

ДВЕНАДЦАТЫЙ СЕКРЕТ:

«Обязательно откладывай на «черный день» хотя бы немного, образуя по отдельным статьям так называемые: личный страховой капитал, семейный капитал, банковский страховой капитал».

Применительно к нашей действительности это означает, что нужно иметь *собственный банковский счет, отдельные банковские счета должны быть у каждого члена семьи, а также второй или третий счета должны иметь и солидные, уважающие себя предприятия или фирмы*.

Ротшильды рассуждали очень здраво, ибо неизвестно: когда и где нас поджидают неудачи или финансовые неприятности, а то и прямая растрата, а без запасных денег вас ждет крах.

А сколько примеров сегодняшнего дня можно привести, когда солидные фирмы или финансовые учреждения оказывались банкротами, стремясь как можно быстрее заработать. Забывая мудрость прошлого, обязательно получишь неприятности в настоящем.

* * *

Семейная финансовая империя Ротшильдов, имеющая основные финансовые штаб-квартиры на Британских островах и во Франции, а также около 800 филиалов своей банковской сети по всему миру, смогла успешно развиваться во многом благодаря предпринимательской философии, разработанной основателем этой династии М. А. Ротшильдом.

Несмотря на более чем 200-летнюю историю этой банковской семьи, многие советы из прошлого актуальны сегодня.

СЕКРЕТ ТРИНАДЦАТЫЙ

Папаша Ротшильд сформулировал его так:

«Поощряй вовремя!»

Под этим подразумевалось, что любой труд должен оплачиваться вовремя по трем компонентам: за определенный период, согласно договоренной сумме и в ряде случаев в соответствии с бонусом (премией) за усердие, высокое качество выполненной работы и сокращение сроков выполнения работы. Ротшильд не был, как может показаться на первый взгляд, излишне щедрым. Он прекрасно понимал, что у работодателя, будь он банкиром или фабрикантом, есть только две возможности добиться желаемых результатов и послушания наемного работника.

Первый путь — это принуждение под страхом увольнения, а второй — регулярное поощрение. Первый путь всегда малопродуктивен. Зато второй путь создает прекрасную возможность «заводской преданности», что очень популярно в Японии последние 30—40 лет, когда наемный работник, регулярно и постепенно в возрастающем объеме получающий жалование вместе с бонусом, испытывает чувство признательности к работодателю. И действительно: при такой благодостной производственной ситуации наемный работник с уверенностью смотрит в будущее, планирует свои доходы и покупки, а также ощущает свою профессиональную и человеческую значимость — он нужен окружающим людям. Также Ротшильд требовал от своих сыновей, чтобы они вовремя выплачивали дивиденды по вкладам и в течение всего оговоренного срока не меняли процентную ставку на вклады или займы.

СЕКРЕТ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ:

«Никогда не меняй условия договора, но составляй его очень тщательно».

Даже как-то неудобно разъяснять эту истину, которой должны следовать бизнесмены, финансисты и высшие менеджеры — организаторы и руководители производства. Действительно, если условия договора неизменны, то доверие к партнеру или к банку постоянно возрастает. Не случайно на Западе в ходу выражение: *«Даже если договор плох, все равно сделаю его хорошим, выполнив все пункты»*. То есть, составляя договор, старайся учесть все возможные ситуации. Но когда уже договор подписан, то будь любезен его выполнять. Как известно, в высокоразвитых индустриальных странах высшие менеджеры часто просто по телефону договариваются о той или иной сделке, а потом уже закрепляют его документально, то есть они держат данное СЛОВО.

СЕКРЕТ ПЯТНАДЦАТЫЙ

Основатель династии Ротшильдов в спорных или неясных ситуациях любил повторять:

«Всегда ставь себя на место клиента, тогда тебя будут уважать».

Конечно же, он был абсолютно прав. Чего ждет клиент от банкира, владельца магазина или работодателя? Прежде всего он жаждет *уважения* к себе. Действительно: клиент приносит этим людям самое дорогое, что у него есть, — деньги, интеллектуальные способности и физическую силу. А все эти три вида ресурсов, как известно,

невосполнимы. То есть от физических нагрузок человек стареет, от интеллектуальных усилий вырабатывается психически, а при затрате денег, безусловно, назад их уже не получает, ибо пользуется товаром, который, каким бы хорошим он ни был, постепенно изнашивается и приходит в негодность.

Далее, чего хочет клиент — это *честности* по отношению к себе. То есть он надеется, что ему будет оказана *качественная* услуга, что ему будет продан *добротный* товар, что предприниматель (работодатель) будет относиться к нему *справедливо*.

И вот еще чего хочет клиент: он хочет, чтобы его отношения — и с банком, и с магазином, и с организацией, где он трудится, — были *не разовыми*, а *долговременными*. Тогда наступает стабильность в экономике.

Знакомясь с секретами Ротшильда, поражаешься двум вещам. Первое: прозорливости гениального финансиста. Второе: его умению ощущать многообразие экономических связей на разных формах восприятия — от высшего управляющего и до простого работника. Понимая их психологию и зная их интересы, он успешно развивал свою семейную банковскую сеть.

* * *

Основывая свою финансовую империю и придерживаясь собственных правил в банковской деятельности, Мейер Амшель Ротшильд считал, что необходимо опираться на реально существующую в данное время и в данной стране правовую базу. Поэтому свой

ШЕСТНАДЦАТЫЙ СЕКРЕТ

он сформулировал следующим образом:

«Делать деньги только разрешенными государством способами».

Не случайно в штате банка «Мейер Амшель Ротшильд и сыновья» он держал аж четырех юристов, обязанности которых распределялись следующим образом: один должен был следить за всеми новыми нормативными актами и составлять сводные докладные записки каждые две недели как на имя самого М. А. Ротшильда, так и для трех других юристов; второй юрист был специалистом в области погашения векселей и котировок акций; третий юрист очень хорошо знал поземельное законодательство — в то время в Пруссии, в Великобритании и во Франции залоги земли и участков банкам были в порядке вещей. А по заложенным земельным угодьям банки выдавали краткосрочные или среднесрочные — в зависимости от вида земли и ее престижности — ссуды или кредиты; четвертый юрист занимался всей категорией спорных моментов с клиентами — как с фирмами, так и с отдельным вкладчиками.

Заметим, что речь шла только о *правовой форме взаимоотношений*. Без конкретных резюме этих юристов не организовывалась ни одна сделка, не открывались кредиты, а сомнительным клиентам отказывали не только в выдаче гарантийных писем от имени банка (так называемых поручительств), но и отказывались принимать у них деньги на открытие счетов.

Увы, нынешняя российская действительность являет нам примеры иного рода — особенно в финансовой сфере. Прежде всего, государственных нормативных актов слишком много. Во-вторых, они слишком плохо проработаны и зачастую один противоречит другому. В-третьих, по многим сделкам нет четкой юридической проработки, что в конечном итоге влечет за собой финансовую несостоятельность отдельных банковских или иных коммерческих структур, а то и прямой обман клиентов-вкладчиков.

СЕМНАДЦАТЫЙ СЕКРЕТ

Он логически вытекает из предыдущего постулата Ротшильда:

«Никогда не рискуй чужими деньгами!»

Степень надежности любого банка определяется четырьмя обстоятельствами.

Первое: как он в установленные сроки выплачивает оговоренные заранее проценты. Второе: какими активами банк гарантирует сохранность отданных ему на хранение денег клиентов. Третье: наличие охранно-материальной структуры, то есть речь идет как о средствах пассивного содействия в сохранении денег (массивные двери, стены, решетки и толщина сейфов), так и активных — собаки, сторожа-охранники, действенная сигнализация и оперативные взаимоотношения с полицией. Четвертое: умение руководства банка давать кредиты и ссуды только тем фирмам и отдельным вкладчикам, которые обязательно расплатятся в установленные сроки по согласованным процентным ставкам.

Наличие этих четырех составляющих позволяет гарантировать высокую степень надежности. Но в любом случае банкир, дорожающий своим именем, а также финансовой и деловой репутациями банка, не будет чрезмерно увлекаться раздачей кредитов, рискуя тем самым вкладами реальных клиентов.

СЕКРЕТ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ:

«Давать в долг только под реальный залог».

Не только в наши дни, но и во времена Ротшильда-первого, и сто пятьдесят, и сто лет тому назад были мошенники в финансовой сфере, которые шли на любые ухищрения с целью получить банковский кредит или долгосрочную ссуду. Создавались дутые фирмы, организовывались ну очень «надежные» бумаги, брались поручительства от очень значительных лиц...

Получив вожделенную сумму, мошенники «смаывали удочки», то есть попросту исчезали или через короткое время объявляли себя банкротами. В результате страдал банк и состоящие из денег вкладчиков банковские капиталы.

Поэтому Ротшильд имел специальную службу, в обязанности которой вменялись три действия: а) проверялась финансовая состоятельность клиентов — сколько денег у него на счету, и какие платежи он производит ежемесячно; б) проверялась репутационная благонадежность предполагаемого клиента, то есть как он ведет дела и как бережно относится к деньгам; в) проверялось — какая недвижимость и какая собственность в виде драгоценностей находится у предполагаемого клиента, а также уточнялось — не находится ли эта собственность в залоге у другого банка, и не состоит ли недвижимость под арестом на основании решения суда.

Это сегодня в России можно подвести человека к шикарному особняку и сказать, что это — мой. Доверчивый банкир тут же отстегнет требуемую сумму. Ротшильд через своих подчиненных многократно проверял купчую и другие необходимые документы, а также удостоверялся: *можно ли будет в случае невозврата долга (кредита или ссуды) реализовать собственность и недвижимость клиента в таком объеме, чтобы можно было в итоге не только возместить потерянное, но и получить хоть небольшую, но прибыль.*

Универсализм его банковской деятельности поражает, ибо на хорошем профессиональном уровне среднего менеджера основатель банковской династии Ротшильдов разбирался более чем в семидесяти промышленных и финансовых сферах. Согласитесь, завидный практический опыт одного из столпов мирового финансового бизнеса.

* * *

С момента развития раннекапиталистических отношений и по наши дни начинающих предпринимателей всегда мучил один вопрос: «Как быстро достигнуть получения прибыли?»

Да, деньги — одно из основных составляющих любой предпринимательской деятельности. Но если строить свой бизнес только в расчете на быструю прибыль, то разочарования могут прийти очень скоро, ибо на начальном этапе предпринимательской деятельности рассчитывать на барыши по меньшей мере наивно.

Поэтому очередные три секрета, сформулированные М. А. Ротшильдом, как раз и посвящены этой проблеме.

СЕКРЕТ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ:

«Сначала составь финансовую стратегию».

Действительно, без этого важнейшего внутреннего документа незачем рассчитывать на длительность существования в бизнесе. Сам Ротшильд разбивал финансовую стратегию на семь этапов.

Первый этап. Разделение наличного капитала на три части: первоочередные траты, косвенные затраты (от уплаты налоговых пошлин до взяток в случае необходимости) и, наконец, резервный взнос — он использовался в случае непредвиденных, но необходимых расходов. Второй этап: учет затрат, выраженных в материальной собственности, — от приобретенного, к примеру, земельного участка до мраморного чернильного прибора с эбонитовой ручкой для пресс-папье. Третий этап: стоимость найма рабочей силы, причем у наемных работников должен существовать резерв в заработной плате, что стимулирует их труд. Четвертый этап: первичная координата учета предпринимательской деятельности, которая выражается в произведенном товаре или оказанной услуге. Пятый этап: получение денег за реализованный товар или оказанные услуги. Шестой этап: изучение баланса полученной прибыли в соотношении с произведенными ранее затратами. Седьмой этап: организация новых вложений при наличии прибыли после расчетов по обязанностям с государством (налоги, аренда и так далее).

Как видим, основатель династии Ротшильдов очень серьезно подходил к формированию финансовой стратегии, справедливо полагая, что капитал формируется не за счет разовой сделки, а за счет совокупности оборотов и, самое главное, разумных целей по его использованию в конкретный промежуток времени.

СЕКРЕТ ДВАДЦАТЫЙ:

«Не бойся довольствоваться малым».

Этот секрет логически вытекает из предыдущего: прирастая малыми величинами, но за счет большого охвата клиентов, можно получать в итоге значительную абсолютную прибыль, которая в дальнейшем и явится основой накопления капитала.

То есть Ротшильды копили свои миллионы, выраженные в талерах, фунтах стерлингов и французских франках, понемногу. Если же сравнить их со скоробогатыми дельцами нашей сегодняшней российской действительности, то выяснится, что психология у последних совсем другая: побыстрее побольше хапнуть и выйти из бизнеса. Эта ненормальная ситуация сложилась во многом еще и потому, что, к сожалению, в предпринимательской деятельности в России участвуют люди, привлекающие криминальные первоначальные капиталы. Поэтому в основу своей финансовой стратегии они ставят утилитарную задачу: «отмыть» деньги через легальные формы платежей, обналичить их и прекратить предпринимательскую деятельность. То есть они нарушают механизм хозяйственной деятельности, что в итоге приводит к инфляции из-за эмиссии новых денег. Как результат, обесцениваются и накопления скоробогатых дельцов. А если бы их капиталы и в дальнейшем работали в той или иной сфере предпринимательской деятельности, тогда бы появилась сначала относительная, а потом и полная экономическая устойчивость. Однако во время всего процесса, а он может быть довольно длительным, их прибыль была бы невелика. А как мною было написано выше, цель их финансовой стратегии была абсолютно другой — получить быстрее большие деньги.

СЕКРЕТ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ:

«Каждый календарный период обязательно должен завершаться прибылью».

Действительно, любой бухгалтер, а тем более предприниматель, составляет про-

межуточные балансы, анализируя ход хозяйственной деятельности той или иной формы бизнеса. Но Ротшильд, создав в 1796 году во Франкфурте свой банк «Ротшильд и сын», который платил самые большие налоги в городе, смотрел еще глубже, ибо он стремился каждый календарный период — будь то месяц или полугодие — завершать прибылью. Он верно полагал, что затраченное время должно компенсироваться *накоплениями*.

Именно поступательное развитие банковской деятельности семейства Ротшильдов способствовало тому, что вошли в обиход, передаваясь на протяжении двухсот лет из поколения в поколение, несколько крылатых фраз, ставших по сути поговорок. Вот некоторые из них: «Богат, как Ротшильд!»; «Считай время, как Ротшильд деньги!»; «Учись у Ротшильда — бедным не останешься!»; «Политик управляет страной, а золото Ротшильда — всем миром!»

Да, по-разному можно остаться в памяти человечества. Основатель банковской династии М.А. Ротшильд остался в памяти как человек, который ЧЕСТНО посвятил свою жизнь работе с финансами — банковской деятельности. Потому-то и ему, и его сыновьям, и его внукам удалось добиться в течение вот уже седьмого поколения подряд очень хорошего материального положения. Семейство Ротшильдов — одно из богатейших банковских семейств в мире, история которого насчитывает 205 лет!

* * *

Основой любых экономических отношений является банковская система. Именно ее организации и посвящены три следующих секрета семейства Ротшильдов.

СЕКРЕТ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ:

«Старайтесь, чтобы банковские деньги были всегда чистыми!», что является синонимом слову «честными».

Еще основатель финансовой империи банкир М. А. Ротшильд завещал своим сыновьям ВОСЕМЬ ЧЕСТНЫХ способов зарабатывания банками денег.

Первый способ: брать деньги за открытие счетов.

Второй способ: за открытие счетов денег не брать, но брать деньги за банковское обслуживание.

Третий способ: брать деньги за хранение в банковских сейфах и подвалах фамильных драгоценностей клиентов.

Четвертый способ: заключать с клиентами договор депозита, то есть клиент в течение определенного времени и на определенных условиях (разумеется, за проценты) доверяет банку свои сбережения, а тот использует их по своему усмотрению.

Пятый способ: банк кредитует государственные программы — выгоды, наверное, объяснять не нужно.

Шестой способ: банк дает своим клиентам ссуды на землепользование или строительство домов под гарантии (залог) недвижимости или самой земли. Понятно, что в этом случае кредит будет с лихвой возмещен, если заемщик его не возвратит.

Седьмой способ: выпуск собственных ценных бумаг банка под имеющуюся в его распоряжении собственность.

И, наконец, восьмой способ, описанный В. И. Лениным как один из признаков империализма, — финансовая олигархия. Это когда банки предоставляют кредиты предприятиям, а те погашают часть кредита собственной продукцией, а проценты — своими акциями. В таком случае банк становится совладельцем предприятия и, конечно же, заинтересован в его хорошей работе, что позволяет получать дополнительную прибыль.

В нынешней экономической ситуации России наши банкиры используют не только восемь честных способов зарабатывания деньгами финансовыми институтами денег. Они также дают краткосрочные кредиты под грабительские проценты, они

манипулируют с межбанковскими кредитами, подставляя одних и выбираясь за счет других, они задерживают прохождение платежей и, наконец, дошли до такого святотатства в экономическом смысле, как объявление своих банков неликвидными, что влечет за собой невозврат денег клиентам банка.

Подобное Ротшильд у не могло присниться даже в кошмарном сне. А как же быть тогда с его

ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬИМ СЕКРЕТОМ,

который формулируется следующим образом:

«Платежная репутация банка прежде всего!»?

В своей практической деятельности как английская, так и французская ветви семейства Ротшильдов на протяжении последних полутора столетий свято выполняют это правило. Да, бывало, что Ротшильды давали кредиты, а их не возвращали. Да, бывало, что Ротшильды давали гарантии финансового обеспечения, а получатели этих гарантий их подводили.

Но всегда все Ротшильды полностью платили по своим *обязательствам*. Не случайно же в банкирской среде появилась такая поговорка: «Надежен, как слово Ротшильда». Но чтобы вести такую банковскую политику, необходимо иметь солидные банковские резервы или, на худой конец, не вступать в сомнительные рискованные экономические операции кредитно-ссудного характера. А если уж выгода кажется очевидной, а предприятие обещает быть надежным, то для начала не нужно *всем рисковать*. Лучше потом сделать дополнительные вложения, чем сразу играть по крупному. Ведь осторожность — одно из основных правил солидного банка.

Из сегодняшней экономической международной жизни можно привести пример, когда «Дойче-банк» заплатил по своим обязательствам два миллиона марок, когда выяснилась афера со строительным подрядом, организатор которой убежал из Германии. И лишь после окончания последней суммы платежа председатель правления «Дойче-банка» обратился в «Интерпол» с ходатайством оказать содействие в поимке злоумышленника. Какие из наших отечественных банков могут похвастать подобной щепетильностью? Ныне, как официально сообщила руководитель Департамента банковского надзора Центрального банка России Ольга Прокофьева, более трехсот российских банков, именно коммерческих, в настоящее время имеют серьезные проблемы с ликвидностью. Да, ежегодно по восемьдесят — сто банков лишаются лицензий, которые отзываются Центробанком. Увы, или секрет Ротшильдов для них неведом, или они потихоньку мошенничают. И на репутацию им наплевать.

А как же тогда быть еще с одним,

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫМ СЕКРЕТОМ,

который формулируется так:

«Клиент всегда должен знать, что его деньги в безопасности, и он всегда может воспользоваться ими»?

Банковская система является кровью экономики. И чем больше будет лопнувших коммерческих банков, тем менее стабильной будет и ситуация в стране. Опыт финансового существования этой семьи свидетельствует о стремлении к стабильности, без чего невозможна стабильность и общества в целом.

* * *

Повествуя об организации банковской системы семейства Ротшильдов, следует особо обратить внимание на его взаимоотношения с клиентом. Еще когда сам основатель династии был менялой, он уже тогда обращал большое внимание на формирование клиентской сети и стремился к тому, чтобы хоть однажды обратившийся к нему человек обязательно впоследствии стал его постоянным клиентом. А если

уж общение было эпизодическим, то Ротшильд старался сделать так, чтобы когда-нибудь, когда у человека возникнет нужда в банковской консультации или в финансовой помощи, то первое, что должно прийти на ум клиенту, должно ассоциироваться именно с Ротшильдом.

Поэтому

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ СЕКРЕТ

семейства Ротшильдов формулируется так:

«Всегда биться за клиента».

Применительно к начальной практике папаша Ротшильда во время его меняльной деятельности это соответствовало трем обязательным правилам: *иметь достаточное количество мелких и крупных монет и купюр; иметь определенный постоянно пополняемый денежный запас в случае обращения нуждающегося в кредите надежного солидного клиента; крупные переговоры о предоставлении кредитов вести только конфиденциально и стараться не затягивать положительный ответ или отказ.*

Действительно, эти простые разумные правила актуальны и сегодня. Заходишь в иной банк, а тебе, кроме долларов да немецких марок, ничего предложить не могут. А сколько мучений бывает у людей, когда они хотят, допустим, разменять стодолларовую банкноту или, наоборот, мелкие купюры поменять на одну крупную. Разве это нормальное банковское обслуживание? Но кассиры даже очень крупных российских банков ничуть не смущаются столь низким качеством работы, а в ответ на возмущение клиента равнодушно пожимают плечами. А уж если вам нужно взять кредит или вас необходимо срочно ссудить деньгами на короткий срок, то тут вообще кричи «караул!». Сейчас на короткий срок разжиться определенной суммой можно, только воспользовавшись услугами ломбарда, а на длительный срок взять кредит — столько находишься, что проще и надежнее обещать и обзвонить десяток-другой друзей и приятелей и наскрести необходимую сумму.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ СЕКРЕТ

в интерпретации Ротшильда таков:

«Дорожить клиентом».

Если нужно было, то сотрудники Натана Ротшильда, основателя банковской династии в Великобритании, подготавливали необходимую клиенту сумму именно в тех купюрах, которые тот заказывал. Допустим, клиенту было нужно тысячу фунтов стерлингов. Из них триста фунтов двадцатифунтовыми купюрами, а остальные, к примеру, десятифунтовыми. И все исполнялось. По просьбе клиента банка Ротшильда ему доставляли деньги из банка и, по поручению клиента, могли за него выполнять денежные обязательства — по расчетам и платежам. Это делалось в том случае, если по каким-либо причинам клиент не хотел ЛИЧНО участвовать в этом. В таких ситуациях Ротшильд был тонким психологом. Допустим, клиенту банка не хотелось лично отдавать карточный долг, выкупать вексель, вступать в сношения с кредиторами, оказывать крупную благотворительную помощь и так далее. И тогда все эти поручения за небольшую комиссию, а иногда и бесплатно, выполнял банк Ротшильда. Это было выгодно и банкиру, так как служило дополнительной рекламой его финансовой надежности и профессиональной добросовестности.

Однако клиенты бывают разные. Поэтому Ротшильды таким образом сформулировали свой

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ СЕКРЕТ:

«Соотносить свои устремления с учетом притязаний клиента».

Действительно, клиенты бывают разные. Одни из них кажутся очень выгодными,

суля прохождение через банк больших денег. Другие готовы хранить в банках свои фамильные драгоценности и предметы искусства. Третьи готовы заложить в банк землю или крупные объекты недвижимости. Кажущейся выгоды много, но всегда ли нужно заглатывать эту приманку?

К примеру, какое-либо предприятие или фирма стали подрядчиками государства, выполняя его заказ. Но это еще не значит, что государство обязательно в полном объеме и в указанные сроки, что особенно важно в банковском деле, профинансирует этот заказ. А если с банком уже договор заключен, то придется самому банку использовать *собственные средства* или брать *кредиты*, чтобы отвечать по обязательствам клиента. В противном случае пострадает банковская репутация. Поэтому Ротшильды через хорошо информированные источники узнавали *обязательно* о следующем: есть ли в бюджете данная строка о финансировании именно этой программы, есть ли деньги у распорядителей бюджета, не являются ли распорядители бюджета сами должниками перед другим уровнем государственной власти (допустим, муниципалитет города перед графством в Великобритании, например, — *авт.*) и так далее. И хотя проценты за банковское обслуживание могли быть вроде бы привлекательными, Ротшильды не всегда произносили слово «да».

Или клиент хочет хранить в банковских сейфах такие фамильные драгоценности и такие произведения искусства, которые являются или очень редкими, или очень громоздкими. В таком случае подготовка помещения и наем дополнительной охраны в сравнении со сроком хранения и с ожидаемой прибылью могут быть несоотносими. И тут нужно тоже сказать «нет». Или: рассмотрим пример с земельным участком или объектом недвижимости. Они могут находиться так далеко или быть такими значительными, что обеспечение их сохранности и надлежащий контроль будут стоить больших денег. И опять эти расходы могут не только поглотить всю прибыль, но и оказаться настолько сложными по управлению, что отрицательно отразится на повседневной деятельности банка. И в погоне за, казалось бы, крупной суммой можно потерять маленькую прибыль десятков мелких клиентов, которая в совокупности вполне может превысить эту прибыль.

Так что, создавая семейное банковское дело, Ротшильды во главу угла ставили взаимоотношения с клиентом, ибо без репутации среди клиентов, положительной, разумеется, ни один банк не может рассчитывать на долгосрочное существование.

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ СЕКРЕТ

формулируется так:

«Банковский бизнес — дело многопоколенное».

Когда папаша Ротшильд полностью посвятил свою меняльную деятельность с финансами созданию банковской сети, то он сразу же завещал своим сыновьям и настоятельно советовал, чтобы они завещали своим отпрыскам по мужской линии очень серьезно относиться к своему имени в банковской сфере. Он всегда указывал на то, что при оплате векселей верят прежде всего *имени гаранта*, чем просто самому богатству, пусть даже реальному, а не гипотетическому.

Репутационный момент, связанный с фамильной традицией ведения дела, — самый ценный капитал. В этой связи хочется напомнить историю, произошедшую со старшим сыном Ротшильда Натаном, представителем английской ветви.

Из Франции представитель французской ветви Ротшильдов прислал в Великобританию распоряжение, попросив выдать деньги под вексель, который Английский банк отказался оплачивать, то есть подтверждать его полновестность. Взбешенный глава английской ветви Ротшильдов придумал изящную месть. На следующий день он пришел в главное управление английского национального банка и принес около 100 тысяч фунтов стерлингов ассигнациями, потребовав обменять их на золото. То-

гда английский банк гарантировал подобную услугу, поэтому беспрекословно просьба была выполнена. На следующий день Ротшильд снова пришел с подобной суммой денег, и вновь эта просьба была исполнена. Когда он пришел в третий раз, то среди банковских служащих пошел шепоток. Когда же он пришел в четвертый банковский день, то его с большими почестями пригласили к главному управляющему, и тот посетовал: «Если вы подобным образом будете действовать еще несколько месяцев, то английская казна опустеет! Объясните, что вы хотите доказать своими экстравагантными поступками?» Тогда Ротшильд достал вексель своего французского родственника и помахал им перед носом главного управляющего. Этот документ без звука был принят в оплату, а самому главе английской ветви Ротшильдов было принесено глубочайшее извинение. Таким образом реноме фамилии Ротшильдов было еще раз подтверждено.

«Ограничивать проникновение посторонних в банковскую деятельность» — таким можно считать

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ СЕКРЕТ

семейства Ротшильдов.

Увы, экономический шпионаж, информационное воровство, продажа тех или иных производственных секретов или планов — это реальность нашей сегодняшней жизни. Ротшильд справедливо полагал, что круг лиц, имеющих отношение к делу, банковскому или производственному, должен быть ограничен людьми трех категорий. Первая категория, не вызывающая абсолютно никакого сомнения, — это близкие родственники. Почти на 100 процентов можно быть уверенным в том, что они не подведут, потому что их благополучие также зиждется на этом общем деле.

Вторая категория — это люди, знакомые с детства, психология которых хорошо известна, а поступки предсказуемы. Это могут быть не всегда друзья детства, но всегда те люди, с которыми ты чувствуешь идейную сопричастность. Как правило, следование одной идее всегда цементирует отношения, делая их не просто прочными, но и продуктивными, ибо в результате всегда получается ласкающее слух слово *прибыль*. А уж как ее разделить — об этом всегда можно договориться.

Третий круг лиц — особо доверенные люди. К ним можно отнести тех, над кем с молодости взял опеку, кому помог получить образование, осуществить исполнение его желаний. Как правило, благодарность этих людей безмерна, а к своему благодетелю они относятся не как к *нанявшему их человеку*, но как к надежному другу, который никогда не подведет.

Во всех остальных случаях, советовал основатель семейства Ротшильдов, следует четко очерчивать границы найма и объемы выполняемой работы за причитающееся жалование. И каким бы ни был добросовестным и активным этот человек, допускать его в святая святых любого бизнеса — *тайну семейного капитала* — никак нельзя.

Как в связи с этим не вспомнить всем известный эпизод из книги И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» о знаменитом мебельном гарнитуре мадам Петуховой — тещи Кисы Воробьянинова. Ловкий священнослужитель отец Федор, воспользовавшись тайной исповеди, решил найти фамильные драгоценности и завладеть ими. Я пересказываю завязку сюжета только для того, чтобы еще раз подтвердить истинность 29-го секрета Ротшильда.

В таких случаях, когда дело касается очень больших денег или драгоценностей, чужим людям — даже духовному лицу, доверять нельзя.

Внешне кажется очень простым, но на самом деле является очень емким

ТРИДЦАТЫЙ СЕКРЕТ:

«Не всеми сообщениями, как и не всеми капиталами, даже в текущей деятельности, можно делиться с близкими людьми».

Действительно, вопросы стратегии развития банковского или производственного капитала должны быть уделом самого минимального числа людей. И совсем не значит, что нужно обязательно посвящать во все тонкости дражайшую супругу или втереного сына, которые вдруг проявят интерес к той или иной финансовой операции, а может быть, к реализации того или иного финансового вопроса.

Ротшильд резонно замечал: зачем им нужно знать специфическую информацию? Зачем им нужно иметь сведения о том, где и как размещен *весь семейный капитал*? Вероятно, при крупном банковском или промышленном, или торговом деле следует поступать именно подобным образом. Всегда должен быть неприкосновенный резерв, всегда должны быть средства для гарантий по сомнительным или рискованным сделкам, всегда должны быть текущий и оборотный капиталы. А уж в какой пропорции и как — это дело стратегии. Сам Ротшильд любил говаривать, что даже он не помнит обо всех своих деньгах, драгоценностях, земельных наделах и строениях, но зато об этом очень хорошо осведомлены его *нотариусы*. Действительно, если вдруг в силу скорбных обстоятельств понадобится учесть весь совокупный капитал семьи, то нотариус все и объяснит. А пока осуществляется стратегическая деятельность, все сведения финансового характера должны быть сосредоточены в одних — максимум двух — парах рук. Как тут не вспомнить английскую пословицу, что лошадь слушается только тех рук, которые крепко натягивают вожжи. А если за эти вожжи будут дергать все, кому не лень, то и лошадь можно загнать, и до места не доехать.

Так и в деловой сфере: минимум крайне важной информации и минимум реального показа имеющегося капитала.

Если это соотносить с сегодняшней экономической жизнью в России, то данный секрет весьма актуален: чем больше себя хвалишь и выпячиваешь, тем быстрее наживешь разного рода неприятностей. Тем более, что криминальная ситуация крайне сложная.

ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ СЕКРЕТ:

«Клиент должен видеть значительность банковского учреждения не по внешнему виду, а по значимости совершаемого в нем».

Действительно, что должен видеть клиент, когда он приходит в банк? Прежде всего — это удобные индивидуальные столы, за которыми он может оформить необходимые документы. Далее — это удобный подход к работникам банка, чтобы можно было иметь обзор и чувствовать себя в полной безопасности. К услугам клиентов должны всегда быть писчая бумага, перо (авторучки), промокательный прибор (пресс-папье), а также индивидуальная кабинка, где клиент мог бы заполнить любые бумаги, не опасаясь постороннего взгляда. В принципе настоящего делового клиента заботит не мраморный пол, не дубовые стойки, но забота, *репутация* того или иного банка, надежность его сейфа, а также умение работников банка хранить коммерческую тайну.

Но это совсем не значит, что помещение банка должно быть затрапезным, а обслуживающий персонал не должен быть вышколенным и обученным соответствующим образом.

А что же можно видеть в сегодняшней России, в частности, в Москве — одной из мировых столиц? Да, банковские учреждения поражают своей помпезностью, блеском зеркал, сурового вида охраной при входе. Но в принципе операционные залы и залы приема клиентов не пошли дальше традиционных сберкасс. По-прежнему тесно из-за обилия клиентов, по-прежнему работники могут нагрубить, а если вы при заполнении банковских документов ошиблись и сделали помарку, то обязательно выговорят и попеняют на то, что вы испортили бланк. Как будто в банковское обслуживание уже не заложены проценты, которые получит банк от клиента. Если вы попросите вызвать кого-то из руководителей банковского учреждения, то у вас обязательно

будут выпытывать причину, вместо того, чтобы беспрекословно выполнить ваше пожелание. Если вы снимаете со счета деньги, то у вас никогда не поинтересуются, какими банкнотами вы бы хотели их получить. Вам просто выдадут из наличности то, что имеется. Все это идет от недостатка культуры и от забвения опыта, накопленного прошлыми поколениями финансистов.

Логически из вышеизложенной ситуации формулируется

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ СЕКРЕТ

Ротшильдов:

«При денежных расчетах с клиентами проявляйте максимум внимания к его пожеланиям».

Беря у клиента деньги, папаша Ротшильд никогда не пенял на то, что бумажка может быть замусоленной, а монета побитой. Главное, чтобы в первом случае был серийный номер, а во втором — номинал. Когда же клиент приходил за деньгами, то ему обязательно задавали четыре вопроса: 1. Когда клиент хочет получить деньги? (Его просили указать день и удобное время); 2. Какими деньгами клиент хочет получить — бумажными или металлическими, а также каких номиналов? 3. За деньгами он придет сам или ему их доставить на дом? Нуждается ли он в охране для доставки денег, которая ему будет предложена бесплатно? 4. Какими деньгами клиент хочет получить причитающуюся ему сумму: новыми ассигнациями или монетами или уже бывшими в употреблении?

Согласитесь, услышав подобные вопросы, обращенные к нему, любой клиент испытывает чувство уважения к данному банковскому учреждению, а значит, это положительно скажется на престиже данного банка в будущем. Потому что вольно или невольно, но в своих отзывах клиент будет упоминать данное банковское учреждение только в превосходной степени.

А теперь спроецируйте подобную ситуацию на себя, уважаемые читатели. Бывает, что просишь, чтобы тебе дали крупными банкнотами, а тебе бесстыдно дают мелкими и за тебя же еще утверждают, что вы все равно их потратите. Деньги дают в банковской упаковке, а на стекле обычно висит объявление, где строго указано «считайте деньги, не отходя от кассы». Банковские служащие сами не понимают, что подобным объявлением закладывают в клиента сомнения: вас здесь могут обсчитать, вам могут недодать, а кассир недостаточно квалифицирован, если просит еще раз проверить выполненную им счетную работу. А как же тогда банковские гарантии честности и ответственного отношения к делу?! Почему не ценится время клиента, который, возможно, занят, а потому ему некогда заниматься пересчетом. Может быть, клиент не хочет афишировать полученную сумму, а в данном случае, когда он сам считает, он вынужден в конечном итоге произнести итоговую сумму кассиру, чтобы услышать его подтверждение или недоуменный возглас, если выданное количество денег не совпало с пересчетом.

ТРИДЦАТЬ ТРЕТИЙ СЕКРЕТ

таков:

«Банкир должен олицетворять своим внешним обликом скромность, достоинство и значительность».

Под этими понятиями Ротшильд подразумевал, что банкир должен одеваться неброско, немодно, придерживаясь в одежде коричневых и темно-серых тонов. Костюмы должны быть строгого (классического) покроя, аксессуары — часы, цепочки, обручальные или другие кольца должны быть из драгоценных металлов, что соответствует значительности. Под достоинством стоит понимать максимальную сдержанность при возможной несдержанности клиента, стремление исчерпывающе ответить

на все вопросы клиента и максимально удовлетворить все его притязания и прихоти, кроме тех, которые на самом деле оказываются несуразными. Но даже и в этом случае приветливость, уважительное обращение, желание показать, что вы находитесь на стороне клиента,— это непреложные атрибуты общения с ним.

А у нас в России можем ли мы сказать то же самое о многих известных банкирах? Одеты сверхмодно, кичатся своими деньгами и уровнем достатка, на каждом шагу стараются подчеркнуть свое превосходство, снисходительны в общении с обычным клиентом. Хотя сами зависят во всем от него, потому что без этих денег не было бы их сегодняшнего благополучия. Такая недальновидная политика не способствует укреплению репутации.

* * *

Как известно, семейство Ротшильдов является старейшей банкирской династией мира. В 1994 году исполнилось 250 лет со дня рождения основателя финансовой империи, а в 1996 году исполнилось 200 лет самому банкирскому дому «Ротшильд и сын».

Поэтому, продолжая рассказывать о возвышении в мировой бизнес-элите этой семьи, пора коснуться чисто финансовых аспектов.

Папаше Ротшильду принадлежит следующая известная фраза:

«Не получив задатка или залога, не берись за выполнение работы».

Это можно считать

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫМ СЕКРЕТОМ

своеобразной классификации, составленной автором. Действительно, берясь выполнять любое поручение клиента или заказчика, заранее никогда не знаешь: насколько он платежеспособен, серьезны ли его намерения, ответственно ли он относится к своему слову или будет потом пытаться отказаться от взятых обязательств.

А разве в сегодняшней жизни в России мало ситуаций, когда заказчик или клиент обращается с просьбой выполнить то или иное поручение или работу, но с оплатой затягивает или не пытается сделать это вообще. Кульминацией отчаяния можно считать тот факт, что государство задолжало работникам бюджетной сферы — врачам, учителям, милиционерам и т. д., но не только не спешит расплачиваться, но всячески пытается прессинговать против этих категорий трудящихся, стремясь заставить их работать фактически бесплатно.

Часто и в делах попадаете необязательный клиент. Чтобы избежать убытков или свести их к минимуму, лучше всего помнить об этом секрете Ротшильда: взяв задаток, залог или аванс, можешь быть смело уверенным, что разочарование в деловом отношении будет минимальным или неоплаченных затрат удастся избежать полностью.

С целью минимизации затрат следует принять как можно серьезнее во внимание

ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ СЕКРЕТ

Ротшильда:

«Всегда самым тщательным образом относись к договорному отношению, где присутствуют деньги».

Увы, сколько сейчас возникает проблемных ситуаций между партнерами, судебных разбирательств, полукриминальных или криминальных разборок из-за того, что один партнер якобы не так понял другого, что один партнер поверил другому на слово, что кого-то ослепила модель шикарного авто, респектабельная внешность партнера по переговорам или вид офисного здания, где обсуждались условия будущей сделки.

Позднее все эти привходящие обстоятельства уходят в сторону, но вчера бывшие партнерами люди, сегодня, став врагами из-за денежных споров, кладут перед собой только договора, где многое не прописано. Как результат, и сделка сорвалась, и партнерство не состоялось, но финансовые претензии сохранились.

ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ СЕКРЕТ

до сих пор поражает своей логикой, что, по-видимому, связано с тем, что в начале своего финансового пути основатель династии Ротшильдов был менялой. Вот как он звучит:

«Делай только ту работу, за которую тебе заплатят!»

Особенно интересно обратиться к этому постулату в наше прагматичное время. Зачастую бывает, что партнер пытается обставить выполнение какого-либо поручения массой дополнительных условий: или навязывает свои консультации, или пытается предложить что-либо сверх оговоренного — как бы бесплатно. Чем больше таких обещаний, тем меньше им надо верить. Ни один уважающий себя финансист не будет делать никакую работу бесплатно: как правило, им уже продуманы другие финансовые схемы, которые с лихвой покрывают якобы «бесплатную» часть затрат. Кроме того, следует иметь в виду, что обещание бесплатного должно поколебать в вас уверенность, что партнер основную работу для клиента выполнит надлежащим образом. Следует также опасаться «дополнительной нагрузки». Ибо в результате стоимость дополнительных услуг может быть ничуть не меньше того, что вам на самом деле нужно. Следует быть осторожными и подрядчикам, которые выполняют поручение заказчиков (клиентов). Если вы составили договор, четко распланировали все пункты, то ничего лишнего не делайте. В противном случае вы как бы показываете свою зависимость перед заказчиком, пытаетесь угодничать перед ним, а у того в свою очередь может возникнуть впечатление, что вам можно меньше заплатить, или что вы можете хуже справиться с тем, что он вам поручил. Правда, бывают клиенты еще одной категории, которые, заплатив минимум, хотят получить услугу максимального качества. Он будет у вас все тщательно выспрашивать, просить скидки и дополнительные бесплатные услуги, поэтому старайтесь все проговаривать не только устно, но и перенести на бумагу, в противном случае тяжбы с подобным заказчиком не избежать, да и на вашей репутации отголоски скандала могут впоследствии сказаться.

* * *

Однажды Мейер Амшель Ротшильд взял у одного из своих клиентов на хранение четыре золотые монеты. Клиент выразил пожелание, чтобы эти монеты были надлежащим образом описаны — где трещинка, где царапинка: он боялся подлога. Все было сделано, как тот просил. Кроме того, клиент собственноручно завернул в бумагу специальным образом эти монеты и поставил на них свою личную печать. Дополнительно было условлено, что монеты будут храниться ровно пять лет со дня скрепления пакета печатью. Если же срок хранения будет больше, независимо от причин отсутствия клиента, то в качестве компенсации папаша Ротшильд получает луидор — золотую французскую монету. За каждый год дополнительного хранения следовало отдавать по одной монете. Клиент вернулся через 6 лет 11 месяцев и 29 дней. Когда в его присутствии вскрыли конверт, то папаша Ротшильд придвинул одну золотую монету к себе, а три отдал клиенту.

В связи с длительностью времени тот подзабыл условия договора, а потому стал шумно протестовать. Тогда Ротшильд попросил своего помощника остаться наедине с клиентом, а сам подошел к массивному бюро, выдвинул один из ящиков, покопался в нем и представил изумленному клиенту ту самую собственноручно написанную им расписку, где была предусмотрена подобная форма окончательного расчета.

Почтенный джентльмен не верил своим глазам, но это был действительно его почерк и действительно был оттиск его личной печати. Когда недоразумение разрешилось, то джентльмен послал даже за шампанским, ибо был потрясен благородством Ротшильда, который не стал оспаривать в свою пользу вторую монету, хотя всего через один день истекал очередной год.

После звона бокалов Ротшильд поделился еще одним своим секретом, теперь уже

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМЫМ:

«Никогда не выбрасывай старые бумаги, но бросай их в отдельный ящик и раз в год пересматривай».

Возможно, отсюда пошло выражение «отложить дело в долгий ящик» — в смысле сберечь первоначальную информацию.

Действительно, память — памятью, а запись на бумаге не помешает.

Именно от Ротшильда в финансовой сфере укрепилась форма выдачи финансовых долговых расписок под личное поручительство. Ротшильд первым ввел это правило, сформулировав свой

ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ СЕКРЕТ

так:

«Лично поручаясь, человек показывает свой вес в обществе».

Действительно, на кон поставлены: репутация, накопленное состояние, деловые взаимоотношения с партнером. Зато уж если вы сами или рекомендованный человек покажут расписки Ротшильдов, то уже и на этих людей будут смотреть совсем по-другому. Это не просто дешевый вексель на гербовой бумаге, который зачастую ничем не обеспечен. В качестве компенсации Ротшильд признавал только одно средство — золото.

Именно из этого секрета складывается

ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ СЕКРЕТ

семейства Ротшильдов:

«Золотое обеспечение каждой сделки — гарантия того, что она обязательно будет осуществлена».

Именно только в этом случае Ротшильд давал кредиты, самолично рискуя вместе с заемщиком.

А что можно видеть сегодня в России? Приходит в любой банк сомнительный клиент, просит кредит явно под аферу или под весьма сомнительное дело, но клянется возвратить его с процентами после реализации партии товара или после того, когда сам получит определенную прибыль. Тогда, мол, он основную сумму вернет, и проценты возместит. Как правило, на 90 процентов все эти якобы благие пожелания оказываются неосуществимыми. Поэтому Ротшильд завещал своим сыновьям давать кредит только под золотое обеспечение, либо под залог земли или дворцов (замков) — то, что принято именовать недвижимостью. Все остальные формы залогов он считал сомнительными, ибо они могли не обеспечить возврата затраченных средств, то есть выделенного кредита. В этой ситуации показательна знаменитая история, случившаяся в конце XIX века с одним из отпрысков семейства Ротшильдов по английской линии — Лайонелом. К нему пришел известный лондонский аристократ и попросил определенную сумму денег, которую он хотел поставить на бегах во время знаменитого лондонского дерби. В качестве обеспечения он предлагал четырех своих замечательных скакунов. Дело казалось беспроблемным. Но Ротшильд отказал. А еще больше посмущался, когда выяснил, что у этого лондонского аристократа не было своей конюшни и поля для разминки и выездки лошадей. Любой уважающий себя конезаводчик в обязательном порядке обзаводился собственным конным комплексом. Кредит не был дан, хотя родственники и выражали недоумение. Зато ситуация разъяснилась сразу после дерби: один из скакунов повредил ногу и сразу потерял в цене, другой, разгоряченный забегом, выпил холодной воды и ослаб как производитель, а еще два рысака, несмотря на свою холеность, оказались довольно средними по беговым качествам и ничего выдающегося не показали. Чтобы избежать позора и публичной огласки, лондонский аристократ был вынужден по настоянию могущест-

венных родственников скопом продать своих лошадей, да еще в придачу отдать безжалостному кредитору часть фамильных драгоценностей. А потомок Ротшильда наверняка мысленно поблагодарил основателя династии за оставленный совет.

* * *

В своей практической работе основатель династии часто опирался на свой первоначальный опыт работы с финансами, когда у него была меняльная контора и он давал деньги в рост. На выработанных тогда принципах он строил свою деятельность в дальнейшем и своим сыновьям завещал пользоваться его опытом.

Как известно, основная цель существования любого банка — принимать (хранить) деньги и выдавать кредиты. Исходя из этого, формулируется

СОРОКОВОЙ СЕКРЕТ:

«Покажи клиенту все, чтобы он поверил тебе».

Представим себе такую ситуацию: у вас дома имеются фамильные драгоценности, которые небезопасно там хранить. Возможно, что будущий клиент работает с утра до ночи или проводит время в командировках. А возможно, что надежность запоров не вызывает у него уверенности в сохранении фамильных драгоценностей. Благоразумный клиент идет в банк, чтобы все было надежно сохранено. И Ротшильд выделял специального сотрудника, который отвечал на любые, даже самые наивные вопросы будущего клиента с тем, чтобы тот стал впоследствии клиентом банка. Ведь за сохранность необходимо оплатить. И чем дороже ценности, тем выше плата. А раз клиент платит, то он имеет полное право знать: где будут храниться его фамильные драгоценности, как они будут сохранены и кто будет охранять? Конечно, рассказывая все это и показывая, кое-какие профессиональные секреты спецслужб банка все равно не скажет, в противном случае драгоценности могут стать легкой добычей взломщиков.

А что же в нашей сегодняшней жизни в России? Товарищ автора этих строк снял в одном из уважаемых банков ячейку для хранения определенной суммы денег в иностранной валюте. Эту процедуру оговорили таким крючкотворством, а в конце концов выяснилось, что если банк будет ограблен, то хранившееся в ячейке не гарантировано к возмещению. За что же тогда нужно платить? А вдруг среди недобросовестных людей окажутся сами работники банка? Мало того, на многие вопросы мой товарищ не получил вразумительных для его понимания ответов, а когда стал выражать настойчивость, то его оскорбили подозрением: «А зачем вам это надо? Что-то уж слишком странные вопросы вы задаете?»

Продолжая анализировать эту ситуацию, как не вспомнить о

СОРОК ПЕРВОМ СЕКРЕТЕ

семейства Ротшильдов:

«К каждому клиенту подходить индивидуально, не опираясь на типовые договора».

Действительно, клиент может вносить деньги небольшими суммами, мелкими деньгами, может хотеть регулярно получать проценты по вкладу. Может, наконец, выразить пожелание, чтобы сотрудники банка доставили ему деньги, а он за эту услугу не платил. И Ротшильды всегда старались учитывать эти пожелания.

Увы, в повседневной банковской жизни сегодняшней России сплошь и рядом встречается ситуация, когда клиенту предлагают заполнить *типовой договор*. А когда он хочет внести свои предложения или замечания, то в ответ ему говорят: мол, не положено, не предусмотрено, не имеем на этот счет дополнительных инструкций, ничем не можем помочь. А ведь типовые договора на самом деле несут лишь общий характер и призваны лишь облегчить составление *индивидуального договора*. Как правило, потенциальный клиент разворачивается и уходит. И уносит с собой деньги, которые настоящему банкиру всегда нужны. Независимо от суммы.

Отношения «банк — клиент» являются не менее сложными в психологическом плане, чем взаимоотношения между двумя влюбленными. Но если там предметом обожания является чувство, то здесь — деньги. И зачастую деньги немалые.

Если клиент просит у банка большой кредит, то, как правило, банк хочет как можно больше узнать о клиенте. И соразмерно сумме кредита получить залог, чтобы избежать неприятностей в случае возможной будущей неплатежеспособности кредитующего лица.

Обычно в данной ситуации банк стремится узнать так много и подробно, что клиент начинает негодовать, подозревая вторжение в личную жизнь. Поэтому многим бесцеремонным банковским работникам не помешает знать о

СОРОК ВТОРОМ СЕКРЕТЕ РОТШИЛЬДА:

«Сохранить деньги очень важно, но еще важнее при этом сохранить репутацию».

К сожалению, сейчас в России очень сложно получить относительно солидный кредит для развития небольшого дела или расширения производства малого предприятия. А если все-таки у какого-либо банковского учреждения появляются свободные деньги для кредитования, то обычно непреодолимыми становятся три барьера:

бесцеремонность банка, запрашивающего бог знает какую информацию;

высокие процентные ставки по кредиту;

необходимость сразу же возвращать проценты по частям, едва получена общая сумма кредита.

В 95 случаях из 100, если клиент срочно не нуждается в деньгах, взаимоотношения не складываются. У банка повисают свободные деньги, а клиент уходит не солоно хлебавши. Хотя давным-давно известно, что вкладываемые в малый бизнес деньги дают самую большую отдачу. Но в России об этом почему-то не помнят или не желают знать.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ: К 190-ЛЕТИЮ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Людмила Авдеева
(г. Москва)

УГРЮМОЕ ИМЯ — ДОСТОЕВСКИЙ ИЛИ ЗАГАДКА ОДНОГО ПИСЬМА

(к 190-летию со дня рождения и 130-летию со дня смерти писателя)

Авдеева Людмила Евгеньевна — литературовед, культуролог, журналист-международник, поэт. Член СП РФ, Международной Федерации журналистов. Автор более двадцати книг лирики, сборников стихов для детей, научных статей в академических изданиях, публикаций в коллективных альманахах, в отечественной и зарубежной прессе.

«Нет, чтобы написать что-нибудь полезное, приятное, усладительное, а то всю подноготную...» — может сказать некий ворчливый читатель после прочтения моих заметок, словами рассказа В. Одоевского, взятыми Федором Михайловичем Достоевским эпиграфом к «Бедным людям». Действительно, «когда конфетка во рту», как говаривал Макар Девушкин, чтение становится «усладительным». Но сам Ф. М. Достоевский, был сторонником «реализма без прикрас», способного открыть «человека в человеке», со всей свойственной ему гаммой чувств, противоречий, сомнений, со всеми непредсказуемыми душевными движениями, сложными вибрациями мыслей, необдуманностью поступков. Великий писатель, блестящий публицист, религиозный философ, общественный деятель, литературный критик, редактор славянофильских журналов с предельным реализмом и тончайшим психологизмом раскрывал в своем творчестве самые болезненные «нервные» вопросы современности. Творчество Ф. М. Достоевского было столь же противоречиво, как и его жизнь. Раздвоенность личности героев произведений, которыми в одних обстоятельствах движет сострадание, совесть, благожелательность, а в других недоверие, озлобленность, отчаяние были свойственны и для характера писателя. О сложном характере Достоевского известно немало, да и он сам не скрывал своих слабых сторон. Александр Блок писал, что «наша память хранит с малолетства веселое имя Пушкин», а позднее в зрелые годы «наш ум, совесть начинает тревожить угрюмое имя — Достоевский».

Однако не менее сложными были и характеры тех, с кем при жизни писателя связывали вполне доброжелательные, даже дружеские отношения. Николай Николаевич Страхов, известный литературный критик, публицист, философ был заметным сотрудником журналов «Время» и «Эпоха», которые издавал Федор Михайлович вместе со своим братом Михаилом в 60-ые гг. XIX века. Страхов часто был среди слу-

шателей новых глав романов Достоевского, часто бывал в его семье и всегда при жизни писателя восторженно отзывался о творчестве писателя. После смерти Достоевского, Страхов в 1883 г. написал одну из самых ярких и интересных биографий — воспоминаний о Федоре Михайловиче, высоко оценивая его как гениального писателя и как человека. Современники считали эти мемуары одними из лучших. После смерти Достоевского Страхов по просьбе Анны Григорьевны принял самое непосредственное участие в издании писем и дневников писателя. Именно этот факт через три десятилетия и стал яблоком раздора в литературных кругах и вызвал бурный скандал, отголоски которого дошли и до наших дней.

То, что письма, как и дневники — документы личные, интимные, чаще всего не рассчитанные на знакомство с ними посторонних людей, аксиома. Переписка, адресованная близкому по духу человеку, с которым можно поделиться сокровенным, также как и дневниковые записи, не предназначенные для чужих глаз, могут приобрести непредсказуемую силу и даже совсем иной смысл по истечении времени и с уходом из жизни адресатов. Интересно, что даже побуквенно слово «письмо» при социологическом исследовании вызывает следующие ассоциации: п — проповедь, и — исповедь, с — сердечность, м — миссия, о — откровение. Достоевский, написавший «Бедных людей», как роман в письмах, остро чувствовал силу и подтекст каждого слова. И многие свои записи в тетрадях и дневниках он делал для себя, часто в порыве чувств, не предполагая, что записанное, часто резкое, нелицеприятное и, возможно, даже несправедливое, станет достоянием не только адресата, но и широкой общественности, дав ей пищу для обсуждения на долгие годы.

Об истории одной записи в дневниковой тетради Ф. М. Достоевского, ставшей причиной появления «загадочного» письма Н. Н. Страхова к Л. Н. Толстому и последующих событиях и пойдет речь в этой статье.

В 1913 г. в октябрьском десятом номере журнала «Современный мир» было опубликовано письмо Николая Николаевича Страхова, написанное 28 ноября 1883 г. Льву Николаевичу Толстому. Письмо было посвящено личности Федора Михайловича Достоевского. К моменту публикации никого из троих уже не было в живых. Федор Михайлович умер в 1881 г., Страхов в 1896 г., а Льва Николаевича Толстого не стало в 1910 г. 15 лет письмо лежало в бумагах Толстого при жизни Страхова и 14 лет после его смерти. Публикация письма тридцатилетней давности, обнаруженного при подготовке к изданию наследия Л. Н. Толстого, вызвала невиданный, не утихавший несколько лет общественный резонанс в литературных кругах.

Что же так возмутило родных, близких, друзей и почитателей таланта Достоевского в письме Страхова? Страхов называл свое послание к Толстому исповедью, «маленьким комментарием к БИОГРАФИИ» Слово биография Страхов выделил. В письме Страхов пишет о Достоевском нелицеприятные вещи, полностью противоречащие прежним восторженным отзывам. При жизни Достоевского Страхов, как и большинство современников, считали Федора Михайловича одним из величайших открывателей мира и Человека во всех проявлениях его характера и внутреннего состояния души. Уже первая повесть «Бедные люди» вызвала всеобщий восторг и сделала знаменитым неизвестного автора. Страдания «маленького» человека, из тех, кого Н. В. Гоголь назвал «городской дробью и мелочью», показаны, как социальная трагедия. Недаром о повести еще до публикации в Некрасовском «Петербургском сборнике» заговорило «пол-Петербурга», как писал критик Валериан Майков, сообщая «новость о появлении нового огромного таланта». А в последнем социально-философском, психологическом романе 1880 г. «Братья Карамазовы», который Достоевский считал самой серьезной своей работой, Россия представлена в миниатюре на истории одной семьи. «Карамазовщина» с атмосферой взаимного ожесточения — у Достоевского русский вариант болезни цивилизации, утратившей нравственные

ценности. Велик был общественный резонанс романа «Униженные и оскорбленные». Мыслящего, серьезного читателя не оставила равнодушным и резкая критика системы политических учреждений Западной Европы и буржуазной морали в «Зимних заметках о летних впечатлениях», отрицание «теории и практики ущемления личности» в «Записках из подполья» и в «Записках из мертвого дома». Повышенный интерес к жизни и творчеству писателя вызывал герой романа «Идиот» князь Мышкин, широко известные «Бесы» и «Подросток», и особенно один из самых совершенных романов об «идейном» преступлении «Преступление и наказание. Не менее привлекательны были для читающей публики эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского и публицистический «Дневник писателя», который он вел с 1873 г. по 1981 г. Н. Н. Страхов все эти годы был одним из восторженных почитателей творчества Достоевского, о чем страстно, ярко, образно писал в мемуарах — воспоминаниях.

И вдруг такая метаморфоза!!! В своем письме, названном «исповедальным» он пишет Толстому, что Достоевский был «зол, завистлив, развратен», однако считал себя, «как Руссо, лучшим из людей и самым счастливым». Страхов описывает «выходки», «пакости», «животное сладострастие» Достоевского, свидетелем которых он был, и среди которых самая безобидная, когда писатель помыкал слугой в Швейцарии, унижая человека. Не будем останавливаться на подробностях, но, обращаясь к творчеству Достоевского, Страхов в письме подчеркивал, что на Достоевского похожи его герои «Записок из подполья», Свидригайлов в «Преступлении и наказании» и Ставрогин в «Бесах». Страхов напоминает Толстому, что Катков не хотел печатать сцену растления ребенка в «Бесах», но «Достоевский читал ее многим». К слову среди тех, кому Достоевский читал отвергнутые фрагменты, был и сам Н. Н. Страхов, не видящий в тот момент в тексте ничего недопустимого. Подводя итог своим писаниям, Страхов резюмирует, что Достоевский «был истинно несчастный и дурной человек», но «пусть эта правда погибнет, будем щеголять одною лицевою стороною жизни, как мы это делаем везде и во всем!»

Неудивительно, что публикация подобного письма, на которое Достоевский не мог ответить, Стасов уже не мог объяснить, как он пришел к решению его написать, а от Льва Николаевича публикация его эпистолярного наследия уже не зависела, так как все трое почтили в мире ином, вызвала общественно-литературный скандал.

Конечно, ни для кого не было секретом, что Ф. М. Достоевский много пережил, страдал эпилепсией, что наложило отпечаток на характер. Правда, теперь потомки писателя и, в частности, правнук писателя Дмитрий Андреевич Достоевский, отрицают болезнь, считая, что у писателя могли быть просто нервические припадки, которые он сам стал называть эпилепсией, так как вообще вольно обращался с медицинской терминологией, наделяя героев, даже некоторые женские персонажи, признаками белой горячки. Кроме того, эпилепсия, по утверждениям Д. А. Достоевского, должна проявиться в каком-то из поколений, чего, к счастью, не произошло в роду Достоевских. Но, тем не менее, не будем забывать через какие испытания прошла психика писателя. Безусловно, участие в работе «Кружка Петрашевского», социалистические взгляды которого Достоевский в те годы активно разделял, пережитый глубочайший стресс при аресте, содержание в Петропавловской крепости, приговор к смертной казни, отмененной прямо на эшафоте указом царя и замененной сибирской ссылкой, 10 лет заключения оставили неизгладимый след в судьбе писателя. Пережитое отразилось на его психическом и физическом здоровье, и привело к изменению убеждений. Известно, что к концу жизни писатель стал личным другом К. П. Победоносцева — апологета царизма, и долгие годы состоял с ним в переписке. Но нельзя также отрицать, что именно эти жизненные невзгоды и были той основой литературного творчества, благодаря которой Достоевский стал общепризнанным мастером психологического романа. На примере Родиона Раскольникова с его идеологией, де-

лящей людей на низших, обычных, и высших, которым все дозволено, писатель раскрыл психологический процесс преступления, убивающий личность духовно, показав какой ценой оплачивается ошибочность убеждений, и что только «бесконечная любовь искупает все страдания».

Но после опубликования письма Страхова, современники, зная о сложностях характера Достоевского, тем не менее, были глубоко возмущены изложенными фактами, и написание письма оставалось для многих долгое время непонятной загадкой. Однако анализ дневников Ф. М. Достоевского дает разгадку столь резкому изменению мнения Страхова о гениальном писателе. Ответ кроется в той глубине психологических отношений, которые в народе определяются формулой: зуб за зуб, око за око.

Итак, Николай Николаевич Страхов, обладавший талантами философа, критика, литератора, был дружен с Достоевским, долгие годы был частым гостем в доме Достоевских, пользовался вниманием писателя и его жены. После смерти мужа Анна Григорьевна обратилась именно к Страхову с просьбой просмотреть архив Достоевского и подготовить материалы для издания собрания сочинений. И Страхов с удовольствием согласился заняться непростой, требующей времени и терпения работой.

И вот здесь и начинается начало той давней истории с письмом. Просматривая записи в тетрадях, оставшихся после Ф. М. Достоевского, Н. Н. Страхов неожиданно натывается на страницы, где человек, которого он считал другом, пишет о нем не только нелюбезно, а грубо, резко, не выбирая выражений. Безусловно, Достоевский делал эти записи в 1877 г. для себя, а не для посторонних и, тем более, не предполагал, что о них узнает Страхов. Достоевский писал, что у Страхова «нет никакого гражданского чувства и долга, никакого негодования к какой-нибудь гадости, а, напротив, он и сам делает гадости... несмотря на свой строго нравственный вид, втайне сладострастен... готов продать всех и все...» А что касается его «литературной карьеры, у него не более четырех читателей». И далее в том же роде. Не правда ли, упреки в записях Достоевского напоминают откровения Страхова в письме к Толстому. Можно представить, какие чувства, читая эти страницы, испытывал Страхов, прекрасно понимавший, что уничтожить записи он не решится, а со временем весь архив Достоевского будет опубликован, и мир узнает и эти строки, превращающие его, известного литературного критика, философа, публициста в ничто. Вероятно, тогда начал зреть план отмщения. Но умный Страхов исполнил просьбу Анны Григорьевны и вместе с критиком Орестом Миллером подготовил архивные материалы Достоевского, издав книгу «Биография, письма и заметки из записной книжки», в которую включил и свои собственные восторженные мемуары о писателе, за что ему были признательны и современники, и близкие, и, конечно, вдова Достоевского.

Но литературный критик, оскорбленный дневниковыми записями Достоевского, по горячим следам решил отомстить Достоевскому и опорочить его имя перед потомками. Будучи сам литератором, он осознавал, что творчество двух великих писателей Достоевского и Толстого будет интересно читателям и через многие годы, и применил хитроумный выверенный ход. Стасов отправил письмо-«исповедь», прочитав которое «можно ужаснуться, узнав подлинную правду» о личности Достоевского, Толстому. Он был, конечно, уверен, что после смерти яснополянского мудреца, то, что «должно остаться между ними», станет достоянием общественности. Но умер Стасов на 14 лет раньше Толстого и публикации своего письма не дождался. Письмо появилось через тридцать лет после написания в эпистолярном наследии Л. Н. Толстого, и его опубликовал журнал «Современный мир», что вызвало скандал и многочисленные обсуждения и в литературных кругах, и в обществе в целом.

Вдова писателя Анна Григорьевна узнала о публикации только летом 1914 года и возмущенная сразу же обратилась к известным российским деятелям культуры, к старым друзьям семьи с просьбой опровергнуть «гнусную клевету». Многие из тех, к

кому обратилась вдова писателя за поддержкой, с искренним негодованием встретили публикацию «исповедального» письма Страхова Толстому, хотя и не скрывали в своих «защитительных» письмах, что Федор Михайлович был человеком тяжело больным, много пережившим, «удрученным житейскими невзгодами» и, как следствие, имел «неуживчивый, раздражительный, подозрительный, придирчивый характер». Началась ожесточенная полемика в защиту доброго имени писателя, в которой сама Анна Григорьевна сыграла роль верной хранительницы семейного очага, ярой защитницы памяти великого писателя. В книге своих «Воспоминаний» она посвятила немало страниц полемике с давно почившим Страховым, доказывая новому поколению читателей, насколько в целом несовершенна человеческая природа, и что «по злобе своей» Страхов приписал «низменные поступки героев произведений» автору, ее мужу, который «всю жизнь оставался чуждым развращенности». Анна Григорьевна стремилась в своих записках убедить читателей, что «большой художник благодаря таланту» способен создать «чрезвычайно реальные изображения низменных поступков», и ему не нужно «самому проделывать преступления». Ее поддерживали в своих протестных письмах хорошо знавшие покойного Федора Михайловича актриса С. В. Аверкиева, академик М. А. Рыкачев, юрист А. А. Штакеншнейдер и другие поклонники таланта Ф. М. Достоевского. Все они приводили многочисленные свидетельства добрых поступков писателя. И действительно таковых фактов было немало. Сам, будучи больным, Достоевский помогал своему больному брату Николаю, пасынку П. А. Исаеву, поддерживал семью умершего брата Михаила, выплачивал до последних своих дней долги по журналу «Время», который они издавали вместе с братом. Оспаривая заявления Страхова, что Достоевский был «зол, завистлив, любил только себя», корреспонденты вспоминали не только знаменитую «Пушкинскую речь», но и хвалебные статьи, написанные им о творчестве Л. Толстого, Н. Некрасова, Бальзака, Гюго, Диккенса и других писателей, опровергая обвинения в «развращенности», ссылались на мемуары тех, кто знал Достоевского в молодые годы и оставил о нем добрые воспоминания. Для доказательства отсутствия у писателя «низменных» наклонностей, ссылались на напечатанную переписку с семьей, свидетельствующую о заботе и любви Достоевского к жене и детям.

Когда в 1913 г. вышел журнал с письмом Страхова к Толстому, порочащим имя Ф. М. Достоевского, у Достоевских из четверых детей были живы двое — дочь Любовь и сын Федор. Но к этому времени бездетная Любовь Федоровна уже жила за границей, куда уехала как раз в 1913 г. Сыну Федору Федоровичу, третьему ребенку Достоевских, родившемуся 16 июля 1871 г. через неделю после возвращения семьи из-за границы к моменту публикации унижительного письма было уже 42 года (к слову в этом году у него тоже, как и у отца, в честь которого он назван, юбилейная дата — 140 лет со дня рождения). Он получил хорошее образование на юридическом и естественном факультетах Дерптского университета. По воспоминаниям знавших его людей, был самолюбив, достаточно тщеславен, делал попытки проявить себя на литературном поприще, но вовремя понял, что талантами отца не обладает. Федор Федорович, безусловно, был возмущен публикацией письма Страхова, но в силу обстоятельств, вся тяжесть принятия решений по защите доброго имени Достоевского, легла на плечи его вдовы Анны Григорьевны. Федору Федоровичу Достоевскому все почитатели таланта его отца обязаны тем, что в разгар гражданской войны он смог пробраться в Крым, где к этому времени всеми брошенная, изгнанная с собственной дачи в Ялте в гостинице умерла его мать Анна Григорьевна, и смог вывести в Москву архив Достоевского, сохраненный матерью. Федор Федорович прожил всю жизнь в Симферополе. У него было два сына, один из которых умер в 16 лет, а второй Андрей Федорович продолжил род писателя. Внук Достоевского прошел всю войну в танковых войсках и разведке. Он тоже пытался писать. В его архивах сохранились

неопубликованные рассказы. Своей главной целью жизни Андрей Федорович считал открытие музеев Достоевского в Ленинграде и Старой Руссе. Но он этих событий не дождался. Его сын, Дмитрий Андреевич, родившийся в 1945 г., в год великой Победы работал вагоновожатым, а потом увлекся изучением жизни и творчества своего прадеда и стал консультантом в мемориальном музее — квартире Достоевского в бывшем доходном доме в Санкт-Петербурге на углу Кузнечного и Ямской, где жил и умер великий писатель. А вот праправнук Ф. М. Достоевского Алексей Дмитриевич, поработав, как отец, водителем трамвая, поступил на филфак и занимается исследовательской работой по творчеству своего великого прапрадеда, бывает в Сибири в местах, связанных с каторгой и ссылкой Достоевского. Есть еще и прапраправнучка писателя, дочь Алексея Дмитриевича Вера. И это все малочисленные прямые потомки Ф. М. Достоевского, не имеющие никакого отношения к современному литературному бомонду, скромные люди, чтящие память своего гениального предка. Все ветви генеалогического древа рода Достоевских досконально исследованы. И хотя людей носящих фамилию Достоевских немало, но к роду писателя они не имеют никакого отношения. Род Достоевских отметил в 2006 г. свое пятисотлетие. Но самая яркая всемирно известная личность среди представителей рода — Федор Михайлович Достоевский, оставивший миру свои бессмертные произведения.

«Нет греха непростительного», — считал Ф. М. Достоевский. И, вероятно, знай писатель о письме Страхова Толстому, он бы смог простить того, кто сделал немало для издания его дневникового и эпистолярного наследия, этим как бы загладив свою вольную или невольную вину перед великим писателем. Да и Страхов, наверное, простил бы Достоевскому дневниковые резкости в свой адрес, тем более что они не предназначались для печати. Но что произошло, то произошло. А сегодня, мы, современные читатели великого наследия Ф. М. Достоевского должны искать и находить в творчестве писателя те мысли, идеи и идеалы, которые способны сделать нашу жизнь чище, мудрее, добрее. Сегодня, когда откровенные и вызывающие формы принимает кризис гуманизма, когда в условиях глобализации идет циничное отречение от высших духовных, морально-нравственных ценностей, идеи Ф. М. Достоевского о том, что Любовь и Прощение способны преодолеть разобщенность людей, победить равнодушие, озлобление, душевную черствость, зависть, тщеславие, самолюбие, гордыню, звучат как нельзя своевременно. По Достоевскому человек должен стать ответственной личностью, имеющей смысл жизни. Своей «старинной и любимой идеей» Достоевский называл возможность стать «вполне прекрасным человеком», чтобы «соблазны отрицающего рассудка и гордости» не заглушили «живого источника сердца», духовную красоту. Да спасет наш сложный и запутанный мир Любовь, Доброта и умение понимать и прощать.

Борис Кобринский
(г. Москва)

РАЗГОВОР С ДОСТОЕВСКИМ

Борис Аркадьевич Кобринский родился в 1944 г. в Москве. Доктор медицинских наук, профессор, академик Российской академии естественных наук и Международной академии информатизации.

В течение ряда лет совмещает научную деятельность с литературной работой. Автор литературоведческого эссе, рассказов, воспоминаний. Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Вечером я читал Достоевского и, когда уже лег в постель, продолжал думать о трудном пути России, вспоминал о русских скитальцах, несчастные образы которых рассматривал в своей Пушкинской речи Федор Михайлович. К их литературному ряду у меня присоединились Чаадаев, Лермонтов, Александр Грин, каждый из которых по-своему искал идеал людского счастья. С этими мыслями я и уснул. Перед моим мысленным взором возникали и расплывались лица любимых писателей. В какой-то момент на первый план выдвинулась фигура сидящего в задумчивости Достоевского. Но вот он пошевелился и едва слышно произнес: «Так и не решается бедственная судьба русского народа». Это было то ли утверждение, то ли вопрос. Я почувствовал, что не могу не использовать такой момент и обратился к нему.

Я: Федор Михайлович, какое счастье встретить Вас. Меня всю жизнь мучает желание прояснить свои мысли по поводу некоторых высказываний и намеков в Ваших произведениях. Я беру любой Ваш роман или повесть и везде слышу голоса несчастных и оскорбляемых людей. Вы везде видите униженных и унижающих в нашей стране. Вам это представляется как характерно российское или мировое бедствие? Или Вы выпячиваете это для того, чтобы все почувствовали свою вину перед несчастными и души их отринули зло?

Ф. М.: *Несчастливые люди есть везде, во всех странах. Но у нас они особенно часто унижаются и оскорбляются. С этим нельзя не бороться. И это являлось особенностью идеи русских евangelьских социалистов, к которым я относил себя до своего смертного часа, отношу и сейчас. Как я писал, «когда общество перестанет жалеть слабых и угнетенных, оно очерствеет и засохнет». Нужна не борьба против власти, а поступки, указывающие нравственный путь. Из своего далека я продолжаю следить за русской литературой. Скорбь о чужом горе, в написанном Леонидом Андреевым уже после моего ухода из вашего мира «Рассказе о семи повешенных», является примером высокой нравственности. Меня потрясла жертва молодой девушкой последними минутами перед казнью ради поддержки разбойника и душегуба, которого в этот момент пугает близость конца. В этом проявление высшей самоотверженности, христианской любви к ближнему, сострадание к его одиночеству в последние минуты земной жизни.*

Я: Как же происходит в человеке становление духовного?

Ф. М.: *Духовное в человеке не может развиваться без сострадания к ближнему, которое, в свою очередь, есть следствие переживания страдания собственного. Можно быть добрым от рождения, но сострадательность возникает в душе страдающей, иначе не понять и чужого страдания.*

Мне хотелось задать массу вопросов. И я решил сменить тему.

Я: Славянофильство и западничество не сумели повести Россию ни по одному из проповедуемых ими путей. В своих крайних проявлениях они оказались неприемлемы для России. Каков ее путь? Ведь в любом варианте мы должны стремиться к свободе для каждого человека?

Ф. М.: *Свобода невозможна без нравственности. Поэтому нужно стремиться к воспитанию людей в любви, а не к какой-то высшей форме политического устройства. Достижение свободы для всего народа, свободы понятной бывшим «серым зипунам», к которой они стремились всегда, прося и требуя ее, уверенные в царском понимании их нужд. А форма... Я когда-то записал, году в 1874, «К черту республику, если она деспотизм!»*

Я: Но ведь изъятие воли народной, большинства народа, может принимать стихийно-бунтарский, «бессмысленный и беспощадный» характер уничтожения виноватых и правых, что мы уже видели в истории российской (в этот момент я видел эпизод казни из «Капитанской дочки», сменившийся смертью на гильотине) и мировой?

Ф. М.: *Да, воля чаще носит не демократический, а охлократический характер, но лучшие люди из народа обычно чувствуют, где правда. Нужно уметь слышать их голоса, вовремя отвечать на нравственное беспокойство народа. Хотя... разинщина, пугачевщина, махновщина, большевизм... может быть, действительно бесы всегда завладевали умами людей, стремящихся одним прыжком перетасовать Россию в лучшее будущее. Темные антихристовы силы всегда смутили души отдельных людей, а проповеди смущенных, павших в буйные головы, порождали великую смуту.*

Я: Февральская революция сопровождалась обещанием решения земельного вопроса, а обернулась вооруженным гражданским противостоянием... (я не успел закончить фразу, как Достоевский заговорил).

Ф. М.: *Да, но это произошло после разгона Учредительного собрания, куда люди земли делегировали в качестве своих представительных депутатов члены партии правых социалистов-революционеров, партии Чернова, которую называли в России крестьянской. Все могло быть по-другому, успей крестьяне получить землю. Большевики остались бы с горсткой наименее грамотных рабочих.*

Моя мысль продолжала вращаться вокруг нашей кровавой революционной истории. И я задал следующий вопрос.

Я: Преступить через кровь ради страсти могут единицы. Им можно ответить на это: «Смирись гордый человек». Можно пытаться остановить преступление ради денег, обращаясь к голосу совести. Но бывает нечеловеческая гордыня, уверенность во вседозволенности во имя идеи. Это было не раз в истории человечества. Что можно поставить в качестве заслона якобинцам, Нечаевым, Верховенским, метальщикам-народовольцам, эсерам-террористам, большевикам, стремившимся к разрушению всего мира, о чем пелось в известной песни, Сталину и его последователям Мао-Цзэдуну, Пол Поту, которые довели идею массового террора до геноцида собственных народов?

Ф. М.: *Я могу повторить свои слова, что «гражданские идеалы всегда и органически связаны с идеалами нравственными». Только нравственная ответственность человека через воспитание — иначе новый мир не построить, и мы будем возвращаться на круги своя и сталкиваться вновь с людьми, которых я называл «недоделанными». Мудрый Герцен, много лет словом боровшийся с негативными явлениями российского самодержавия, говорил, что без внутренних духовных усилий исторический прогресс сомнителен. И я когда-то отвечал господину Градовскому на его кри-*

тику, что величие нравственной мысли заключается в стремлении людей к лучшему будущему. Без нравственности нельзя достичь всечеловечески-братского единения ни внутри страны, ни с другими народами. Нравственный выбор, духовная революция — вот что могло способствовать преодолению страшной российской беды, социального утопизма.

После короткого молчания, Достоевский продолжил:

Этическое воспитание есть формирование морали, понимания начал Добра и Зла. Это путь от индивидуальной нравственности к общественной, к поиску всеобщего счастья. А в русском народе иногда с особенной силой проявляется жертвенная сила братства, всемирной отзывчивости.

Я: Слова художника должны служить идее преображения мира. Значит ли это, что писатели должны следовать политическим веяниям момента?

Ф. М.: *Верховный смысл творческой свободы заключается в честном изложении своих мыслей о жизни, а не в построении искусственных художественно оформленных, как теперь у вас говорят, социологических, теорий. А преображение мира — это внутренний, а не внешний процесс, лишь изменяющий оболочку нашей жизни.*

У меня возникло ощущение, что я слушаю продолжение «Дневника писателя».

Я: Уже столько лет люди гадают по поводу Ваших слов о роли красоты в спасении мира? Мне слышится в этих словах, что красота именно душ человеческих спасет мир. Так ли это?

Ф. М.: *Несомненно, мир красотой спасется. Я в этом по-прежнему уверен. Красота в искусстве способствует росту духовного в человеке. Нельзя, как Базаров и подобные ему нигилисты, отрицать красоту рафаэлевских картин, поэзию великого Пушкина. Это губительно для мира. Прекрасные души лучших людей должны спасти мир от скверны и привести человечество в мир свободы личности и добросердечных отношений. Это должно быть всепрощающее, христоподобное добро. И преображению душ должны служить люди искусства, демонстрирующие красоту внешнюю в сочетании с красотой внутренней. Настоящая одухотворенная красота лиц человеческих не может не воздействовать на душу человека, не может не всколыхнуть все чистое, светлое в ней. Свет этот и есть залог спасения мира.*

Я: А слезинка ребенка? Сколько раз плакали дети, кровавыми слезами плакали, с тех пор как Вы произнесли эти слова! Что же, мир не услышал Вас или не захотел слышать? Или Вы ошиблись в людях? Может быть, человечество живет по другим законам?

Ф. М.: *Слезинка любого человека, а особенно ребенка — это проявление его несчастья. А на несчастье ничего нельзя построить. Любое здание рухнет. Где плохо детям, там не будет счастья. Этого многие все еще не понимают, а потом удивляются своим несчастьям и не могут понять где их корни. Но рушится и личное счастье, рушатся и империи. Такова логика этой связи, провидеть которую дано немногим. Но я верю в будущее человечества без детских слез.*

Я: В чем проблема России, трудности ее движения вперед?

Ф. М.: *Я уже говорил и могу повторить: спокойствия в умах нет, и это во всех слоях, спокойствия в убеждениях наших, во взглядах наших. Не умеем слушать и слышать друг друга. Терпения не хватает для последовательного движения вперед. Стремимся получить все и сразу.*

Я: Ваши романы отличаются запутанными детективными сюжетами. Ведь это не случайно?

Ф. М.: *Такое построение произведений заставляет героев в экстремальной ситуации как будто невольно открывать потаенные уголки своей души. Вспомните как Подросток во взвинченном состоянии, характерном для него в продолжении большей части романа, выдает свои скрытые чувства любви к близким ему людям.*

Но роман не должен превращаться в безмысленный детектив. Тогда он приносит зло, а не пользу. Многие об этом забывают.

Я: Осуждение или самоосуждение злых мыслей и противостояние мировому злу являются для Вас понятиями одного порядка?

Ф. М.: *Борьба с собственными злыми, как Вы говорите мыслями или, точнее, с мыслями, несущими в себе зло для окружающих, это и есть борьба с мировым злом. Стремитесь к изгнанию зла и зависти из своих душ, тогда мир станет добрее.*

Я: Но есть еще и понятия свободы личной и свободы для всех, хотя последняя должна предполагать и определенные ограничения.

Ф. М.: *Я отвечу словами из своей Речи на открытии памятника Пушкину: «Победишь себя, усмиришь себя — и станешь свободен».*

Я: А какова роль идеи, овладевающей человеком? Идеи, которая захватывает человека целиком и не позволяет ему думать ни о чем другом?

На лицо Федора Михайловича как будто легла тень. Помолчав, он заговорил: *Сильные идеи бывают опасны. Подчиняясь им, человек может забывать о нуждах каждого отдельного человека, а только сумма их каждодневных потребностей определяет счастье или несчастье народа. В погоне за «золотым веком» можно нанести величайший вред человеку.*

Мой великий собеседник прикрыл глаза. Выражение его лица было печальным.

Внезапно я услышал длинный гудок, напоминавший звук трубы. Но я никак не мог вырваться из цепких лап сна, продолжая видеть сидящего передо мной Федора Михайловича, образ которого постепенно расплывался, бледнел.

Неожиданно память сделала скачок, и я вспомнил, как в Александро-Невской лавре долго стоял у могилы Федора Михайловича Достоевского. Одновременно в моих ушах как бы звучал глас небесной трубы.

Владимир Захаров
(г. Москва)

«НАС, ЧТО НИ ГОВОРИ, ЕЩЕ ОЧЕНЬ МАЛО»
(Неизвестное письмо Достоевского)

Доктор филологических наук, профессор, вице-президент Международного общества Достоевского. Материал перепечатан из «Литературной газеты» № 24 (6228) от 10—16.06.2009, с. 15 с разрешения редакции «ЛГ».

Архивы Ф. М. Достоевского хранят немало неразгаданных тайн.

В годы Гражданской войны пропала часть рукописей Достоевского, в том числе рукопись романа «Братья Карамазовы» — самое ценное, а по существу, бесценное в утраченном наследии гения. В архивных фондах есть конверты, но нет самих писем. Не сохранилась переписка писателя со многими корреспондентами. То, что случайно обнаруживается, дает возможность восстановить пропущенные имена, установить связь между событиями, внести исправления в опубликованные тексты — и ставит новые проблемы.

* * *

◆ В процессе подготовки нового Полного собрания сочинений Достоевского в авторской орфографии и пунктуации («Канонические тексты»), которое я с 1995 года издаю в Петрозаводском университете, мы снова обследуем архивы — российские и зарубежные. Есть результаты: находятся новые и «потерянные» тексты и документы, обоснована принадлежность Достоевскому ряда анонимных статей в журналах «Время» и «Гражданин». Неопубликованные автографы Достоевского находятся в частных руках, иногда всплывают на аукционах Christie и Sothby. Свои сюрпризы преподносят отечественные архивы и библиотеки.

Так случилось, что в архив внешней политики Российской империи (АВПРИ) не заглядывали исследователи Достоевского. Если бы заглянули, давно обнаружили бы и опубликовали это письмо. На его существование обратил мое внимание И. Виноградов — исследователь, который до сих пор находит автографы Гоголя.

И действительно, в АВПРИ хранятся копии двух писем Достоевского, выполненные еще в дореволюционные времена (конец XIX — начало XX в.) на пишущей машинке «Ремингтон». Одна копия снята с газетной публикации известного письма писателя студентам Московского университета от 18/30 апреля 1878 г., другая — с неизвестного автографа.

Неопубликованное письмо от 14/26 марта 1877 г. адресовано Семену Николаевичу Цвету. Его имя отсутствует в обширных именных указателях к произведениям и письмам Достоевского, к справочно-энциклопедическим словарям, к мемуарам о писателе и его современниках. В «Описании рукописей Ф. М. Достоевского» (1956) эта фамилия не опознается как имя собственное, а принимается за нарицательное существительное, за физическое явление. В ошибочном прочтении это выглядит почти

анекдотически: «Конверт от письма неустановленного лица. На лицевой стороне конверта запись Достоевского: «О флоте и цвете»» (стр. 293). Вариант описания (правильное прочтение текста): «О флоте Цвет» (Полностью). Запись на конверте письма к Достоевскому от неустановленного лица. Почтовый штемпель: 21 марта 1877 г.» (стр. 522; здесь и далее все даты в цитатах даны по старому стилю — юлианскому календарю). Это и другие письма Цвета исчезли. Конверт от пропавшего письма и статья Цвета о русском флоте сохранились в архиве Пушкинского Дома.

В свое время С. Н. Цвет (1829—1900) был крупным чиновником, служил в Министерстве финансов: был председателем Казенной палаты в Гродно, потом в Таврической губернии. Государственная служба в российской провинции не мешала ему вести активную общественную и гражданскую деятельность: он писал статьи на политические и литературные темы, написал брошюру «К истории русского нигилизма» — о романе Тургенева «Отцы и дети», состоял в переписке с писателями и журналистами. В современных справочниках местом его смерти и захоронения значится Чернигов, но в «Некрополе Крымского полуострова», изданном В. И. Чернопятовым в 1909 году, имеется описание его могилы на Иоанно-Златоустовском кладбище в Ялте: «Действительный статский советник Семен Николаевич Цвет; скончался 28 августа 1900 г.».

Это еще одно достойное, но забытое имя в русской истории.

В наше время С. Н. Цвета вспоминают лишь в связи с его сыном, выдающимся русским физиологом и ботаником Михаилом Семеновичем Цветом, родившимся 14 мая 1872 г. в Асти (Италия), умершим от голода и болезней в годы Гражданской войны 26 июня 1919 г. в Воронеже. В 1901 г. на XI съезде естествоиспытателей и врачей в Санкт-Петербурге он впервые объявил об открытии хроматографического метода, который предопределил многие успехи в науке и технике XX века. Название методу дал сам Цвет, и в его именовании красноречиво совпали значение фамилии ученого и принцип метода: хромато (цвето) + графия = хроматография.

В 1918 г. М. С. Цвет был номинирован на Нобелевскую премию, но тщетно — тогда премию получил не он, а разработчик химического оружия Ф. Габер за синтез аммиака из атмосферного азота и водорода. К слову сказать, именно Габер изобрел и смертельный газ «Циклон Б», применявшийся нацистами в годы Второй мировой войны.

Как известно, посмертно Нобелевские премии не дают, но признанием открытия М. С. Цвета стало то, что двадцать лет спустя после его номинации за научные достижения, связанные с использованием хроматографического метода, премию получила уже целая плеяда ученых: П. Каррер (1937), Р. Кун (1938), Л. Ружичка и А. Бутенандт (1939), а позже — многие другие. Сегодня хроматографический анализ — повседневная практика в науке и технике.

Отец воспитал замечательного сына.

В начале 1877 года председатель Казенной палаты из Гродно С. Н. Цвет отправил Достоевскому письмо, в котором рассказал автору «Дневника писателя» о своей переписке с известным английским политиком, лидером либеральной партии (виги), экс-премьером В. Гладстоном (Gladstone, William Ewart; 29.12.1809—19.05.1898).

Подобная переписка — обычное дело в те годы: частные и публичные письма иностранным политикам писали граждане, печатали редакторы и журналисты.

В письме от 28 декабря 1876 г. Семен Николаевич рассказал Гладстону, автору памфлета «Болгарские ужасы и Восточный вопрос» (1876), о настроениях русского общества в деле освобождения славян, изложил свое понимание событий, предшествовавших Русско-турецкой войне 1877—1878 гг., указал на возможные выгоды и ущерб Англии от ее роли в Восточном вопросе. В ответном письме от 6 января 1877 г. Гладстон согласился с суждениями Цвета, выразил готовность и далее пользоваться его советами.

Достоевский был обрадован перепиской русского чиновника и английского политика. Вот ответное письмо Достоевского.

14 Марта 1877 г.

Петербург

Милостивый Государь

Семен Николаевич.

Крайне обяжете меня, если извините за промедление в ответе. Весь Февраль я хворал усилившимися припадками моей падучей болезни. Затем выпускал мой запоздавший Февральский № «Дневника». А после того, т.е. после 6-го Марта, накопилось столько хлопот по рассылке № и по другим делам, что только теперь нахожу минуту поблагодарить Вас за Ваше прекрасное и лестное обо мне мнение и, главное, за сообщение Вашего замечательного письма к Гладстону. Мыслям, выраженным в нем, я в высшей степени сочувствую. Невольно считаешь последователей наших «русских», т.е. всечеловеческих в высшем (а не узком) смысле идей, и радуешься, что находишь еще одного (да еще такой силы, как Вы), потому что нас, что ни говори, еще очень мало. Общечеловеки и самооплевники торжествуют, копеечники и наживатели тоже, а молодежь или развращена (в большинстве) до такой степени, которой не было, может быть, и в Содоме, или объята порывом великодушия и в этом порыве идет бить и убивать свою мать Россию — до того сильны улично-социальные идейки, брошенные в нашу землю еще 30 лет и давшие такие ужасные всходы.

Если б Вы разрешили, я бы Ваше письмо к Гладстону передал бы в Редакцию Гражданина, чтоб напечатать с ответом Гладстона. А то могли бы сами послать в Московские Ведомости. Теперь еще не поздно, и даже интерес снова подновляется, судя по текущим в Европе событиям. Я с величайшим удовольствием приму и всякое из Ваших сообщений.

Примите уверение в моем глубочайшем уважении и сочувствии.

Ваш слуга

Ф. Достоевский

◆ Письмо подлинное. Оно соответствует таким деталям жизни писателя, которые не были известны сто лет назад, выражает идеи Достоевского и вписывается в контекст его творческой биографии.

Кто, кроме Достоевского, различал *всечеловека* и *общечеловека*?

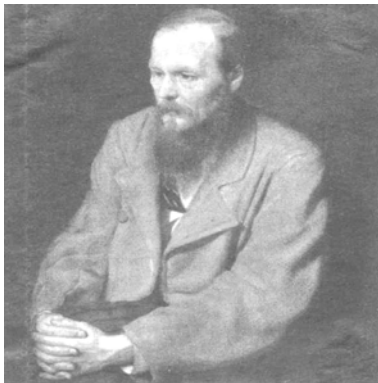
Это его слова, его стиль, его тезаурус. Только он выстраивал эту иерархию общечеловеческих и всечеловеческих ценностей.

Высоко ценя общечеловеческие интересы и устремления, Достоевский был критичен по отношению к тем, кого он называл «общечеловеками». Это особый тип русского человека, появившийся в результате реформ Петра I. В отличие от англичан, немцев, французов, которые прежде всего национальны, русский «общечеловек» стремится быть кем угодно, только не русским. Он презирает народ — и, как правило, ненавидит Россию.

Быть «общечеловеком» — быть отвлеченным европейцем без корней и без почвы.

Единственный положительный контекст употребления слова подтверждает его отрицательное значение. В мартовском выпуске «Дневника писателя» за 1877 год Достоевский рассказал о похоронах в Минске врача Гинденбурга: «Кстати, почему я назвал старичка доктора «общечеловеком»? Это был не общечеловек, а скорее общий человек». Этот праведник лечил и помогал бедным: евреям, русским, белорусам, полякам — всем.

Призвание русских заключено в другой идее: «русский идеал — всецелость, всепримиримость, всечеловечность» (1861). В этом состоит «величайшее из величайших

назначений» русского человека: «У нас — русских, две родины: наша Русь и Европа, даже и в том случае, если мы называемся славянофилами,— (пусть они на меня за это не сердятся). Против этого спорить не нужно. Величайшее из величайших назначений, уже сознанных Русскими в своем будущем, есть назначение общечеловеческое, есть общеслужение человечеству,— не России только, не общеславянству только, но всечеловечеству» (1876).

Наиболее отчетливо эта идея сформулирована Достоевским в Пушкинской речи, произнесенной 8 июня 1880 г.: «Стать настоящим русским, стать

вполне русским может быть и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, *всечеловеком* если хотите».

Что значит эта мысль, Достоевский дал подробное разъяснение: «стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и всесоединяющей, вместить в нее с братскою любовью всех наших братьев, а в конце концов может гармонии, оратского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!»

В отрицании народности, в надежде на то, что «все сливается в одну форму, в один общий тип», Достоевский видел «западничество в самом крайнем своем развитии и без малейших уступок». Христианство дает иной урок: «новую, неслыханную дотоле национальность — всебратскую, всечеловеческую, в форме общей вселенской Церкви».

Быть русским — стать всечеловеком, христианином.

Об этом, собственно, и писал Достоевский украинцу Цвету, включая его в число русских: «Невольно считаешь последователей наших «русских», т.е. всечеловеческих в высшем (а не узком) смысле идей, и радуешься, что находишь еще одного (да еще такой силы, как Вы), потому что нас, что ни говори, еще очень мало».

◆ Обращает внимание еще один неологизм в письме — «самооплевники». Достоевский лишь один раз печатно употребил это слово полтора месяца спустя в апрельском выпуске «Дневника писателя»: «о пускай смеются над этими «фантастическими» словами наши теперешние «общечеловеки» и самооплевники наши, но мы не

виноваты если верим тому, то есть идем рука в руку вместе с народом нашим, который именно верит тому».

Какие «слова» Достоевский назвал «фантастическими»?

Сказаны они по поводу объявления 12/24 апреля 1877 г. Царским манифестом войны Турции. Достоевский был убежден, что у России особая роль в Европе: «Россия предназначена и создана, может быть, для их же спасения и что она только, может быть, произнесет наконец это слово, спасения!» Защищая угнетенных, Россия подает Европе пример: «В самом деле, если Россия, столь бескорыстно и правдиво ополчившаяся теперь на спасение и на возрождение угнетенных племен, впоследствии и усилится ими же, то, все же, и в этом даже случае, явит собою самый исключительный пример, которого уж никак не ожидает Европа, меряющая на свой аршин». Освобождая славян, «мы не только ничего не захватим у них и не только ничего не отнимем, но именно тем самым обстоятельством, что чрезмерно усилимся (союзом любви и братства, а не захватом и насилием) — тем самым и получим, наконец, возможность не обнажать меча, а напротив, в спокойствии силы своей, явить собою пример уже искреннего мира, международного всеединения и бескорыстия. Мы первые объявим миру, что не чрез подавление личностей иноплеменных нам национальностей хотим мы достигнуть собственного преуспевания, а, напротив, видим его лишь в свободнейшем и самостоятельном развитии всех других наций и в братском единении с ними, восполняясь одна другою, прививая к себе их органические особенности и уделяя им и от себя ветви для прививки, сообщаясь с ними душой и духом, участь у них и уча их, и так до тех пор, когда человечество, восполняясь мировым общением народов до всеобщего единства, как великое и великолепное древо, осенит собою счастливую землю».

Война за освобождение славян еще не началась, но Достоевский знал, как она закончится. Россия проиграет, если даже победит. Достоевский предположил худшее: никогда у России не было и не будет «таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными». Они не признают бескорыстия России, не признают «эту войну за великий подвиг, предпринятый для освобождения их», «будут заискивать перед европейскими государствами, будут клеветать на Россию, сплетничать на нее и интриговать против нее». Лишь немногие поймут «все величие и всю святость дела России и великой идеи, знамя которой поставит она в человечестве». По мнению Достоевского, именно так чаще всего бывает: «*такие вещи* на свете иначе и происходить не могут». Не нужно ждать благодарности. Выгода России пойти на явную невыгоду и очевидную жертву ради справедливости, ради «всеслужения человечеству».

Логика Достоевского самобытна: «начав с абсурда, и стану понятнее». Она повторяется и в развитии известной формулы, которую так любят обсуждать пристрастные критики Достоевского: «Константинополь должен быть наш». В ней видят имперские притязания писателя. Достоевский же хотя и объявил, что Константинополь должен быть наш, но считал, что его не нужно завоевывать. Хорошо было бы, если бы он был наш, но завоевание Константинополя для себя — гибель России; лучше завоевать не для себя, а как столицу Православия (вариант другого политического сценария: столицу Всеславянства).

Письмо Цвету выражает сокровенные идеи Достоевского. Никто другой их не высказывал. Никому другому они и в голову не приходили.

Письма Цвета, Гладстона, Достоевского написаны в убеждении, что возможна мораль в политике, политика может выражать нравственные идеи. Этот принцип роднит Достоевского и Цвета, Цвета и Гладстона. Достоевский солидарен с Цветом. О том же Гладстон писал Цвету. Лидер вигов, недавно потерпевший поражение от

тори и их лидера лорда Биконсфильда (Дизраэли), Гладстон через несколько лет с триумфом возвратился к власти. Не последнюю роль в этом возвращении сыграла его позиция в деле освобождения болгар.

Вопреки предложению Достоевского переписка Цвета и Гладстона не была опубликована. В «Гражданине» ее нет. Чтобы подготовить публикацию, нужно было время: необходимо было получить разрешение от автора, согласовать перевод его письма на русский язык, дать обратный перевод письма Цвета с английского на русский язык. Времени не было: через несколько недель Александр II объявил войну Турции. В этой ситуации частная переписка потеряла значение: на первый план вышли новости публичной политики, события из театра военных действий.

Переписка Цвета и Гладстона осталась фактом частной жизни, чтобы в конце концов обрести вечность.

◆ Сейчас уже невозможно установить, как переписка Достоевского и Цвета, Цвета и Гладстона попала в «Коллекцию документальных материалов на отдельных писателей и видных общественных деятелей» архива Внешней политики Российской империи МИД РФ (Оп. 926. Ед. хр. 32). Фонд образован из россыпи документов. Кто-то в дореволюционном МИДе считал идеи Достоевского руководством в политике, снял копии с автографов Достоевского, Цвета и Гладстона, перепечатал письмо студента Московского университета от 18/30 апреля 1878 г.

Оба письма развивают одни идеи. Во втором письме Достоевский обращается к московским студентам. По его мнению, современная молодежь — «подлинно великая надежда России». Она чиста, честна, искренна, жаждет «истины и правды», готова «пожертвовать всем, даже жизнью, за правду и за слово правды». Беда в том, что «наш студент уходит не к народу, а куда-то за границу, в «европеизм», в отвлеченное царство небывалого никогда общечеловека, и таким образом разрывает и с народом, презирав его и не узнавая его, как истинный сын того общества, от которого тоже оторвался». Достоевский осуждает «проповедь револьверов», предупреждает: «вся Россия стоит на какой-то окончательной точке, колеблясь над бездной». Писатель убежден: «в народе все наше спасение». Студенты «идут в народ не учиться народу, а учить его, свысока учить, с презрением к нему, «чтобы сделать ему добро», и презирают все его обычаи и его основы. Презрение не ведет к любви!» Совет Достоевского: «Разрыв с средой должен быть гораздо сильнее, чем, например, разрыв по социалистическому учению будущего общества с теперешним. Сильнее, ибо, чтобы пойти к народу и остаться с ним, надо прежде всего *разучиться презирать его*, а это почти невозможно нашему верхнему слою общества в отношениях его с народом. Во-вторых, надо, например, уверовать и в Бога, а это уж окончательно для нашего европеизма невозможно (хотя в Европе и верят в Бога)».

Советы Достоевского на удивление просты и пока неисполнимы в нашей истории: разучиться презирать народ и уверовать в Бога.

Кому-то в дореволюционном МИДе понадобились уроки Достоевского. Кто-то надеялся, что его идеи отвратят назревавшую «проповедь револьверов». Так сохранилось еще одно имя незаурядного человека, из которых состояла Россия Достоевского, невымышленная страна подлинных людей, среди которых образовывался идеальный тип русского человека — *всечеловек*, как дал ему имя автор и творец.

Алексей Третьяков
(г. Тула)

ВТОРИЧНАЯ ИДЕЯ КАК МЕТОД ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПОЗНАНИЯ. РОЛЬ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО — «ЛЕГЕНДА О ВЕЛИКОМ ИНКВИЗИТОРЕ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Зигмунд Фрейд в своей работе о Достоевском замечает, что *«Братья Карамазовы» — величайший роман из всех, когда-либо написанных, а «Легенда о Великом Инквизиторе» — одно из высочайших достижений мировой литературы, переоценить которое невозможно».*

Отзыв выдающегося психолога побуждает внимательно проанализировать главу пятую второй части романа — «Великий Инквизитор» — и проанализировать в ракурсе основного интереса Фрейда: роли бессознательного в человеческом поведении и деятельности. Так возникает гипотеза о вторичной идее, как методе художественного познания, доминантой которого являются установки бессознательного (БСЗ).

Что есть понятие вторичной идеи? — Это не диковинка, не отыскание, не придумывание малосущественного нюанса художественного творчества, это явление хорошо знакомое всякому читающему, воспринимающему тексты равно и наивно, и контекстуально.

Древнейшие библейские книги Торы рассказали о полной падений и взлетов, несчастий и земных радостей судьбе Иосифа из времен египетского пленения Израиля. История Иосифа стала в европейской и европоцентристской культуре символом, идеей судьбы еврейского народа, обреченного на тысячелетнее повторение переменчивой судьбы Потифарова раба. А Томас Манн, воспользовавшись легендой об Иосифе, препарировал эту первоначальную идею, дав ей в «Иосифе и его братьях» вторичное истолкование: жизнь человека в ее целостности, как противоборство воли к жизни и стихийности ее фатума.

Джон Мильтон в «Потерянном рае» библейскую идею неотвратимости наказания за попытку бунта против единого бога, единовластителя, препарировал как идею богоборства, искупления трудом и любовью всякого греха человеческого — игрушки в руках слепой судьбы.

Речь идет не о вторичном использовании сюжета, о чем говорилось в разделах, посвященных рассмотрению мифов, хотя здесь она налицо. Речь идет именно о вторичности идеи. Это намного сложнее, чем повторное использование сюжета, ибо если последнее есть просто рабочий инструмент художественного мышления, то вторичность идеи суть трансформация идеи первоначальной, как правило, дающая более универсальное решение художественно-философской задачи, создаваемая субъектом мышления по законам, не всегда (зачастую — почти всегда) явно осознаваемым самим творцом.

...И довольно трудно нащупать подход к раскрытию закономерностей оформления вторичной идеи.

«Тогда Иисус возведен был Духом в пустыню, для искушения от диавола. И, постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал. И приступил к Нему искушитель, и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами. Он же сказал ему в ответ: написано: «не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Второз. 8, 3). «Потом берет Его диавол в

святой город, и ставляет Его на крыле храма, И говорит Ему: если Ты Сын Божий, бросься вниз; ибо написано: «Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею» (Псал. 90, 11—12). «Иисус сказал ему: написано также: «не искушай Господа Бога твоего» (Второз. 8, 16). «Опять берет Его диавол на весьма высокую гору, и показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: все это дам Тебе, если, падиши, поклонись мне. Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана; ибо написано: «Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи» (Второз. 6, 13). «Тогда оставляет его диавол; и се, Ангелы приступили и служили Ему» (Матф., 4, 1—11).

Одно из центральных, выразительнейших по силе логики, мест христианских Евангелий; постулат самосмирения, свободы духа и апостольского аскетизма. От него пришли к нам через две тысячи лет христианского примата закон и этика, все мышление современного человека: вера в силу духа, горение души, их конечная и личная победа над плотью, духовного над мирским, обыденным, идеализм веры в будущее, раскрепощение личности, самозабвенный патриотизм, смирение гордыни, равенство перед инстанциями императивных категорий бытия, скромность души и потребностей тела, бескорыстие, любовь к ближнему и человечеству и пр.

Два источника лежали в основе выработки канонов христианства и воплотившихся в диалоге духа-искусителя пустыни и Христа: монотеистическая идея иудаизма, где вся мораль, этика и законы растворяются в едином корне: боге духа, исходя от него же, идея, полно выражаемая словами: «Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе... Посему ты уже не раб, но сын; а если сын, то и наследник Божий чрез Иисуса Христа» (Посл. к галатам апостола Павла, 3, 28-4, 7).*

Другим же источником явился исторический процесс финала рабовладельческой формации позднего античного мира, по духу движущих сил совпавшим с европейским распространением морали иудаистского монотеизма.

...И еще одно предварение: человечеству свойственно поверять современную ему реальность, отстраняя себя мысленно в философских или художественных фантазиях, на определенную историческую дистанцию: в будущее либо в прошлое, либо используя иное их сочетание; вариантов масса, это хорошо известно: Этьен Кабэ в «Икарии» оставил героя в его времени, но перенес саму Икарию из будущего в то же самое время; Фрэнсис Бэкон сопоставил две параллельно разворачивающиеся, но изолированные цивилизации («Новая Атлантида»), Мерсье и В. Ф. Одоевский перенесли героев, соответственно, в третье («2440-ой год») и в пятое («4448-ой год. Петербургские письма») тысячелетия. Известно, что сделали Томас Мор, Кампанелла... Михаил Булгаков перенес Ивана Грозного в период НЭПа, а Уэллс в «Машине времени» дал картину динамичного процесса перенесения, а устремив его по времени в бесконечность, доказал ту простую истину, что, удаляясь в прошлое ли, в будущее, обнаружим, что они в конце концов смыкаются. Прекрасный образец художественного обоснования замкнутости пространственно-временной эволюции мироздания.

«...В великоленных аутодафе

Сжигали злых еретиков» («Братья Карамазовы»).

Достоевский производит сложную трансформацию первичной идеи европейской цивилизации: от испытания Христа духом пустыни, Сатаной,— помещая объект испытания в XVI-й век, век преломления христианских догматов, когда к христианским заповедям и именем Христа, но уже от Сатаны, присовокупляются, а на деле полностью переворачивают их, новые идеалы, которые с тех-то пор, полярно заповедям первоначального христианства, составляют существенную часть современного бытия человечества.

* Все цитаты из Нового Завета.

Тайну из тайн открывает Великий инквизитор Христу, явившемуся народу в Севилье и схваченному святой инквизицией: уже давно, много веков тому назад апостольская римско-католическая церковь отпала от бога и стала земным учреждением Сатаны.

Христос вновь посещает землю, внимая полуторатысячелетнему ожиданию человечества. Что вынуждает его прийти к людям не в виде предсказанного пророками Ветхого завета мессии, время которого еще далеко, но в прежней своей ипостаси: укрепить дух веры и, возможно, еще раз принять на себя накопившиеся грехи людей? Иван Карамазов полагает причину в усилившихся кознях Сатаны, в помощь которому вступила и Лютерова ересь, и усталость ожидания, жажда чуда человечества.

Иисус вправе был ожидать легкого закрепления своей, той давней победы над духом сомнения: посеянные им зерна в землю добрую умерли, но дали много плодов (Иоан. 12, 24 — эпиграф к «Карамазовым», любимейшие евангельские стихи Достоевского и Толстого): мировую по значимости и распространению христианскую религию. Именно поэтому он начинает со стереотипа: повторяет над семилетней девочкой «талифа куми» и повторяет чудо воскрешения Лазаря. Но это остается его единственным подвигом; более могучая сила, чем прокуратор Понтий Пилат, книжники, фарисеи и иудейские первосвященники, противостоят сыну божьему: ему противостоят его наследники духа на земле: церковь, созданная его идеологом-апостолом Петром, и ее святая инквизиция. Первое и последнее чудо вновь вочеловечившегося Христа наблюдает Великий инквизитор и «...он все видел, он *видел как поставили гроб у ног его, видел, как воскресла девица, и лицо его омрачилось. Он хмурил седые густые брови свои, и взгляд его сверкает зловецким огнем. Он простирает перст свой и велит стражам взять его. И вот, такова его сила и до того уже приучен, покорен и трепетно послушен ему народ, что толпа немедленно раздвигается перед стражами, и те, среди гробового молчания, вдруг наступившего, налагают на него руки и уводят его. Толпа моментально, все как один человек, склоняется головами до земли пред старцем инквизитором, тот молча благословляет народ и проходит мимо» («Братья Карамазовы»).*

Сдержанная экспрессия этих слов Достоевского в сочетании с глубокой идеей всепокорности массы, толпы кажутся той канвой, на которой впоследствии были построены притчи Франца Кафки, и наиболее последовательной — притчи о чужаке, захватившем власть над кораблем.

И повторяется сцена суда Христа, но совсем в иной ипостаси, уже не Пилат вопрошает его: что есть истина? Но его сурово не судит, осуждает 90-летний аскетичный монах и уже близко-близко, к утру время, когда второй раз сбудется для сына Божия то страшная минута, когда *«подняли вверх и третий крест, несколько непохожий на другие, с большой доской, на которой виднелась надпись: «Царь Иудейский!»* (Г. Данилевский «Мария Магдалина»). То страшное *qui pro quo*, недоразумение, о котором просит брата Алеша Карамазов; глубокая религиозность его сопротивляется адогматичности мышления Ивана.

А вот дальше начинается собственно вторичная идея Достоевского: словами Великого инквизитора он трактует, раскрывает, буквально разжевывает — что в его характерной манере — то, что ум его прочитал между строк; для ума тонкого, пытливого, склонного к развитию темы до бесконечности выводов и обобщений зашифрованных Евангелий. Что же принципиально нового, даже диаметрально противоположного — а это именно и сделало «Легенду» исключительным явлением мировой художественно-философской мысли — сказал Достоевский в толковании образа Христа? Что Сын Божий, вообще говоря, своим вочеловечением принес людям только беспокойство, что он лишний в среде людей? Но это ясно и из Евангелий; ведь в Иудее его осудили не только суд первосвященников, суд религиозный, но и суд на-

рода: ведь это народ, учимый и любимый Христом, кричал: распять, распять его, а разбойника помиловал. И только Пилат, человек посторонний, чужеродный и рациональный разумом римлянин, видел нелепость приговора над Христом, но именно этот рационализм, соблюдение иерархии начальников земных, а не небесных, и позволил запугать его хитроумному синедриону.

И точно так же в Севилье народ рукоплескал бы на «великолепном аутодафе» сожженного Спасителя. В том-то и грустная истина, что провозвестники духа всегда лишние, ибо о них сказано как о зерне, павшем в землю и погибшем, но давшем много плода. В этом смысл искупления грехов многих личным страданием.

Это все истины настолько известные, что ни о какой вторичности идеи у Достоевского речь бы не шла, коль скоро речь Великого инквизитора осталась бы повторением сказанного уже Христу 15 веков назад Пилатом и Анной.

Великим открытием Достоевским истинного содержания Евангелий* была идея о врожденном в человеке примате телесного над духовным, символами которых являются предпочтение хлеба перед свободой, жажда чуда перед верой в личного духовного бога, стремление идти в стаде, лишь бы не знать мук выбора. Не зря католические средневековые теологи именно в свободе выбора полагали гибель христианского начала в человеке. Не следует забывать, что этому учила «сатанинская» — по Достоевскому — апостольская римско-католическая церковь.

Именно это откровение Достоевского, слившись с религиозной и пессимистической установкой философии Кьеркегора, создали основу новейшего экзистенциализма: от Льва Шестова и ранней франкфуртской школы до Камю, Сартра, Хайдеггера.

Кардинал, Великий инквизитор, сам есть земное повторение Христа; как и последний, он был искушаем страшным духом пустыни, он был аскетом, как и сын Божий, но он понял ту истину, которую Христос постичь не мог, ибо он только послание целенаправленного Духа, возвеститель истины, оставшейся для людей чуждой абстракцией. А Великий инквизитор был человеком по плоти и познал устремления человека. Он познал, что Сатана был побежден Богом в духе, но оказался победителем в теле, низвергнут падшим ангелом в преисподнюю, а преисподней оказалось телесное в человеке. Итак, не дано духу оторваться от плоти и воспарить над нею — вот существо человека.

Каждый из собеседников понимает и читает мысли другого дословно. Им неинтересно и совсем не нужно что-либо говорить, если только... для читателя, а потому Христос, уже все сказавший тысячелетия тому назад, может уступить место высказываниям последователю его по словам, но последователю Сатаны по духу. И оба они понимают, что второе пришествие Христа абсолютно излишне, это все равно, как войти в храм Сатаны, это почти неприлично, почти назойливость. Молчание Христа есть и согласие со всеми словами инквизитора.

Как изменилось положение Христа с евангельских времен? Торжествующий дух правоты и предчувствия искупляющего жертвования сменился на дух сознания своей ненужности. Христос, уже не нужный людям, становится тенью и, если бы он сказал хоть слово в разговоре с Великим инквизитором, то вместо царственного, божьего, торжествующего: «Ты сказал!» — в севильской тюрьме прозвучало бы: «Да, ты так сказал».

«— А пленник тоже молчит? Глядит на него и не говорит ни слова?— Да так и должно быть во всех даже случаях,— опять засмеялся Иван,— Сам старик замеча-

* Здесь используется прием ретроспекции; разумеется, апостолам, писавшим канонические Евангелия, или тем авторам, которыми гиперкритика замещает апостолов, мировоззрение Достоевского было бы чуждым да и не под силу, однако откровением вторичной идеи называем именно органический и единственно верный вывод из никогда еще не сказанного, но требующего полной договоренности...

ет ему, что он и права не имеет ничего прибавлять к тому, что уже прежде сказано» («Братья Карамазовы»).

Христос не может ничего прибавить к ранее сказанному, ибо изменить что-либо в духе христианского учения будет чудом, а чудеса были отвергнуты им самим, ибо они отвергают свободу веры — камень, на котором он построил все здание христианства. Так говорил инквизитор. А свобода? Она осталась иллюзией, ибо свобода людям противопоказана, и люди дождаться не могли, пока эту свободу духа не взял у них Сатана, действительно освободив их для свободной жизни тела, что только и нужно человеку. И что может на это сын Божий возразить? Он увидел людей 15 веков спустя и понял всю тщетность своего борения за свободу духа, веры их... А самое главное, все это имеет прецедент в самой истории вероучения свободы духа: не может быть счастлив бунтовщик; не был им небесный протестант Сатана и земная пара родоначальников человечества. Так чем было искушение Христа великим духом в пустыне, *«страшным и умным духом, духом самоуничтожения и небытия»*? — до каких откровений и прозрений священной истории доходит писатель: Христос был послан Богом на землю, чтобы на себе, как на подопытном кролике или морской свинке, подтвердить ту истину, что дух, несклоняемый императивом тела, плоти есть иррациональность, абстракция, мечта и сказка.*

Христос, идеальная богова модель человека, не понял своего предназначения и до конца выполнил свою роль подопытного, лакмусовой бумажки. А искушения Сатаны, эти три его вопроса, и были проверкой идеализма богосына, ибо заключали в себе великое: *«Уж по одним вопросам этим, лишь по чуду их появления, можно понимать, что имеешь дело не с человеческим текущим умом, а с вековым и абсолютным. Ибо в этих трех вопросах как бы совокуплена в одно целое и предсказана вся дальнейшая история человеческая и явлены три образа, в которых сойдутся все неразрешимые исторические противоречия человеческой природы на всей земле»* («Братья Карамазовы»).

Итак, нет, не было и не будет ничего более невыносимого для человека, чем свобода. Ибо в силу законов природы, сложных социально-экономических законов бытия, для всех людей, кроме одного, да и то отчасти — Робинзона Крузо — существует альтернатива: хлеб или свобода, первым живет плоть, дух вторым, и доколе дух живет в теле, а не наоборот, до тех пор человек выбирает хлеб. Христос гордо и наивно отверг искушение Сатаны дать людям хлеб, ибо считал, что любое чудо, даже столь гуманное, как превращение камней в хлеб, снизит престиж бога-духа и отнимет у людей свободу. А зачем она: на камнях голодной пустыни? — *«Ты возразил, что человек жив не единым хлебом, но знаешь ли, что во имя этого самого хлеба земного и восстанет на тебя дух земли и сразится с тобою и победит тебя и все пойдут за ним...»* («Братья Карамазовы»). К сожалению, слишком человеческое: *«Накорми, тогда и спрашивай с них добродетели!»* Потому-то трудно искать добродетель в голоде и нищете тела; в голоде и нищете духа она, серенькая мышка добродетели, куда более частая гостья.

Вересаев в «Живой жизни» упорно подчеркивает метафорическую, стилистическую бедность Достоевского, но исключение ли это? — речи-обличения Великого инквизитора, расцветенные необычайными цветами литературных тропов; быть может, вдохновение раскрытия больнейшего во всю творческую жизнь писателя вопро-

* Сюжетное (романическое) воплощение идеи проверки неидеального образа человека находим в «Новом Нечистом из Самого пекла» Антона Таммсааре, где посланный на землю в образе человеческом апостолом Петром Нечистый из преисподней для искупления своих грехов и дарования райской жизни, не может выполнить условия праведной жизни, ибо сама жизнь среди людей неотвратимо приводит к греху — условию выживания и сохранения личности.

са, подстегивало его перо? Кто и что можно сказать определенно. А на всякую догадку есть свой, еще более страшный «дух отрицания» — гиперкритика...

Но даже не то самое страшное, что предлагал не понимающий внутренней сущности человека земного Христос, говоря: не хлебом единым жив человек. И не только говоря, но содействовав этому в первое свое посещение земли. Это — создание элитарности духа. Ибо миллионы и миллионы слабых духом откажутся от свободы, если в обмен им предложат хлеб, всегда найдется элита духа, те, от силы десятки тысяч, что презреют хлеб земной и пойдут за духовным вождем ради хлеба, небесного. И тогда произойдет самое страшное: пренебрежение миллионами ради тысяч, хорошо если не десятков, а то и, единиц. Так Достоевский предугадал элитарность духа: идеологический тоталитаризм — реальное пугало XX века, так «блестяще» подтвердившийся в германском фашизме и еще более — сионизме.

И Великий инквизитор говорит о выходе, который подсказала человечеству сама история эволюции человеческой души и человеческого общества и что легло в основу управления этим современным обществом: обман масс великими идеалами, создание иллюзии свободы при наличии хлеба для всех. Это то, что называется демократией. Но управлять обманутым народом будет не элита духа, а элита страдающих ложью ради них, песчинок, миллионов...

Весь Ницше заключен в нескольких страницах легенды о Великом инквизиторе: *«...Приняв «хлебы», ты бы ответил на всеобщую и вековую тоску человеческую как едиличного существа, так и целого человечества вместе — это: «пред кем преклониться?» Нет заботы непрерывнее и мучительнее для человека, как, оставшись свободным сыскать поскорее того, пред кем преклониться»* («Братья Карамазовы»).

Чудо, тайна и авторитет — вот силы, способные сделать массы послушными, и, по-своему, счастливыми: иметь хлеб, отдать ненужную свободу и совесть управляющей элите, чувствовать, что вожди их есть единственно достойные и надежные субъекты власти над ними, «миллионами счастливых младенцев».

Христос отверг все три искушения Сатаны, не дал людям ни чуда, ни тайны, ни авторитета.

Легенду о Великом инквизиторе легче всего объяснить как логическое обоснование Достоевским своих воззрений, их сущности, мировой истории и роли масс и вождей в ней, роли и предназначений императивных идеологий. И объяснение будет совершенно верное; говоря же об истоках подобного мировоззрения писателя, понятно, будет уместно упомянуть о ненависти его ко всему нероссийскому, неправославному и особая ненависть к римско-католической церкви, западному рационализму — в противовес русской карамазовщине.* Будет упомянуто о Достоевском, как о психопатологе психологии массовой души, его неприятию идей социального равенства и пр.

Все это, конечно, будет верным и справедливым... но, если бы мы говорили о «Легенде», как о философском трактате, а о Достоевском, как о мыслителе-моралисте. Но мы-то говорим о художнике, художественном произведении — легенде об инквизиторе, художественном воплощении вторичной идеи.

В современной психологии искусства художественное творчество, познание и

* Карамазовщина — суть стихийная, ищущая, неорганизованная еще воля русского народа. Проницательный Ницше удивительно верно понимал это и писал в унисон Достоевскому, что сильнее и изумительнее всего воля в России, «в том огромном промежуточном государстве, где Европа как бы впадает обратно в Азию». А посему Ницше ратует за предотвращение русской опасности, введение в ней европейского рационализма: *«Нужны не только войны с Индией и осложнения в Азии, чтобы Европа освободилась от величайшей опасности, нужны внутренние перевороты, распадение государства на мелкие, тела и прежде всего введение парламентского идиотизма и еще обязательства для каждого читать за завтраком свою газету»* (Фр. Ницше «По ту сторону добра и зла»).

самовыражение, рассматривается как возможное сочетание восприятия, эмоционального переживания и художественной фантазии:

$$[\text{Худ. творчество}] = \text{mod}_2 \{ \text{восприятие; чувство; фантазия} \}. \quad (1)$$

Как видим, любая из реализуемых здесь схем является неявной относительно роли БСЗ, оперируют только понятиями активного сознания (СЗ). Ибо формула (1) есть формула сочетаемости факторов художественного творчества, активно осознаваемых, предполагающих значительную, но неявную роль БСЗ:

$$\begin{aligned} \{[\text{Худ. творчество}]; \text{БСЗ}\} = \\ = \text{mod}_2 [\{ \text{восприятие; чувство; фантазия} \}; \text{БСЗ}]. \end{aligned} \quad (1a)$$

Поскольку же (1a) в рамках классической психологии искусства не разрешимо относительно роли БСЗ, не представимо в виде

$$\begin{aligned} [\text{Худ. творчество}] |_{\text{БСЗ}} = \\ = \text{mod}_2 [\text{восприятие} |_{\text{БСЗ}}; \text{чувство} |_{\text{БСЗ}}; \text{фантазия} |_{\text{БСЗ}}; \text{БСЗ}], \end{aligned} \quad (2)$$

то оценка влияния БСЗ на художественное творчество остается лишь догадкой. Именно трудность разрешения (1a) относительно БСЗ и продиктовала Фрейду отступничество от исследования художественного творчества методами психоанализа.

Желая представить (1) в явной относительно БСЗ форме (2), установить прямое влияние неосознаваемой психической деятельности художника на его творчество (тем более, конкретного произведения), мы должны найти тот исходный момент, который, подобно Розетскому камню Шамполиона, позволит нам перекинуть прямой мостик от БСЗ к образам и идеям, активно осознанными и выраженными в творчестве.

Отличающийся от теории Фрейда большей логической систематичностью и своего рода структурностью метод установки Д. Н. Узнадзе дает определенные пролегомены к осознанию путей решения (1a). Он исходит из следующего: признавая неявный характер (1a) относительно БСЗ, отыскание решения типа (2) предполагается в преодолении рамок активно переживаемых фаз художественно-творческого процесса и поиске смысла их исходных посылок в обрасти БСЗ.

Теория Узнадзе ищет эти исходные посылки (основу конкретной и индивидуальной творческой активности) в соответствующей установке БСЗ; другие теории полагают их в физиологии высшей нервной деятельности, в биологических инстинктах и пр. Цитируем Узнадзе: *«В момент инспирации мы действительно имеем дело только с актом созревания установки; и когда художник, стимулируемый этой последней, приступает к работе по ее выражению, он осуществляет: творческую, а не просто репродукционную работу... Все это нетрудно понять, если мы вспомним, что в основе художественного творчества лежит установка. Она подготавливается заранее и, прояснившись, внезапно проявляется в сознании. Внезапно потому, что установка не является феноменом сознания».*

Итак, выход бессознательно подготовленного решения есть своего рода «созревшая установка», подготовленная в БСЗ комбинацией некоторых первоначальных, элементарных установок, которые суть сочетание фиксированных и импульсивно возникающих установок — вытеснением в область БСЗ из СЗ и В-СЗ. Так вот, вроде совсем пустячок: услышанная фраза-фабула, какой-либо отличительный звук или запах, вид, тип лица, фигура рождает идею в голове художника, а потом и переносят на бумагу, полотно, нотные листы... законченную художественную композицию: с образами, красками, смыслом и тенденцией. Но даже интуитивно мы понимаем; что то был толчок, а дело гораздо сложнее: всплыла под действием его и сцепилась в нужном порядке цепь ассоциаций, а звенья ее были фиксированными установками. Психическое состояние, физическое здоровье и нездоровье, предчувствия и все восприятие окружающего мира в момент толчка, все это зацепилось дискретами-микроустановками за зародившуюся Художественную Мысль.

Следующий этап: вывод ее из БСЗ в активное сознание для реализации в нем

структуры (1). Это и есть существеннейший момент, ибо для перехода рубежа БСЗ-СЗ сложившаяся цепь первичных установок должна принять форму, *осознаваемую активно*. Эта переходная форма есть *прообраз*, одно из центральных понятий в психологии творчества. *«Прообраз является таким возникшим в сознании художника специфическим феноменом, в котором впервые (и в целом) находит свое разрешение его «созревшая установка» или, что то же самое, в котором еще не реализовавшаяся, но уже выяснившаяся установка художника получает «выход» в сознание»* (Д. Н. Узнадзе). Далее прообраз получает форму, словесный образ, т.е. наблюдается последовательность двух родов фантазий: прообраз и словесное представление.

Представляется продуктивным рассмотреть формирование художественного образа от вторичной идеи в свете определения прообраза в теории установки.

Идея христианского искупления личным жертвованием общих грехов лежит в основе евроцентристской культуры; она же — идея победы духа над плотью, смирения под властью, реально осознаваемой необходимости чуда и пр. интерпретации. Все это есть для человека, мыслящего категориями христианской по духу происхождения и развития цивилизации, врожденными фиксированными установками. Индивидуальность Достоевского привнесла ряд специфических фиксированных установок; о них говорилось выше. Наконец, следует иметь в виду, что «Легенда» есть лишь одна из глав обширного произведения, поэтому на формирование цепи «микроустановок» в БСЗ налагалась императивная система разработанных образов и идей романа, своего рода частая сеть, накинута на формирующийся прообраз. Глава о Христе и инквизиторе не жесткая, наоборот, зыбкая, изгибаемая во всех направлениях, но ограничивающая заключенный в ней объем «микроустановок».

Обычно, при рассмотрении формирования прообраза, как выхода художественного из БСЗ в СЗ, ограничиваются иллюзией простейшего метафорического образа; так, например, вполне объяснимо формирование образа: *«хотел бы птицею навечно поселиться на персиковой ветви наслаждений»*, — пришедшего ранним, солнечным утром, когда человек идет с полным комплексом положительных эмоций по свежему после ночи бульвару среди деревьев и щебечущих птиц, а восточная аранжировка образа — от читанных на ночь стихов Хайяма или сказок «Тысячи и одной ночи», или просто воспоминаниями о персиках, сорванных с ветки.

А сложный прообраз у Достоевского в «Легенде»? А между тем, как это ни парадоксально, на уровне прообраза *безразлично*: есть ли это прообраз «Легенды о великом инквизиторе», или прообраз птички на персиковой ветке. В этом и дело, что осознание прообраза, независимо от распространенности (объемности, значимости и пр.) образа, происходит мгновенно, в совокупности; в главе о ритме мы подробно исследовали момент спонтанной всеохватности. Это есть тот же континуальный поток образов, воспринимаемый в их целостности, недетерминированности.

И лишь после факта, вневременного, не имеющего протяженности, осознания прообраза, когда дается установка активному мышлению, начинается развертывание образа. Вот здесь-то и выявляется его идейно-образная объемность, значимость: птичка остается на ветке и все: красивое сравнение, а прообраз у Достоевского развертывается в «Легенду», всеобъемлющую всю историческую психологию масс.

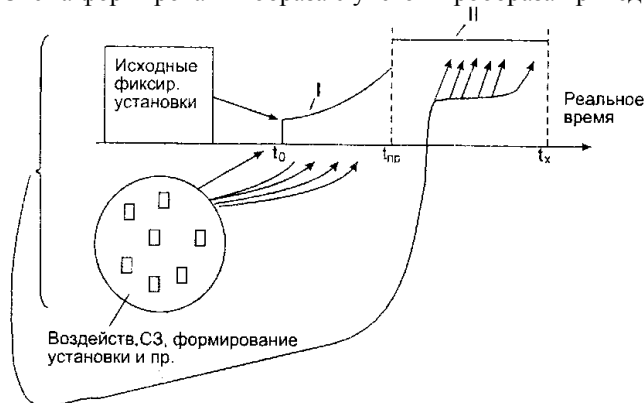
Есть прямое доказательство сказанному, хорошо знакомое каждому: просыпаясь, человек запоминает лишь некоторое общее, порой словесно не выражаемое, но *всеобъемлющее* впечатление от посетившего его сна. Это есть не что иное, как осознание прообраза сна при переходе от сна (БСЗ-установки) к бодрствованию, включению активного мышления. Только в данном случае этот переход от БСЗ к СЗ совершается довлеюще, по физиологическим причинам, при просыпании, в случае же художественного творчества — по причинам более сложным, более статистического порядка, но в сути своей, также по довлеющим над активным СЗ.

В родственности этих двух процессов и состоит причина того, что часто процесс сон — просыпание — активное мышление у художественных натур совпадает с творческим процессом; наиболее хрестоматийный пример — творчество Кафки, Томаса Манна. Проблема соотношения работы БСЗ во сне и творческого процесса требует отдельного рассмотрения, поэтому здесь на этом вопросе более не задерживаемся.

Итак, гипотеза о вневременном осознании прообраза представляется довольно убедительной. В заключении попробуем реконструировать прообраз «Легенды» у Достоевского; учитывая, что нижеприведенное не имеет временной протяженности, этот прообраз выглядит так.

Иван Карамазов — Алеша Карамазов; рационально-логическое и духовное начало; два типа из 3-х крайних воплощений русского характера. Плотское и духовное — диалектика противоречия в христианстве. Христос и Пилат, но... Пилат неорганично вписывается в конфликт, ибо он прокуратор и судья чужой и нелицеприятный, остранный. Нужен заинтересованный апологет. Наивысшая идея католического христианства: власть от бога — Христу, от него Петру, от Петра царям земным и духовным, Папе. Перерождение идеи христианства и идеи искупления: от искупления духа к искуплению плоти. Страдающий дух избранников и торжествующая бездуховная плоть. Когда счастливы миллионы? — Хлеб, бездушие, поклонение. Массой. Идеалы Христа — для избранников. А во имя чего? Созидания. Искушение — испытание свыше. Опыт. Полная капитуляция Христа. Бедный Христос. Поцелуй — дань традиции. Не Иуды. Нет, тема Иуды не здесь. Он излишен. Но поцелуй есть.

Схема формирования образа с учетом прообраза приведена на рисунке:

Пояснение к рисунку: в БСЗ сохранены фиксированные установки — следы художественного опыта. В момент t_0 начинается формирование цепочки установки; время $t_0-t_{пр}$. — неосознаваемое, но реальное время ее формирования под воздействием СЗ, внешних факторов В-СЗ, формирующихся установок и пр. на протяжении всего времени $t_0-t_{пр}$. Кривая I — нарастающая. В момент времени $t_{пр}$. — вневременное формирование прообраза, линия II — от $t_{пр}$ до t_x — осознаваемое реальное время активного творческого процесса. На протяжении всего этого времени исходные установки и пр. из БСЗ воздействуют на скелет (прообраз).

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ!

В редакцию поступают обращения с просьбой разъяснить сложившуюся практику распространения журнала «Приокские зори», где его можно приобрести, поччитать и пр. Имеют свои вопросы и авторы публикаций в журнале. Несомненно, нас радует и ободряет все нарастающее внимание читающей публики. Постараемся ответить на основные вопросы.

Как значится на второй странице журнала, «Приокские зори» распространяются преимущественно в библиотечной сети. На сегодняшний день журнал регулярно поступает в Тульскую областную универсальную научную библиотеку (абонемент и читальный зал периодики), Детскую областную библиотеку, Тульскую областную библиотек работников образования, библиотеки Тульского госуниверситета (абонемент художественной литературы и читальный зал), Тульского госпедуниверситета им. Л. Н. Толстого, Культпросветучилища (ныне — колледж), Лицея на Пушкинской, Областного общества «Мемориал», музеев Тулы и Тульской области, в редакции общегородских газет, в ИПО «Лев Толстой» и в редакции альманахов «НЛО» (г. Новомосковск) и «Тула», в библиотеки тульских филиалов московских вузов. Журнал получают крупнейшие библиотеки США: библиотека Конгресса и библиотека г. Сизтл, шт. Вашингтон, а также радиостанция «Голос Израиля» (г. Иерусалим).

По системе городского библиотечного коллектора журнал регулярно доставляется во все городские библиотеки:

— Центральная городская библиотека им. Л. Н. Толстого — абонемент и краеведческий отдел (ул. Болдина, 149/10);

— Библиотека № 1 (ул. Новомосковская, 9);

— Библиотека № 3 (ул. Октябрьская, 201);

— Библиотека № 4 (ул. Metallургов, 34);

— Библиотека № 5 (ул. Metallургов, 2«а»);

— Библиотека № 8 (Косая Гора, ул. Гагарина, 7);

— Библиотека № 18 (Скуратовский мкр-н, 1);

— Библиотека № 20 (ул. М. Горького, 20);

— Центральная городская детская библиотека (Красноармейский пр., 36).

По системе областного библиотечного коллектора ТОУНБ журнал регулярно поступает во все районные библиотеки Тульской области: Алексинскую, Арсеньевскую, Белевскую, Богородицкую, Веневскую, Воловскую, Дубенскую, Донскую, Ефремовскую, Заокскую, Каменскую, Кимовскую, Киреевскую, Куркинскую, Ленинскую, Новомосковскую, Одоевскую, Плавскую, Суворовскую, Тепло-Огаревскую, Узловскую, Чернскую, Щекинскую, Ясногорскую и в Новогуровскую поселковую библиотеку.

Как видно, любой житель города и области может знакомиться с содержанием выходящих и прошлых номеров журнала в наиболее удобном для него «территориальном» варианте.

С начала 2007 года аудитория читателей потенциально многократно возросла, поскольку «Приокские зори» в полном объеме публикуются в электронной форме на

сайте www.medsu.tula.ru (в pdf-формате) Интернета. То есть журнал стал доступен всем жителям России и знающим русский язык за рубежом.

Журнал имеет и приоритетную рассылку. Его получают лидеры ведущих фракций Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, руководители Тульской областной Думы и Администрации области, редакции ведущих литературно-публицистических газет России: «Литературной газеты», «Завтра», «Российский писатель». Доставляется журнал в Правление Союза писателей России. В рамках обмена содержимым «редакционных портфелей» «Приокские зори» получают Независимое литературное агентство «Московский Парнас», выпускающее одноименный альманах с ежемесячной периодичностью, и редакция старейшего литературно-художественного журнала «Подъем» (Воронеж), редакция журнала «Истоки» (Красноярск). Журнал получают центральные библиотеки Москвы, Рязани, Петрозаводска, Курска, Калуги, Сургута, Фрязино, Новосибирска, Красноярска, СПб и ряда других городов. Журнал получают престижные библиотеки США: Библиотека Конгресса США и библиотека г. Сиэтла.

Определенное число экземпляров (до пятидесяти) предназначается для организаций-издателей журнала: Тульской писательской организации Союза писателей России и Тульского госуниверситета. Не остаются без внимания и члены редколлегии.

Библиотечная, а теперь и по сети Интернет, форма распространения журнала полагается нами оптимальной для настоящего, начального, периода становления журнала, имея в виду относительно малый тираж его, хотя за прошедшее время он увеличился до 500 экз. Но это и немало, учитывая, что сейчас тиражи ведущих всероссийских «толстых» литературных журналов не намного больше.

В планах редколлегии на ближайшее время значится доведение тиража до 1000 экз., присвоение международного классификационного номера ISSN и включение в подписной каталог «Роспечати». С 2009 года журнал имеет госрегистрацию.

И еще одно обращение к руководителям библиотек школ и культурнопросветительских учреждений: если вы хотите регулярно получать (безвозмездно) наш журнал — сообщите об этом письменно главному редактору (адрес на второй странице журнала) с указанием своего телефона и/или *e-mail*. Начиная с предыдущих номеров журнал уже доставляется в ряд школ города Тулы и области. К сожалению, большинство школьных библиотек проявляет стойкую апатию...

Редколлегия журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., **является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»**. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России (см. информацию в начале рубрики «Хроника литературной жизни»). Не забудьте занести экземпляр в редакцию журнала или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в

журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Начиная с III кв. 2011 г., начат выпуск книг новой серии «Приложение к журналу «Приокские зори» в однотипном оформлении с обложкой, стилизованной под обложку журнала. На сегодняшний день вышли пять книг (см. ниже). Авторы книг этой серии, как и журнал, выходящий под логотипом Академии российской литературы, пользуются теми же правами, что и авторы «Приокских зорь», включая возможность претендовать на лауреатство всероссийской литературной премии «Левша» им. Н.С.Лескова.

За финансово-издательскую сторону отвечают сами авторы. Редакция журнала по просьбе авторов передает (пересылает) им файлы однотипной обложки и стилизованных шрифтов. По всем вопросам авторы обращаются к ответственному за серию, зав. редакцией «Приокских зорь» Якову Наумовичу Шафрану по e-mail или «бумажному» почтовому адресу журнала.

Автор должен получить разрешение редакции на издание книг серии, а по напечатанию тиража выслать в адрес редакции 10 экз. книги — для обязательной рассылки с очередным номером журнала.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие книги:

1. *Московский Парнас*. Независимый альманах. — М.: Изд-во Независимого литературного агентства «Московский Парнас». — 2011, №№ 4—6.

2. *Истоки*: Литературно-художественный и публицистический журнал (Красноярск). — 2011. — № 2(18) (В номере опубликованы произведения членов редколлегии «ПЗ» Тамары Булевиц и Алексея Яшина).

3. *Вестник* Тульской духовной семинарии. — 2011. — № 9.

4. *Свет разума*: Неформальная литературная газета (Тула). — 2011. — №№ 1—3.

5. *Валерий Маслов*. Тульские люди: Очерки о знатных туляках, прославивших свой город. — Тула: Левша, 2011. — 298 с.

6. *Сергей Щеглов*. Крылья тульских столетий. — Тула: Гриф и К., 2010. — 168 с.

7. *Протоиерей Алексей Зайцев*. Троицын день: Стихотворения. — Челябинск: Челябинский дом печати, 2012. — 208 с.

8. *Ошевнев Ф. М.* Чертова дюжина ножей в спину российской милиции: Рассказы. — Ростов н/Д: ЗАО «Книга», 2008. — 256 с.

9. *Ошевнев Ф. М.* Чертова дюжина ножей в спину российской милиции: Рассказы. — Ростов н/Д: ООО «Альтаир», 2011. — 298 с.

10. *Родные мы с Родиной люди...* Очерки, статьи, интервью: Антология современной публицистики. Вып. 1. — М.: Московский Парнас, 2010. — 304 с.

11. *Александров И. В.* Пастушья сумка: Избранное. — Орел: Изд-во «Вешние воды», 2010. — 464 с. (Последняя книга недавно ушедшего из жизни замечательного русского поэта Ивана Васильевича Александрова — автора «Приокских зорь»).

12. *День тульской поэзии 2011*: Ежегодник. — Тула: Гриф и К, 2011. — 121 с.

13. *Новомосковское литературное объединение*: Межобластной литературно-музыкальный альманах «НЛО» № 11. — Тула: Папирус, 2011. — 360 с. (В альманахе опубликован проект «Манифеста нового русского критического реализма»).

14. *На крыльях Пегаса*: Литературно-художественный альманах. Вып. 7. — Тула: Папирус, 2011. — 208 с.

15. *Валерий Богушев*. Парус на солнце: Рассказы. — Воронеж, 2011. — 60 с. (Многие рассказы книги ранее были опубликованы в «Приокских зорях»).

16. *Ефим Гаммер*. Я прошел — не пропал: Проза ассоциаций: Роман, повести. — Москва — Иерусалим: Издательское содружество ЭРА, 2010. — 408 с.

17. *Кириллов М. М.* Моя академия: Воспоминания: 1950—1956 гг. — Москва: ООО «Фиеста — 2000», 2010. — 84 с.

18. *Край наш Тульский*: Путеводитель / Сост. В. В. Куликов. — Тула: ИД «Пересвет», 2007. — 640 с.

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» в IV-м кв. 2011 года вышли следующие книги:

1. *Яшин А. А.* Сны и явь полковника Хмурова: Педагогическая поэма в 3-х частях / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы. Независимое литературное агентство «Московский Парнас». — М.: «Московский Парнас», 2011. — 551 с., илл. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
2. *Алексей Корнеев.* Тебе, мой край: Стихи и песни. — Чехов: ООО «Инфосервис» (Подольск), 2010. — 255 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
3. *Ковчег:* Альманах. Поэзия, проза, произведения для детей, публицистика, критика и литературоведение. Вып. 1 / Сост. Я. Н. Шафран. — Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2011. — 314 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
4. *Комаров В. А.* О возвышенном и земном: Стихи. — Щекино: Изд-во ИАМ, 2010. — 120 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
5. *Татьяна Леонова.* Из тонкой просветленности осенней...: Стихи. — Щекино, 2010. — 136 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
6. *Антология русской народной поэзии XXI века. Т. 1* / Сост. Г. Г. Мирошниченко. — Щекино: ООО «Щекинская типография», 2010. — 384 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
7. *Антология русской народной поэзии XXI века. Т. 2* / Сост. Г. Г. Мирошниченко. — Щекино: ООО «Щекинская типография», 2011. — 200 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

В серии «Приложение к журналу «Приокские зори» в III—IV кв. 2011 года вышли следующие книги:

1. *Яков Шафран.* Жизнь как один день: Рассказы, сказки для взрослых, эссе / Предисл. А. А. Яшина. — Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2011. — 143 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).
2. *Геннадий Маркин.* Случайный попутчик: Рассказы, повесть / Предис. В. Г. Сапожникова. — Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2011. — 184 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).
3. *Литературная Тула молодая:* Проза участников 1-го слета молодых прозаиков Тульского края / Сост. О. В. Чмыр; Предис. Виктории Ткач; Под ред. А. А. Яшина. — Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2011. — 140 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).
4. *Владимир Резцов.* Парафразы и зарезцовки. Крамольное: Стихи / Предис. А. А. Яшина. — Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2011. — 184 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).
5. *Владимир Резцов.* Переводы. Стихотворения / Предис. А. А. Яшина. — Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2011. — 78 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова.

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

- проза, включая драматургию;
- поэзия;

— публицистика, включая историко-политическую;
— литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.

Звание лауреата — по номинациям — удостоиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. По положению о лауреатах последними не могут быть члены редколлегии, руководство организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений учредителей журнала. Читатели «Приокских зорь» также приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-ой стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания; например, имена лауреатов 2010-го года объявлены в настоящем номере «Приокских зорь». Также имена лауреатов объявляются в «Литературной газете». Лауреатам вручаются дипломы. С укреплением материальной базы журнала возможно расширение наградной символики. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявляется конкурс за 2012-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

О НАС ПИШУТ

«ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Вышел в свет второй номер журнала «Приокские зори» за 2011 год. Как всегда емкий и по содержанию, и по глубине тем. И все-таки он особенный, ибо посвящен 200-летию основоположника отечественной литературной критики В. Г. Белинского. Вниманию читателей предлагается статья главного редактора «В. Г. Белинский и русский критический реализм». В ней в частности говорится, что при разработке концепции современного русского критического реализма во многом отталкивались от взглядов великого критика. Почему это так, становится понятным после прочтения его «Сочинений Александра Пушкина».

В журнале возобновлена страница «Православие в наших душах». В этом номере она освещает как историю старообрядчества (А. Третьяков, В. Е. Макаров, В. Никишов), так и деятельность РПЦ Московского патриархата в области культуры, в частности, работу тульского литобъединения «Ковчег», представленного преподавателем тульской духовной семинарии М. А. Михалевой. Здесь можно познакомиться с прозой Л. Алтуниной, с поэзией В. Савостьянова, В. Ходулина, В. Ткач, В. Алтунина, Т. Леоновой, Я. Шафрана и других членов «Ковчега».

Номер богат и персоналиями. Это поэзия В. Кузнецова: «И среди множества дорог, Ведущих к языку сегодня, Началом будет слово «БОГ», Благословение Господне». Это поэзия Л. Авдеевой: «И сердце наполнено верой: Быть жизни на этой зем-

ле!» И не менее замечательная поэзия С. Прохорова: «Родная моя Родина В рябиновом кольце... Как бабушкина родинка С грустинкой на лице».

В разделе «Роман. Повесть» представлена работа главного редактора «Совершенство и абсурд», в которой ярко выражена мысль о том, что жизнь в «ничего не делаении», или в имитации бурной деятельности, или, что еще хуже, жизнь под лозунгом «Главное — действие, а цель не важна» приводят к духовной и последующей физической деградации и отдельную личность, и человечество. Поэтому человек должен жить, имея перед собой четкую цель — спасение людей, народа, страны, и начинать он должен с себя, следуя словам Серафима Саровского — «Спасись сам, и вокруг тебя спасутся тысячи».

Здесь же «Повесть о русской Сольвейг» Р.Артамонова, который мастерски дал срез послевоенной московской жизни, преломленной через судьбу мальчика.

Подборка хороших произведений, отвечающих духу журнала — духу доброго, разумного и конструктивного патриотизма, дана в разделе «Антология прозы». С. Овчинников в рассказе «Трансформации» показал, как зависть и ненависть могут открыть доступ к управлению человеком темными силами. И спасение не в самом наличии церкви, а в активном добре верующего, несущего любовь конкретным людям, как в рассказе «Ангел».

Об этом же говорит и И. Карлов в рассказе «В соседней палате»: доброта — это не только материальная щедрость, но, прежде всего, внутренние, душевные затраты, духовная помощь.

И. Кедрова в рассказе «Тихий старец Иоаким» приводит последнюю молитву монаха как пример вершины духа — «Мир всем людям православным и защита Господня!» В. Чистополов («Мужики должны Родину защищать, потому что они мужики») говорит о том, что борьба за власть, распри, когда свои бьют своих, — это патология... Но Россия, как бы кому-то и не хотелось, встряхнется, сбросит с себя все лишнее и поправится... О том же говорит и В. Михайлов («Дуэль на ТВ»), добавляя, что для этого нужны человеческие усилия. Чтобы не было так, как в рассказе Т. Зиминной «Прощай Курмышев!» — «...Умершая деревня все больше походила на огромную братскую могилу... заброшенную могилу на кладбище безжалостной истории...»

Но есть усилия и другого рода, о которых пишет в рассказах «Собачатина» и «Нечисть огородная» А. Миронов, когда мы сами себя уничтожаем больше, чем какой-либо враг. И для того, чтобы мы не стали опечаткой в будущей истории Земли, как результат лживой галиматии бездарных «менеджеров», прообраз которых в аллегорической форме показан в рассказе Г. Маркина «Опечатка» и которую, если и выправят, то уже без нас, нужно деятельное добро, духовные усилия, молитвы и конкретные действия каждого обеспокоенного судьбой России человека.

(Газета «День литературы», Москва, июль, № 07(179) от 25.07.2011 г.)

«ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Вышел в свет очередной номер «Приокских зорь» (№ 3, 2011), посвященный 140-летию со дня рождения выдающегося русского писателя Л. Н. Андреева, так незаслуженно отодвинутого на третий план «литературной пеной» и околелитературными службистами 20—30-х годов и по инерции остававшегося вплоть до 80-х годов в тени литературоведения. Любящий русскую литературу знает, что творчество Л. Н. Андреева — «дуновение свежего ветра» и в те годы, и сейчас. Рассказ «Бездна» хорошо показывает, в чем эта свежесть. Она, как пишет главный редактор журнала, в «новом для русской литературы показе художественными средствами динамики изменения, перевоплощения черт характера на стыке социального и биологического». Как это актуально в наше время «расчеловечивания», когда бездны наживы и потребительства, страстей и ненависти, наркомании и алкоголизма готовы поглотить всех!

В разделе «Повесть» хочется отметить «Скользящий блик утраченного рая» М. Майоровой, матери Иоанны в монашестве, в которой автор через героиню тревожится: «Развиднеется ли к утру?», развиднеется ли сквозь ночь и мрак бесконечного «пререкания» с Господом и законами Мироздания? И ответом — «Секрет Небосвода» И. Луданова. В развалившемся до самой последней черты — в физическом, культурном и духовном смысле — селе вдруг случается чудо. Село возрождается — медленно, не сразу, ведь строить — не разрушать, возрождается молитвенным трудом святого человека, его активным словом. Но это может быть действительно только благодаря ответному душевному движению людей, благодаря вере. Хочется сказать: «Дай Бог, чтобы так же возродилась вся наша Россия!»

В разделе «Современная проза: антология рассказа» особо следует отметить программную вещь А. Яшина «Дежа вю истории?» По мысли автора выход не в известном поиске ответов на вопросы: «Кто виноват?» и «Что делать?» Народ во многом подобен отдельному человеку, и неважно, каково на него влияние и от кого оно идет, важно, каков он сам — мыслящий и работающий, или бездельник и в мысли и в работе.

Хороши рассказы Т. Камаевой. Обращает на себя внимание «Божья кара» Г. Маркина, ведь самым строгим судьей для человека является не суд закона и осуждение людей, а суд собственной совести. Украшают рубрику маленькие, но «весомые» притчи В. Маслова. И в завершение рассказ Я. Шафрана «Вторая натура» — о психологии преступного сознания и о том, на что человек может опереться внутри в вонне для преодоления.

В «Мире поэзии» — проникновенные по своей гражданственности и любви к Родине и болью за нее стихотворения известного современного поэта С. Соколкина. Влекут, не оставляют равнодушным стихи Н. Квасниковой, О. Пантюхина, В. Резцова, В. Ботя, А. Хадарцева, В. Сапожникова, С. Крестьянкина, Л. Авдеевой, В. Родионова и Л. Катуквой.

Молодым в журнале — всегда дорога. Яркими звездочками светятся рассказы — С. Одиноква и О. Янгол, стихи М. Лариной. Рубрика посвящена и талантливым победителям 1-го слета молодых поэтов Тульского края, организованного областным отделением СП России (В. Ф. Пахомов).

В номере — работы отдаленных авторов ЛИТО «Вдохновение» из Москвы, стихи С. Горы из США. По традиции — современные писатели Сибири, на этот раз представленные: В. Белкиным, В. Шаниным и А. Матвеевичевым. На «Тверском бульваре — 25» вы встретитесь с С. Ставцевым. А любители «Сказок со смыслом» продлят удовольствие, читая «Сказки о Белозере» Н. Макарова.

Поклонники «ПЗ» также не останутся равнодушными и к статье «Единение духом и памятью» о Дне Русской духовности «Сияние России».

(Газета «День литературы», Москва, август, № 09(181) от 27.09.2011 г.)

В одном из декабрьских номеров за 2011 год «Литературная газета» опубликовала имена лауреатов премии «Левша» им. Н. С. Лескова за текущий год (см. 3-ю стр. обложки настоящего номера «Приокских зорь»).

Ряд тульских городских и областных газет в октябре 2011 года поместили на своих страницах следующую информацию:

ПИСАТЕЛЬ ИЗ ТУЛЫ ВОШЕЛ В ЧИСЛО ФИНАЛИСТОВ БУНИНСКОЙ ПРЕМИИ 2011-ГО ГОДА!

Известный современный русский писатель-прозаик, главный редактор всероссийского литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», член Правления Академии российской литературы, лауреат многих всерос-

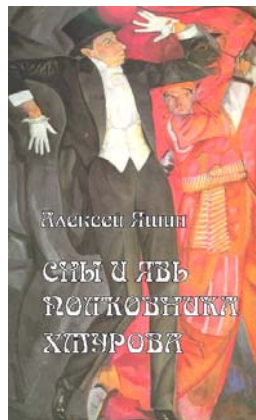
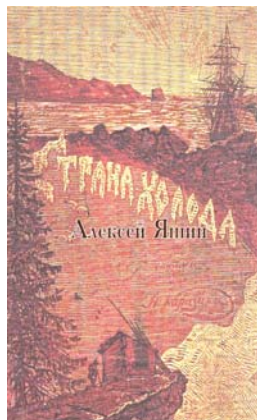
сийских и международных литературных премий и наград, кавалер ордена «Владимир Маяковский», профессор

Алексей Афанасьевич Яшин

вошел в число финалистов престижнейшей в современной России Бунинской литературной премии. Имена лауреатов будут оглашены Оргкомитетом премии 18 октября сего года — в день рождения Ивана Алексеевича Бунина. На конкурс 2011-года Алексей Яшин представил свою книгу «Страна холода (Детство в Гипербореях)», опубликованную в 2009-м году в столичном издательстве «Московский Парнас».

Заметим, что в позапрошлом году Алексей Яшин уже становился финалистом Бунинской премии; тогда лауреатом стал известный писатель-публицист, главный редактор всероссийской газеты «Завтра» Александр Проханов.

Желаем нашему коллеге по перу победы в году нынешнем и, пользуясь случаем, поздравляем его с выходом в свет его новой, 19-й по счету книги — романа «Сны и явь полковника Хмурова» (Москва, «Московский Парнас», 2011), посвященного злободневной сейчас теме: сложной ситуации в российском высшем образовании. Книга имеется во всех городских библиотеках Тулы.

От редакции: Наш главный редактор уже во второй раз выходит в число финалистов Бунинской премии... Но и только. Вообще говоря, создается впечатление, что все так называемые «денежные премии» не преодолевают 1—2 кольцо МКАД столицы...

В одном из ноябрьских номеров «Литературной газеты» было опубликовано поздравление с 55-летием Игоря Мавровича Нехамеса — члена редколлегии «Приокских зорь». Редколлегия журнала присоединяется к поздравлению.

Поздравляем нашего главного редактора с ведомственной наградой — Благодарностью Министра культуры РФ.

**ПОЗДРАВЛЕНИЯ ЖУРНАЛУ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»
С НАГРАЖДЕНИЕМ ОРДЕНОМ
ГАВРИЛЫ РОМАНОВИЧА ДЕРЖАВИНА**

За высокий профессиональный уровень и художественные достоинства публикуемых произведений, а также за укрепление и дальнейшее развитие лучших традиций русской и советской литературной журналистики всероссийский литературно-художественный и публицистический журнал «Приокские зори» награжден Союзом писателей России в лице Московской городской писательской организации орденом Г. Р. Державина. Заметим, что в России (СССР) последнее предыдущее награждение литературного журнала имело место быть 35 лет назад.

Редакция журнала получила множество поздравлений. Некоторые из них мы публикуем ниже.

Примите чистосердечное поздравление в связи с награждением журнала «Приокские зори» писательским орденом Г. Р. Державина. Ваш нелегкий труд, который требует терпения, внимания и понимания, достойно оценен. Желаю дальнейших творческих успехов и высоких наград!

Иннокентий Медведев, Братск

От всей души поздравляю Вас с награждением журнала орденом Державина! Поистине это знаковое событие.

С уважением,

Валерий Богушев, Воронеж

Здравствуй, Алексей Афанасьевич! Поздравляю с высокой литературной наградой. Все-таки «старик-Державин» — это символ русской поэзии.

Сергей Прохоров, с. Нижний Ингаш, Красноярский край

Душевно рад за Вас и за журнал ПЗ. Отвечаю с запозданием, так как был вне России, вернулся только 11 октября.

Рудольф Артамонов, лауреат премии «Левша» им. Н. С. Лескова, профессор, Москва

От чистого сердца поздравляю Вас с награждением журнала «Приокские зори» орденом Державина и искренне радуюсь вместе с Вами и с Вашими единомышленниками, помогающими готовить к печати такой замечательный и популярный в литературных кругах журнал!!! И мы — авторы, всеми своими духовными силами самородным талантом будем тоже помогать в этом святом деле в наше бездуховное и безнравственное время, когда современное общество захлестнули наркомания, детская проституция и преступность. И высылаю Вам стихотворение «Безвременье», соответствующее этим размышлениям.

С глубоким уважением — братчанин Владимир Корнилов

«Приокские зори» заслужили орден. Правда, жизнь сложна и плотна. За всем никак не успеваю. Поздравляю. Так держать. Всего доброго!

Академик Е. И. Нефедов, Фрязино Московской обл.

Поздравляю орденоносный журнал. Шесть лет — детский возраст. Но бывают гениальные дети. И их даже награждают орденами. Такой журнал «Приокские зори». Сказочная карьера, его знают в России и за рубежом. Энергия и пылкость, сродни знаменитому русскому поэту Гавриилу Романовичу Державину, ордена имени которого удостоен журнал.

На многих поприщах выказал себя наилучшим образом Г. Р. Державин — на военной и государственной службе, где достиг больших высот, в поэзии, где был признанной главой поэтической школы и благословил встающего на этот путь Александра Пушкина.

И теперь, через 200 лет, он благословляет наш журнал.

И «Приокские зори» имеют много ликов, палитра разделов журнала огромна, и везде встречаются лауреаты. Немалому числу людей открылась через этот журнал дорога в литературу. Радостно встречать каждую его новую книгу. А достойная награда зовет вперед и дальше.

К новым высотам стремись, дитя! Новыми именами украшай литературную карту России и мира!

Автор журнала «Приокские зори» Борис Кобринский, профессор, лауреат премии «Левша» им. Н. С. Лескова, Москва

Дорогой Алексей Афанасьевич! Сердечно поздравляю именно Вас, так как журнал — Ваша мечта и ее воплощение, Ваш труд и энергия, — с достойным награждением журнала «Приокские зори». Очень сожалею, что я слишком долго не была знакома с ним. Успехов Вам, прекрасных авторов, богатых и щедрых спонсоров, а главное жадного до всего нового и умного читателя.

С земным поклоном, Лариса Яшина, Пенза

Уважаемый главный редактор журнала «Приокские зори» А. А. Яшин!

Поздравляю журнал «Приокские зори», принявший меня в состав своей редколлегии, с высокой писательской наградой — орденом Г. Р. Державина! Новых творческих успехов и широкой международной известности!

Е. А. Гаммер, лауреат ряда российских и международных литературных премий, член израильских и международных союзов писателей, журналистов, художников, Иерусалим

Поздравляю от всей души!

Ирина Журавлева, доцент, Тула

Поздравляю сразу, на эмоциях, Алексей Афанасьевич! Считаю, что заслуга Ваша, как локомотива всего коллектива редколлегии, неоспорима. Творческих успехов и долгой жизни Вам, журналу «Приокские зори», неубывающей признательности читателей не только нашей страны, но и зарубежья. С уважением,

Сергей Лебедев, Тольятти

Благодарю за внимание журнала к моей скромной персоне. Честно сказать, об ордене Державина услышал впервые — видимо, он учрежден сравнительно недавно. Присоединяюсь к многочисленным поздравлениям коллектива «Приокских зорь» с высокой и заслуженной наградой, свидетельствующей о весомом вкладе в развитие российской литературы и публицистики, постоянном поиске и открытии новых талантов, а также умении ведения фундаментальных литературоведческих дискуссий. Уверен, что это — далеко не последняя награда издания на поприще пропаганды художественной литературы. Так держать!

Федор Ошевнев, Ростов-на-Дону

Раз за журнал, за его издателей со столь высокой оценкой его труда! Дальнейших успехов и творческого настроения вашему коллективу и авторам.

Алексей Миронов, СПб

Огромное поздравление «Приокским зорям», которые осветили своим светом мое невеселое эмигрантство, с орденом высокого имени Державина. Радостно поздравить редколлегию и главного редактора с этой наградой. Оптимистично сознавать, что являюсь автором этого достойного журнала.

Наум Ципис, лауреат премии «Левша» им. Н. С. Лескова, Бремен, Германия

Поздравляю редколлегию и редакцию журнала «Приокские зори» с высокой наградой — орденом Г. Р. Державина. Ваш

Сергей Гора, Линкольн, Калифорния, США

Примите мои сердечные поздравления в связи с награждением журнала «Приокские зори» достойной наградой — орденом Гаврилы Державина.

За шесть лет работы журнал по праву занял место весомого издания, представляющего собой настоящую творческую лабораторию, как для мастеров поэзии и прозы, так и для начинающих дарований. Актуальные темы, профессиональные суждения литераторов, интересные примеры из сокровищницы культурного наследия нашей страны — вот главные качества журнала. Не случайно журнал читают во многих городах и регионах России, на него ссылаются и о нем пишут.

Желаю творческому коллективу журнала успешной реализации всех проектов, свершений и достойного продолжения уже сложившихся традиций. Пусть на страницах «Приокских зорь» по-прежнему печатаются прекрасные произведения талантливых авторов, а тираж журнала растет.

Анна Барсова, обладатель Национальной литературной премии «Золотое перо Руси», Екатеринбург

Коллектив журнала «Приокские зори» и лично редактор Яшин Алексей Афанасьевич! Прошу Вас принять мои поздравления в связи с вступлением Вас в славные ряды кавалеров ордена Г. Р. Державина, с очередным подтверждением того высокого положения, который приобрел Ваш журнал за время своего существования. При Вашем непосредственном участии и при пособничестве многих-многих талантливых его авторов, Ваше детище за шесть лет выросло до уважаемого печатного издания, которое несет в первую очередь радость и удовлетворение каких-то своих внутренних амбиций каждому, кто осуществил свою мечту и увидел свое имя на страницах зеленого сборника. Не касаясь сейчас политики и международного положения, хочу просто отметить ту огромную работу, какую проводите Вы, работу, направленную на поддержание и развитие литературного таланта огромного множества людей, мечтающих быть услышанными! А это дорогого стоит! И если принять за аксиому материальность мысли, то каждый квартал на Вас обрушивается целый поток благодати, той благодати, которая трансформировалась из десятков мысленных благодарностей, направленных в Ваш адрес теми, кому Вы помогаете уверенней идти по жизни, теми, в кого вселяете надежду! И это не громкие слова, это всего лишь констатация простого факта — Вы делаете жизнь лучше! И делаете это своими руками. А как у нас, на Руси, издревле называли тех, кто мог творить чудеса? Верно: волшебники и чародеи! Поэтому желаю Вам, кудесникам, завоевывать все новые и новые высоты, покорять непокоримое и обнимать необъятное. Спасибо Вам за Ваш труд!

Александр Томазов, Тула

Глубокоуважаемый Алексей Афанасьевич! С искренней радостью поздравляю со знаменательным событием — награждением журнала «Приокские зори» орденом имени Г. Р. Державина, как лично Вас, неутомимого главного редактора, основателя первого современного объемного литературно-публицистического журнала в Тульском регионе, так и весь коллектив сотрудников журнала, многочисленных авторов и всю армию читателей, как отечественных, так и зарубежных.

Высокая писательская награда заслужена годами плодотворной деятельности, благодаря которой сохраняются и крепнут лучшие традиции русской литературы, раскрываются самые яркие стороны многогранной общероссийской литературной жизни, расширяется географическое пространство для издания талантливых, интересных произведений поэзии и прозы, публицистики и литературоведения.

Орден, носящий имя замечательного поэта, драматурга, переводчика и одновременно государственного деятеля, прошедшего путь от простого солдата до министра, Гаврилы Романовича Державина, безусловно, достойная награда для достойнейшего

издания, каким является журнал «Приокские зори». Поэтическая натура Г. Р. Державина была могуча, глубоко самобытна, полная духовных и душевных сил, что так характерно и для создателей «Приокских зорь», верных основам классической литературы, заложенным в «Современнике» А. С. Пушкина и «Отечественных записках» Н. Некрасова.

Когда-то лицеист Александр Пушкин писал, что «старик Державин нас заметил и, в гроб сходя, благословил». Через столетия «старик» Гаврила Романович Державин заметил и благословил журнал «Приокские зори», с которым бы с удовольствием и с гордостью, наверное, сотрудничал бы и он, и другие великие писатели, будь они нашими современниками.

В свое время Г. Р. Державин был в центре борьбы идей, мировоззрений, классовых сил своего исторического времени. А сегодня авторы «Приокских зорь» с той же взволнованностью, творческим темпераментом и жизненной энергией отстаивают идеи просвещения, общественной справедливости, чести, величия и достоинства человеческой личности и великой России.

Сотрудничать с таким журналом, как «Приокские зори», где основным критерием отбора материалов являются не ранги и финансовое положение автора, а актуальность его произведения, творческая одаренность, — большое счастье, и я, пользуясь случаем, еще раз выражаю свою признательность за приглашение войти в состав редколлегии журнала и сотрудничать с единомышленниками во имя расцвета отечественной литературы, той литературы, которая способна «сеять разумное, доброе, вечное».

Желаю журналу и дальше быть на высоте общественной мысли, столь же вдохновенно, глубоко, со всей творческой силой, энергией душевной молодости отстаивать лучшие классические традиции литературы и способствовать рождению новых молодых достойных талантов.

А закончить свое поздравление, мне как поэту, хотелось бы стихотворными строками, посвященными людям «с духовным стержнем», таким, как главный редактор журнала Алексей Афанасьевич Яшин и все его коллеги по творческому цеху замечательного, самобытного, светлого журнала «Приокские зори».

*Люблю людей, в которых стержень есть,
Людей, кто слов на ветер не бросает,
Не признает ни ханжество, ни лесть,
Чужую боль к себе не примеряет.*

*Люблю людей, чьи точные слова,
Как семена дают благие всходы.
Тех, у кого всегда болит душа
Ответной болью за судьбу народа.*

*Люблю людей, чье крепкое перо
Оставит след в умах, делах и чувствах.
Люблю всех тех, кому не все равно,
Куда идет великое искусство.*

*«Приокских зорь» пускай не гаснет свет,
И озаряет путь таланта пламень.
Недаром смотрит с ордена поэт,
Благословивший Пушкина — Державин!*

Людмила Евгеньевна Авдеева, член Союза писателей России, Международной федерации журналистов, обладатель медали А.С.Пушкина, Москва

ДИСКУССИИ

В «ПЗ» № 4, 2011 были опубликованы материалы всероссийской и международной дискуссии по проекту «Манифеста нового русского критического реализма» (см. «ПЗ» № 1, 2011). Отклики продолжают поступать в редакцию. Публикуем один из них.

Спасибо за внимание к моей скромной персоне и письма с «Манифестом» и итогами его обсуждения. Солидарен с тем, что надо как-то определяться с художественным методом на сегодняшнем этапе и в сегодняшней стране. Итоги дискуссии прочел, пока перевариваю, но надо будет еще перечитывать. Категорически не согласен с тем, что из соцреализма надо хотя бы что-то вычленять и тоже брать на вооружение. На мой взгляд, очень многое, начиная со времени опубликования «Цемент» (от какой-то точки просто нужно было оттолкнуться), а, главное, рисующее нашу после-революционную жизнь, настолько «пропитано» руководящей ролью КПСС, что это определено, а то и грубо доминирует и во многом затеняет все достоинства текстов. (Яркий пример: вспомните хотя бы о первой и последующей редакции «Молодой гвардии»!) Исключения, конечно, имеются — тот же «Тихий Дон». Самая великая вещь, написанная на тему войны за все прошлое столетие! Про многие другое я бы сказал так: в том или ином виде в текстах прослеживается ситуация, когда, образно говоря, лектор обкома толкает речь перед простыми трудящимися какого-то завода, либо колхоза, об успехах социализма в масштабах страны и местечковых, уверяя сидящих в зале в скорой всемирной победе коммунизма в масштабах шарика. При этом лектор сам знает, что он врёт. Слушатели прекрасно знают это также. Лектор знает, что они знают, что он врёт. Слушатели, в свою очередь, знают, что он знает, что они знают, что он врёт. Ну и так далее — это вроде как два зеркала поставить друг против друга, и они будут до бесконечности друг в друге отражаться, а ведь их реально всего два. Выразился наверняка не очень-то точно, ну а если более подробно излагать свою позицию, то мне надо какое-то время, чтоб расставить все точки на i.

С уважением — Федор Ошевнев, Ростов-на-Дону

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

«ГОЛОС ИЗРАИЛЯ» О «ПРИОКСКИХ ЗОРИХ»

*Журнал «Приокские зори» достоин включения
в книгу рекордов Гиннеса!*

В наше неустойчивое время, когда земная твердь, и та время от времени взрывается мощными землетрясениями, выпуск нового литературного журнала, само собой, чреват непредсказуемыми стихийными бедствиями — от разгромной критики, до закрытия. Однако, как показала практика последних лет, такой сейсмографический прогноз не всегда состоятелен. И некоторые бумажные журналы, появившиеся в пору расцвета Интернета, продолжают жить и завоевывать любовь читателя.

Одним из таких феноменов можно назвать ежеквартальный литературный журнал «Приокские зори», который впору считать теперь и международным. Он возник в 2005 году. В Туле. В городе славного Левши — знаменитого героя Лескова, в городе, куда со своим самоваром ездить не следует. Но, как выясняется, это не касается рукописей: со своими рукописями в Тулу ездить не возбраняется. Дело в том, что главный редактор «Приокских зорь» Алексей Афанасьевич Яшин уже в предисловии к первому номеру журнала провозгласил, что намерен «Создать печатный орган, сво-

бодный от уклонов в элитарность, объединяющий на своих страницах как профессиональных литераторов, так и формально не объединенных в творческие союзы. Главный критерий здесь — наличие таланта...»

По сути дела это и получилось. Впрочем, это и немудрено, если учесть, что — наличие таланта, как главный критерий для отбора рукописей, это не пустые слова. Для Алексея Афанасьевича Яшина — не пустые, ибо вся его жизнь подчинена служению таланту. Он известный писатель, член Союза писателей России, член Правления Академии российской литературы; вместе с ним я был в 2008 году в Москве представлен в списке кандидатов на Бунинскую премию. Но, кроме всего прочего, он еще и профессор медицинского института, доктор технических наук, доктор биологических наук, словом, человек многосторонний, видящий наш мир и жизнь в нем в перспективе развития. Наверное, поэтому журнал «Приокские зори» и превратился, как я уже отметил, в международный. С его страниц обращаются к читателю авторы не только России, но и других стран. В первом номере 2011 года в нем печатаются и мои рассказы о рижской моей молодости, о детстве. Ну, и в заключении следует отметить, что журнал достоин включения в книгу рекордов Гиннеса — как единственный «толстый» журнал, который не имеет никакого финансирования от властей. Тираж журнала «Приокские зори» печатает Тульский государственный госуниверситет (ректор Михаил Васильевич Грязев).

Эссе из авторского радиожурнала Ефима Гаммера «Вечерний калейдоскоп», который на волнах радио «Голос Израиля» — «РЭКА» транслируется на Израиль, Россию, Европу, США, Канаду и другие страны, также его можно слышать и в Интернете (<http://sradio.ru/live/321>). Вышло в эфир 8 апреля 2011 года.

В редакцию журнала «Приокские зори»

Примите нашу искреннюю признательность за Ваше внимание к музею Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», за журнал «Приокские зори» (№ 3, 2011), который Вы любезно передали в дар музею.

Очередной номер журнала содержит разнообразные материалы. В рубрике «В мире поэзии: Вечные темы» привлекли наше внимание стихотворения о Л.Н.Толстом заслуженного работника культуры РФ, почетного гражданина г. Тулы, ветерана-«музейщика» В. И. Ботя.

В соответствии с доброй традицией, подготовкой номеров к юбилеям великих русских писателей, в журнале на этот раз представлены материалы, посвященные 140-летию со дня рождения Л. Н. Андреева.

Несомненный интерес представляет рубрика «Современная проза: Антология рассказа», где опубликованы произведения современных авторов, среди них Ваш новый рассказ «Дежа вю истории?» Отрадно, что на страницах журнала представлен широкий спектр литераторов России и русского литературного зарубежья. Рубрика «Молодым у нас дорога» содержит интересную информацию о 1-м слете молодых поэтов Тульского края и их стихотворения.

Все переданные Вами выпуски журнала «Приокские зори» хранятся в фондах нашей научной библиотеки.

С благодарностью,

научный сотрудник отдела книжных фондов И. А. Бочарова

ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ ВСЕХ!

Под таким девизом в Москве 17 сентября 2011 года в помещении театра Содружества актеров на Таганке прошел Конгресс Российского образовательного сообщества. Организаторами крупномасштабного мероприятия, собравшего учителей и педагогов вузов со всей России и регионов, выступили Общероссийское общественное движение «Образование для всех» совместно с КПРФ, разработав законопроект, альтернативный Федеральному закону «Об образовании в РФ».

Судьба российского образования была в центре внимания всех выступавших. Образовательная система в России перестала быть единой и государственной. Из социальной, общественной, творческой ее хотят превратить в сферу услуг. Выстраивая образование по западным лекалам, правительство реализует принцип «Образование — для избранных», для узкого круга политической и экономической элиты. Альтернативный законопроект «Об образовании» в соответствии с Антикризисной программой КПРФ направлен на преодоление деградации России, требует доступного образования для всех. В законе уделено внимание государственной информационно-образовательной политики, нормам финансирования образования из бюджета, уровню зарплаты учителей школ и профессорско-преподавательского состава вузов, пенсионному обеспечению школ. Подробно рассмотрен расчет социальных и академических стипендий, льгот для инвалидов и детей-сирот при поступлении в вузы, проблемы питания учащихся и другие, не менее важные вопросы. Все выступавшие резко осудили порочную политику министра образования, который, по словам докладчиков, выступает против Пифагора, Горького и Королева, допуская исключение из школьных программ основополагающих предметов, что ведет к невежеству и подрывает основы образования и культуры, были встречены с пониманием. Исключение русской литературы из списка обязательных предметов делает не только необязательным знание творчества Достоевского, Чехова, Толстого, Шолохова, но и «необязательной русскую литературу вообще», а это в свою очередь уже приводит к тотальной безграмотности, падению нравов, подрывает основы воспитания. Критике было подвергнуто навязывание России Болонской системы образования. Как выразился Геннадий Андреевич, «бульдозер партии власти продолжает утюжить наше образование». Он также напомнил, что в материалах Нюрнбергского процесса представители вермахта признавались, что проиграли войну армии, бойцы которой были патриотично воспитаны и образованны. «А значит, они проиграли учителю», — под аплодисменты переполненного зала отметил Зюганов, еще раз подчеркнув, какого высокого уровня было в нашей стране всеобщее доступное образование. Инициатива партии об учреждении Дня русского языка 6 июня в день рождения А. С. Пушкина должна дать импульс к единению народа с помощью великой русской культуры. А подтверждая мысль о том, что основа благополучия нации ее просвещенность, Г. А. Зюганов вручил в связи с 300-летием М. В. Ломоносова три первые медали имени великого русского ученого Ж. И. Алферову, Н. Н. Губенко и О. Н. Смолину, который, получая медаль, сказал замечательные слова: «Служу образованию, а значит, России».

Ярким было выступление лауреата Нобелевской премии Жореса Ивановича Алферова, с горечью отметившего, что если в других странах наращиваются объемы исследований, то в России наука едва выживает, теряя свой потенциал. Из-за отсутствия финансирования из России уехали тысячи и тысячи ученых, снижается образовательный уровень выпускников вузов. А ведь качество образования не менее важно, чем его доступность. Но не секрет, что, чтобы выжить и содержать семью, преподаватели работают в нескольких местах, что не способствует качеству обучения. Ученый горячо и убедительно говорит о необходимости сохранения научных школ в

рамках Российской Академии наук и других научных центров страны, о необходимости законодательно запретить приватизацию учебных и научных заведений.

С новым, альтернативным законом «Об образовании» собравшихся детально, по всем пунктам, ознакомил Олег Николаевич Смолин, зам. председателя Комитета по образованию в Госдуме, который подчеркнул, что соавторами этого проекта можно считать полстраны. Каждый пункт был проголосован и принят единогласно. Аплодисментами встретили требование отмены Федерального закона № 232 о принудительной бакалавризации страны и предложение об участии в Болонском процессе исключительно на добровольной основе. Осужден был и Федеральный закон № 83, расширивший сферу платных услуг в учебных заведениях.

Не дин раз прозвучала фраза о том, что, экономя на образовании малообеспеченных детей, можно разориться на строительстве тюрем.

С интересом были встречены выступления И. И. Мельникова, призвавшего «отчаянно сражаться за образование», Н. Н. Губенко, художественного руководителя театра Содружества актеров, ректора торгово-экономического университета С. Н. Бабурина, заслуженного учителя, члена фракции КПрФ Т. В. Плетневой, кинорежиссера В. В. Бртко, Л. В. Горячевой из Пензы, династия учителей русского языка которой насчитывает более 120 лет и многих других. Все они также ответили на два, поставленных перед собравшимися, вопроса: что вы считаете наиболее опасным в нынешней системе образования, и какие три шага предприняли бы немедленно на месте президента. Много нелестных слов с требованием отставки прозвучало в адрес министра образования Фурсенко, ставшего проводником социально-политического курса, направленного на разрушение страны. А когда был предоставлен «Свободный микрофон», то к нему выстроилось столько желающих сказать свое слово, что, наверно, если б каждому можно было дать хотя бы три минуты, Конгресс продолжался бы и на следующий день. А сказать московским преподавателям и учителям из Омска, Кургана, Томска, Воронежа, Мичуринска, Орла, Тюмени, из Калмыкии, из сельской глубинки было что. Наболело. За полчаса прений мы услышали о преследовании инакомыслящих учителей, о протестных акциях, о нехватке кадров, о копеечных зарплатах, закрытии сельских школ, о слабой и крайне изношенной материально-технической базе учебных заведений. Много говорили о том, что пошлость, заполняющая телеэфир, ослабление патриотического воспитания молодежи, разрыв связи поколений и духовного контакта учителя и ученика, а также экономия на воспитании и образовании ведут к деградации общества.

Говорили так взволнованно, откровенно, открыто, что мне вспоминались строки Роберта Рождественского: «И говорить хоть три минуты правду, хоть три минуты. Пусть потом убьют». И другие, некрасовские: «Учитель! Перед именем твоим позволь смиренно преклонить колени». А стихотворные строчки звучали часто в выступлениях. Л. Горячева вспомнила так свежо прозвучавшие строки великого Хайяма: «Должно быть, плохо школа власть учила, раз милостыней жить страна обречена», а Олег Смолин процитировал сатирическое стихотворение Кони, отца известного адвоката, где смех в зале вызвала строчка: «А для затмения умов есть Министерство просвещения». «Свободный микрофон» достался и заведующему отделом поэзии журнала «Приокские зори» Владимиру Резцову, который прочитал свое ироническое и одновременно горькое стихотворение о судьбе современного учителя. До меня очередь не дошла, хотя и хотела прочитать родившееся после вручения Ломоносовских премий строки.

Старая Истина: «В знаниях — сила».

Как же об этом Россия забыла?

Голос учителя — словно набат:

«Знания всем, а не тем, кто богат».

*Чтоб Ломоносовы вновь прорастали,
Чтоб за открытия давали медали,
Чтобы Россия гордилась умом,
Мы от невежества школу спасем.*

Людмила Авдеева, член Союза писателей России, преподаватель словесности, Москва

Хочу выразить искреннюю благодарность писательнице Наталье Деомидовне Парыгиной за ее книгу «Подвиг хирурга» о легендарном тульском хирурге П. Н. Пушкареве. Наверное, такую книгу мог написать только тот человек, который не понаслышке знает, что такое профессия хирурга и в чем заключается подвиг врача-гражданина, целиком и полностью отдававшим себя людям, с которыми он жил и работал. Книга замечательная. Написана простым и понятным языком. Заставляет задумываться о смысле жизни и судьбе людей, выбравших своей профессией спасение человеческих жизней. Спасибо Наталье Деомидовне за творчество и интересные книги! Также благодарю редакцию журнала «Приокские зори», которая помогла мне связаться с Натальей Деомидовной.

С уважением, Ваш читатель С. Н. Рудаков, Москва

Поздравляю Ваш журнал с награждением орденом Г. Р. Державина — и как читатель, и как автор журнала.

Многократно собирался написать вам письмо, но все откладывал на «потом». Недели три назад (в середине августа) получил бандероль с журналом ПЗ № 2 за 2011 год. Журнал передал в Национальную библиотеку только вчера.

Я свою работу в статистике завершил в июне. С студентами также завершил сессию в июне.

Летом побывал в Северодвинске, где отработал 20 лет на Севмашпредприятии. В городе изменений немного, почти все сохранилось с советских времен (а в советские времена за 20 лет произошли бы колоссальные изменения). Население города сократилось. Предприятие далеко не в хорошей форме. Если в советские времена сдавали до 5—6 заказов (лодок) в год, шла плановая замена лодок и вводились в строй все новые проекты и заказы, то за последние 20 лет построили всего 4 штуки, из которых 3 не плавают (стоят у пирса предприятия), фактически флот выведен из строя, защищаться нечем. Проблема кадров: не осталось людей, которые понимали что и как делать, знали методологию и организации работ, деятельности предприятия (чехарда организационных форм предприятия ФГУП, ОАО и прочее, а также смена «топ-менеджмента»).

Летом на своей даче в деревне стал читать произведения Ленина. Когда в известные времена (90-е и последующие годы) стали уничтожать произведения Ленина, Маркса и прочих, то мне удалось спасти от уничтожения полное собрание сочинений (четвертое издание 50-х годов) Ленина за исключением 6—7 томов и отвезти на дачу. Прочитал «Задачи союза молодежи», «Война с Польшей» и другие. Очень актуально. Поэтому для нынешней власти эти произведения, объясняющие общественные и экономические отношения, пути решения задач и проблем, страшны и не нужны. Ради интереса, спрашивал в книжных магазинах произведения Ленина, Сталина, но таковых в продаже не оказалось.

Юрий Черняков, Ваш автор и читатель, Карелия, Петрозаводск

Здравствуйте, Алексей Афанасьевич!

Я очень благодарна Вам за понимание. Вот, видите: сейчас только полвосьмого, а я уже больше часа как на ногах. Вот у меня выявилось пять минут — отвечаю. Напряженная страда сентября.

Да, издательство «Книга» пришлось переименовать и перепрофилировать — иначе не удавалось выжить в новых условиях. Я пока не занималась статьей о «Катехизисе», просто некогда. Могу только сказать, что общая композиция более напоминает психологический трактат в вольной форме рассуждений от лица исторического деятеля. Я затрудняюсь отнести это произведение к художественной литературе — скорее, это свободный (не строгий) анализ эпохи через персонифицированный монолог ключевой фигуры этой эпохи. Позиция автора — нейтрально-спокойно-доброжелательная — вызывает больше доверия, чем многие страстные убеждения диаметрально полярных сторон.

Основной задачей, поставленной автором перед собой, здесь кажется не повторение общеизвестных исторических факторов, а попытка понимания характера исторического деятеля, с именем которого народы мира связывают особенности протекания исторического процесса в странах Советского блока в период бурного развития и строительства СССР. Тогда одновременно закладывались основы могущества огромного государства — и будущего упадка и распада.

В показе характера персонажа мне лично не хватает динамики. Очень извиняюсь, что пишу в спешке, на бегу, урывками. Пока по-другому не получается.

Искренне, Камелия Санрин, Роял Танбридж Велс, Великобритания

Итак, очередной номер журнала «Приокские зори» (2-й, 2011 год) состоялся. Многого может взять из этого номера в свою литературную копилку и начинающий писатель, и умудренный опытом.

В последние годы появляется обилие литераторов, к сожалению, недостаточно образованных, как вообще, так и в литературной области. Рассматривая с этих позиций журнал «Приокские зори», следует отметить: огромную работу ведут его авторы во главе с главным редактором и членами редколлегии. Кто сегодня помнит имя В. Г. Белинского? Критик? Что-то там писал о литературе? Так это когда было?

А это не было, это есть. Статьи В. Г. Белинского помогают понять, что же в литературе нужно, что пока несовершенно, но может быть подправлено, а что лучше бы и не рождалось. И хотя сегодня мы смотрим подчас иными глазами на творчество Тредиаковского, Хераскова, Фонвизина, а, возможно, и Пушкина, очень важно понять: ни одно критическое слово, как впрочем, и слово поэта и прозаика, не пропало. Оно поднимает литературные всходы и укрепляет силу мощных словотворческих ветвей прекрасного древа, названного литературой.

Замечательно, что очередной номер журнала открылся статьей о В. Г. Белинском, в которой четко прослеживается единство взглядов на литературу в прошлом и сегодня, и статьей самого Виссариона Григорьевича. Удивительно, однако эта статья сегодня, когда литература в очередной раз находится на перепутье (а иначе она и не может, иначе скиснет, словно некачественное вино), эта статья мэтра критического слова актуальна и заставляет задуматься.

Далее, что ни имя, что ни страница, так душу захватывает. Невозможно охватить все. Иначе обзор превратился бы в журнал о журнале. Мне бы хотелось выделить те произведения, которые при прочтении, здесь и сейчас, особенно воздействовали на душу одного из читателей, волею судьбы оказавшегося и автором этого журнала.

По силе воздействия я бы, для себя, поставила рассказ Игоря Карлова «В соседней палате». Может, у кого-то другое мнение, а у человека, недавно столкнувшегося

с больницей, в которой лежат-лечатся престарелые люди, это рассказ вызовет боль, горечь и стыд. И дальше скажу слова, которые покажутся здесь неуместно-легкомысленными, и все же их скажу, поскольку они возникли в моем сердце. Браво, Карлов! Поклон тебе великий за то, что не отстранился от проблемы, не решил: что это серо и скучно. А сумел, с горькой усмешкой, пристыдить всех нас, допускающих напрасность крика бедной старухи: «Люди добрыи! Помогитя!».

Далее листаю журнал. Наум Ципис. «Шел трамвай девятый номер...» Автор вспоминает свою жизнь, пытается в ней разобраться, вычленив тот сплав, который из глубины лет держит его на плаву писательской и человеческой жизни. Удивительный словотворец — Наум Ципис! Какие изюминки в речи! «В этом, как в Виннице, нужно родиться» или «жизнь, она и в трамвае жизнь». Идет трамвай, или троллейбус-автобус. И что там примечательного? Духота да теснота. Ан нет. У мастера в любом деле, в каждом событии есть то, что заставляет размышлять, анализировать. А слог!? Этому же учиться надо, если, конечно, способен учиться. У каждого писателя — свой стиль. Если он у тебя есть — оцени стиль другого, а если пока не сформировался, подумай над тем письмом, которое дарит тебе судьба. И чтобы рядом был тот, кто «пришел к нам из справедливости, такой редкой субстанции Космоса».

История полковника Хмурова — еще одна замечательная «страничка» журнала. И воспоминания (читателя) о «славном социалистическом прошлом», где ничего не проходит напрасно, и «ералаш современности», в котором все неясно и непредсказуемо. И острое многомерное слово писателя. И фантастика. Однако мы с вами помним, иные фантасты будущую реальность угадывали. Эка, возьми-ка, да и окажись «в самом конце третьего века семнадцатого тысячелетия первого цикла летоисчисления». И не знаешь, радоваться ли за полковника (вон куда определился!), либо печалиться (что там сегодняшнему человеку делать? Быть артефактом 2010 года древнего христианского летоисчисления?). Повела ученого литератора фантазийная нить. Читала и думала: как выберется? Выбрался традиционно — с помощью сна. Только в этом рассказе полнотой ясности нет — во сне ли все совершалось, или в будущее кто-то дал заглянуть?

Ай-я-яй, есть же подарки судьбы?! «Трансформация» Сергея Овчинникова. Еще один замечательный рассказ. Рассказ-напоминание: ничего не проходит бесследно. Ни смерть собаки, которая «единственная меня любила». И надо ли было ее убивать, чтобы состояться в жизни? Ни физкультурные занятия богатеев, что обзавелись новенькой «Ауди». Все равно жизнь промчалась, и не так уж приятно оказаться «виновницей» воинственного танца «победителя жизни».

И добрый рассказ «Ангел». Кто знает, может этот «ненастоящий» ангел и помог Кате, а заодно и себе? В малых добрых делах хранится счастливая жизнь.

Политическая сатира, в которой, с одной, стороны вымышленные герои, а с другой — эти герои страсть как узнаваемы. «Дуэль на ТВ» Вячеслава Михайлова. Нужен ли этот рассказ? Однозначно ответим — да. Живешь в бушующем море политических страстей. Что-то замечаешь, на что-то и внимание не обращаешь. И находится автор, способный высветить то, что и так понятно. Значение этого рассказа в том, что неназойливо напомнили: ты сегодня в этом живешь. И надо разобраться — говоруну тебе и твоей стране на пользу действуют? И есть ли такие люди, которые еще способны воевать за свои убеждения? А нужно ли это на телевидении? И где это нужно? И когда? Почитала, посмеялась, и задумалась.

В борьбе за очищение печатного русского языка ожила Ганна Тарасовна, углядела цель жизни, решив искоренить «хамлюг» и «срамников». И попала в рассказ Геннадия Маркина «Опечатка». Писатель же не сплеховал: передал со всем живописанием, с сохранением языковых особенностей смешную историю. И опять надо думать, чем заниматься, за что и как воевать в нашем воинственном, полуграмотном мире.

Журнальный номер хорош находками тем, сюжетами, речевыми оборотами. Еще много можно говорить о его достоинствах, если бы не замечательная справедливая мысль: читать надо самому, а не в пересказе. Тогда, в соответствии с обещанием Г. Маркина «вместе с городским шумом» ворвется в наши головы и души «свежий воздух». А его нам так не хватает!

Ирина Николаева, профессор, Москва

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЮБИЛЕИ 2012-ГО ГОДА

Информируем наших авторов и читателей о литературных юбилеях наступившего года. В частности, авторы журнала могут на них ориентироваться в сроках представления в «Приокские зори» литературоведческих и публицистических произведений, посвященных классикам русской и советской литературы.

4 января — **200 лет со дня рождения Е. П. Ростопчиной** (1812—1858), поэтессы, писательницы. Поэт П. А. Вяземский называл ее «Московской Сафо».

16 января — 145 лет со дня рождения В. В. Вересаева (1867—1945), русского прозаика, литературоведа.

28 января — 115 лет со дня рождения В. П. Катаева (1897—1986), русского писателя.

В январе: 175 лет назад (1837) состоялась дуэль А. С. Пушкина с Дантесом на Черной речке.

2 февраля — 70 лет назад умер в заключении Даниил Хармс (1905—1942), русский писатель.

23 февраля — 255 лет со дня рождения В. В. Капниста (1757—1823), русского поэта и драматурга.

24 февраля — 120 лет со дня рождения К. А. Федина (1892—1977), русского писателя.

27 марта — **200 лет со дня рождения И. И. Панаева** (1812—1862), русского писателя и журналиста. С 1847 года совместно с Н. А. Некрасовым издавал журнал «Современник».

31 марта — 190 лет со дня рождения Д. В. Григоровича (1822—1899), русского писателя.

31 марта — 130 лет со дня рождения К. И. Чуковского (1882—1969), русского писателя, критика, литературоведа.

6 апреля — **200 лет со дня рождения А. И. Герцена** (псевдоним Искандер) (1812—1870), русского писателя, философа.

10 апреля — 75 лет со дня рождения Б. А. Ахмадулиной (1937—2010), русской поэтессы.

10 апреля — 85 лет со дня рождения В. В. Липатова (1927—1979), русского писателя.

12 апреля — 125 лет со дня рождения Е. И. Дмитриевой (в замужестве Васильева — литературный псевдоним Черубина де Габриак) (1887—1928), поэтессы русского зарубежья.

9 апреля — 120 лет со дня рождения Г. В. Адамовича (1892—1972), писателя, литературного критика русского зарубежья.

19 апреля — 110 лет со дня рождения В. А. Каверина (1902—1989), русского писателя.

22 апреля — 105 лет со дня рождения И. А. Ефремова (1907—1972), русского писателя-фантаста, автора социально-философского романа «Туманность Андромеды» — 55 лет со дня выхода в свет (1957).

28 мая — 135 лет со дня рождения М. А. Волошина (1877—1932), русского поэта, критика, художника.

29 мая — 225 лет со дня рождения К. Н. Батюшкова (1787—1855), русского поэта-лирика, представителя сентиментализма.

29 мая — 120 лет со дня рождения И. С. Соколова-Микитова (1892—1975), русского писателя.

31 мая — 120 лет со дня рождения К. Г. Паустовского (1892—1968), русского писателя.

15 июня — 145 лет со дня рождения К. Д. Бальмонта (1867—1942), русского поэта, критика, представителя символизма в русской поэзии.

18 июня — **200 лет со дня рождения И. А. Гончарова** (1812—1891), русского писателя.

20 июня — 80 лет со дня рождения Р. И. Рождественского (1932—1994), русского поэта.

28 июня — 90 лет назад умер В. Хлебников (1885—1922), русский поэт, теоретик футуризма.

1 июля — 105 лет со дня рождения В. Т. Шаламова (1907—1982), русского писателя, поэта, автора «Колымских рассказов».

7 июля — 130 лет со дня рождения Янки Купалы (1882—1942), народного белорусского поэта.

23 июля — 220 лет со дня рождения П. А. Вяземского (1792—1878), русского поэта, критика, мемуариста.

28 июля — 190 лет со дня рождения Аполлона Григорьева (1822—1864), русского поэта, переводчика, мемуариста, автора знаменитых стихов «О, говори хоть ты со мной...», «Две гитары зазвенев...»

19 августа — 75 лет со дня рождения А. В. Вампилова (1937—1972), русского драматурга, автора пьес «Утиная охота», «Старший сын» и др.

20 августа — 80 лет со дня рождения В. П. Аксенова (1932—2009), русского писателя.

5 сентября — 195 лет со дня рождения А. К. Толстого (1817—1875), русского поэта, писателя, драматурга, автора исторического романа «Князь Серебряный».

11 сентября — 130 лет со дня рождения Б. С. Житкова (1882—1938), русского детского писателя.

25 сентября — 220 лет со дня рождения И. И. Лажечникова (1792—1869), русского писателя, автора романов «Ледяной дом», «Басурман».

29 сентября — 195 лет со дня рождения А. В. Сухово-Кобылина (1817—1903), русского драматурга.

В сентябре 160 лет назад (1852) в журнале «Современник» была опубликована повесть Л. Н. Толстого «Детство», которая сразу же принесла начинающему писателю авторитет и признание в литературной среде.

8 октября — 120 лет со дня рождения М. И. Цветаевой (1892—1941), русской поэтессы.

31 октября — 110 лет со дня рождения Е. А. Пермяка (1902—1982), русского писателя.

2 ноября — 215 лет со дня рождения А. А. Бестужева-Марлинского (1797—1837), русского прозаика, поэта, критика, декабриста.

3 ноября — 125 лет со дня рождения С. Я. Маршака (1887—1964), русского поэта, переводчика, классика детской литературы.

6 ноября — 160 лет со дня рождения Д. Н. Мамина-Сибиряка (1852—1912), русского писателя.

25 ноября — 295 лет со дня рождения А. П. Сумароков (1717—1777), русского драматурга, поэта, представителя классицизма. Вольтер назвал его «славой своего Отечества».

13 декабря — 110 лет со дня рождения Евгения Петрова (Е. П. Катаева) (1902—1942), русского писателя, писал в соавторстве с И. Ильфом.

26 декабря — 150 лет со дня рождения С. Я. Надсона (1862—1877), русского поэта.

26 декабря — 150 лет со дня рождения А. В. Амфитеатрова (1862—1938), русского писателя.

Из зарубежных выбрала следующие:

7 февраля — 200 лет со дня рождения Чарльза Диккенса (1812—1870), классика английской литературы.

28 июня — 300 лет со дня рождения Жан-Жака Руссо (1712—1778), французского писателя и философа эпохи Просвещения, представителя сентиментализма.

25 ноября — 450 лет со дня рождения Лопе де Вега (1562—1635), великого испанского драматурга, поэта.

Составитель Ирина Кедрова, зав. отделом критики «Прикоские зори», Москва

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: В. В. Резцов, А. А. Яшин, Я. Н. Шафран
Корректоры: В. В. Резцов, А. А. Яшин, Я. Н. Шафран
Компьютерный набор: авторы, Л. П. Хохлова
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Подписано в печать 01.03.2012
Формат 70×108/16. Печ. л. 17,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в издательстве Тульского государственного университета,
300012, г. Тула, проспект Ленина, 92

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Наш журнал, как и большинство современных российских изданий, не имеет твердой финансовой базы. Издается он исключительно заботой и энергией редакционной коллегии. Кроме того, мы с самого начала издания журнала отвергли практику (порочную в своей основе) взимания оплаты публикаций с авторов.

Единственно, чем вы можете посылить помочь редколлегии — это снять с нее финансовую заботу по первоначальному компьютерному набору текстов ваших произведений. Понятно, что литератор любит писать «от руки», в лучшем случае — на пишущей машинке. Но, полагаем мы, все же задача компьютерного набора решается каждым из вас: наверняка у каждого есть родственники, знакомые, друзья, владеющие компьютерной грамотностью. Наконец, сейчас широко развита сеть наборных услуг, вполне приемлемых по цене оплаты. В конце концов, каждый может позаботиться о судьбе своего детища — своего произведения.

Поэтому просьба предоставлять свои произведения в компьютерном наборе: CD-RW с файлом текста и 2 экземпляра распечатки. Набирать текст шрифтом Times New Roman Ctr, размер 14 через 1,5 (компьютерных) интервала.

Обязательно приложите свое черно-белое или цветное фото и краткую биографическую справку.

Желательно все скомпоновать по образцу публикаций в «Приокских зорях». Просьба не присылать материалы «на выбор», а только то, что Вы хотите видеть опубликованным в одном номере журнала.

С признательностью — редколлегия журнала

**ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ
ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»
УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:**

**Орден Гаврилы Романовича
Державина — знак литературно-
общественной премии
«Живи и жить давай другим...»
(Г. Р. Державин «На рождение
царицы Гремиславы».
Л. А. Нарышкину)**

**Медаль «300 лет
Михайлу Васильевичу Ломоносову —
в честь 300-летия со дня рождения
великого русского ученого-
энциклопедиста и основоположника
современной русской поэзии**

**Медаль к 190-летию
со дня рождения великого
русского поэта
Николая Алексеевича Некрасова —
знак лауреата Некрасовской
литературной премии**

**НАГРАЖДЕНИЕ ЛАУРЕАТОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПРЕМИИ
«ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА ЗА 2010 ГОД**

Диплом лауреата Николаю Алексеевичу Макарову вручает тогдашний заместитель губернатора Тульской области Аркадий Алексеевич Чмуневич. Место вручения — Администрация Тульской области

Наум Эфроимович Ципис после вручения диплома лауреата в «славянской» библиотеке Бременского университета (Германия). Диплом вручил на заседании Бременского общества русской культуры его председатель профессор Ефим Брусиловский

**ПОЗДРАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ
ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА ЗА ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ
В ЖУРНАЛЕ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» В 2011 ГОДУ**

Рудольф Георгиевич Артамонов — в жанре прозы. Удостоен звания лауреата за «Повесть о русской Сольвейг» («ПЗ» №№ 1—3, 2011). Доктор медицинских наук, профессор, известный врач-педиатр. Живет и работает в Москве.

Владимир Георгиевич Бояринов — в жанре поэзии. Удостоен звания лауреата за цикл стихов «Personalia» («ПЗ» № 4, 2011). Член Союза писателей России, председатель Правления Московской городской организации Союза писателей России. Живет и работает в Москве.

Валентин Викторович Киреев — в жанре поэзии. Удостоен звания лауреата за цикл стихов «Personalia» («ПЗ» № 1, 2011). Член Союза писателей России, работает преподавателем, руководитель литературных объединений гг. Новомосковска и Богородицка Тульской области, Почетный гражданин города Богородицка. Живет и работает в Новомосковске.

Наталья Валентиновна Квасникова — в жанре публицистики. Удостоена звания лауреата за очерк «Вниз по лестнице, ведущей вверх» («ПЗ» № 4, 2011). Член Союза писателей России, работает преподавателем. Живет и работает в Москве.